PG3337
.O8
Z6556
1912

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

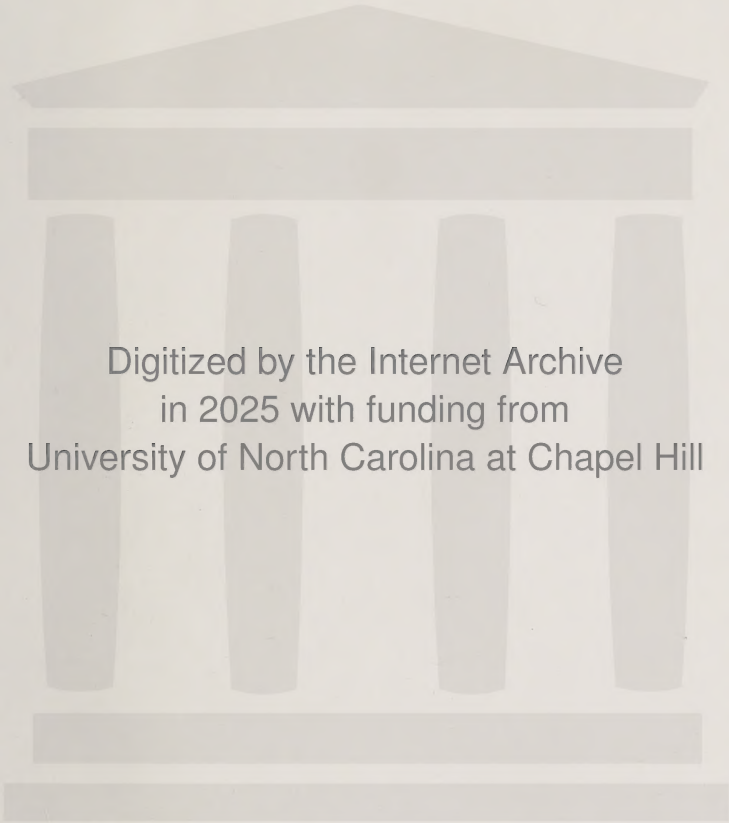
PG3337
.O8
Z6556
1912

a 00003 012420

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.

Form No. 513,
Rev. 1/84


Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/kistoritekstapro00kash

509 п/73

Стар. 3660.

Н. П. Кашинъ.

Этюды объ

А. Н. Островскомъ.

Томъ II.

ᘓ.ᘓᘓ

Спб. 3660.

Н. П. Кашинъ.

ЭТЮДЫ

ОБЪ

А. Н. Островскомъ.

Томъ II.

Ст. 3660.
PG-3337
.08
Z6556
1912
Проверено
1953

КЪ ИСТОРІИ ТЕКСТА

ПРОИЗВЕДЕНІЙ

А. Н. Островскаго.

39046
~~77677~~.
LK ISTORII
TEKSTA
PROIZVEDENII
A. N.
OSTROVSKAGO
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1912.

Московскому

Румянцевскому музею.

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящій второй томъ моихъ «Этюдовъ», составившійся изъ статей, частью напечатанныхъ (въ «Извѣст. Отд. рус. яз. и слов.»), частью появляющихся впервые, посвященъ изученію рукописей нашего великаго драматурга, именно произведеній перваго періода его дѣятельности, который заканчивается «Грозой». Я поставилъ себѣ задачей это кропотливое изслѣдованіе, чтобы уяснить ходъ и развитіе творчества Островскаго. Конечно, оно не можетъ уяснить всецѣло это развитіе. Такъ, напр., возьмемъ хотя бы вопросъ о такъ называемомъ вліяніи, или, въ болѣе широкомъ смыслѣ, о литературной культурѣ Островскаго, т.-е. вопросъ о томъ, у кого такъ или иначе учился нашъ драматургъ своему искусству. Какъ разъ изученіе же рукописей натолкнуло меня на нѣкоторыя данныя, которыя, какъ я полагаю, даютъ основаніе для рѣшенія этого вопроса по отношенію къ нѣкоторымъ произведеніямъ нашего писателя. Но за однимъ исключеніемъ все это произведенія, появившіяся послѣ «Грозы». А между тѣмъ само собою разумѣется, что этотъ вопросъ имѣетъ свое значеніе, можетъ быть еще большее, и по отношенію къ изучаемому нами періоду дѣятельности Островскаго. Какъ мнѣ приходилось говорить въ I-мъ томѣ «Этюдовъ», такой вопросъ ставили о комедіи «Бѣдность не

порокъ», сопоставляя ее съ передѣлкой пьесы «L'oncle Baptiste». Самъ я сопоставлялъ «Доходное мѣсто» съ «Ябедой» Капниста и «Горемъ отъ ума» Грибоѣдова. Возможно, что будутъ дѣлать такого же рода сопоставленія и другихъ произведеній нашего драматурга, появившихся до «Грозы». Но въ настоящемъ случаѣ данныхъ для подобнаго рода сопоставленій пока не представляется, поэтому я ограничилъ свою задачу изученіемъ только рукописнаго матеріала и смѣю надѣяться, что мой трудъ не пропалъ даромъ.

Мнѣ могутъ сдѣлать упрекъ, что я не изучилъ всѣхъ рукописей (за данный періодъ, разумѣется) безъ исключенія, но нѣкоторыя изъ нихъ не представляютъ особеннаго интереса, даже такія, какъ «Праздничный сонъ до обѣда», а другія, къ несчастью, остались мнѣ неизвѣстны. Такъ мнѣ невыразимо жаль, что я не могъ ознакомиться съ рукописью «Доходнаго мѣста», но гдѣ она, я не знаю. Мнѣ все-таки кажется, что теперь послѣ произведеннаго мною разслѣдованія рукописей можно уяснить себѣ очень многое въ развитіи творчества Островскаго, хотя бы за первый періодъ его дѣятельности, въ созданіи его типовъ, чѣмъ и оправдывается появленіе въ свѣтъ настоящей книги.

Почти всѣ рукописи Островскаго хранятся въ Румянцевскомъ музеѣ, въ рукописномъ отдѣленіи котораго я и работалъ и продолжаю работать надъ ихъ изученіемъ, всегда встрѣчая радушный пріемъ со стороны лицъ, завѣдующихъ отдѣленіемъ — Г. П. Георгіевскаго и В. В. Пасхалова. Я пользуюсь случаемъ отъ души поблагодарить ихъ. Но еще раньше, въ мои студенческіе годы, я постоянно работалъ подъ гостепріимнымъ кровомъ читальной залы Румянцевскаго музея, пятидесятилѣтіе котораго со дня перемѣщенія его въ Москву испол-

нилось въ нынѣшнемъ году. Какъ одинъ изъ многихъ, безконечно обязанный музею, я спѣшу выразить ему свою искреннюю и сердечную признательность и не имѣю для этого лучшаго средства, какъ посвятить настоящую книгу тому учрежденію, въ стѣнахъ котораго она, такъ сказать, зародилась и которому не только я, но и многіе пожелаютъ дальнѣйшаго процвѣтанія.

Н. К.

Москва.
Августъ 1912 г.

I.

„Семейная картина“ („Исковое прошеніе“) [1]).

Въ отчетѣ Румянцевскаго музея за 1886 — 1888 гг. среди рукописей А. Н. Островскаго подъ № 3097 значится между прочимъ «Старый другъ лучше новыхъ двухъ». Въ дѣйствительности же въ данной рукописи къ названной комедіи относится только одинъ листъ, на которомъ помѣщенъ планъ комедіи да отрывочныя замѣчанія и наброски, нѣкоторые, повидимому, изъ другой пьесы.

Далѣе же въ настоящей рукописи идетъ комедія: «Исковое прошеніе». Это первоначальная редакція «Семейной картины», второго произведенія А. Н. Островскаго. Что текстъ нашей рукописи можно назвать именно первоначальной редакціей, а не только наброскомъ комедіи, видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

Въ рукописи находится только 1-е дѣйствіе. Это обстоятельство въ связи съ заглавіемъ «Исковое прошеніе» показываетъ, что авторъ задумалъ не просто одноактную «Семейную картину», а комедію, очевидно, въ нѣсколько актовъ, но почему-то своего намѣренія онъ въ исполненіе не привелъ и впослѣдствіи первый актъ этой комедіи передѣлалъ въ одноактную пьесу. Причиной этого, быть можетъ, послужило то, что автору еще было не подъ силу написать пьесу въ нѣсколько актовъ, или же просто желаніе поскорѣе увидѣть свое произведеніе въ печати. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ упомянуть о работѣ надъ коме-

---

[1]) Этотъ этюдъ былъ напечатанъ въ „Изв. Отд. р. я. и слов.“ 1909, кн. 3, стр. 232.

дѣй «Свои люди—сочтемся». И тамъ первоначально былъ напечатанъ одинъ отрывокъ, хотя, правда, было указано, что это сцены изъ комедіи, но впослѣдствіи авторъ все-таки окончилъ свою комедію. Въ данномъ же случаѣ отрывокъ принялъ законченный видъ, да и авторъ болѣе не возвращался къ нему.

Въ виду того, что текстъ этого одного изъ раннихъ произведеній Островскаго заслуживаетъ особеннаго вниманія и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ любопытныя различія сравнительно съ печатнымъ текстомъ «Семейной картины», я считаю необходимымъ напечатать его цѣликомъ. (См. далѣе приложеніе 1-е.) Теперь же остановимся на различіи этой редакціи комедіи отъ печатной.

Первое ея отличіе состоитъ въ томъ, что молодые люди, симпатіи двухъ дамъ нашей комедіи, проходятъ мимо дома Пузатовыхъ, тогда какъ въ печатномъ текстѣ Дарья ходила къ нимъ. Потомъ въ печатномъ текстѣ выброшены ихъ письма, очевидно, потому, что безъ нужды затягивали дѣйствіе, а также и отвѣтное письмо Матрены Савишны. Далѣе отношенія двухъ молодыхъ женщинъ, Матрены Савишны и Марьи Антиповны, въ рукописномъ текстѣ иныя, нежели въ печатномъ: въ послѣднемъ нѣтъ совершенно жалобъ первой на вторую, что «навязалась эта дѣвчонка на шею». Всѣ эти подробности исключены, вѣроятно, въ связи съ вышеупомянутыми письмами. Затѣмъ конецъ дѣйствія въ рукописи первоначально былъ иной, а именно шло сватовство Марьи Антиповны не за самого Ширялова, а за его сына. На эту деталь слѣдуетъ обратить вниманіе, потому что впослѣдствіи новый мотивъ, введенный въ пьесу, женитьба старика на молодой, будетъ играть видную роль и въ комедіи «Бѣдность не порокъ». Наконецъ я уже не говорю о томъ, что введены и исключены нѣкоторыя мелкія подробности, какъ, напр., вставлена первая длинная реплика Марьи Антиповны, замѣчаніе объ офицерѣ, исключено замѣчаніе Степаниды Трофимовны о томъ, что Лопатиха ей кое-что сказывала, и т. д.

Всѣ эти измѣненія сдѣланы не въ нашей рукописи; слѣдовательно, комедія, въ которой мы уже въ нашей

рукописи находимъ поправки и передѣлки, еще разъ подвергалась пересмотру и переработкѣ, и, надо полагать, при этомъ пересмотрѣ она и получила свое настоящее заглавіе «Семейная картина».

Отмѣченныя выше отличія рукописнаго текста отъ печатнаго, какъ я думаю, даютъ основаніе утверждать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ первоначальной редакціей комедіи.

Любопытно было бы прослѣдить хотя бы то, какъ предполагалъ Островскій обработать весь сюжетъ задуманной имъ комедіи въ ея цѣломъ, но отсутствіе плана комедіи, какой мы часто встрѣчаемъ у нашего автора въ другихъ его произведеніяхъ, лишаетъ насъ возможности сдѣлать это. Почему нѣтъ плана? Быть можетъ, потому, что въ то время у нашего драматурга еще не было обыкновенія первоначально набрасывать его, можетъ быть, потому, что онъ просто-на-просто затерялся и не дошелъ до насъ или же еще не открытъ, попавъ въ другую рукопись, хотя послѣднее маловѣроятно.

II.

„Свои люди — сочтемся“ [1]).

(Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.)

Вполнѣ понятенъ тотъ интересъ, съ которымъ приступаешь къ изученію рукописи такой комедіи, какъ «Свои люди — сочтемся», которая сразу выдвинула автора на видное мѣсто въ ряду современныхъ ему писателей и обратила на него всеобщее вниманіе. Рукопись комедіи была подарена авторомъ М. И. Семевскому въ бытность его въ Москвѣ въ 1855 г. и въ 1891 г. была напечатана въ «Русской Старинѣ» [2]). «Рукопись, по словамъ М. И. Се-

[1]) Этотъ этюдъ былъ напечатанъ въ „Изв. Отд. р. я. и сл.“ 1909 г., кн. 3. Теперь онъ переработанъ.

[2]) „Русск. Старина“ 1891, апрѣль, стр. 219—248; іюнь ,стр. 695—718; іюль, стр. 149—169.

мевскаго [1]), собственной руки А. Н., на полулистахъ и въ маленькой тетрадкѣ, въ четвертую долю листа. Этихъ пожелтѣвшихъ отъ времени полулистовъ въ рукописи двадцать четыре, маленькая тетрадь состоитъ изъ пятнадцати четвертушекъ; кромѣ того, имѣется еще три отдѣльныхъ лоскутка бумаги, на которыхъ нанесены авторомъ поправки или варіанты къ отдѣльнымъ сценамъ» [2]). Въ Румянц. музеѣ подъ № 3097 сохранилось еще 11 листовъ рукописи данной комедіи, очень любопытныхъ, такъ какъ они являются дополнительными къ тому, что было подарено А. Н. Островскимъ М. И. Семевскому. Именно въ «Русск. Стар.» были напечатаны 1-й актъ, ставшій въ печатномъ текстѣ комедіи II-мъ, затѣмъ III-й и IV-й акты. Такимъ образомъ недоставало II-го рукописнаго акта (печатнаго текста 1-й актъ), который какъ разъ почти цѣликомъ и сохранился въ рукописи Румянцевскаго музея, гдѣ кромѣ того находимъ нѣсколько любопытныхъ набросковъ и къ другимъ актамъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изученію рукописи по отдѣльнымъ дѣйствіямъ и сценамъ, я приведу замѣчанія о ней общаго характера, сдѣланныя М. И. Семевскимъ. «На первой страницѣ рукописи,—пишетъ онъ,—написано вверху: Банкротъ; «такъ я хотѣлъ первоначально наименовать свою комедію», говорилъ намъ Островскій, «но вспомнивъ, что это будетъ по разнымъ причинамъ неудобно, замѣнилъ его русскою пословицею». Далѣе, на той же страницѣ написано: комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ: «Я имѣлъ въ виду первоначально раздѣлить свою комедію», говорилъ Островскій, «на пять актовъ (и это былъ 1-й актъ, который потомъ явился въ печати 2-мъ актомъ), но вслѣдствіе замѣчаній нѣкоторыхъ слушателей моей комедіи я сократилъ ее въ четыре акта, но какъ содержаніе, такъ и число явленій осталось то-же: такимъ образомъ, комедія получила только болѣе длинныя дѣйствія» [3]).

Относительно работы драматурга надъ его комедіей М. И. Семевскій пишетъ: «Цензура, по словамъ самого

---

[1]) Ее мы будемъ называть рукописью Семевскаго.
[2]) „Русск. Стар.“ 1891 г., апрѣль, стр. 220.
[3]) Тамъ же, стр. 220.

автора, не прикоснулась къ его комедіи; добавимъ отъ себя: защита гр. Закревскаго и другихъ именитыхъ поклонниковъ таланта великаго нашего драматурга спасла «Своихъ людей» отъ придирчивости цензуры. Итакъ, не цензура, но самъ авторъ, очень много потрудившійся надъ «Банкротомъ»—«Свои люди—сочтемся», виновникъ того громаднаго числа помарокъ, передѣлокъ, вставокъ и переписокъ, которыя мы находимъ въ драгоцѣнной, намъ принадлежащей, рукописи «Своихъ людей»; это доказываетъ, какъ добросовѣстно трудился авторъ, съ какою любовью къ искусству онъ продолжалъ наблюдать бытъ, изъ котораго онъ выводитъ своихъ героевъ и героинь; каждая вновь подмѣченная черта, манера выраженій, даже слово, проскользнувшее незамѣтно для обыкновеннаго человѣка, получали, какъ видно изъ рукописи, значеніе и мѣсто у А. Н. Островскаго. Съ 1846 по 1850 годъ трудился онъ надъ «Своими людьми», и общій восторгъ, съ какимъ было встрѣчено это произведеніе и съ какимъ оно всегда читается и исполняется на сценѣ, да и будетъ всегда читаться и исполняться, лучше всего показываетъ, какъ блистательно увѣнчался продолжительный трудъ геніальнаго писателя» [1]).

Какъ извѣстно, еще въ 1847 году Островскій напечаталъ въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» сцены, вошедшія впослѣдствіи въ нашу комедію въ переработанномъ видѣ. Хранящіеся въ Румянцевскомъ музеѣ остатки рукописи, помѣченные на обложкѣ: «Свои люди — сочтемся. 1849», также свидѣтельствуютъ о неоднократной передѣлкѣ текста комедіи.

Монологъ Тишки, т.-е. первое явленіе I-го дѣйствія рукописнаго текста, отличается немногими словами отъ печатнаго, въ которомъ рукописное 1-ое дѣйствіе стало вторымъ, а потому перехожу ко 2-му явленію этого акта. Конца 2-го явленія, послѣ словъ: «цыцъ, дьяволенокъ», также монолога Подхалюзина, составляющаго 3-е явленіе, въ рукописи Семевскаго не сохранилось, сохранились они какъ разъ въ рукописи Румянцевскаго музея (№ 3097,

---

[1]) Тамъ же, стр. 221.

л. 2 и 8). Какъ разъ во 2-мъ явленіи есть разночтенія. Реплика Подхалюзина: «Языкомъ-то стиралъ. Что за пыль на зеркалѣ нашелъ! Покажу я тебѣ пыль! Ишь ломаешься! А вотъ я тебѣ заклею подзатыльника, такъ и ты будешь знать», въ рукописи читается такъ: «Языкомъ-то стиралъ! Что за пыль на зеркалѣ нашелъ! Покажу я тебѣ пыль! Ишь ломаешься! Ужъ коли ломаться, такъ ступай на балконъ (?) подъ Новинское. А вотъ я тебѣ заклею подзатыльника; такъ ты и будешь знать». Остановимся еще на слѣдующемъ мѣстѣ:

«Подхалюзинъ. Важное кушанье! [Ишь ты баринъ какой! Поditко-сь! Былъ Сысой Псоичъ?

Тишка. Извѣстно, былъ.

Подхалюзинъ. Да ты, чертенокъ, говори толкомъ! Зайдти что-ль хотѣлъ?

Тишка. Зайдти хотѣлъ!

Подхалюзинъ Ну, такъ ты сбѣгай на досугѣ].

Тишка. Рябиновки что-ли?...» и т. д.

Все поставленное въ скобки добавлено впослѣдствіи, на свободномъ мѣстѣ и другими чернилами, а въ нашей рукописи послѣ словъ: «Важное кушанье» шло такъ:

«Тишка. Нешто не знаю, что сказать! А вотъ первое дѣло: дома не ночуешь—скажу.

Подх. А когда бы это я не ночевалъ?

Тиш. То-то-сь, смотри! А второе дѣло: помнишь!

Подх. Вѣдь вотъ ты, Тишка какой! Съ тобой съ дуракомъ пива не сваришь. Тебя крести, а ты все въ воду лѣзешь.

Тиш. Чтожъ! Извѣстно! Когда нивѣсть за что ругаешься.

Подх. Какъ нивѣсть за что: тебѣ-же добра желаютъ.

Тиш. Да, знаю я!

Подх. А вотъ Тиша, кабы ты былъ умной-то, ты бы на досугѣ-то сбѣгалъ пока въ погребокъ.

Тиш. [1]) Рябиновки что-ли?

Подх. *(даетъ ему деньги).* Да. [Надо Сусоя Псоича

---

[1]) Предшествующее помѣщено на листѣ 2-мъ, а дальнѣйшее на листѣ 8-мъ, такъ какъ листы нашей рукописи перепутаны: неправильно сшиты.

поподчивать][1]. Вотъ тебѣ цѣлковый, купи полштофа, а сдачу себѣ возьми [на пряники да поставь.....][2].

Тиш. [Въ пустой сундукъ вонъ въ энтотъ?][2].

Подх. Только ты, смотри, проворнѣй...» и т. д. какъ въ печатномъ текстѣ.

Особенность приведеннаго варіанта та, что Подхалюзину приписана черта, которой теперь нѣтъ у него, а именно заискиванье его у Тишки. Черта эта безусловно невѣрная: Подхалюзинъ уже достаточно нажилъ у Большова и достаточно сознаетъ свою силу, чтобы заискивать передъ мальчишкой, а потому Островскій впослѣдствіи переработалъ текстъ этого отрывка.

Послѣ 2-го явленія шло 3-е, т.-е. монологъ Подхалюзина. Въ рукописи Румянцевскаго музея имѣются четыре наброска этого монолога, и притомъ ни одинъ изъ нихъ нельзя считать законченнымъ.

Вотъ эти наброски:

№ 1 (на 1-мъ листѣ).

Лазарь (*одинъ*). «Вотъ бѣда-то! Вотъ она гдѣ бѣда-то пришла на насъ. Что теперь дѣлать-то. Ну плохо дѣло! Ну[3] Не миновать теперь несостоятельнымъ объявиться. [Вотъ оно дѣло-то какого роду][4]. А я-то причемъ останусь. [Я-то][3] Мнѣ[4] куда дѣ(нусь)[3]ться[4]. Въ проходномъ ряду пылью торговать[5]. Вотъ векселя велѣлъ продать (*выним. и счит.*) тутъ тысячъ десятокъ должно быть попользоваться можно. Еще товар(омъ) развѣ какъ-нибудь. Вѣдь вотъ теперь прячемъ его, такъ поприжать гдѣ-нибудь.—(*молч.*)[5]. Да (я бы кажется)[3] (отъ радости)[3] [отъ эд(акого) удовольст.][4] съ Ив(ана вел(икаго) спрыгнуть можно».

№ 2 (на 2 листѣ).

---

[1]) Поставленное въ скобки въ рукописи надписано сверху.

[2]) Поставленное въ скобки въ рукописи зачеркнуто.

[3]) Во всѣхъ случаяхъ цифрой 3 отмѣчено то, что въ рукописи зачеркнуто.

[4]) Во всѣхъ случаяхъ цифрой 4 отмѣчено то, что въ рукописи надписано сверху строки.

[5]) Въ обоихъ случаяхъ, отмѣченныхъ цифрой 5, въ рукописи въ данномъ мѣстѣ поставлены условные знаки.

~~11611~~ 39046

Явленіе 3.

Подхол. *(одинъ)*. «Нашвыряется мальчишка то, золотой будетъ. *(ходитъ задумавшись)*. Вотъ оно что значитъ въ чужихъ-то людяхъ жить,— т. е. не накажи Господи! Дома не ночуешь, кажется не велика важность: а тутъ тебя всякій мальчишка, всякая шельма, такъ мразь какая-нибудь и то утыкáетъ этимъ. А отъ чего? Отъ того, что подначальный человѣкъ,—стало бытъ, есть кому надъ тобой командовать. Прикащикъ ты, ну и живи, какъ слѣдуетъ — не вертись! Нéшто я не съумѣлъ бы чтоли тону-то задавать, да порядки-то разводить? [Хитрость не велика][1]. Да за малымъ дѣло стало, капиталовъ не хватаетъ.— Ну и молчишь.— Тебя ругаютъ, (а ты)[2] на чемъ свѣтъ стоитъ, — а ты кланяйся, да уважай. (*Молч.*)[1].— Другой хозяинъ-то дуракъ эстественный; такъ стоитъ-ли вниманія все его богатство, чтобы его уважать за это! Какъ это разсудить надобно? Выходитъ что не по уму почетъ, а по деньгамъ. Нажилъ деньги, вотъ и уменъ!— Да какъ ихъ наживешь-то. Послышишь тотъ богатъ, другой богатъ! А какъ онъ разбогатѣлъ-то спросить у него! Нынче честнымъ-то манеромъ не скоро разбогатѣешь! А ухватилъ кого за воротъ, да вытрясъ мошну-то, такъ и богатъ[3]. Вотъ они какъ богатѣютъ-то; а ты послѣ ему кланяйся да потрафляй по его. [Теперь хоть-бы Сам. Силычъ какую политику ведетъ! Кредиторовъ грабитъ, а меня совѣсти учитъ: ты, Лазарь, живи по чести; противъ хозяина своего не грѣши; ты, говоритъ, совѣсть знай!— Извѣстное дѣло надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать нужно!— Противъ хорошаго человѣка у всякаго совѣсть есть; а коли онъ самъ другаго обманываетъ, такъ какая-же тутъ совѣсть!— А извѣстно С(амсонъ) С(илычъ) это одинъ только отводъ дѣлаетъ; ты, дескать, служи мнѣ да усердствуй; а я вотъ награблю полмилліона да опосля всего этаго тебѣ спасибо скажу. Такъ нѣтъ погодите С(амсонъ) С(илычъ)! Эдакъ не приходится.

---

[1]) Поставленное въ скобки — позднѣйшая выставка: писано блѣдными чернилами.

[2]) Цифрой 2 отмѣчено то, что въ рукописи зачеркнуто.

[3]) Дальнѣйшее также писано блѣдными чернилами.

Чертъ Ваньку не обманетъ, Ванька молитву знаетъ.— При всемъ томъ если я въ этомъ дѣлѣ и попользуюсь чѣмъ-нибудь лишнимъ, такъ по моему понятію, и грѣха ту [7] въ этомъ нѣтъ никакого, потому онъ самъ несправедливо поступаетъ; противъ закону идетъ.— А мнѣ что его жалѣть-то! Вышла линія, ну и неплошай! Онъ свою линію ведетъ, а ты свою статью гони.—С(амсонъ) С(илычъ) купецъ богатѣйшій, — а занимается этимъ дѣломъ можно сказать такъ для провожденія времени,—а я человѣкъ бѣдный.— (*ходитъ*). Толи-бы я еще съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится мнѣ теперича ссориться-то съ нимъ. Потому самому, что не плюй въ колодецъ, годится водицы напиться.— Извѣстное дѣло. Олимп(іада) Самсоновна барышня какихъ въ свѣтѣ нѣтъ]»[2].

№ 3 (на 3-мъ листѣ).

«Лазарь (*одинъ*). Вотъ бѣда-то. Вотъ она гдѣ бѣда-то пришла на насъ! Мы было ужъ и эрестрикъ эдакой написали, что вотъ такому-то столько: а такому-то столько. Анъ вонъ оно дѣло-то куда пошло: къ одному сунулся, нѣтъ, говоритъ, подай всѣ, къ другому — тоже, а третій и вовсе зартачился. Ну какъ-то хозяинъ теперь вывернется. Теперь не миновать за Сус. Псоичемъ посылать. Ужъ онъ какой-нибудь тутъ крючекъ ввернетъ. Вотъ вѣдь они дѣла-то какія! а! [Вѣдь пожалуй эдакъ заставятъ всѣ деньги заплатить [1]. Я то причемъ-же останусь] [3]. Какъ [4] теперь это дѣло разсудить надобно [5]. Товаромъ что-ли? Вѣдь не миновать теперь несостоятельнымъ объявиться. Такъ вотъ товару-то и можно будетъ поприжать гдѣ-нибудь. Насчетъ векселей я тоже 1000 десят. должно быть попользуюсь. Вотъ они, продать велѣлъ (*считаетъ*). Не хватился-бы онъ ихъ теперь; пожалуй, скажетъ, молъ не надо: Тогда что!— скажу продалъ.— Вотъ и все.— А денегъ достану. Чтожъ такое [6]. Говорятъ надо совѣсть знать!

---

[1]) Тутъ въ рукописи поставленъ условный знакъ.

[2]) Поставленное въ скобки все до конца перечеркнуто карандашомъ.

[3]) Во всѣхъ случаяхъ цифрой 3 отмѣчено то, что въ рукописи надписано сверху.

[4]) Передъ словомъ „какъ“ новый условный знакъ.

[5]) Тутъ новый условный знакъ.

[6]) Тутъ новый условный знакъ.

[7]) Зачеркнуто.

Да извѣстное дѣло надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать нужно? Противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть; а коли онъ самъ другаго обманываетъ, такъ какая же тутъ совѣсть. [Самс(онъ) Сил(ычъ) купецъ богат.][1]. Онъ[2] и[1] теперича все это дѣло [можно сказать][1] такъ для провожденія времени затѣялъ, а я человѣкъ бѣдный! Если и попользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь лишнимъ — такъ [что-жъ за бѣда][2] [и грѣха нѣтъ][1] никакого; потому онъ самъ несправедливо поступаетъ, противъ закона идетъ. А мнѣ что его жалѣть. Вышла линія, ну и не плошай: онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони. Одно вотъ только дѣло маленько — тово-съ! За сердце забираетъ. Вѣдъ придетъ эдакая фантазія въ голову человѣку! Конечно Алимпіада Самсоновна барышня образованная, и можно сказать какихъ на свѣтѣ нѣтъ. А этотъ женихъ, что теперича просватали, ее не возметъ. Скажетъ, денегъ дай. А денегъ гдѣ взять. И теперь ей за благород(нымъ) не быть, потому денегъ нѣтъ. Рано-ли, поздно-ли, а придется за купца отдавать. (*молч.*). А что какъ эдакъ понабравши деньжонокъ-то, да поклониться Самс. Силычу дескать я, Самсонъ Силычъ, въ такихъ лѣтахъ, что долженъ подумать о продолженіи потомства, и я, молъ, Самсонъ Силычъ, для вашего спокойствія пота-крови не жалѣлъ. Конечно, молъ, Алимпіада Самсоновна барышня образованная, да вѣдь и я, Самсонъ Силычъ, не лыкомъ шитъ. сами изволите видѣть, имѣю капиталецъ и могу съ женой во всякомъ[1] продовольствіи жить. Отъ чего-жъ и не отдать за меня? Чѣмъ я не человѣкъ? Ни въ чемъ не замѣченъ, къ старшимъ почтителенъ! Да (и зо)[5] при всемъ томъ[3] такъ[1] и закладной-то можно пугнуть[4]. Вѣдь С(ам-

---

[1]) Во всѣхъ случаяхъ цифрой 1 отмѣчено то, что въ рукописи надписано сверху.

[2]) Въ обоихъ случаяхъ цифрой 2 отмѣчено то, что въ рукописи зачеркнуто.

[3]) Тутъ стоитъ знакъ, показывающій, что послѣ этихъ словъ нужно читать фразу: „вѣдь С. С. мнѣ заложили домъ и лавки-то.

[4]) Тутъ также условный знакъ въ связи съ фразой, приведенной въ примѣч. 3.

[5]) Во всѣхъ случаяхъ цифрой 5 отмѣчено то, что въ рукописи зачеркнуто.

сонъ С(илычъ) мнѣ заложили домъ и лавки-то. [А теперича][2] [вотъ съ самой-то той поры, какъ С(амсонъ) С(илычъ) заложили мнѣ домъ, сталъ я совсѣмъ влюбленный][3]. Такъ вотъ все и мерещится, что этотъ домъ мой, что живемъ мы съ А(лимпіадой) Сам(соновной) во всякомъ продовольствіи (*изъ стар.*)».

№ 4 (на листѣ 10-мъ).

«А то неужто какимъ-нибудь подъячимъ наживать давать.— Если я попользуюсь чѣмъ нибудь лишнимъ — все для нихъ же, всетаки съ добрымъ намѣреніемъ.— Сдѣлавши все это добрымъ порядкомъ, какъ слѣдуетъ, могу тогда сказать:[4] дескать Сам(сонъ) Сил(ычъ), я для вашего спокойствія [и благоденствія][1] пота, крови не жалѣлъ, и не столько молъ[2] для васъ, сколько для семейства вашего. Конечно, скажу[1] мол[2], Олимп(іада) Сам(соновна) барышня образованная-съ; да вѣдь и я, Сам(сонъ) Сил(ычъ), не лыкомъ шитъ, сами изволите видѣть, имѣю капиталецъ и могу съ женой во всякомъ продовольствіи жить[5]. [Да и при всемъ томъ, скажу, я въ такихъ лѣтахъ, что долженъ подумать о продолженіи потомства.— (*молч.*)][1]. Отъ чего-жъ и не отдать за меня[6]. Чѣмъ я не человѣкъ! Ни въ чемъ не замѣченъ, къ старшимъ почтителенъ; только что вотъ развѣ не дворянинъ[7]. Разумѣется, не задумай Сам(сонъ) Сил(ычъ) эдакое можно сказать ухищреніе, мнѣ объ этомъ предметѣ и думать-бы нечего, не отдали-бы за меня ни за какія благополучія. А какъ Самсонъ-то Силычъ рѣшился, такъ ужъ я дерзнулъ на такое посягательство въ мысляхъ насчетъ Олимпіады Самсоновны. Притомъ[8] узнамши-то характеръ Сам. С-ча, каковъ онъ есть, это и очень можетъ[1] могло[2] случиться. У него[1] нихъ[2] такое заведеніе: коли ему[1] имъ[2] что по-

---

1) Во всѣхъ случаяхъ 1 отмѣчено то, что въ рукописи зачеркнуто.

2) Во всѣхъ случаяхъ 2 отмѣчено то, что въ рук. надписано сверху.

3) Поставленное въ скобки писано карандашомъ, за исключеніемъ словъ: „А теперича“.

4) Тутъ условный знакъ.

5) Новый условный знакъ, напоминающій печатную букву Е.

6) Новый условный знакъ, какъ бы О, перечеркнутое два раза.

7) Новый условный знакъ: двѣ отвѣсныя параллельныя линіи, пересѣченныя третьей горизонтально, т.-е. какъ бы буква Н.

8) Новый условный знакъ.

пало въ голову, уже ничѣмъ не выбьешь оттедова. Вотъ теперь затѣяли дѣло, ужъ и не отстанутъ, ужъ это значитъ кончено, [рано-ли поздно-ли а будетъ такъ] [1]. Все равно какъ въ четвертомъ году захотѣли бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали — нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да и обрили. Такъ вотъ и это дѣло: потрафь я по нихъ хорошо, или такъ взойди имъ въ голову—завтра-же скажетъ [2] подъ вѣнецъ, и баста, и разговаривать не смѣй. [Чтобы я тогда сдѣл(алъ), поди прочь да и только] [4]. Стало-быть теперь все въ томъ и состоитъ, чтобы не выдали какъ-нибудь Олимпі(аду) С-ну за мужъ до окончанія этой процессіи. А то останусь я какъ ракъ на мели. И Олимпіада-то Сам-на, можно сказать, красота неописанная, да и домъ-то, и лавки-то, все [это пойдетъ въ чужія руки: не видать мнѣ ничего, какъ ушей своихъ] [2] [бы это было наше] [3]. [Да отъ эдок(ого) удов(ольствія) съ И(вана) вел(икаго) спрыгн(уть) можно]» [4].

Набросокъ № 1-й несомнѣнно самый ранній, какъ наиболѣе краткій: «въ немъ сдѣланъ только самый глухой намекъ, повидимому, на тотъ планъ, который создается въ головѣ Подхалюзина: «да отъ этакого удовольствія съ Ивана Великаго спрыгнуть можно». Самый же монологъ совершенно не разработанъ. Любопытно, что ни во 2-мъ, ни въ 3-мъ наброскахъ этой послѣдней фразы нѣтъ, а въ 4-мъ она написана на поляхъ и другимъ почеркомъ: очевидно, позднѣйшая вставка.

Въ наброскѣ № 2-й наоборотъ много лишняго: таковы, напр., всѣ эти разсужденія о Тишкѣ, о жизни приказчика, о томъ, какъ богатѣютъ купцы. Они совершенно излишни потому, что все это какъ нельзя болѣе ярко выражается въ самыхъ этихъ типахъ Тишки, Подхалюзина и Большова, такъ что разсужденія эти вносятъ чуждый драмѣ

---

[1]) Поставленное въ скобки написано на поляхъ.

[2]) Въ обоихъ случаяхъ цифрой 2 отмѣчено то, что въ рукописи зачеркнуто.

[3]) Поставленное въ скобки въ рукописи надписано сверху.

[4]) Поставленное въ скобки написано на поляхъ и другимъ почеркомъ; тѣмъ же почеркомъ надписаны сверху слова: „бы это было наше“.

эпическій элементъ, къ тому-же разъясняющій то, что и безъ того ясно, а потому они впослѣдствіи и были исключены авторомъ. Любопытно то, что въ этомъ наброскѣ зачеркнуто какъ разъ то, что впослѣдствіи, конечно, въ переработанномъ видѣ вошло въ монологъ Подхалюзина. Хотя этотъ набросокъ значительно длиннѣе перваго, но, какъ мы видѣли, многое изъ него было потомъ исключено, а кромѣ того многаго въ немъ сравнительно съ печатнымъ текстомъ все еще не хватаетъ: такъ объ Алимпіадѣ Самсоновнѣ и о планѣ женитьбы на ней сдѣлано только краткое замѣчаніе: «Толи-бы еще я съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится мнѣ теперича ссориться-то съ нимъ. Потому самому, что не плюй въ колодецъ, годится воды напиться.— Извѣстное дѣло, Олимпіада Самсоновна барышня какихъ въ свѣтѣ нѣтъ».

Въ наброскѣ № 3-й, сравнительно очень близкомъ къ печатному тексту, было кое-что и отличное отъ него. Такъ, онъ начинался вложеннымъ въ уста Подхалюзина замѣчаніемъ о «реэстрѣ, сколько кому платить, и неудачей съ этимъ предпріятіемъ объясняется обращеніе къ Сысою Псоичу, между тѣмъ какъ въ печатномъ текстѣ Рисположенскій совѣтуетъ составить такой «реэстрикъ» и итти съ нимъ по кредиторамъ. Впослѣдствіи замѣчаніе о неудачѣ этого хожденія по кредиторамъ вложено въ уста Подхалюзина. Есть одна подробность о векселяхъ, впослѣдствіи также выпущенная: «Не хватился-бы онъ ихъ теперь; пожалуй, скажетъ, молъ не надо: Тогда что!—Скажу: продалъ.— Вотъ и все.— А денегъ достану. Что-жъ такое». Точно также выпущены впослѣдствіи слова, мало идущія къ Подхалюзину: «Одно вотъ только дѣло маленько — тово-съ! За сердце забираетъ». Подхалюзинъ и сердце — два понятія, конечно, несовмѣстимыя. Наконецъ въ данномъ наброскѣ не говорится ничего о самодурствѣ Большова, но подробно уже развитъ планъ женитьбы Подхалюзина на Липочкѣ, чего не было въ двухъ предшествующихъ.

Въ наброскѣ № 4-й несомнѣнно недостаетъ начала, такъ какъ нѣтъ предшествующей страницы. Въ теперешнихъ начальныхъ строкахъ его особенно бросается въ

глаза слѣдующее: «Если я попользуюсь чѣмъ-нибудь лишнимъ—все для нихъ-же, все-таки съ добрымъ намѣреніемъ.— Сдѣлавши все это добрымъ порядкомъ, какъ слѣдуетъ, могу тогда сказать: дескать, Самсонъ Силычъ, я для вашего спокойствія пота, крови не жалѣлъ, и нестолько молъ для васъ, сколько для семейства вашего».... и т. д. Все это замѣчаніе о добромъ намѣреніи, о добромъ порядкѣ идетъ совершенно вразрѣзъ съ личностью Подхалюзина, и вполнѣ естественно возникаетъ вопросъ, когда же былъ написанъ этотъ набросокъ, не раньше-ли наброска № 3-го: по крайней мѣрѣ въ данномъ мѣстѣ этотъ послѣдній значительно ближе къ печатному тексту, чѣмъ № 4-й [1]). Точно также нѣтъ въ № 3-мъ и въ печатномъ текстѣ слѣдующихъ словъ № 4-го: «только что вотъ развѣ не дворянинъ. Разумѣется, не задумай Самсонъ Силычъ эдакое можно сказать ухищреніе, мнѣ объ этомъ предметѣ и думать-бы нечего, не отдали-бы за меня ни за какія благополучія. А какъ Самсонъ-то Силычъ рѣшился, такъ ужъ и я дерзнулъ на такое посягательство въ мысляхъ насчетъ Олимпіады Самсоновны». Но за то въ настоящемъ наброскѣ внесенъ новый мотивъ, подробно здѣсь разработанный, а именно самодурство Большова, чего нѣтъ въ наброскѣ № 3, и что слѣдовательно сближаетъ № 4 съ печатнымъ текстомъ, отъ котораго опять-таки нѣсколько отличается конецъ нашего наброска. Ввиду наличности новаго мотива въ немъ сравнительно съ № 3-мъ трудно отвѣтить положительно на поставленный выше вопросъ, не былъ ли набросокъ № 4 написанъ раньше № 3-го, и я оставляю вопросъ открытымъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти наброски несомнѣнно, по крайней мѣрѣ еще разъ, подверглись переработкѣ. Во всякомъ случаѣ можно установить поразительную медленность и постепенность въ созданіи этого монолога Подхалюзина.

Послѣ разговора Подхалюзина съ Расположенскимъ, т.-е. послѣ 5-го явленія, кстати сказать, первоначально раздѣленнаго на два явленія, 5-ое и 6-ое, въ рукописи

[1]) Обратите вниманіе на ремарку: „изъ стар.“, заканчивающую текстъ наброска № 3; послѣ этой ремарки стоитъ знакъ, тотъ же самый, что и въ наброскѣ № 4-й около словъ: „знамши-то характеръ“.

Семевскаго слѣдуетъ монологъ Тишки, въ печатномъ текстѣ вошедшій въ 8-ое явленіе. «Окончательной распланировки комедіи, по справедливому замѣчанію М. И. Семевскаго, не видно здѣсь; надо думать, продолжаетъ онъ, что и эта редакція была не послѣдняя».

Обратимся теперь снова къ рукописи Румянцевскаго музея.

На листѣ 9-мъ ея находятся любопытные наброски діалога Лазаря и Расположенскаго, теперь явлен. 5-е дѣйст. II-е. Въ рукописи стоитъ:

«ДѢЙСТВІЕ III.

Лаз. Ну [С(ысой) П(соичъ) такъ вы это дѣло порѣшили.

Рисп. Порѣшили бат(юшка) Л(азарь) Е(лизарычъ) порѣшили. Вотъ я и купч(ую) [1])ія принесъ. А что хлопотъ Л. Е. было—ужъ и сказать нельзя][1]). Вотъ другимъ хлопотать хорошо, Л. Е. есть изъ чего. А мнѣ то хлопотать выходитъ не изъ чего. Такъ я батюшка (Л. Е.) [2]) вотъ какъ. Ты гов(оритъ) С(ысой) П(соичъ) подожди. Ну я: хорошо, молъ, подожду. А самъ завтра приду—опять подожди, а я послѣзавтра приду, да и начну каждый день ходить, надоѣмъ имъ до смерти (хе-хе) [2]). Отвяжись дескать собака, не приставай только. А не сдѣлаютъ такъ чтожъ [2]) я вѣдь [2]) и Генерала на лѣстницѣ подожду—пожалуй [1]) и въ ножки поклонюсь [пожалуй хе-хе-хе отъ меня станется] [2]). Я Лаз. Елиз. рюмочку выпью *(пьетъ)*. А вы какъ тутъ Лаз. Елиз. управляетесь, чай... бат(юшка) хлопотъ-то полонъ ротъ».

Здѣсь листокъ оборванъ, но повидимому текстъ продолжался далѣе. На обратной страницѣ читаемъ слѣдующее:

«Лаз. А ужъ это С(ысой) Псоичъ не касающееся до васъ дѣло-съ.

---

[1]) Цифрой 1 отмѣчено то, что въ рукописи зачеркнуто.

[2]) Во всѣхъ случаяхъ цифрой 2 отмѣчено то, что въ рукоп. надписано сверху строки.

Рисп. Это точно Л. Е. некасающееся. Это я такъ по глупости—будто для шутки. А самъ-то что-съ.

Лаз. А самъ-то вотъ загулялъ-съ.

Рисп. Скажите.

Лаз. Вотъ уже третій день колобродитъ. Сожгу говоритъ все, а кредиторамъ ни копѣйки не дамъ.—Такъ и ждемъ чудесъ какихъ нибудь.

Рисп. А вѣдь не дай Богъ эдакую слаб(ость) Л. Е., ну какъ проболтается что-нибудь.

Лаз. Да гдѣ ему проболт(аться) онъ дома сидитъ.

Рисп. Еще это хорошо Л. Е. еще это милость Божья. А то другой пьяный-то ни за что дома не усидитъ. И пойдетъ это колобродить [2]) кружиться и деньгамъ-то переводъ да и грѣха-то что».

Здѣсь этотъ отрывокъ заканчивается. Даже отъ слова «переводъ» осталось только «еводъ», да можно догадаться, что передъ этими остатками была буква *р*, и такимъ образомъ возстановить все слово, а остальное все оборвано.

Въ связи съ этимъ отрывкомъ остановлюсь еще на двухъ явленіяхъ, которыя находятся въ нашей рукописи. Явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, 4 и 5-е явл. II-го дѣйствія; въ рукописи они идутъ за монологомъ Подхалюзина на листѣ 10-мъ (у насъ № 4). Въ текстѣ отмѣчу только отличное отъ печатнаго.

«*Явленіе 4.*

П(одхалюзинъ) и Т(ишка) *(входитъ со штофомъ)*.

Тиш. У(стинья) Н(аумовна) обѣщала зайти ужотка, а теперь сюда баринъ идетъ.

Подх. Какой тамъ еще [1]) баринъ.

Тиш. [А вотъ что къ Сам. С-чу ходитъ—стракулистъ] [2]).

Подх. Такъ ты поставь водку-то на столъ, да закусочки подай [2]) достань [3]). *(Тишка ставитъ водку и до-*

---

[1]) Это слово надписано сверху.

[2]) Во всѣхъ случаяхъ цифрой 2 отмѣчено то, что въ рукописи зачеркнуто.

[3]) Слово „достань“ надписано сверху.

стаетъ изъ сундука закуски). [Зачѣмъ его еще чертъ несетъ] [1]! [А Ус(тиньѣ) Н(аумовнѣ) мигни ужо, чтобъ сюда зашла] [2].

(Тишка уходитъ).

Явленіе 5.»

Текстъ почти тотъ же, что и печатный; варіанты слѣдующіе.

«Рисположенскій. Какъ за какія провинности! Вотъ ужъ грѣхъ, Лазарь Елизарычъ! Нешто я вамъ не служу? По гробъ слуга, что хотите, заставьте. [Хе-хе-хе. Вѣдь не знали бы вы Лаз(арь) Елиз(арычъ), что Самсонъ-то Сил(ычъ) затѣялъ, кабы я вамъ не сказалъ] [1]. [А закладную-то вамъ выхлопоталъ] [3].

Подх. [А если этаго намъ и знать-то ненадобно-съ. Выходитъ, не наше дѣло-съ. Да-съ. И толковать-то вамъ десять разъ объ одномъ и томъ же не приходится] [1]. Вѣдь ужъ вамъ заплочено: чего-жъ еще надо, какого рожна.

Рисп. Это точно, Л. Е. зап(лачено). Это точно! [А я такъ это по глупости, такъ..., какъ будто для шутки]» [4].

Набросокъ текста оканчивается репликой Рисположенскаго: «Ну, ужъ, коли милость будетъ, дайте десять». Дальше слѣдуетъ обратиться къ тексту рукописи Семевскаго, въ которой какъ разъ находится продолженіе настоящей сцены, начинающееся словами Подхалюзина: «Десять-съ! Такъ задаромъ?» («Рус. Ст.». 1891, стр. 225).

Первый набросокъ діалога Подхалюзина и стряпчаго, предназначавшійся для III-го дѣйствія, почти совершенно не использованъ авторомъ, за исключеніемъ одной подробности о закладной да жалобъ Рисположенскаго на тя-

---

[1]) Цифрой 1 вездѣ обозначено то, что въ рукописи зачеркнуто.

[2]) Поставленное въ скобки написано на поляхъ.

[3]) Поставленое въ скобки надписано сверху, но только эта фраза вставлена потомъ, а первоначально было надписано: „Вотъ закл(адную) принесъ—что хлопотъ было“.

[4]) Эта фраза и въ рукописи поставлена въ скобки.

желое его положеніе. Любопытно особенно то, что драматургъ выбросилъ все сказанное тутъ о Самсонѣ Силычѣ. Черта, здѣсь отмѣченная, очень реальная, и однако Островскій выпустилъ все это, очевидно потому, что считалъ излишнимъ особенное подчеркиванье самодурства Большова, которое ужъ и безъ того бросается въ глаза.

Что касается 4-го и 5-го явленія II-го дѣйствія, то здѣсь какъ-то особенно выставляется на видъ, что Подхалюзинъ все дѣло узналъ черезъ Расположенскаго, который и закладную ему выхлопоталъ, между тѣмъ какъ въ печатномъ текстѣ эта роль стряпчаго не очень ярко подчеркнута, хотя по существу дѣла остается той же самой, такъ какъ Расположенскій навелъ Большова на мысль заложить лавки и домъ приказчику. Нужно признать, что въ печатномъ текстѣ все это обработано болѣе художественно, нежели въ нашей рукописи.

За монологомъ Тишки въ рукописи Семевскаго идетъ состоящая изъ трехъ репликъ сцена Большова и Тишки (явл. 8-е), затѣмъ монологъ Большова и коротенькая его бесѣда съ Подхалюзинымъ, составляющіе 9-е явленіе. Интересенъ монологъ Большова, который былъ построенъ такъ: сначала Самсонъ Силычъ говоритъ о плохомъ состояніи своего здоровья (похудѣлъ), объ отсутствіи аппетита, о страшныхъ снахъ, которые онъ теперь видитъ. Именно онъ видитъ во снѣ, судя по его разсказу, своихъ должниковъ, которые отказываются ему платить. Такимъ образомъ подготовлялся вполнѣ естественно переходъ къ рѣчи о банкротствѣ. Все это въ печатный текстъ не вошло. И только разсужденія Большова о банкротствѣ, о томъ, какія выгоды оно для него представляетъ, встрѣчаются въ печати въ 10-мъ явленіи I-го дѣйствія. За разговоромъ Большова съ Расположенскимъ идетъ въ рукописи сцена Ѳоминишны и Устиньи Наумовны, которая въ печатномъ текстѣ слѣдуетъ за бесѣдою Расположенскаго и Подхалюзина. Опять-таки и здѣсь вычеркнуты всѣ замѣчанія о томъ, что Самсонъ Силычъ загулялъ. Дальше идетъ сцена Устиньи Наумовны, при чемъ, по замѣчанію М. И. Семевскаго, «монологъ Устиньи Наумовны (со словъ: «А они-то развѣ благородные...» до словъ: «я и сама

пыли въ носъ пущу») написанъ какъ бы другимъ почеркомъ или, можетъ быть, рукою же автора, но значительно послѣ, что показываютъ свѣжія чернила, и написанъ наскоро» [1]). Этотъ діалогъ кончался словами Подхалюзина: «Извольте я васъ провожу маленько». Затѣмъ шелъ коротенькій разговоръ Тишки и Ѳоминишны о пріѣздѣ Большова, теперь вошедшій въ печатномъ текстѣ въ 8-е явленіе II-го дѣйствія. Потомъ появлялся самъ Большовъ, причемъ онъ входитъ пьяный: «Гдѣ жена! Нѣту ея. Покинула меня. Ну и пускай и не надо. И никого не надо!» [2]) Вся эта страница рукописи, начиная съ приведенныхъ словъ Подхалюзина и кончая только что цитированными словами Большова, по замѣчанію Семевскаго, зачеркнута авторомъ. Мы уже не разъ упоминали о томъ, что драматургъ первоначально хотѣлъ вывести Большова пьянымъ, но потомъ отказался отъ этой мысли.

Точно также зачеркнутъ авторомъ первоначальный набросокъ начала 10-го явленія I-го дѣйствія (печатн. 2-го), гдѣ Большовъ выдавалъ Подхалюзину расписку въ полученіи съ него денегъ за проданный товаръ и векселя, хотя денегъ онъ не получалъ. Теперешнее начало этого явленія также находится въ рукописи Семевскаго и написано на отдѣльномъ полулистѣ, въ томъ видѣ, какъ въ печати.

Вотъ всѣ тѣ главныя особенности, которыми отличался рукописный первый актъ отъ печатнаго текста.

Перехожу теперь къ II-му акту, который сохранился въ рукописи Румянц. музея.

На 4, 5, 6 и 7 листахъ этой рукописи, при (чемъ нужно читать листы въ такомъ порядкѣ: 5, 6, 7 и 4, такъ какъ листы перепутаны, неправильно сшиты) помѣщено дѣйствіе II, начиная съ 3 явленія до 11-го, но только это теперь все вошло въ I дѣйствіе, явл. 3-е и т. д. Что касается первыхъ двухъ явленій, то о нихъ сдѣлана слѣдующая замѣтка: «Явл. 1 и 2 изъ тетр. № 2, стр. 72 до 78 до...» (тутъ нарисованъ условный знакъ).

Явленіе 3 состояло всего только изъ четырехъ репликъ,

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1891, апр., стр. 222.
[2]) Тамъ же, стр. 239.

начиналось репликой Ѳоминишны: «Устинья Наумовна пришла» (въ рук. зачеркнуто), соотвѣтствующей печатной: «То-то вотъ, умна, да не догадлива: не кому другому и быть, какъ не Устиньѣ Наумовнѣ». Слѣдующія три реплики такія же, что и въ печатномъ текстѣ.

Текстъ явленія 4-го сходенъ съ печатнымъ, но сложился не сразу, хотя поправокъ немного, да и онѣ незначительныя.

Текстъ 5-го явленія въ рукописи слѣдующій:

«Агр. Конд. Ну что-жъ вы тамъ съ жен(ихомъ?)-то застряли—ишь у меня дѣвка-то стосковалася [1]).

Лип. Да голуб(ушка), Уст(инья) Наум(овна), скажи-ка что-нибудь хорош. [2]).

Уст. Наум. Да что женихъ-то. Уперся какъ лошадь—ни тпру ни ну, слова отъ него не добьешься путнаго.

Лип. (*томно*). Да давноль ты его видѣла, что онъ здоровъ-ли мой ангелъ.

Уст. Наум. Что ему дѣлается. Вчера была [3] утромъ была. Вышелъ какъ есть въ одномъ шлафоркѣ — а ужъ уподчивалъ можно чести приписать! И кофію-то велѣлъ, и ромку-то, а ужъ сухарей навалилъ видимо-невидимо—кушай говоритъ Уст(инья) Наум(овна). Я было объ дѣлѣ, знаешь-ли, надо, молъ, чѣмъ нибудь порѣшить. А онъ мнѣ на это (ничего и не сказалъ) [3], вотъ гов(оритъ) подумамши, да посовѣтамшись. А самъ только, что опояску поддергиваетъ. [Я гов(оритъ) какъ ниб(удь) на той нед(ѣлѣ) либо (*тутъ слово не разобрано*), либо дамъ знать] [3].

Лип. Что онъ тамъ спустя рукава-то сантиментальничаетъ! Право, даже тошно смотрѣть, какъ все это продолжается! Ужъ ежели не желаетъ поступить окончательно, такъ и не для чего было прежде плѣнять.

Агр. Конд. И въ самомъ дѣлѣ, что онъ ломается. Мы развѣ хуже его.—Ну не хоч(етъ) такъ и ненадобно—мы насил(ьно) не навяз(ываемся).

---

[1]) Первая половина реплики исправлена и приняла такой видъ: „Ну что-жъ вы Уст. Наум. нов(аго) нѣтъ ли чего“.

[2]) Эта реплика написана тѣмъ же почеркомъ, что и поправка, отмѣченная въ предыдущемъ примѣчаніи.

[3]) Во всѣхъ случаяхъ цифрой 3 отмѣчено то, что въ рукописи зачеркнуто.

Уст. Наум. А лягушка его заклюй, нешто мы друг(ого) не найдемъ,—жениховъ-то у насъ не одна дюжина—любова лови.

Лип. Любова лови—а все нѣтъ ничего.

Уст. Наум. Да ишь ты съ вами не скоро сообразишь. Тятенька твой ладитъ за богатаго. (Тутъ замѣтка: «см. № 2, стр. 17 до 18»).

Лип. [Да что вы прист(али) мам(енька)] [2]. Ужъ сказала, что не пойду за купца, такъ не пойду.—Лучше умру сейчасъ, до конца всю жизнь выплачу: слезъ недост(анетъ) перцу наѣмся, глаза лук(омъ) натру.

Фом. Никакъ ты плак(ать) сбираешься. И думать не моги. И тебѣ какъ въ охотку ребенка драж(нить) Агр(афена) Конд(ратьевна).

[Агр. Конд. Кто ее дразн(итъ). —Ну не хоч(етъ) такъ какъ хочетъ] [3].

Уст. Наум. Пожал(уй), коли ужъ тебѣ такой апекитъ, найдемъ и благороднаго, а ежели [и неблагород(наго), такъ все-таки на двор(янскій манеръ] [1] [есть у меня теперь человѣкъ на примѣтѣ] [4].

Лип. Извѣст. [1] Понят(ное)[2] дѣло, чтобы одѣтъ былъ пожурнальному. (*подх. къ зерк.*)[2] Ахъ Боже, а сама то я вся какъ вѣникъ растрепана. Пойд(емъ) Фом(инишна). [До сихъ поръ въ блузѣ хожу. Кто-жъ это такъ.

Уст. Наум. А ты поди-ка одѣнься, а мы потолк(уемъ) съ мам(енькой)] [5].

Явленіе 6.

[Уст. Наум. То-то вотъ молодо зелено. Благород(наго) подавай. Ужъ и тебѣ-то чай Агр. Конд. не легко это.

Агр. Конд. Такъ ужъ скрѣпя серд(це) перемогаюсь.

---

[1]) Во всѣхъ случаяхъ цифрой 1 отмѣчено то, что въ рукописи зачеркнуто.

[2]) Во всѣхъ случаяхъ цифрой 2 отмѣчено то, что въ рукописи надписано сверху.

[3]) Поставленное въ скобки добавлено на свободномъ мѣстѣ болѣе мелкимъ почеркомъ.

[4]) Поставленное въ скобки надписано сверху другимъ почеркомъ.

[5]) Поставленное въ скобки добавлено потомъ на свободномъ мѣстѣ совершенно другимъ почеркомъ.

Ну сама ты посуди. Что я буду съ благород(нымъ)-то зят(емъ) дѣлать: я и слова-то сказ(ать) съ нимъ не умѣю, такъ словно въ лѣсу, а ужъ съ куп(цомъ)—все не то.

Уст. Наум. А есть у меня хорош(ій) жен(ихъ) на примѣтѣ.—Ужъ какой молод(ецъ?), хоть прямо въ гвардію][1].

Агр. Конд. Въ скобку ходитъ?

Уст. Наум. Нѣтъ онъ хоть и не въ скобку, а только изъ русск(ихъ), а ужъ как(ой) умница просто истук(анъ) золотой.

Агр. Конд. Такъ ты давно бы (*слово не разобр.*)

Уст. Наум. Да вы за него не отдад(ите)—теперь. Онъ пока еще въ прикащик(ахъ)[2].

Агр. Конд. Ужъ какъ бы смир(енъ) не былъ, всетаки прикащикъ, дѣло подначальное. Знаю я матушка это житье-то сама видѣла.—Ты послушай-ка что я тебѣ скажу. Въ тѣ поры...[3]).

Уст. Наум. Ишь ты какая оказія—скажите пожалуста.

Агр. Конд. Оно конечно дѣло не худое. С(амсонъ) С(илычъ) отъ него и торговать-то пошелъ. (Да нынѣче пора то ужъ не та][1]. Ну а все какъ будто подъ страх(омъ) находишься; а намъ что за необход(имость) за прик(ащика) выд(авать)—сама посуди.

Уст. Наум. Извѣст(ное) дѣло, да чел(овѣкъ) ужъ больно хор(ошъ). И изъ наст(оящихъ) куп(цовъ) воз(ьмешь?), да не так(ой) буд(етъ). (См. выше)... Конечно теперь нельзя, а вотъ погоди буд(етъ) жить на своей волѣ—такъ и лошад(ей) заведетъ.

Агр. Конд. Ну тогда другое дѣло. — Да кто же это такой, скажи на милость.

Уст. Наум. Что разсказ(ывать)-то прежде времени,— съ начала съ этимъ-то порѣшите, а тамъ видно буд(етъ).— Мож(етъ) еще и эт(отъ) годится.

Агр. Конд. Ужъ я лучше бы за прик(азчика) выдала, чѣмъ за этаго.

---

[1]) Поставленное въ скобки въ рукописи зачеркнуто.

[2]) Тутъ условный знакъ и замѣтка: „т (етрадь) № 2, стр. 40“.

[3]) Тутъ въ рукописи оставленъ пробѣлъ и сдѣлана карандашомъ замѣтка: „Анекдотъ“.

Явленіе 7.

Текстъ его почти соотвѣтствуетъ явленію 8 дѣйствія I. Нѣтъ только разсужденій объ имени Сысоя Псоича.

Явленіе 8.

Текстъ почти соотвѣтствуетъ 9-му явленію I дѣйствія.

Явленіе 9.

Больш(овъ) и Рисп(оложенскій).

Б о л ь ш. Ну какъ твое крючк(отворство)—много чернилъ потрат(илъ)?

Р и с п. Матер(іалъ) не дорог(ой) С(амсонъ) С(илычъ), хе-хе-хе. Что-жъ С. С. на домъ-то съ лавками заклад(ную) али купчую соорудить.

Б о л ь ш. Съ чего меньше пошлинъ, то и варгань. На эт(ой) недѣлѣ безотмѣнно надоть укрѣпить.

Р и с п. [Извѣст(ное) дѣло, зачѣмъ отклад(ывать)][1]. На чье же имя прикажете написать.

Б о л ь ш. Извѣст(ное) дѣло на Агр. Конд. — Чего-жъ лучше.

Р и с п. Незаконно-съ С. С. Въ Св(одѣ) зак(оновъ) изображено, что прод(ажа) женѣ или родн(ымъ) недѣйст(вительна). Написать недолго, да чтобы крючковъ не было послѣ.—Вѣдь нынче знаете какой народъ—радъ прицѣпиться. Надо сдѣлать какъ попрочнѣй.

Б о л ь ш. Какъ же ты попрочнѣй-то сдѣл(аешь). Какую закорючку вклеишь!

Р и с п. Залож(ить) кому ниб(удь) постор(оннему)—такъ и дѣло съ конц(омъ) и прид(раться) буд(етъ) не къ чему. Спорь послѣ поди прот(ивъ) подлинныхъ-то бумагъ.

Б о л ь ш. Заложи постор(оннему)-то, такъ послѣ домъ-то и застр(янетъ) у тебя какъ блоха на войнѣ.

Р и с п. Ужъ надо найти С. С. такого человѣка, чтобы совѣсть зналъ.

---

[1]) Поставленное въ квадратн. скобки въ рукописи надписано сверху.

Больш. А гдѣ ты его найдешь нынче. Нынче всякъ норовитъ какъ тебя за воротъ ухватить, а ты совѣсти захотѣлъ.

Рисп. А я вотъ какъ мекаю С. С. хотите вы меня слуш(айте), хотите нѣтъ. У всяк(аго) свой разумъ есть. Каковъ челов(ѣкъ) у васъ прик(ащикъ).

Больш. Котор(ый), Лазарь что-ли.—Подхол(юзинъ)?

Рисп. Да Подхол(юзинъ). Это С. С. какъ вамъ угод(но). — А мнѣ это такъ въ голову прищ(ло), по моему глуп(ому) разсужденію.

Больш. Ну а на Лаз(аря) такъ и пуск(ай) на него. Эт(отъ)—мал(ый) съ понят(іемъ).

Рисп. Такъ я С. С. такъ и напишу. А вы съ нимъ переговор(ите) объ эт(омъ). Прощ(енья) просимъ. (*клан.—подход. къ столу*). Я С. С. рюмочку выпью.

Больш. Какъ все сдѣ(лаешь) С(ысой) П(соичъ) аккуратно, такой магарычъ поставлю просто сказ(ать) угоришь.

Рисп. Много дов(оленъ). Прощ(енья) прос(имъ). С. С., до свиданья (*уход.*).

Явленіе 10.

Больш. Хорошо еще, что есть так(ой) чел(овѣкъ), что распол(агать) можно. Ну а не будь, не мало-бы хлопотъ было.

Явленіе 11.

Уст. Наум.»

Здѣсь кончается этотъ текстъ. Ясно, что впослѣдствіи онъ былъ значительно переработанъ. Переработка состояла прежде всего въ томъ, что II дѣйствіе стало I-ымъ. Что касается самаго текста, то приходится выразить сожалѣніе объ утратѣ тетради № 2, гдѣ былъ текстъ первыхъ двухъ явленій. 3-е явленіе впослѣдствіи было значительно расширено внесеніемъ разговора о приходѣ Устиньи Наумовны, разговоромъ, ярко характеризующимъ нравы женщинъ. Въ 4-мъ явленіи, какъ сказано выше, было сдѣлано нѣсколько незначительныхъ поправокъ. 5-е явленіе, соотвѣтствующее печатнымъ 5-му и 6-му, значительно все-таки отъ нихъ отличается. Планъ его былъ

такой. Обращеніе съ вопросомъ къ пришедшей свахѣ. Разсказъ ея о нерѣшительности жениха. Недовольство имъ. Предложеніе найти другого жениха. Упрекъ свахѣ со стороны Липочки. Оправданіе свахи. Отказъ Липочки выйти за купца. Ея слезы. Предложеніе свахи найти жениха изъ благородныхъ. Замѣчаніе Липочки о женихѣ. Ея уходъ. Теперешній-же планъ 5-го и 6-го явленія такой. Обращеніе съ вопросомъ въ пришедшей свахѣ и упрекъ ей. Оправданіе свахи. Отказъ Липочки выйти за купца (значительно распространено сравнительно съ рукописью). Ея слезы. Предложеніе свахи найти жениха изъ благородныхъ. Замѣчанія Липочки о женихѣ (болѣе обширныя, чѣмъ въ рукописи). Разговоръ ея со свахой и уходъ. Какъ видно изъ сравненія этихъ двухъ плановъ, такъ сказать самый ходъ мыслей былъ другой. Далѣе разсказъ свахи о нерѣшительности жениха, недовольство имъ со стороны невѣсты и ея матери и предложеніе свахи найти другого жениха—все это перенесено въ 3-е явленіе III-го дѣйствія и приняло совершенно иную окраску, а именно теперь весь этотъ разсказъ свахи о нерѣшительности жениха—простая ложь свахи съ цѣлью разстроить свадьбу въ угоду Подхалюзину, тогда какъ въ рукописи данный разговоръ вовсе не носилъ такого характера. Затѣмъ нѣкоторые пункты въ этомъ явленіи были болѣе обстоятельно развиты.

Явленіе 6-е, соотвѣтствующее печатному 7-му, по содержанію однако совершенно иное. Теперь послѣ рѣчи о «бальсанцѣ» сваха предлагаетъ жениха «благороднаго происхожденія и значительнаго человѣка», и явленіе оканчивается замѣчаніемъ Аграфены Кондратьевны о томъ, что ей будетъ трудно съ благороднымъ зятемъ, и увѣреніемъ свахи, что все обойдется. А въ рукописи какъ разъ съ этого начиналось явленіе, и дальше шло предложеніе со стороны свахи другого жениха, но только служащаго въ приказчикахъ. Произведенная перемѣна объясняется конечно тѣмъ, что свадьба съ благороднымъ женихомъ разстраивается не сама собой изъ-за нерѣшительности жениха, какъ это очевидно предполагалось раньше, а по проискамъ Подхалюзина.

Въ 7-мъ явленіи, соотвѣтствующемъ печатному 8-му, какъ было уже сказано, въ рукописи нѣтъ только разсужденій объ имени Сысоя Псоича, въ остальномъ-же текстъ тотъ же самый. Равнымъ образомъ текстъ 8-го явленія почти соотвѣтствуетъ тексту 9-го явленія.

Рукописное 9-е явленіе, соотвѣтствующее печатному 10-му, впослѣдствіи было переработано. Были прибавлены жалобы Большова на стряпчихъ, замѣчанія о банкротствѣ другихъ, да Расположенскому присвоена болѣе активная роль: онъ наприм. прежде всего совѣтуетъ заложить или продавать домъ съ лавками, что въ рукописи было уже раньше рѣшено самимъ Большовымъ, далѣе Расположенскій совѣтуетъ составить «реэстрикъ», сколько кому платить, чего въ рукописи совсѣмъ не было.

Дальнѣйшія два явленія, 10-е, состоявшее изъ одной реплики Большова, и 11-е, совсѣмъ не написанное, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ являлась Устинья Наумовна, были очевидно исключены, хотя объ 11-мъ явл. собственно говоря ничего нельзя сказать, не зная его содержанія.

Что касается 3-го и 4-го акта нашей комедіи, то они сохранились только въ рукописи Семевскаго, и потому мнѣ приходится почти только повторить сказанное по поводу нихъ этимъ послѣднимъ.

Прежде всего относительно 3-го акта должно замѣтить, что согласно надписи въ концѣ его: «конецъ 4-го дѣйствія», это былъ по первоначальному плану 4-й актъ, и это объясняется конечно тѣмъ, что авторъ предполагалъ раздѣлить комедію на 5 актовъ. Все то, что напечатано Семевскимъ въ началѣ этого акта, «принадлежитъ, по его вѣрному замѣчанію, первоначальному виду 3-го акта «Своихъ людей»—ни одного слова изъ этого отрывка, написаннаго авторомъ на отдѣльномъ полулистѣ, мы не встрѣчаемъ въ печатномъ текстѣ этой комедіи» [1]). Содержаніе этого отрывка составляетъ разговоръ Большова и Подхалюзина о векселяхъ, о перевозѣ товара: Большовъ отдаетъ векселя, расписывается въ полученіи за нихъ денегъ, подписываетъ запродажный счетъ на товаръ, хотя денегъ

[1]) „Рус. Стар.“ 1891, іюнь, стр. 695.

Подхалюзинъ ему не отдаетъ, отдѣлываясь только обѣщаніемъ: «А деньги какъ прикажете. Хошь ужотка принесу-съ». «Но тѣмъ болѣе замѣчателенъ этотъ отрывокъ, замѣчаетъ о немъ М. И. Семевскій,—изъ него можно видѣть, какъ строился и округлялся типъ Подхалюзина. Побольше бы подобныхъ отрывковъ изъ черновыхъ набросковъ 2-го и 3-го дѣйствія, а также весь первый актъ, котораго рукописи, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ, и тогда бы весь процессъ постройки знаменитой комедіи представился бы намъ во всей полнотѣ и опредѣленности» [1]). Теперь, когда мною опубликованы и эти наброски и весь первый актъ, есть возможность представить себѣ указанный процессъ, хотя нѣкоторыя детали его исчезли для насъ, такъ какъ рукопись комедіи все-таки не дошла до насъ цѣликомъ. Такъ, тотъ же Семевскій писалъ: «Лично отдавая намъ въ 1855 г. эту рукопись, А. Н. Островскій не нашелъ у себя первыхъ листиковъ этого акта, т.-е. сцены, когда приходитъ Аграфена Кондратьевна съ Липочкой и убѣждаетъ мужа «приласкать, приголубить» дочку и «посовѣтовать ей что-нибудь такое житейское» (см. въ печати явленіе 2-е 3-го дѣйствія). Также нѣтъ начала этой сцены, въ коей является Устинья Наумовна и, подкупленная Подхалюзинымъ объявляетъ о мнимомъ отказѣ ею же нѣкогда отысканнаго жениха» [2]). Недостающихъ сценъ нѣтъ и въ рукописи Румянцевскаго музея.

Въ рукописи Семевскаго третій актъ находится «не въ первыхъ, черновыхъ наброскахъ, между нимъ и печатнымъ текстомъ, по справедливому замѣчанію владѣльца рукописи, все же встрѣчаются нѣкоторыя разницы» [3]): между прочимъ, изъ фразъ и цѣлыхъ явленій, не вошедшихъ въ печать, но и не зачеркнутыхъ авторомъ, находятся здѣсь слѣдующія: 1) Ѳоминишна: а такого похабства не видывала (въ печатн.: «а такой скверности...»; замѣчаніе по поводу выдачи Липочки замужъ за Подхалюзина). 2) Липочка: «да такъ во всѣхъ романахъ дѣлаютъ» (по поводу увоза невѣстъ). 3) Липочка: «зачѣмъ

[1]) Тамъ же, стр. 695.
[2]) Тамъ же, стр. 695.
[3]) Тамъ же, стр. 696.

вы тятеньку кличете, Лазарь Елизарычъ, не кличьте его».— Лазарь Елизарычъ: «Отчего-же-съ, Алимпіада Самсоновна, не кликать-съ». (Замѣчаніе совершенно излишнее, нарушающее этотъ сжатый, точно кованый діалогъ комедіи).— 4) Лаз. Елиз.: «Вы думаете, что я этого не вижу. А я вижу — все-съ». — Лаз. Елиз.: «Алимпіада Самсоновна, неужели вы думаете, что я васъ дамъ въ обиду кому нибудь, этому никогда не бывать-съ». (Замѣчаніе по поводу прежней жизни Липочки и ея дальнѣйшей жизни съ Подхалюзинымъ). Въ печатномъ текстѣ кромѣ того авторомъ пропущенъ такой разговоръ этихъ двухъ лицъ:

«А. С. Да вы такіе робкіе, Л. Е.—Вы не посмѣете тятенькѣ ничего сказать, а съ благороднымъ-то они не много наговорили бы.

Л. Е. Отъ того и робѣлъ-съ, что было дѣло подначальное-съ. Нельзя-съ. Прекословить не смѣю. А какъ заживемъ своимъ домомъ, такъ никто намъ не указъ. А вотъ вы все про благородн. говорите. Да буд.-ли васъ такъ люб. благородный, какъ я буду люб. Благород. то по утру на службѣ, а веч. по клуб. шатаются, а жена должна одна дома сидѣть (безъ всякаго удовольствія). А смѣю ли я такъ-съ поступить-съ! Я всю жизнь долж. стар., какъ вамъ всякое удовольствіе доставить» [1]).

Изъ этихъ подробностей, выброшенныхъ потомъ авторомъ, обращаютъ вниманіе замѣчаніе Липочки объ увозѣ невѣстъ и Подхалюзина о его робости передъ Самсономъ Силычемъ ввиду подчиненнаго его положенія. Оба эти мотива впослѣдствіи нашли себѣ мѣсто въ произведеніяхъ нашего драматурга: увозъ невѣсты входитъ въ комедіи «Не въ свои сани не садись» и «Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь»; другой мотивъ, нѣсколько видоизмѣненный, нашелъ себѣ воплощеніе въ такомъ яркомъ образѣ, какъ Кудряшъ, который, хотя и подчиненный Дикого, не чувствуетъ робости передъ нимъ потому, что сознаетъ, что онъ нуженъ Дикому. Отмѣчаю я все это съ цѣлью указать на то, что у Островскаго уже въ началѣ его литературной дѣятельности накопилась масса наблюденій надъ

[1]) Тамъ же, стр. 713.

окружающей его жизнью, откуда онъ и черпалъ матеріалъ для своихъ произведеній, содержаніе которыхъ такимъ образомъ развивается постепенно, точно нитка изъ клубка.

Приведу еще два замѣчанія М. И. Семевскаго о третьемъ актѣ нашей комедіи. «На второй, рукописной, страницѣ третьяго акта, противъ словъ Липочки: «Стыдно сказать, тятенька», на полѣ есть помѣтка автора, для памяти: «Тишка пляши»(тъ), она объясняется первоначальнымъ желаніемъ автора—заключить сговоръ общимъ веселіемъ, въ коемъ бы участвовалъ Тишка. По неизвѣстнымъ причинамъ авторъ не сдѣлалъ этого.

Объясненіе Подхалюзина съ Липочкой обратило на себя особенное вниманіе автора; несмотря на то, что эта рукопись есть уже второе или третье черненіе (редакція) автора, но и здѣсь встрѣчаются большія помарки и вставки не только новыхъ словъ, но и цѣлыхъ выраженій» [1]), что опять-таки свидѣтельствуетъ о томъ, какъ тщательно обрабатывалъ А. Н. Островскій свои произведенія.

«Первое явленіе третьяго дѣйствія написано авторомъ на отдѣльномъ лоскуткѣ гораздо позже всего акта и въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ эту сцену въ печати» [1]). Слѣдовательно третій актъ подвергся окончательной переработкѣ уже послѣ того, какъ былъ весь написанъ.

Перехожу къ четвертому акту. По словамъ Семевскаго, «это дѣйствіе писано авторомъ въ маленькой тетрадкѣ, въ 4-ю долю листа: «это самые первые черновые наброски 4-го дѣйствія моей комедіи», говорилъ намъ покойный Александръ Николаевичъ, отдавая тетрадку: «вся она написана моей рукой, за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ (со словъ Лаз. Елиз.: «Э, тятинька, Богъ милостивъ», до словъ его-же, Лаз. Елиз.: «Домишко отдѣлалъ-съ! Да выкушайте...»), которыя я диктовалъ, будучи больнымъ, одному заштатному и плохо грамотному землемѣру».

Въ этомъ первоначальномъ видѣ 4-го дѣйствія нѣтъ сцены Устиньи Наумовны и Рисположенскаго съ Подхалюзинымъ, сцена Рисположенскаго только начата.

---

[1]) Тамъ же, стр. 696.

За исключеніемъ трагической сцены, въ коей является изъ ямы Большовъ, всѣ остальныя мало измѣнены въ печати, т.-е. какъ онѣ вылились впервые изъ-подъ пера Островскаго, такъ почти безъ всякихъ измѣненій со стороны автора и цензуры вошли въ печать. Явленіе же Большова, какъ видно изъ рукописи, вызвало особенный трудъ автора, оно получило значительную перемѣну, многое перечеркнуто, выпущено и дополнено впослѣдствіи [1]).

Посмотримъ, въ чемъ состоятъ эти передѣлки. Послѣ реплики Аграф. Кондр.: «Кушай, батюшка, Самсонъ Силычъ! Кушай! Я тебѣ, батюшка, пуншикъ налью!» въ печатномъ текстѣ слѣдуетъ реплика Большова «(пьетъ): Выручайте, дѣтушки, выручайте!» Въ рукописи Семевскаго это мѣсто въ такомъ видѣ:

«Сам. Сил.

(пьетъ мадеру, а пот. приним. за пуншъ, пьетъ порывисто и безпр.).

Сам. Сил.

[Дай, Лаз., дай выпью, братъ выпью. Что-то у меня нынче на сердцѣ тяжело таково. Авось легче будетъ (пьетъ стаканъ, потомъ другой). Словно меня давитъ что, Лазарь. Словно змѣя какая за сердце сосетъ].

[Охъ] Ахъ, дѣтки, какъ бы вы знали, какъ тяжело мнѣ старику становится.

[40 лѣтъ ни передъ кѣмъ не гнулъ голову, а теперь стыдно людямъ прямо въ глаза взглянуть (пьетъ еще).] Выручайте, дѣтушки, выручайте» [2]).

Затѣмъ послѣ реплики Олимп. Сампс.: «Что-жъ, тятенька, нельзя же намъ самимъ не при чемъ остаться. Вѣдь мы не мѣщане какіе-нибудь», въ печатномъ текстѣ прямо идетъ реплика Подхалюзина: «Вы, тятенька, извольте раз-

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1891, іюль, стр. 149.

[2]) Тамъ же, стр. 157. Поставленное въ квадратн. скобки зачеркнуто въ рукописи.

судить...» Между тѣмъ въ рукописи ихъ раздѣляетъ такая ремарка автора:

«Сам. Сил. (смотритъ на нихъ вытараща глаза и продолжаетъ пить»). Далѣе передъ репликой Большова: «Что вы! Что вы! [Дѣтушки] опомнитесь, [что вы! что вы!] Вѣдь я у васъ не милостыню прошу, а свое же добро. Люди-ли вы?» [2]) Далѣе между репликами Большова: «Лазарь, да ты вспомни то, вѣдь я тебѣ все отдалъ...» Подхалюзина: «Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-съ!» находятся еще двѣ такія реплики, не вошедшія въ печатный текстъ:

«Агр. Конд. Выкушай, батюшка, Самсонъ Силычъ, чего нибудь, ужъ я не знаю, чѣмъ тебя и подчивать-то. Не принести-ли тебѣ поросеночка холоднинькаго.

Сам. Сил. Нѣтъ, не надо; а вотъ мадерки дайте, выпью. Что-то у меня на сердцѣ тяжело таково, не полегчаетъ-ли, (Лазарь наливаетъ и кланяется; онъ пьетъ два стакана одинъ за другимъ). Словно меня давитъ что, словно змѣя какая сердце сосетъ» [1]). Наконецъ слова Подхалюзина: «Полноте, маменька, видите, тятенька захмѣлѣлъ», составляли раньше отдѣльную реплику, послѣ которой въ рукописи шла реплика Большова: «Полно, жена, перестань». «Пьянъ я, точно пьянъ» [2]).

Такимъ образомъ въ рукописи было очень сильно подчеркнуто то, что Большовъ пьетъ. Не такъ рѣзко подчеркивая эту черту, хотя и не выбрасывая ея совершенно. драматургъ достигъ большей степени художественности.

Въ упомянутой репликѣ Большова: «Лазарь! да ты вспомни то, вѣдь я тебѣ все отдалъ...» между прочимъ была указана и величина всего его состоянія: «больше милліона». Точно также въ репликѣ Большова: «Чувствуешь ты! Ты-бы долженъ все отдать...» была указана опредѣленно сумма, которую слѣдуетъ заплатить: «200 т. только». Эти цифры, конечно, были совершенно излишни.

Только что цитированная реплика заслуживаетъ вообще вниманія, такъ какъ она, кромѣ того, что въ рукописи Се-

---

[1]) Тамъ же, стр. 158.
[2]) Тамъ же, стр. 160.

мевскаго заключаетъ много поправокъ, подверглась передѣлкѣ еще разъ, уже въ окончательной рукописи, а потому я приведу эту реплику цѣликомъ параллельно съ соотвѣтствующимъ ей мѣстомъ изъ печатнаго текста.

Рукоп. текстъ.

Сам. Сил.

„Чувствуешь ты! Ты-бы долженъ все отдать, какъ я, въ одной рубашкѣ остаться, только бы своего благодѣтеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мнѣ [этого]. Ты заплати за меня [по 25 к. за рубль] только что слѣдуетъ, 200 т. только (молч.). [Ты то возьми. Да не какъ свое добро я теперь прошу у тебя, а какъ милости. Господи, 40 лѣтъ я былъ честнымъ купцомъ, 40 лѣтъ королемъ ходилъ по городу, теперь мнѣ совѣстно на людей смотрѣть. Мнѣ страшно.] Такъ-то, Лазарь, какъ [я теперь пойду] въ яму-то идти. (Всѣ молчатъ. С. С. пьетъ). Вѣдь мнѣ черезъ городъ идти. Что жъ, мнѣ зажмуриться, [Лазарь,] что-ли. [Вѣдь] мнѣ Ильинка-то теперь за сто верстъ покажется. [Ты послушай, Лазарь.] Вы подумайте только, каково по Ильинкѣ-то пройти. [Вѣдь] это, [Лазарь,] все равно, что грѣшную душу [злые] дьяволы, прости, Господи, по 30 мытарствамъ [проводятъ] тащутъ. А тамъ, [Лазарь, мнѣ придется] мимо Иверской [идти,] какъ мнѣ взглянуть на Нее, на

Печатн. текстъ.

Большовъ.

Чувствуешь ты! Ты-бы долженъ все отдать, какъ я, въ одной рубашкѣ остаться, только бы своего благодѣтеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мнѣ; ты заплати за меня только, что теперь слѣдуетъ.

Подхалюзинъ.

Отчего-бы не заплатить-съ, да просятъ цѣну, которую совсѣмъ несообразную.

Большовъ.

Да развѣ я прошу! Я изъза каждой копѣйки просилъ, просилъ, въ ноги кланялся, да что же мнѣ дѣлать, когда не хотятъ уступить ничего?

Алимпіада Самсоновна.

Мы, тятенька, сказали вамъ, что больше десяти копѣекъ дать не можемъ—и толковать объ этомъ нечего.

Большовъ.

Ужъ ты скажи, дочка: ступай, молъ, ты старый чортъ

Матушку. Знаешь, Лазарь, Іуда вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ. А что ему за это было. А тамъ [за Иверской] присутств. мѣста... [Ухъ...] Уголовная палата... Вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ... Господи!.. (плачетъ). Коли такъ не дадите денегъ, такъ дайте Христа ради (плачетъ)“ [1]).

въ яму! Да, въ яму! Въ острогъ его, стараго дурака. И за дѣло!—Не гонись за большимъ, будь доволенъ тѣмъ что есть. А за большимъ погонишься, и послѣднее отнимутъ, оберутъ тебя до-чиста. И придется тебѣ бѣжать на Каменный мостъ, да бросаться въ Москву рѣку. Да и оттедова тебя за языкъ вытащутъ, да въ острогъ посадятъ. (Всѣ молчатъ; Большовъ пьетъ.) А вы подумайте, каково мнѣ теперь въ яму-то идти! Что-жъ мнѣ зажмуриться что-ли? Мнѣ Ильинка-то теперь за сто верстъ покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинкѣ-то идти. Это все равно, что грѣшную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствамъ тащатъ. А тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянутъ-то на Нее, на Матушку?.. Знаешь, Лазарь, Іуда, вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ... А что ему за это было?.. А тамъ Присутственныя мѣста, Уголовная палата... Вѣдь я злостный-умышленный... Вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ. Господи!.. Коли такъ не дадите денегъ, дайте Христа ради. (Плачетъ)“ [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 158—159. Все поставленное въ квадратныя скобки въ рукописи зачеркнуто.

[2]) Полн. собр. соч. А. Н. Островскаго подъ ред. Писарева, т. I, стр. 139—140.

Я уже не говорю о томъ, что эта реплика даже въ томъ видѣ, въ какомъ она имѣется въ рукописи, сложилась не сразу. Далѣе, я уже упоминалъ о томъ, что въ ней зачеркнута цифра, обозначающая ту сумму, которую слѣдуетъ уплатить. Мало того, она раздѣлена на двѣ части вставкой трехъ новыхъ репликъ, Подхалюзина, самого Большова и Липочки.. Эти реплики еще сильнѣе подчеркиваютъ то величайшее униженіе, до какого дошелъ Большовъ («въ ноги кланялся»), и ту черствость душевную, какою отличается Липочка. Наконецъ во второй ея части вставлено еще нѣсколько замѣчаній Большова, такъ сказать, морализирующаго характера («Въ острогъ его, стараго дурака. И за дѣло!—Не гонись за большимъ, будь доволенъ тѣмъ, что есть. А за большимъ погонишься, и послѣднее отнимутъ, оберутъ тебя до-чиста»). Слѣдуетъ указать на то, что эти слова очень подходятъ къ тогдашнему состоянію Большова, и кромѣ того частному случаю придаютъ общій характеръ: въ нихъ, какъ говорится, заключается мораль пьесы.

Остановимся теперь еще на одной слѣдующей репликѣ Большова: «Да что кончать-то? Ужъ я вижу, что дѣло-то кончено. Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ! Ты ужъ не плати за меня ничего: пусть что хотятъ, то и дѣлаютъ. Прощайте, пора мнѣ» (Дѣйств. IV, явл. 4). Въ рукописи Семевскаго она значительно длиннѣе. Вотъ ея текстъ: «Да что, Лазарь, кончать то; ужъ [я вижу, братъ, что] дѣло-то кончено. Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ. [Я одинъ виноватъ, одинъ и отвѣчать буду. Вотъ, скажу, я весь тутъ, что хотите, то и дѣлайте, а денегъ вамъ нѣтъ ни копѣйки. Вы меня извините, Лаз. Елиз., что я тебя давича можетъ чѣмъ обидѣлъ съ горяча то. Ты ни въ чемъ не виноватъ. Тебѣ еще надобно жить на свѣтѣ, торговать. Ты] А вы, Лаз. Елиз., и со всѣми такъ дѣлайте какъ со мной-то, [поступилъ-съ) теперича. Нынче [братъ] иначе-съ и жить нельзя-съ. [Много ли нынче наберется народу съ доброй совѣстью. Такъ тебѣ въ глаза и смотрятъ, какъ бы ограбить тебя до чиста да въ одной рубашкѣ по миру пустить. Что, Лазарь,] разбойники-то, что по лѣсамъ грабятъ передъ [нашими городскими-то

разбойниками] вами, просто святые люди. Тотъ и ограбитъ-то кого, такъ въ чащу да глушь прячется—свѣту денного боится. А [наши-то на лежачихъ рессорахъ] вы четвернею ѣздите, въ трехъ этажныхъ домахъ живете, [онъ тебя] вы обманете, да [тебѣ жъ] послѣ и смѣетесь въ глаза. [Они Лазарь] безбожники, [ты имъ] вы и на божбу [не вѣрь] повѣрить нельзя. А на божбу повѣришь, такъ [придется тебѣ] оберутъ тебя до ниточки; и придется тебѣ бѣжать на каменный мостъ; да бросаться [оттудова] въ Москву-рѣку. Да и оттедова [Лазарь, тебя кредиторы] за языкъ вытащатъ да въ острогъ посадятъ. [Душегубцы вы, окаянные!] А вотъ что, Лазарь Елиз., вы ужъ не платите за меня [ни копѣйки] ничего. Не давайте [имъ] ни денежки. Пусть что хотятъ со мной, то и дѣлаютъ [а ужъ денегъ имъ ни гроша!] Прощайте Лазарь! Пора мнѣ!» [1]) Какъ можно видѣть изъ сопоставленія рукописнаго текста настоящей реплики и ея печатнаго текста, а также печатнаго текста выше приведенныхъ репликъ Большова, кое-что изъ настоящей реплики вошло въ эти послѣднія, опять-таки съ значительнымъ прибавленіемъ, но большая часть ея совершенно выброшена, хотя по своему характеру и могла имѣть успѣхъ у публики. Но нужно добавить, что печатный текстъ реплики, благодаря своей краткости, производитъ еще болѣе сильное впечатлѣніе

Вотъ какимъ крупнымъ передѣлкамъ подверглась та сцена IV-го дѣйствія, гдѣ появляется Большовъ.

Остановимся теперь еще на другихъ замѣчаніяхъ М. И. Семевскаго по поводу IV-го акта нашей комедіи. «Набрасывая его, авторъ, по словамъ Семевскаго, не раздѣляетъ хода дѣйствія на сцены, имена собственныя также не опредѣлились у него вполнѣ, такъ, напр., Олимпіада Самсоновна названа у него первоначально Марьей Самсоновной; Аграфена Кондратьевна въ иныхъ мѣстахъ названа Матреной Кондратьевной; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ опредѣляетъ, что должно дѣлать такое-то дѣйствую-

---

[1]) „Рус. Стар“. 1891, іюнь, стр. 161—162. Все поставленное въ квад. скобки въ рукописи зачеркнуто.

щее лицо, т.-е. какую оно должно принять позу или какимъ тономъ говорить, или въ какомъ видѣ являться должно дѣйствующее лицо,—все это не вошло въ печать; авторъ, хорошо знакомый съ московскими актерами, передалъ имъ всѣ свои замѣчанія изустно (предполагая, что драма его будетъ играна) и, довѣряя ихъ талантамъ, не считалъ нужнымъ ни къ чему неведущія поясненія.

...Распланировку 4-го дѣйствія въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано въ печати, авторъ сдѣлалъ впослѣдствіи; судя по этимъ отрывкамъ, Александръ Николаевичъ первоначально хотѣлъ такъ расположить сцену 4-го дѣйствія: 1) Подхалюзинъ и Липочка, 2) тѣ же и Тишка, 3) тѣ же, но безъ Большова, вмѣсто котораго является Устинья Наумовна, 4) вмѣсто Устиньи Наумовны—Расположенскій [1]). Итакъ, по первоначальному плану, авторъ, повидимому, совсѣмъ не имѣлъ въ виду выводить Большова на сцену въ IV-мъ актѣ, и отъ дополненія этого явленія комедія, конечно, значительно выиграла въ своемъ драматизмѣ.

Одно только замѣчаніе Семевскаго возбуждаетъ недоумѣніе и въ свою очередь вызываетъ на замѣчаніе. «Послѣдняя, заключительная сцена комедіи Островскаго, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ въ 1855 г., пишетъ М. И. Семевскій, написана здѣсь въ рукописи въ первомъ своемъ видѣ, какъ говорится, «въ одинъ присѣстъ», безъ всякихъ исправленій поступила въ печать. Недостатокъ знаковъ препинанія и раскидистый почеркъ хорошо показываютъ, что авторъ не долго сидѣлъ надъ нею, т.-е. какъ созрѣла она въ его головѣ, такъ живо и улеглась на бумагѣ. Единственное различіе рукописной этой сцены съ печатнымъ состоитъ въ приходѣ Тишки «съ старымъ сюртукомъ», что не вошло въ печать. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ эти слова, во-первыхъ, напоминаютъ зрителю о желаніи Подхалюзина ѣхать по кредиторамъ тестя съ униженными просьбами о сбавкѣ ихъ претензій и, во-вторыхъ, оправдываютъ безъ этого совершенно лишнее явленіе Тишки на сцену» [2]). Вотъ это замѣчаніе и

---

[1]) Тамъ же, стр. 150.
[2]) Тамъ же, стр. 150—151.

сожалѣніе мнѣ представляются непонятными, и вотъ почему. Въ печатномъ текстѣ сохранились слова Подхалюзина: «Тишка! (Входитъ.) подай старый сюртукъ, котораго хуже нѣтъ. (Тишка уходитъ.) А то подумаютъ: богатъ, должно быть, въ тѣ поры и не сговоришь». Можно-ли допустить, чтобы послѣ такихъ словъ Подхалюзина Тишка входилъ вторично на сцену безъ сюртука, хотя бы въ ремаркѣ и не было упомянуто, что онъ входитъ «съ старымъ сюртукомъ». Упоминаніе о немъ было совершенно излишне, и поэтому Островскій и выпустилъ его.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется работа нашего драматурга надъ комедіей «Свои люди—сочтемся», слѣды которой сохранились въ рукопии.

Къ какимъ-же выводамъ можно притти на основаніи изученія этой послѣдней? Очевидно, типъ Подхалюзина создался далеко не сразу. Напр., постепенно только разрабатывался мотивъ женитьбы Подхалюзина на Липочкѣ: отъ одного глухого намека авторъ дошелъ до полнаго выясненія плана Подхалюзина, при чемъ въ одномъ наброскѣ была приписана послѣднему совершенно невѣрная черта характера: доброе намѣреніе, съ которымъ онъ желаетъ чѣмъ-нибудь попользоваться при банкротствѣ своего хозяина; точно также мало шли къ его личности слова: «за сердце забираетъ». Равнымъ образомъ неправильно былъ онъ представленъ заискивающимъ передъ Тишкой. Далѣе, были вложены въ его уста совершенно излишнія разсужденія о Тишкѣ, о жизни приказчика, о томъ, какъ богатѣютъ купцы, разсужденія, потомъ исключенныя авторомъ.

Личность Большова также создавалась постепенно. Такъ, напр., впослѣдствіи была внесена одна подробность, подчеркивающая его самодурство (разсказъ о бритьѣ), хотя авторъ въ этомъ отношеніи соблюдалъ мѣру и выпустилъ разсказъ о томъ, что самъ «третій день колобродитъ». Первоначально авторъ хотѣлъ вывести Большова пьянымъ, но потомъ оставилъ эту мысль, и только въ послѣднемъ 4-мъ актѣ заставляетъ Большова захмѣлѣть съ выпитаго отъ горя вина.

Характеристика женскихъ типовъ была пополнена вне-

сеніемъ разговора о приходѣ свахи, котораго нѣтъ въ рукописи Рум. музея.

Исключены нѣкоторыя мелкія подробности, напр., въ словахъ Подхалюзина о векселяхъ, въ разговорѣ съ Тишкой.

Наконецъ былъ переработанъ, что очень важно, и самый планъ комедіи. Такъ, напр., теперешнее I-е дѣйствіе сначала было II-мъ. Затѣмъ перемѣны были такъ сказать и въ границахъ одного явленія или дѣйствія. Напр., неудачей съ реэстромъ объяснялось раньше обращеніе къ Сысою Псоичу, а теперь въ печатномъ текстѣ этотъ послѣдній совѣтуетъ составить такой реэстръ. Далѣе разсказъ свахи о нерѣшительности жениха не былъ лживымъ, какъ теперь, входилъ во II-е дѣйствіе, ставшее теперь I-мъ, и перенесенъ въ III дѣйствіе. Повидимому, предварительно свадьба Липочки съ благороднымъ женихомъ разстраивалась сама собой, а не по происками Подхалюзина, какъ теперь.

III.

„Бѣдная невѣста“ [1]).

(Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.)

I.

Названное произведеніе А. Н. Островскаго сохранилось въ черновомъ видѣ въ рук. № 3097, на 39 и 13 лл. Рукопись представляетъ: «планъ комедіи, мелкія замѣтки и черновые наброски отдѣльныхъ сценъ, иногда въ двухъ редакціяхъ». (Отчетъ Рум. музея.)

На первомъ (по счету музея) листѣ рукописи, наверху, въ правомъ углу, перечень дней: пятница, суббота, понедѣльникъ, вторникъ, и послѣ каждаго дня зачеркнутыя

---

[1]) Этотъ этюдъ былъ напечатанъ въ „Изв. отд. р. я. и сл.“. 1910 г. кн. II, стр. 83—166.

и незачеркнутыя цифры, обозначающія, можетъ быть, №№ тѣхъ сценъ, которыя были написаны или должны были быть написаны въ эти дни. Посрединѣ листа вверху, хотя ниже, чѣмъ перечень дней и цифры, написано заглавіе комедіи, затѣмъ еще ниже перечислены столбцомъ листы и соотвѣтственно съ ними указано то, что на нихъ помѣщено, напр.: «Листъ 1—планъ и № 5»... и т. д. На основаніи этой записи можно установить, что рукопись сохранилась не вполнѣ, не дошло листовъ 6-го, 19—24 (включит.). Всего листовъ по этой нумераціи—45. Количество листовъ по записи въ «Отчетѣ Рум. музея» правильно, слѣдовательно упомянутые листы затеряны до поступленія рукописи въ Румянцевскій музей.

На 2-мъ листѣ рукописи (по счету музея, у Островскаго эта страница не нумерована) находится слѣдующій планъ комедіи:

«Актъ 1-й.

№ 1-й. Хорькова и А(нна) П(етровна)—№ 2. М(арья) А(ндреевна) и А. П. — № 3. М. А. одна.—№ 4. М. А. и Зоричъ.—№ 5. М. А. и Милашинъ.—№ 6—конецъ.

Актъ 2-й.

№ 7. М. А. и Хорьковъ.—№ 8. Зор. и Мил. — Хор. и Милашинъ.—№ 9 М. А. и Зоричъ. № 10. М. А. одна.—№ 11. Беневоленскій.

Актъ 3-й.

№ 12. М. А. и А. П.—№ 13. Милашинъ и М. А.—№ 14. М. А. и Зоричъ.—№ 15. М. А., А. П. и Добр(отворскій).—№ 16. А. П. и Хорькова.—№ 17. М. А., А. П. и Добр.

Актъ 4-й.

№ 18. М. одна—пот(омъ) съ Дарьей—пот(омъ) А. П.—пот(омъ) Дарья.—№ 19. Милашинъ и М. А.—№ 20. М. А. и Зоричъ.—№ 21. Милаш. и М. А.—№ 22. тѣ же и А. П.—конецъ. Хорьковъ.

Актъ 5-й.

№ 23. Добротв. [1]) и разныя лица.—№ 24. Бенев(оленскій), М. А. и Добр.—№ 25. Зоричъ и М. А.—№ 26. Зоричъ и Милаш.—№ 27. «Бенев. и Добротв. и разныя лица. № 28. М. А., А. П., Добр.»

Не останавливаясь пока на приведенномъ планѣ, я отмѣчу, что на этой же страницѣ идетъ перечень листовъ и помѣщенныхъ на нихъ №№.

Л. 1, 2 —№ 5.
3, 4 —№ 3.
5 —№ 9.
6 —№ 10 и 18a.
7, 8 —№ 6.
9, 10 —№ 4.
11, 12 —№ 14.
13, 14 —№ 20.
15 —№ 25.
16 —№ 26—28b.
17 —№ 18c—19.
18 —№ 19.
19 —№ 19—21.
20 —№ 21.
21, 22 —№ 22.
23 —№ 27.
Л. 24 —№ 27—28a.
25 —№ 23.
26 —№ 24—28b.
27 —№ 8.
28 —№ 11.
29, 30 —№ 7.
31 —№ 11.
32, 33, 34 —№ 11.
35 —№ 1.
36 —№ 1—2a.
37, 38 —№ 2.
39 —№ 12—13a.
40 —№ 13.
41, 42 —№ 15.
43 —№ 16.
44, 45 —№ 17.

Данный перечень свидѣтельствуетъ о томъ, что Островскій писалъ сцены въ разбивку, а не по порядку.

Кромѣ перечня и плана, на этихъ первыхъ двухъ листахъ находятся разныя замѣтки, относящіяся къ комедіи: тѣ или

[1]) Сверху поставлено NB.

другія фразы, вошедшія потомъ въ комедію; но это обычная манера письма нашего драматурга.

На листѣ 1 (нумерація Островскаго) помѣщенъ слѣдующій, повидимому, первоначальный планъ комедіи. Сверху строчекъ поставлены цифры, которыя я буду ставить передъ тѣми сценами, къ которымъ онѣ относятся. Этотъ планъ уже былъ напечатанъ г. П. Безобразовымъ въ его статьѣ: «Рукописи А. Н. Островскаго» (Историч. Вѣстн. 1890 г., февр., стр. 350— 351), но я все-таки считаю необходимымъ привести его здѣсь, тѣмъ болѣе, что г. Безобразовъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ сдѣлалъ пропуски.

«1-й Актъ.

№ 1. М. А. одна. | № 2 пот. съ мат. | тутъ показать необходимость ей выдти замужъ, и жениховъ въ перспективѣ. | № 3. М. А. одна | зад. о своемъ положеніи. | Зоричъ. | № 4 легкая сцена, пот. Милашинъ. № 5 сцена навязыванья. | № $^{6}/_{7}$. Общая сцена. — Добротворовъ на счетъ жениха и А. Петр. сообщ. о купцѣ.

2-й Актъ.

№ 7. Милаш. и Зор. потомъ М. Анд. | № 8 | кокет. съ Милаш. Зор. ревнуетъ. | безъ Милаш. | 9. сцена признаній обоюдн. 10. М. А. одна—о счастіи. Горич. | 11. Мать съ жених. [и съ Добротвор.] [1]) пот. 12 | друг. женихъ | [2]).

3-й Актъ.

13. [Мать и М. Анд. пот. М. А. одна] [1]). М. Ан. Милаш. 14. Навязыванье. Пот. совѣт. выйти замужъ, возбужд. подозр. прот. Зор., чѣмъ [усилив. любовь] [3]).

---

[1]) Поставленное въ скобки надписано сверху.

[2]) Внизу строчки подписано: „Пудъ С. Бн. Никандръ Ильичъ Головоломовъ“.

[3]) Надъ этими словами сверху надписано: „15 сценъ. = 10 листовъ 5 сцен(?)“.

15) Зоричъ, сцена ревности очень смѣшная.—16. Маша и Зор. смѣются надъ (жених..?) [1]), дать отвѣтъ. 17. Мать и Добротв. и Маша, трогат. сцена.

4-й Актъ.

18) М. А. одна ожид. Зор. | [18% сцена съ мат. и потомъ съ Дарьей. письмо] [2]). 19). Явл. Милаш., коротк. но энергическая сцена. 20) Явл. Зоричъ | главная сцена. | 21) Пот. Милаш. съ записками. 22. М. Андр. съ мат. письмо.

5-й Актъ.

23) Добротв. съ горнич. | 00) разныя лица. | 24. М. Андр. съ гор. 25) Зоричъ. 26) Зор. и Милаш. [3]). 27) Жен. и Добротв.—00) Сцены. [М. и Бенев.] [4]). 28) А. П. и Добротв. и Маш. Конецъ».

Который изъ приведенныхъ двухъ плановъ написанъ раньше? Г. Безобразовъ полагаетъ, что нашъ первый планъ былъ и написанъ прежде, потомъ будто бы авторъ составилъ другой планъ, который у насъ помѣщенъ вторымъ. Къ сожалѣнію, г. Безобразовъ мало обратилъ вниманія на первый планъ и даже не привелъ его цѣликомъ, заявивъ, что «изъ одного перечня дѣйствующихъ лицъ трудно вывести что-нибудь» [5]). Мнѣ же представляется, что первымъ былъ написанъ нашъ второй планъ, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Прежде всего бросается въ глаза то, что этотъ планъ помѣщается на первой нумерованной самимъ авторомъ страницѣ, но главнымъ образомъ должно обратить вниманіе на слѣдующее. Первый планъ, по сло-

---

[1]) Это слово трудно разобрать: можетъ быть, Милаш(?). У г. Безобразова это слово прочитано: „женихомъ“.

[2]) Поставленное въ квадратн. скобки надписано сверху.

[3]) Эта сцена вставлена впослѣдствіи. Сначала подъ № 26 значилась слѣдующая сцена (теперь № 27). Потомъ цифра 26 надъ этой послѣдней была зачеркнута и другими чернилами, тѣми же, что и вставлена сцена, надписана цифра 27.

[4]) Поставленное въ скобки надписано сверху. Раньше стояли одни звaки 00, 00, 00.

[5]) Послѣдній актъ во второмъ планѣ тоже представляетъ собою только одинъ перечень дѣйствующихъ лицъ, однако г. Безообразовъ привелъ его.

вамъ г. Безобразова, представляетъ «одинъ перечень дѣйствующихъ лицъ», во второмъ же планѣ есть еще указанія на содержаніе каждаго явленія, какъ, напр.: «тутъ показать необходимость ей выдти замужъ, и жениховъ въ перспективѣ», «задумывается о своемъ положеніи», «сцены навязыванья...» и т. д., или же приводится краткая характеристика сцены, какъ, напр.: «легкая сцена», «трогательная сцена», «короткая, но энергичная сцена», «главная сцена». Ясно, на мой взглядъ, что эти замѣчанія необходимы были тогда, когда комедія обдумывалась въ первый разъ; потомъ же можно было обойтись и безъ нихъ, а только съ однимъ перечнемъ дѣйствующихъ лицъ. Затѣмъ нашъ первый планъ значительно ближе къ теперешнему плану комедіи. Въ немъ, напр., въ 1-мъ актѣ не на мѣстѣ стоитъ № 1-й «Хорькова и Анна Петрова», такъ какъ въ печатномъ текстѣ это явленіе 9-е, но въ нашемъ второмъ планѣ этой сцены совсѣмъ не упоминается. Потомъ № 6-й въ первомъ планѣ коротко озаглавленъ: «конецъ», а во второмъ болѣе подробно: «Общая сцена.—Добротворовъ на счетъ жениха и А. Петр. сообщ. о купцѣ»; но нужно замѣтить, что это сообщеніе о купцѣ уже въ нашей рукописи зачеркнуто. 2-й актъ опять-таки въ нашемъ первомъ планѣ ближе къ печатному: въ немъ упоминаются сцены съ Хорьковымъ, тогда какъ во второмъ планѣ ихъ нѣтъ. Далѣе здѣсь упоминается фамилія жениха Беневоленскій, между тѣмъ какъ во второмъ планѣ этой фамиліи нѣтъ, да еще упоминается о какомъ-то другомъ женихѣ, который не вошелъ въ комедію. Въ 3-мъ актѣ въ первомъ планѣ встрѣчается сцена: «А. П. и Хорькова», во второмъ же нѣтъ и упоминанія о Хорьковой; точно такъ же и въ 4-мъ актѣ въ концѣ стоитъ имя Хорькова, котораго нѣтъ въ нашемъ второмъ планѣ. Такимъ образомъ въ этомъ послѣднемъ среди дѣйствующихъ лицъ совершенно не было Хорьковыхъ. Надо полагать, что тотъ планъ, въ которомъ они упоминаются, былъ составленъ позже, такъ какъ въ самомъ текстѣ рукописномъ о нихъ идетъ рѣчь. Затѣмъ нѣкоторыя сцены въ нашемъ второмъ планѣ, напр.: 13, 18%, 26, добавлены потомъ, надписаны сверху, а въ первомъ планѣ онѣ уже

введены. Выше я говорилъ, что уже въ рукописи вычеркнуто сообщеніе Анны Петровны о женихѣ, о которомъ упоминается въ нашемъ второмъ планѣ. Въ этомъ послѣднемъ еще упоминается о томъ, что Марья Андреевна «кокет(ничаетъ) съ Милаш(инымъ) Зор(ичъ) ревнуетъ». Была ли объ этомъ рѣчь въ рукописномъ текстѣ, неизвѣстно, такъ какъ этотъ листъ не сохранился, но въ первомъ нашемъ планѣ объ этой сценѣ не упоминается, какъ и въ печатномъ текстѣ. Такимъ образомъ на основаніи всего сказаннаго, я полагаю, можно утверждать, что нашъ второй планъ былъ составленъ сначала и притомъ раньше, чѣмъ писался текстъ, иначе въ него не вошло бы сообщеніе Анны Петровны о купцѣ.

По поводу этого плана г. Безобразовъ дѣлаетъ слѣдующее въ общемъ правильное замѣчаніе: «Между первоначальнымъ планомъ, говоритъ онъ, и комедіей, какъ мы ее читаемъ въ собраніи сочиненій Островскаго, разница довольно значительная. Хорьковы совсѣмъ не упоминаются и должно быть не предполагались объясненія въ любви Хорькова съ Марьей Андреевной. Свахи не появлялись на сценѣ, но вмѣсто одного жениха (Беневоленскаго) во второмъ дѣйствіи должны были фигурировать цѣлыхъ два—Беневоленскій, рекомендованный Добротворскимъ, и еще какой-то купецъ, отысканный матерью героини. По окончательной редакціи, въ первой же сценѣ между Марьей Андреевной и Меричемъ происходитъ объясненіе въ любви (явл. 7-е, дѣйств. 2-е); по первоначальному плану, этому предшествовало полупризнаніе молодыхъ людей, сцена, названная Островскимъ легкою... Опущено въ напечатанномъ текстѣ кокетничанье Марьи Андреевны съ Милашинымъ, и вообще героиня должна была быть представлена болѣе легкомысленной и вѣтреной. По крайней мѣрѣ помѣтки Островскаго на первомъ мѣстѣ рукописи «повѣсть—любовь порочной женщины» не совсѣмъ идетъ къ тому типу, который онъ представилъ намъ въ «Бѣдной Невѣстѣ» (Ист. Вѣстн. 1890, II, стр. 351—352). Не совсѣмъ понятно, почему г. Безобразовъ такъ нерѣшительно говоритъ: «должно быть не предполагались объясненія въ любви Хорькова

съ Марьей Андреевной»? Конечно, нѣтъ, потому что Хорьковы-то совершенно не входили въ комедію. Что касается жениховъ, то нужно отмѣтить, что женихъ, рекомендованный Добротворскимъ (кстати въ планѣ его фамилія—Добротворовъ), здѣсь еще не носилъ никакой фамиліи, и фамилія Беневоленскій упоминается только разъ, да и то вставлена впослѣдствіи. Относительно характера героини и помѣтки Островскаго: «повѣсть — любовь порочной женщины» рѣчь будетъ впереди.

Послѣ составленія этого перваго плана Островскій, надо думать, принялся за текстъ, и быть можетъ, когда была написана извѣстная часть его, приблизительно половина всего числа сценъ, были внесены нѣкоторыя дополненія въ написанный планъ. Когда возникъ второй планъ (нашъ первый)? Если согласиться съ высказаннымъ замѣчаніемъ о дополненіяхъ, сдѣланныхъ въ первомъ планѣ, то придется признать, что второй планъ составленъ тоже послѣ написанія текста того или другого числа сценъ, такъ какъ эти дополненія введены уже въ него. Думать же, что онъ былъ составленъ уже послѣ написанія всего текста, на мой взглядъ, невозможно, такъ какъ первая сцена по этому плану: «Хорькова и Анна Петровна», хотя въ рукописномъ текстѣ и была написана, потомъ однако была зачеркнута, да и вообще № 1 неоднократно передѣлывался, какъ увидимъ ниже. Вопросъ о томъ, когда именно былъ составленъ второй планъ, по моему мнѣнію, большого значенія не имѣетъ. Важно то, что этотъ планъ былъ вторымъ, а не первымъ, какъ думалъ г. Безобразовъ, такъ какъ онъ ближе къ теперешнему плану комедіи.

Какія же измѣненія сдѣланы въ немъ сравнительно съ первоначальнымъ планомъ? Введены Хорьковы, оставлена мысль о двухъ женихахъ, причемъ рекомендованный Добротворскимъ женихъ вездѣ носитъ фамилію Беневоленскій, свахъ еще не было.

Драматургъ однако не удовлетворился двумя этими планами и написалъ слѣдующее «Расположеніе комедіи»:

«1-ое ДѢИСТВІЕ.

Явленіе 1-ое.

М. А. и А. П.

(разговоръ о дѣлѣ и о женихахъ (большое письмо отъ Добротв.).

Явленіе 2-ое.

М. А. (одна).

(Пот. Дарья.—разгов.—М. А. одна, пот. Дарья.

Явленіе 3-е.

Дарья и сваха.

Явленіе 4-ое.

А. П. и свахи (бо́льшое).

Явленіе 5-ое.

Хорькова и пот. свахи уход.

Явленіе 6-ое.

А. П., Хорькова и Милаш.

Явленіе 7-ое.

Милаш. одинъ.

Явленіе 8-ое.

М. А., Меричь и Милаш.

Явленіе 9-ое.

М. А. и Милаш.

Явленіе 10-ое.

М. А.—А. П., Милаш. и Добр.

ДѢИСТВІЕ 2-ое СЦЕНА 1-ая.

Явленіе 1-ое.

Хорьк(овъ) одинъ.

Явленіе 2-ое.

Хорьк(овъ) и Хор(ькова).

Явленіе 3-е.

Хорьк., Хорьк. и М. А.

Явленіе 4-ое.

Хорьк(овъ) и М. А.

Явленіе 5-ое.

Хорьк(овъ), Милаш. и Мер(ичъ).

Явленіе 6-ое.

Хорьк(овъ) и Милаш.

Явленіе 7-ое.

М. А. и Мер(ичъ).

Явленіе 8-ое.

М. А. одна и Дарья».

Какъ уже отмѣтилъ г. Безобразовъ, «расположеніе второго дѣйствія буквально совпадаетъ съ напечатаннымъ текстомъ, первое дѣйствіе почти буквально». Новое измѣненіе въ комедіи: введены сцены со свахами. Написанъ этотъ третій, хотя и не полный, планъ комедіи уже послѣ того, какъ былъ оконченъ текстъ нашей рукописи. Въ «Расположеніи» вездѣ фамилія Меричъ, какъ и въ печатномъ текстѣ, тогда какъ въ рукописномъ текстѣ вездѣ Зоричъ, кой-гдѣ исправленная на Меричъ, причемъ эти поправки позднѣйшаго происхожденія. Между нашей рукописью и печатнымъ текстомъ была еще, конечно, ру-

копись бѣловая, съ которой печаталась комедія. Вотъ, вѣроятно, приступая къ писанію текста этой бѣловой рукописи, авторъ и составилъ свое «Расположеніе комедіи».

II.

Перейдемъ теперь къ изученію того, какъ создавался текстъ. Выше я уже упоминалъ о томъ, что онъ писался въ разбивку, а не по порядку сценъ въ комедіи. Но въ какомъ порядкѣ появлялись одна за другой, это сказать, конечно, невозможно, потому что и на вышеприведенный перечень листовъ и №№, повидимому, положиться нельзя. Слѣдуетъ замѣтить, что Островскій на поляхъ одного изъ листовъ нашей рукописи сдѣлалъ помѣтку: «остается 15 сценъ: 1, 2, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 21, 22, 23, 27, 28». Сцена 16 отмѣчена уже какъ написанная, а въ перечнѣ листовъ она стоитъ почти въ самомъ концѣ, на 43 л. Въ виду этого я буду разбирать текстъ по порядку дѣйствій и явленій.

По второму плану комедіи 1-мъ явленіемъ I-го дѣйствія должна была быть сцена Анны Петровны съ Ариной Егоровной, теперь 9-ое явл. I-го дѣйств. Поэтому, не останавливаясь на немъ теперь, я приведу текстъ 2-го, 3-го и 4-го первоначальныхъ явленій, лишь отчасти использованныхъ Островскимъ и сполна не вошедшихъ въ комедію.

«*Явленіе 2-ое.*

Тѣ же и М. А. (входитъ).

Ар(ина) Ег(оровна).

Ахъ, М. А.! Какъ ваше здоровье?

М. А.

(Покорно благодарю) [1]. Слава Богу.

---

[1]) Слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты.

Ар. Ег.

Лучше всего-съ. — Мой Миша всегда объ васъ съ отличной точки относится. Какая, говоритъ, М. А. умная и образованная барышня, высшаго, говоритъ, круга образованія.

М. А.

Покорно васъ благодарю.

Ар. Ег.

(Прошу васъ не оставить его своимъ расположеніемъ) [1]. [Онъ мнѣ говоритъ, что вы завсегда книжками занимаетесь. (Показываетъ на столъ). Это что у васъ за книжка?

М. А.

Стихотворенія Лермонтова.

Ар. Ег.

Что же такое тутъ написано?

М. А.

Мало-ли что, Ар. Ег., тутъ много хорошаго написано; всего не перескажешь.

Ар. Ег.

Я воображаю, это должно быть очень занятно, читать такія книги. — У васъ бываетъ кто-нибудь изъ молодыхъ людей.

М. А.

Милашинъ бываетъ.

Ар. Ег.

Зачѣмъ же онъ у васъ бываетъ?

М. А.

Какъ зачѣмъ—онъ съ нами давно знакомъ.

---

[1]) Тоже.

Ар. Ег.

Что, онъ служитъ гдѣ-нибудь?

М. А.

Не знаю гдѣ-то.—Такъ незначительное мѣсто имѣетъ.

Ар. Ег.

Это вамъ не женихъ, М. А.

М. А.

Да я и не думаю о женихахъ. Съ чего вы взяли?

Ар. Ег.

Повѣрьте, М. А., есть люди, которые умѣютъ цѣнить вашу красоту и образованіе. Прощайте. Не оставьте насъ своимъ расположеніемъ] [1]) (уходятъ).

Явленіе 3-е.

М. А.

Опять, кажется, сватовство! Господи, какъ это скучно! [Мнѣ уже надоѣло отказывать, а маменькѣ все еще не надоѣло искать жениховъ] [2]). Какъ это маменькѣ не надоѣстъ! [3]). [Посмотримъ, кто прежде устанетъ—я отказывать, или она искать]. Мнѣ такъ опротивѣло слово женихъ, что если бы самый лучшій мужчина посватался, мнѣ и то было бы непріятно. Зато я теперь очень хорошо знаю мужскія добродѣтели: тотъ, говорятъ, смирный; тотъ хорошій хозяинъ; тотъ далеко пойдетъ по службѣ; тотъ только непьющій.—Что-жъ! и это не послѣднее качество. Мнѣ представляется, что есть особенный кварталъ въ Москвѣ, гдѣ эти женихи живутъ, ужъ совсѣмъ готовые со всѣми этими добродѣтелями, въ бѣлыхъ жилетахъ... (съ глупыми физіономіями...) [4]). И смѣшно, и досадно.

---

[1]) Все, поставленное въ квадратныя скобки, написано на поляхъ.

[2]) Все, поставленное въ квадр. скобки, зачеркнуто.

[3]) Вся эта фраза надписана сверху надъ слѣдующей въ рукописи зачеркнутой фразой, у насъ поставленной въ квадр. скобки.

[4]) Надписано сверху.

Иногда даже зло возьметъ... Вотъ на зло бы теперь влюбилась въ кого-нибудь. Полюбить-то некого. Что жъ это за наказаніе такое: жениховъ сватаютъ уродовъ, полюбить некого. Вотъ положеніе [1]).

Явленіе 4-ое [2]).

Тѣ же и А. П.

М. А.

Что ушла Ар. Ег.?

А. П.

Ушла. Славная она какая женщина! Машенька.

М. А.

Хорошая женщина. Что она сватать что-ли кого приходила? [3]).

А. П.

Да. Что-жъ, Машенька! Мих. Ив. человѣкъ образованный, смирный, любитъ тебя очень.

М. А.

Хорошо, хорошо.

А. П.

Да что хорошо-то.

М. А.

Я подумаю.

А. П.

Да объ чемъ думать то, скажи ты мнѣ, сдѣлай милость. Додумаешься до того, что просидишь въ дѣвкахъ.

---

[1]) Послѣ явленія 3-го оставленъ пробѣлъ: очевидно, этотъ монологъ Марьи Андр. не сразу былъ законченъ, а сначала были написаны только двѣ первыя строчки: чернила ихъ болѣе блѣдныя, чѣмъ остальныхъ строкъ.

[2]) Цифра 4 исправлена изъ 3.

[3]) Сначала было написано: „Что она съ предложеніемъ что-ли приходила?“

М. А.

А что-жъ за бѣда такая.

А. П.

Глупа еще ты, вотъ что.

М. А.

Маменька, я вѣдь вамъ сказала, что черезъ годъ пойду за мужъ и вы мнѣ обѣщали и не напоминать мнѣ объ этомъ. Черезъ годъ мнѣ будетъ ровно 20 лѣтъ, тогда и будемъ говорить о женихахъ.

А. П.

Что-жъ такое не говорить-то; отъ слова-то тебя убудетъ что-ли (молчаніе)».

Хотя впослѣдствіи авторъ отчасти и использовалъ написанныя имъ явленія I-го дѣйствія, но все-таки онъ ими не удовлетворился. Слѣдуетъ однако упомянуть, что по первому плану комедія начиналась монологомъ М. А., потомъ шла сцена ея съ матерью. Текстъ этотъ и находимъ на 37 листѣ, гдѣ помѣщено дѣйствіе I-е, явл. 1-е и 2-е, на слѣдующемъ же листѣ вновь 2-е явленіе. На обоихъ листахъ масса поправокъ, но въ общемъ здѣсь получается текстъ первыхъ двухъ явленій I-го дѣйствія, конечно, съ разночтеніями.

Первое явленіе начиналось по этому тексту, какъ сказано, слѣдующимъ монологомъ Марьи Андреевны (напечатанъ у г. Безобразова):

Машенька (играетъ на фортепьянахъ).

«Боже мой, какая скука! Не знаю, куда дѣваться отъ тоски. Нѣтъ [1]) я вижу, что наконецъ надобно выйти замужъ. Въ странное иногда положеніе ставитъ судьба человѣка. Изъ чего хлопоталъ мой отецъ! Образовали меня, показали мнѣ свѣтъ. Съ пяти лѣтъ я привыкла видѣть

[1]) Противъ этихъ и дальнѣйшихъ словъ на поляхъ замѣтка: „Для начала. Тысячу разъ я давала себѣ обѣщаніе не думать о томъ,—о прошломъ времени, и всетаки противъ воли иногда вспомнишь“.

толпу вокругъ себя; съ пяти лѣтъ была свободна. Выучилась разбирать людей, выучилась вести себя. Куда годятся эти качества безъ состоянія. Я помню свои побѣды, помню, вотъ я четырнадцати лѣтъ...—Да мы тогда были богаты. За одно я только благодарю отца; это за свободное воспитаніе, вслѣдствіе котораго я съ самой ранней молодости научилась [1]) думать сама о себѣ, сама судить о своихъ поступкахъ, сама себѣ давать отчетъ во всемъ. Безъ этого [2]) я бы не перенесла своего положенія. А бѣдная маменька! она до старости жила, ничего не знала, а теперь должна сама хозяйничать. И считаетъ своимъ долгомъ непремѣнно найти мнѣ богатаго жениха.

(Входитъ) В. П. [3]).

Вотъ какъ бы папенька-то твой не моталъ безъ памяти, такъ бы другое дѣло было. [Жилъ-то больно не по состоянію, все тянулся за генералами; только вѣдь и было на умѣ то, что клубы да обѣды, да лошади; вѣдь онъ за мной много взялъ покойникъ, да все и проѣлъ. Да вотъ и] [4]) (а то) [5]) оставилъ насъ почти ни съ чѣмъ; дѣла всѣ запутаны; тутъ тяжба еще. А что я! мое дѣло женское. (Да я и не знаю ничего, я сама привыкла за людьми жить) [6]). Еще хорошо, что добрые люди принимаютъ участіе. Вотъ Ив. Дм., дай ему Богъ здоровья. А то чтобы мы! Что мы знаемъ.

Маш. Что прошло, того не воротишь. Если бъ, маменька, отъ меня зависѣло поправить наши дѣла, если бъ представился случай, я бы не задумалась; я давно рѣшилась. Ужъ разумѣется, мнѣ, въ моемъ положеніи, выби-

---

[1]) На поляхъ противъ этого слова замѣтка: „Выборъ“ (вѣроятно, пьесъ для игры).

[2]) На поляхъ ремарка: „Перерываетъ нѣсколько разъ и играетъ на фортепьянахъ“.

[3]) Или это описка, потому что передъ слѣдующей репликой этого лица также стоятъ иниціалы В. П., только исправленные на А. П., или же авторъ колебался въ выборѣ имени.

[4]) Все, поставленное въ скобки, зачеркнуто.

[5]) Эти слова надписаны сверху, очевидно, послѣ того, какъ предшествующее было зачеркнуто.

[6]) Эта фраза написана на поляхъ.

рать жениховъ нечего. И я готова выйти за сколько-нибудь порядочнаго человѣка.

В. П. (исправлено на А. П.),

Да, Маша, да! Что-жъ дѣлать. Быть можетъ и хорошаго человѣка Богъ дастъ».

На этой репликѣ, очевидно, работа была прервана, потому что дальнѣйшая реплика не имѣетъ съ только что приведенной никакой связи. Затѣмъ, задумавъ ввести Хорьковыхъ, авторъ написалъ уже извѣстный намъ текстъ первыхъ четырехъ явленій I-го дѣйствія, но не удовлетворился ими, и работа приняла такое теченіе. На 38 л. былъ опять написанъ № 1, т.-е. I-е дѣйствіе, хотя никакихъ явленій и дѣйствій не обозначено. Текстъ начинается съ реплики Анны Петровны (въ рукописи В. П.): «Чтой-то, ей Богу, хотя бы Ив. Дм. (карандашомъ исправлено) Пл(атонъ) М(арковичъ) пришелъ! Ужъ я и не знаю, что мнѣ дѣлать-то. Вотъ былъ чулокъ, вотъ гдѣ теперь чулокъ...» и т. д., какъ въ печатномъ текстѣ (1-е явл. I-го дѣйств.) до конца этого 1-го явленія, причемъ послѣдняя (въ печатномъ текстѣ) реплика А. П. въ рукописи кончается нѣсколько иначе, чѣмъ въ печати, а именно въ рукописи нѣтъ словъ: «Да ужъ и въ головѣ-то все не то. Дѣло-то меня безпокоитъ очень, объ домѣ-то нужно съ Платономъ Маркычемъ поговорить. Все-таки мужчина». Вмѣсто нихъ находимъ такую фразу, также впослѣдствіи использованную въ печатномъ текстѣ (только при слѣдующей переработкѣ): «Хоть бы ты замужъ чтоль, Маша, выходила поскорѣй, я бы ужъ, кажется, не знала какъ и Бога-то благодарить, а то какъ это безъ мужчины въ домѣ. Это никакъ нельзя».

Но въ рукописи явленіе здѣсь не оканчивалось, а продолжалось далѣе въ такомъ видѣ:

«[М. А. А уговоръ.

А. П. Да что ты все съ уговоромъ надоѣла до смерти, ужъ и поговорить нельзя. Что такое въ самомъ дѣлѣ?] [1]).

---

[1]) Поставленное въ скобки вставлено потомъ: написано на оставшемся свободномъ мѣстѣ.

Маша. Развѣ я виновата, маминька, что мнѣ никто не нравится? (Раньше было: «Чего вы, маменька, не выдумаете?»).

А. П. Какъ это не нравится, я не знаю; это такъ капризъ просто, Маша.

Маша. Вы знаете, маменька, что у меня капризовъ нѣтъ, а просто не нравится никто, да и все тутъ. (Да чтожъ тутъ мудренаго! Кто за меня сватался? Припомните хорошенько! Что это за люди!) [1]). [Все какіе-то положительные, холодные.

А. П. Да гдѣ жъ тебѣ горячихъ-то взять; нынче, матушка, всякій дѣломъ занятъ, горячиться-то некогда. Это вамъ дѣлать-то нечего—вы сидите да мѣчтаете, а мущинато либо какимъ-нибудь дѣломъ занимается, либо на службѣ, а пріѣдетъ со службы-то, отдохнуть захочетъ; а вечеромъто либо дѣло есть, либо съѣздить куда надобно; такъ ужъ тутъ горячность-то ваша на умъ не пойдетъ. Куды это я табатерку засунула, ужъ и не знаю? Посмотрика тамъ на столѣ. Постой здѣсь въ карманѣ. (Полно, Маша, ребячиться-то, вѣдь ты уже не маленькая) [2]).

Маша. Чтожъ, маменька, мнѣ за охота выходить за человѣка, который половину дня на службѣ, а другую половину спитъ?

В. П. Ну такъ сама выбирай, а ужъ я не знаю какъ по тебѣ угодить. Вотъ Мартынъ Иванычъ очень хорошій человѣкъ, а тебѣ не нравится.

Маша. Помилуйте, маменька! Это совсѣмъ не въ моемъ вкусѣ.

В. П. Какой же вкусъ то у тебя? Я ужъ и не разберу.

Маша. Вотъ Володя хорошъ.

В. П. Да вѣдь Володѣ то 15-й годъ, а тебѣ 26-й. Что это ты такое говоришь. Это ужъ Богъ знаетъ что! Не слушалъ бы]».

Затѣмъ все, поставленное въ квадратныя скобки, т.-е. отъ словъ: «Все какіе то положительные, холодные», и

---

[1]) Поставленное въ скобки надписано сверху вмѣсто словъ: „Все какіе-то положительные, холодные“.

[2]) Эта фраза зачеркнута.

до только что приведенной реплики Анны Петровны (В. П.), зачеркнуто и написано такое продолженіе текста:

«А. П. Чтожъ дѣлать то, Машенька, чтожъ дѣлать то, другъ мой, нынче хорошіе то женихи все денегъ ищутъ, не хотятъ видѣть, что ты у меня красавица. Куды это я табатерку засунула, ужъ и не знаю! Посмотрико тамъ на столикѣ! Постой, здѣсь въ карманѣ.—Вѣдь ужъ какъ бы, кажется, тебя то не полюбить! Все вѣтеръ въ головѣ то у молодыхъ людей.

[Маша. А вотъ, маменька, погодите, графъ какой-нибудь влюбится.

В. П. А что ты думаешь? Какъ бы было у насъ состояніе, да выѣзжала бы ты въ общество, такъ посмотри, сколько бы за тобою ухаживали] [1]).

Маша. Полноте, маменька! Въ Москвѣ много хорошенькихъ и безъ меня.

А. П. Какія хорошенькія, Машенька! Гдѣ онѣ хорошенькія то?

(Входитъ Дарья)».

Далѣе идетъ текстъ теперешняго 2-го явленія I-го дѣйствія. Но въ 1-мъ явленіи были сдѣланы такія перемѣны. Въ первое явленіе былъ выдѣленъ одинъ только вышеприведенный монологъ Марьи Андреевны. Съ появленія Анны Петровны начинается 2-е явленіе, но оно начиналось репликой (на 38 л.): «Что-й-то, ей Богу, хоть бы Пл. М. пришелъ...» и т. д. до реплики А. П.: «Какія хорошенькія, Машенька! Гдѣ онѣ хорошенькія то?» Затѣмъ послѣ этой реплики сдѣлана съ помощью условнаго знака ссылка на 37 л. стр. 6 на реплику А. П.: «Вотъ кабы папенька то твой не моталъ безъ памяти» и т. д., причемъ здѣсь снова сдѣлана ссылка на № 1, стр. 1. Такимъ образомъ эти рукописныя 1 и 2 явленія подверглись впослѣдствіи переработкѣ, и изъ нихъ составилось одно 1-е явленіе, текстъ котораго въ обработанномъ видѣ, вѣроятно, и вошелъ въ бѣловую рукопись.

Текстъ теперешняго 2-го явленія въ рукописи почти тотъ же, что и въ печати. Есть, конечно, разночтенія,

---

[1]) Поставленное въ скобки перечеркнуто.

изъ которыхъ отмѣчу слѣдующія. Въ письмѣ Добротворскаго нѣтъ очень важныхъ словъ: «Дѣло ваше, по случаю упущеній съ вашей стороны, приняло дурной оборотъ; но вы, сударыня, не извольте безпокоится: ибо я нашелъ весьма знающаго человѣка, который можетъ онымъ дѣломъ руководствовать». Нѣтъ между прочимъ и послѣдней реплики А. П.: «Поди сюда, я тебѣ дамъ записочку Платону Маркычу», а идутъ такія реплики:

«А. П. Чтожъ, Машенька, поискать не мѣшаетъ, мой другъ; можетъ тебѣ и понравится. Пойду я посмотрю тамъ, а то эта Дарья такая безтолковая.

Машенька (одна). Маменька говоритъ, что я хороша, я и сама знаю, что я хороша; да что же мнѣ теперь въ этомъ толку, хорошо тогда съ красотой, когда много поклонниковъ, когда изъ толпы сердце выберетъ человѣка, и знаешь, что можешь осчастливить его своей любовью, Осчастливить... Когда сама гораздо счастливѣе того, кого счастливишь».

Послѣдній монологъ Машеньки, очевидно, долженъ былъ составить 3-е явленіе I-го дѣйствія, но не слѣдуетъ забывать того, что онъ написанъ гораздо позднѣе того, какъ было написано это 3-е явл., которое также имѣетъ свою исторію. Именно № 3 (лл. 3 и 4) заключаетъ монологъ Марьи Андреевны, который, по первоначальному намѣренію автора, и долженъ былъ составить 3-е явл., но не вошелъ въ комедію, а затѣмъ бесѣду М. А. съ Дашей, т.-е. 4-е явленіе.

Первоначально монологъ М. А. и явленіе 4-е читались такъ:

«Маменька говоритъ, что я хороша. Охъ, я и сама знаю, что я хороша, да что мнѣ въ этомъ толку. Красота нужна для женщины, когда любишь кого-нибудь. О я понимаю, тогда красота дѣйствительное счастіе. [Женщинѣ не нужно награды за ея любовь; для нея любить ужъ счастіе; а мужчинѣ за его любовь нужна пожалуй награда.—Напрасно ихъ называютъ за это эгоистами. Нѣтъ, это совсѣмъ не тяжело для женщины, это такъ отрадно, это такъ по-женски] [1]). Полюбить человѣка, ви-

[1]) Поставленное въ скобки написано на поляхъ.

дѣть, что въ тебѣ все его блаженство, все его счастіе, знать, что можешь осчастливить своей красотой. [Все это такъ пріятно для женщины, что едва ли для нея въ этомъ не больше счастія, чѣмъ для мужчины] [1]). Вотъ по моему мнѣнію истинное (?) употребленіе красоты, всякое другое недостойно. Да ужъ бываютъ ли такіе случаи, мнѣ что-то не вѣрится; хоть помѣчтаешь и того довольно. На что красота! Безъ нея было бы легче! Особенно въ моемъ положеніи. [Мнѣ даже непріятно, когда меня называютъ хорошенькой] [2]). За чѣмъ, для кого мнѣ быть хорошенькой. [Почти до 20-ти лѣтъ я не видала ни одного мужчины, который бы хоть сколько нибудь остановилъ мое вниманіе; теперь мнѣ надо бы выйти за мужъ за человѣка вѣроятно дѣлового, которому нужна хозяйка. Мнѣ всегда непріятно, когда меня называютъ хорошенькой] [3]). Красота тяжела мнѣ [4]), какъ незаплаченный долгъ. (Входитъ Даша). Что Даша хороша я?

Даша. Красавица, раскрасавица.

М. А. А что, Даша, давай мѣняться.

Даша. И мат(ушка) на что мнѣ.

М. А. А мнѣ на что?

Даша. Что это вы, барышня, говорите. Посмотрите-ко какой молодецъ въ васъ влюбится, любо дорого глядѣть. Полковникъ какой-нибудь возметъ. А я ужъ изжила свой вѣкъ [5]).

М. А. И я Даша вотъ ужъ почти 20 лѣтъ прожила, да не видала еще ни одного мужчины, (котораго бы можно полюбить) [6]). А теперь нужно выходить замужъ; еще Богъ знаетъ за кого выдешь. Лучше быть хорошей хозяйкой, чѣмъ красавицей.

Даша. И, матушка, велики еще ваши года. Посмотрите-ка какого жениха найдемъ...

(уходитъ)».

---

[1]) Тоже.

[2]) Эта фраза надписана сверху строки.

[3]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

[4]) Вмѣсто словъ: „тяжела мнѣ“, надписанныхъ сверху, раньше стояло: „меня тяготитъ“.

[5]) Вмѣсто послѣдней фразы первоначально было: „А мнѣ ужъ на что, я изжила свой вѣкъ“.

[6]) Первоначально было: „который бы стоилъ моей любви“.

Весь этотъ длинный монологъ М. А. уже при первой переработкѣ подвергся значительному сокращенію и принялъ такой видъ: «М. А. (одна). Маменька говоритъ, что я хороша. Я и сама знаю, что хороша, да что въ этомъ толку. Право даже досадно; всѣ говорятъ, хорошенькая, хорошенькая, а никто не влюбится.—Хоть бы посмотрѣла какъ это любятъ то. [Живешь въ какой то глуши, и людей то не видать, здѣсь только Дарьѣ съ ея физіономіей и жить] [1]). Ахъ, ей Богу, до смерти хочется влюбиться! Не въ кого, рѣшительно не въ кого. Живемъ въ какой то глуши и людей то не видать; здѣсь только Дарьѣ, съ ея физіономіей и жить».

Далѣе идетъ текстъ 4-го явленія, совершенно сходный съ печатнымъ, только конечно, сложился онъ не сразу, а кое-что добавлено потомъ.

Текстъ слѣдующихъ явленій былъ въ нѣкоторой степени иной уже потому, что не было сценъ со свахами. Вотъ наброски для 5-го явленія.

«М. А. [А впрочемъ есть своего рода увлеченіе въ исполненіи долга. Теперь мнѣ еще пока легко. Стоитъ только забыть о томъ, что прожила двадцать лѣтъ даромъ, что я хороша, что я могу любить, и кончено дѣло.. Я еще пока свободна. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ до сихъ поръ никто не нравился, развѣ Зоричъ и то такъ не множко. Онъ не дуренъ собой, кажется съ добрымъ сердцемъ... А впрочемъ я такъ его мало знаю. Онъ что то очень давно у насъ не былъ.—Мнѣ одно время казалось, что я его люблю; даже я ему и теперь была бы рада.—Онъ какъ то мало всегда обращалъ на меня вниманія. Видно, что онъ человѣкъ свѣтскій, который перенесъ много разочарованій. Они всегда такъ или жалуются, что женщины неприступны и не позволяютъ къ себѣ подойти близко, или [2]) а если полюбишь, такъ говорятъ, что они столько испытали, столько перечувствовали, что любить

---

[1]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.
[2]) Это слово зачеркнуто.

не могутъ] [1]) (смотр. въ окно) [2]). Вотъ легокъ на поминѣ. Это кажется онъ! Онъ, онъ. Вотъ прекрасно.—Идетъ такой печальный, задумавшись.—Желала бы я знать, о чемъ онъ думаетъ, ужъ вѣрно не обо мнѣ. Онъ должно быть къ намъ идетъ. (Подходитъ къ зеркалу). Ахъ какая я глупая! Ну съ чего я такъ покраснѣла вся, и голосъ дрожитъ. Надобно немного успокоиться [онъ пожалуй замѣтитъ] [3]) (беретъ работу). А что жъ такое мнѣ бы даже хотѣлось, чтобы онъ замѣтилъ, чтобы онъ сталъ дѣлать? Ахъ какія глупости! Что я вру. [Смотр. въ окно. Влад. Васил. о чемъ вы задумались?]» [4]).

Вотъ другой набросокъ: «[Мужъ будетъ любить! Да я то буду ли любить мужа? Вотъ въ чемъ вопросъ! Мало ли я видѣла жениховъ—всѣ препротивные; для нихъ не стоитъ и быть хорошенькой!] [5]).—Сколько я не знаю молодыхъ людей, Меричъ рѣшительно лучше всѣхъ. Милашинъ просто противенъ, Михайло Иванычъ серьезенъ очень.—Меричъ хорошъ, только какой то странный.—Мнѣ одно время казалось, что я его люблю; только онъ мало обращалъ на меня вниманія.—Онъ должно быть разочарованъ. (Смотритъ въ окно)» [6]).

Второй набросокъ несомнѣнно написанъ значительно позднѣе перваго, на что указываетъ фамилія Меричъ, но оба они еще не представляютъ окончательнаго текста 5-го явленія: впослѣдствіи, вѣроятно, когда писался текстъ бѣловой рукописи, были произведены измѣненія въ этихъ наброскахъ и добавленъ разговоръ М. А. съ Дарьей, равно какъ въ это же время были написаны 6, 7 и 8-е явленія, которыхъ нѣтъ въ нашей рукописи.

---

1) Все, поставленное въ скобки, перечеркнуто крестъ на крестъ.

2) Здѣсь поставленъ условный знакъ: одна вертикальная черточка и вверху отъ нея идутъ двѣ параллельныхъ горизонтальныхъ черточки, только покороче.

3) Поставленное въ скобки надписано сверху строкъ.

4) Поставленное въ скобки зачеркнуто. Затѣмъ идетъ отмѣтка автора: см. № 4-й. Судя по цвѣту чернилъ, эта отмѣтка позднѣйшаго происхожденія.

5) Поставленное въ скобки—позднѣйшая вставка; все написано въ концѣ страницы и болѣе яркими чернилами.

6) Здѣсь поставленъ тотъ же условный знакъ, что выше (см. прим. 2). Очевидно, продолженіе должно было быть взято изъ предшествующаго наброска.

Текстъ 9-го явленія, которое по второму письму должно было быть первымъ, въ рукописи почти тотъ же, что и въ печати, съ небольшими разночтеніями, изъ которыхъ слѣдуетъ одно отмѣтить; именно во второй репликѣ Анны Петровны въ рукописи нѣтъ словъ: «Вотъ у насъ теперь тяжба объ домѣ, такъ, вѣдь, ночи не сплю. Ну, какъ отнимутъ, куда я дѣнусь?.. а у меня дочь невѣста». Эта особенность любопытна потому, что упоминанія о тяжбѣ, какъ уже мы указали, не было въ третьемъ наброскѣ 1-го явленія I-го дѣйствія (на 38 л.), не было его также и въ письмѣ Добротворскаго, хотя правда оно было во второмъ наброскѣ 1-го явленія (на 37 л.). Очевидно, Островскій далеко не сразу пришелъ къ мысли обусловить появленіе Беневоленскаго въ домѣ Незабудкиной не только его сватовствомъ, но и дѣломъ о тяжбѣ, которое было болѣе благовиднымъ предлогомъ для этого появленія, хотя, когда писалось 2-е явленіе II-го дѣйствія, т.-е. пріѣздъ Беневоленскаго въ домъ Незабудкиной, то о дѣлѣ уже упоминается.

По обоимъ первоначальнымъ планамъ послѣ 5-го явленія должна была итти сцена Маріи Андреевны съ Меричемъ (въ рукописи фамилія его еще Зоричъ); эта сцена, которую самъ Островскій считалъ важной [1]), долго обрабатывалась, но впослѣдствіи была выпущена. Намъ необходимо на ней остановиться, такъ какъ въ ней заключаются любопытныя данныя относительно созданія образовъ Марьи Андреевны и Мерича. Вотъ ея текстъ, сложившійся, конечно, не сразу:

«М. А. и Зоричъ за сценой.

[*Зоричъ* (за сценой). Ахъ, извините, я васъ не замѣтилъ.

М. А. О чемъ вы задум(ались)?

Зоричъ. Такъ ни о чемъ, о суетѣ мірской] [2]).

М. А. Что это вы такъ давно у насъ не были?

Зоричъ. Все какъ-то нѣкогда было. А вы все хорошѣете.

---

[1]) На поляхъ на одномъ изъ листовъ онъ замѣтилъ: „важныя сцены 4, 9, 17, 20, 25“.

[2]) Поставленное въ скобки зачеркнуто блѣдными чернилами.

М. А. Полноте шутить то.

Зоричъ. Можно у васъ посидѣть полчасика? [1]).

М. А. Что это за вопросъ? Я думаю, что можно. Мы съ маменькой всегда рады васъ видѣть (отходитъ отъ окна, поправляется передъ зеркаломъ, потомъ садится за пяльцы) [2]).

Зоричъ (входитъ [3]) и садится подлѣ нея). Здоровы ли вы М. А.?

М. А. Слава Богу.

Зоричъ. (Слава Богу, лучше всего) [4]). Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ вы похорошѣли. Какой цвѣтъ лица у васъ прекрасный. [Знаете ли что?

М. А. Что такое?

Зоричъ. Вы нынче прекрасно одѣты.

М. А. Покорно васъ благодарю.

Зоричъ. За что же вы меня благодарите? Только я на вашемъ мѣстѣ надѣлъ бы пунцовый платокъ: это конечно смѣло; но въ томъ то и эффектъ] [5]).

М. А. Ну, скажите, отъ чего вы у насъ такъ давно не были-то? [6]).

[Зоричъ. Право некогда было, М. А., да и нездоровилось все какъ то.

М. А. Это извѣстная отговорка. Просто вамъ скучно съ нами. У васъ много развлеченій, гдѣ же вамъ вспомнить о насъ. Право у насъ такъ скучно.

Зоричъ. Впрочемъ я и не смѣлъ часто бывать у васъ, (вѣдь Богъ знаетъ еще какъ это вамъ понравится [7]).

М. А. Отъ чего же? Вы знаете, какъ мы живемъ; у насъ почти никто не бываетъ. И мы всегда благодарны тѣмъ, кто насъ посѣщаетъ] [8]).

---

1) Сначала было: „Можно къ вамъ войти?“

2) Настоящая реплика зачеркнута блѣдными чернилами.

3) Это слово зачеркнуто.

4) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

5) Все, поставленное въ скобки, написано на поляхъ.

6) Послѣ этой реплики между строками (на листѣ 9) сдѣлана блѣдными чернилами замѣтка: „на друг. листѣ“, причемъ передъ ней поставленъ извѣстный уже намъ условный значокъ. Текстъ этой вставки см. ниже, стр. 76—78.

7) Вмѣсто этого сначала стояло: „я не зналъ, понравится ли это вамъ“.

8) Все, поставленное въ квадратныя скобки, зачеркнуто и послѣ этого значокъ: =

Библіотека ... Ленинградской ... Казани

Зор. А Милашинъ часто у васъ бываетъ.

М. А. Даже очень.

Зор. Онъ еще не надоѣлъ вамъ.

М. А. Нѣтъ ничего.

Зор. Согласитесь однако, М. А., что онъ очень смѣшонъ. [Знаете ли, мнѣ хотѣлось бы обыграть его въ карты.

М. А. Зачѣмъ?

Зор. Чтобы посмотрѣть, какъ онъ станетъ сердиться, когда будетъ проигрывать, посмотрѣть, какъ станетъ измѣняться его физіономія, однимъ словомъ чтобы насладиться его бѣшенствомъ.

М. А. Какъ вы злы?

Зор. Да я безжалостенъ къ своимъ жертвамъ.

М. А. Зачѣмъ это В. В.?

Зор. Зачѣмъ? Спросите у змѣи, зачѣмъ она жалитъ, спросите у льва зачѣмъ онъ терзаетъ свою жертву. Спрашивать легче, чѣмъ отвѣчать М. А.] [1]).

М. А. Вотъ вы всегда смѣетесь надъ Милашинымъ, мнѣ право его жаль.

Зор. Какъ же не смѣяться, когда онъ (какъ только) меня (здѣсь увидитъ, какъ) [2]) ревнуетъ къ вамъ.

М. А. Это отъ того, что онъ меня очень любитъ.

Зор. И считаетъ меня опаснымъ соперникомъ, вѣроятно. Надобно его успокоить въ этомъ.

М. А. Какъ же вы его успокоите?

Зор. Постараюсь его увѣрить, что я не имѣю никакихъ претензій на васъ.

М. А. Да вы его въ этомъ никакъ не увѣрите.

Зор. Отчего же?

М. А. Ужъ онъ такой человѣкъ.

Зор. Я буду порѣже къ вамъ ходить.

---

[1]) Все поставленное въ квадратныя скобки, написано на поляхъ. Очевидно, это позднѣйшая вставка, такъ какъ она прерывается помѣщенной раньше на поляхъ замѣткой, потомъ зачеркнутой: „Играть въ любовь мнѣ надоѣло, а серьезной страсти я боюсь“. Возможно, что всѣ эти вставки на поляхъ сдѣланы одновременно съ тѣми, которыя помѣщены на отдѣльныхъ листахъ, т.-е. послѣ того какъ весь текстъ даннаго явленія былъ уже написанъ.

[2]) Слова, въ обоихъ случаяхъ въ этой фразѣ поставленныя въ скобки, зачеркнуты.

М. А. Что вы! Это для чего! Чтобы успокоить Милашина, помилуйте, стоитъ ли онъ того.

Зор. Нѣтъ это и для меня для самого нужно; это нужно для моего душевнаго спокойствія.

М. А. Полноте шутить [1]).

[Зор. Вы такъ легко объ этомъ говорите, какъ будто и не замѣчаете, какая опасность угрожаетъ человѣку, который часто васъ видитъ.

М. А. Вы шутите.

Зор. Нѣтъ не шучу. Вы весьма способны внушить любовь къ себѣ и потому очень опасны для насъ. У меня правило: отъ хорошенькихъ женщинъ подальше. Я ужъ за это поплатился довольно.

М. А. А отъ чего же вы избѣгаете хорошенькихъ женщинъ?] [2]).

Зор. Да вы разсудите: (влюбиться въ женщину пламенно, страстно, а она не только не отвѣчаетъ тебѣ, а еще полюбитъ какого-нибудь мальчишку. Ну и долженъ страдать, если умѣешь скрывать свою любовь или подвергаться насмѣшкамъ любимой женщины, окружающей и безсмысленной толпы) [3]).

М. А. Ахъ В. В., женщинъ нельзя винить въ этомъ, онѣ сами часто ошибаются, и еще дороже вашего платятъ за свои ошибки.

Зор. А зачѣмъ же онѣ выбираютъ именно такихъ, которые никуда не годятся. Я нарочно замѣчалъ: чѣмъ лучше женщина, тѣмъ скорѣе она полюбитъ какого-нибудь кра-

---

[1]) Послѣ этихъ словъ идетъ замѣтка: „см. примѣчанія л. I“, обозначающая вставку, текстъ которой см. дальше стран. 78—79.

[2]) Все, поставленное въ квадратныя скобки, зачеркнуто и потомъ поставленъ условный знакъ, обозначающій вставку, которая сдѣлана на отдѣльномъ листѣ.

[3]) Поставленное въ скобки написано на поляхъ блѣдными чернилами и представляетъ позднѣйшую вставку. Раньше стояло такъ: „Женщинъ хорошенькихъ очень мало, это рѣдкость; а мужчинъ, понимающихъ красоту и способныхъ любить страстно, очень много. Чтожъ изъ этого выходитъ: женщина, окруженная поклонниками, большей частью по неопытности выбираетъ изъ нихъ недостойнаго; а остальные или должны страдать втайнѣ, если умѣютъ скрывать свои страданья, или подвергаться насмѣшкамъ любимой особы и окружающей ихъ безсмысленной толпы“. Затѣмъ эта и слѣдующая реплики М. А. перечеркнуты сверху внизъ волнистой чертой.

сивенькаго бездушнаго юношу. А потомъ пойдутъ жалобы на всѣхъ мужчинъ вообще.

М. А. Да это отъ того, что у насъ чрезвычайно мало опытности. Гдѣ же женщинѣ понять человѣка, когда и вы часто ошибаетесь. Вотъ я вамъ скажу про себя: я сужу по впечатлѣнію: коли понравится мнѣ человѣкъ съ перваго разу, ну хорошъ, а не понравился—дуренъ. А вѣдь впечатлѣніе часто обманываетъ.

Зор. Да и то правда... Такъ вотъ отъ чего М. А. я боюсь хорошенькихъ... вотъ отъ чего я и васъ боюсь... Ну какъ полюбишь!

М. А. А можетъ быть и васъ полюбятъ.

Зор. Ахъ М. А. играть любовью мнѣ ужъ надоѣло; а серьезная страсть, сказать вамъ по правдѣ, (я и самъ боюсь [1])... это страшно.

М. А. Да отъ чего же страшно? [2]).

Зор. Гм. отъ чего? Страсть! вѣдь это М. А. огонь, который пожираетъ все на своемъ пути... Вы знаете Ромео и Юлію? (М. А. киваетъ головой). Вотъ это любовь. Да гдѣ же нынче Юліи, согласитесь сами?

М. А. Да мнѣ кажется и Ромео найти нелегко.

Зор. Конечно, я съ вами согласенъ. Но все таки, М. А., есть изъ нашего брата такіе сумасброды (и я знаю, что есть), которые готовы для истинной страсти пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. А женщины! у нихъ по большой части или разсчетъ или просто кокетство. Я можетъ быть пристрастенъ; вы меня извините. Я вамъ признаюсь: я безъ особеннаго озлобленія не могу говорить о женщинахъ.

М. А. Такъ по вашему, мужчины лучше умѣютъ любить; ну я не думаю.

Зор. Какъ вамъ угодно, я спорить не смѣю. [Конечно нельзя повѣрить всякому, кто васъ станетъ увѣрять въ своей любви; но есть извѣстныя примѣты, по которымъ всегда можно узнать истинную любовь.

---

[1]) Эти слова зачеркнуты. Раньше стояло: „а серьезной страсти, сказать вамъ по правдѣ, я и самъ боюсь“. Слова „серьезной страсти“ исправлены на „серьезная страсть“.

[2]) Раньше было: „Чего же вы боитесь?“

М. А. Какія же это примѣты?

Зор. Не вѣрьте тому..... [1]) любовь можетъ глубоко гнѣздиться въ сердцѣ и не выражаться никакимъ наружнымъ знакомъ.

М. А. Да какъ же ее узнаешь, если она ничѣмъ не выражается?

Зор. Въ томъ то и дѣло. Узнать можно, я вамъ когда-нибудь скажу, какъ узнать это.

М. А. Отъ чего же не теперь?

Зор. Да на что вамъ, вѣдь вы никого не любите.

М. А. Все таки интересно. Какіе вы мудреные. По моему: если полюбишь кого-нибудь, такъ скрыть этого никакъ нельзя, а не то чтобы узнавать надо было] [2]).

Таковъ былъ первоначальный текстъ этого явленія. Затѣмъ были сдѣланы дополненія на поляхъ, мною уже отмѣченныя, а также и на отдѣльныхъ листахъ, которыя я теперь и приведу.

Первое дополненіе къ листу 9-му. Выше я говорилъ уже, что на этомъ листѣ сдѣлана замѣтка: «на другомъ листѣ», и что послѣ реплики М. А.: «Ну скажите, отъ чего вы у насъ такъ давно не были то?» нѣсколько репликъ были зачеркнуты. Вотъ текстъ, который долженъ былъ замѣнить зачеркнутое:

«Зоричъ. Сказать вамъ откровенно?

М. А. Да, сдѣлайте милость.

Зор. Я боюсь, что ваша маменька меня прогонитъ когда-нибудь.

М. А. Отъ чего вы такъ думаете? Полноте.

Зор. Человѣка съ такой репутаціей, какъ у меня, старухи не любятъ.

М. А. Чѣмъ же вы заслужили такую дурную репутацію?

Зор. Мнѣ трудно будетъ объяснить вамъ это. Вы еще

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ въ рукописи оставленъ пробѣлъ въ нѣсколько строкъ. Очевидно, авторъ хотѣлъ впослѣдствіи его восполнить.

[2]) Все, поставленное въ квадратныя скобки, зачеркнуто и послѣ начальныхъ словъ реплики Зорича: „Какъ вамъ угодно, я спорить не смѣю“, поставленъ условный знакъ, какой встрѣчается и въ дополнительномъ листѣ, гдѣ и находимъ текстъ, замѣняющій зачеркнутое. Текстъ этотъ приводится нами ниже: см. стр. 79—80.

ребенокъ. Какъ бы вамъ это сказать. Напримѣръ: я увезъ жену у мужа. Всѣ это знаютъ и я этого не скрываю.

М. А. Зачѣмъ же вы это сдѣлали?

Зор. Зачѣмъ? Въ томъ то и вопросъ. Я бы самъ дорого далъ, если бы мнѣ сказалъ кто-нибудь, зачѣмъ я это сдѣлалъ. Одно: я ее любилъ, она меня тоже любила. Мнѣ нужно было, по мнѣнію общества, отказаться отъ любви, задушить въ себѣ возвышенную и пламенную страсть. Я этого не сдѣлалъ, я ее увезъ М. А.

М. А. Что же потомъ?

Зор. Потомъ... ну обыкновенная исторія... я слышалъ, что она несчастна... что жъ дѣлать, я не виноватъ... впрочемъ это не интересно. [Пожалуй, если вамъ угодно, я человѣкъ жалкій; но что жъ дѣлать? Когда мной овладѣваетъ страсть, для меня не существуютъ ни разсчеты, ни свѣтскія условія] [1]).

М. А. (задумывается). Вы пишете что-нибудь?

Зор. Нѣтъ, иногда стихи. Но я желалъ бы написать одинъ эпизодъ изъ моей жизни. Это было прошлымъ лѣтомъ. Но можетъ быть это будетъ для васъ не интересно.

М. А. Ахъ нѣтъ, разскажите, сдѣлайте милость.

Зор. Это было лѣтомъ. Она, я вамъ не назову ея имени, была съ мужемъ [2]) въ Сокольникахъ. Былъ одинъ изъ тѣхъ восхитительныхъ вечеровъ, когда луна разливаетъ повсюду свой таинственный свѣтъ, а воздухъ дышетъ упоеніемъ и сладострастьемъ. Я вошелъ къ нимъ. Деревья бросали длинныя тѣни, я вошелъ окутавшись плащемъ. Подхожу къ террасѣ; цвѣты разливаютъ благоуханія. Между цвѣтовъ сидитъ она, опершись на голую алебастровую руку; луна обливаетъ ее своимъ свѣтомъ; она была блѣдна, слезы дрожали на ея рѣсницахъ. Одной рукой она судорожно сжимала какое-то письмо. Я долго стоялъ противъ нея, сложивши на груди руки. Наконецъ губы ея пошевелились: «Владиміръ, вы меня преслѣдовали, я вамъ не сдавалась, я хотѣла быть вѣрной своему мужу, своему долгу. Вотъ письмо онъ мнѣ измѣнилъ, я

---

[1]) Поставленное въ скобки написано на поляхъ.

[2]) Сначала стояло: „своими родными“.

ваша». Я не любилъ ее; но за то, чтобы видѣть еще разъ это мраморное чело, эту безвыходную тоску на лицѣ, я бы отдалъ свою жизнь.

М. А. Я читала что то похожее на это.

Зор. Да есть одна французская повѣсть; но это было и со мной, я вамъ могу доказать, есть свидѣтели, которые знаютъ это дѣло. Но впрочемъ я и не знаю, зачѣмъ я и вспомнилъ объ этомъ».

Выше было упомянуто о помѣткѣ Островскаго на первомъ листѣ рукописи: «повѣсть-любовь порочной женщины». Трудно предположить, чтобы эти слова относились къ французской повѣсти, упоминаемой Зоричемъ. Съ другой стороны, эта замѣтка не только «не совсѣмъ идетъ, по словамъ г. Безобразова, къ тому типу, который онъ (Островскій) представилъ намъ въ «Бѣдной Невѣстѣ», но даже не подходитъ и къ тому, какъ обрисовывался этотъ типъ въ первоначальныхъ наброскахъ: и тамъ въ личности Марьи Андреевны нѣтъ ничего порочнаго, если не понимать слово «порочный» въ смыслѣ «легкомысленный». Такимъ образомъ, если только эта помѣтка имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ комедіи въ смыслѣ указанія на сюжетъ ея и характеръ героини, приходится допустить, что у нашего драматурга было первоначально въ планѣ придать героинѣ совершенно иной характеръ, характеръ «порочной» женщины, но этотъ планъ или былъ сознательно очень скоро оставленъ авторомъ или же не удался, такъ какъ въ характерѣ Марьи Андреевны нѣтъ ничего подобнаго, а двѣ послѣднія вставки къ тексту настоящаго явленія свидѣтельствуютъ совершенно о противоположномъ: тамъ героиня не только «прекрасное созданіе», на которое «жизнь и страсти еще не положили пятна», но ей даже предстоитъ играть роль «добраго генія» по отношенію къ Зорину.

Вотъ текстъ первой вставки послѣ словъ Марьи Андреевны: «Полно-те шутить» (см. прим. 1 стр. 74).

«Зоричъ. Шутить! Хорошо какъ бы это были только шутки. М. А., вы чисты, вы прекрасное созданіе; на васъ жизнь и страсти еще не положили пятна. Съ моей стороны было бы безчестно отравлять миръ вашей невинной

души. Меня считаютъ безнравственнымъ человѣкомъ. Я погубилъ многихъ женщинъ. Куда я гожусь съ моей больной и мрачной душой.

М. А. Мужчины, которыхъ я знаю, такіе скучные, они всегда заняты мелкими интересами; толкуютъ только про службу или про дѣла. Я люблю васъ слушать.

Зор. Въ моихъ словахъ желчь и ядъ, М. А.

М. А. Чтожъ вѣдь не вы виноваты, виновато общество, которое не поняло васъ.

Зор. Конечно, я прежде былъ чистъ, какъ вы теперь.

М. А. Такъ вы къ намъ станете ѣздить часто.

Зор. Вы такъ легко объ этомъ говорите, какъ будто и не знаете, какая опасность угрожаетъ человѣку, который часто васъ видитъ. Я съ вами буду говорить откровенно. Вы весьма способны внушить любовь къ себѣ, по этому вы и опасны.—У меня правило отъ хорошенькихъ женщинъ подальше. Я ужъ за это поплатился довольно.

М. А. Отъ чего же вы избѣгаете хорошенькихъ женщинъ».

Послѣ этой вставки должна итти реплика Зорича: «Да вы разсудите: влюбиться»... и т. д., кончая его же репликой: «Какъ вамъ угодно. Я спорить не смѣю». Затѣмъ должна итти слѣдующая вставка, замѣняющая собою то, что зачеркнуто послѣ приведенной реплики Зорича:

«М. А. Ну будетъ объ этомъ. Вы мнѣ дали честное слово, что будете къ намъ ѣздить.

Зоричъ. Я вамъ говорю, что боюсь васъ. А впрочемъ знаете ли что, М. А., частыя свиданія съ такимъ чистымъ и невиннымъ существомъ, какъ вы, благотворно дѣйствуютъ на душу. Я всегда выхожу отъ васъ умиротворенный, не съ такой злобой я смотрю на людей и на общество.

М. А. Вотъ видите ли. Я буду вашимъ добрымъ геніемъ; ѣздите къ намъ почаще. Да скажите пожалуйста, можно узнать: любитъ ли мужчина или только притворяется [1]).

---

[1]) Сначала эта реплика читалась такъ: „Вотъ видите ли... Я буду вашимъ добрымъ геніемъ, лечить ваши душевныя язвы. В. В. вы такъ хорошо знаете любовь и людей, скажите пожалуйста, мы неопытны и часто ошибаемся, какъ узнать: истинно ли любитъ мужчина или нѣтъ“.

Зор. Зачѣмъ вамъ, вѣдь вы никого не любите.

М. А. Все таки интересно. На всякій случай можетъ быть полюблю кого-нибудь.

Зор. Тогда и спросите, я вамъ скажу.

М. А. Нѣтъ скажите теперь.

Явленіе.

Тѣ же и Милашинъ (входитъ не замѣченный).

Зор. Теперь не скажу. Я упрямъ, М. А. Въ слѣдующій разъ если угодно.

М. А. Ну въ слѣдующій разъ» [1]).

По поводу всѣхъ этихъ набросковъ г. Безобразовъ замѣчаетъ: «Приведенная сцена, хотя и опущена Островскимъ при окончательной отдѣлкѣ комедіи, характеризуетъ довольно рельефно типъ Мерича, Донъ-Жуана болѣе серьезнаго, хотя и враля, чѣмъ Меричъ, выведенный въ печатанной «Бѣдной Невѣстѣ». Слѣдовательно оба главные типа (другой типъ М. А.) подвергались довольно существенной передѣлкѣ». Врядъ ли можно согласиться съ этимъ. Прежде всего уже Марья Андреевна подмѣтила то, что разсказъ Мерича напоминаетъ что-то печатное, очевидно, авторъ хотѣлъ указать на то, что онъ именно книжнаго происхожденія. Затѣмъ посмотрите, какими шаблонными чертами охарактеризованъ нашъ герой. Онъ видитъ смѣлость своего рода въ томъ, что М. А. надѣнетъ «пунцовый платокъ», безжалостенъ къ своимъ жертвамъ: готовъ насладиться бѣшенствомъ Милашина, боится хорошенькихъ женщинъ, потому что играть любовью ему надоѣло», а страсть—это «огонь», который пожираетъ все на своемъ пути». У него дурная репутація, потому что онъ увезъ жену у мужа, такъ какъ не хотѣлъ «задушить въ себѣ возвышенную и пламенную страсть». Къ женщинѣ, которую онъ преслѣдовалъ и которая потомъ «сдалась», герой является въ романтической обстановкѣ, при таинственномъ свѣтѣ луны, окутанный

---

[1]) Дальше въ рукописи сноска: „См. № 5“.

плащемъ, скрестивъ на груди руки. Меричъ готовъ отдать свою жизнь за то, чтобы «видѣть еще разъ это мраморное чело, эту безвыходную тоску на лицѣ». Но онъ все-таки находитъ безчестнымъ «отравить миръ невинной души» Марьи Андреевны. Его считаютъ безнравственнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ погубилъ многихъ женщинъ. Самъ же герой полагаетъ, что онъ никуда не годенъ «съ своей больной и мрачной душой». Наконецъ свиданія «съ такимъ чистымъ и невиннымъ существомъ, какъ Марья Андреевна, благотворно дѣйствуютъ на его душу».

Въ чемъ тутъ выражается особенная серьезность Мерича? Гдѣ тутъ хотя бы одна черта, выхваченная изъ жизни? Все это или одни только фразы, книжныя слова и самые шаблонные пріемы, или черезчуръ мелочно и ничтожно. Островскій вовсе не думалъ представлять Мерича болѣе серьезнымъ Донъ-Жуаномъ, иначе онъ не вложилъ бы въ уста Марьи Андреевны подобнаго замѣчанія о его разсказѣ, что она читала что-то въ этомъ родѣ. Онъ просто взялся за созданіе такого типа, который былъ мало ему извѣстенъ, и онъ такъ сказать подыскивалъ выраженія для него, которыя и выходили книжными, тѣмъ болѣе, что и самъ Островскій уже сначала имѣлъ ввиду, что ни о какомъ серьезномъ разочарованіи не можетъ быть и рѣчи, что все оно напускное, вычитанное изъ французскихъ повѣстей. Такимъ образомъ нельзя думать, чтобы типъ Мерича подвергся довольно существенной передѣлкѣ: онъ и былъ такимъ задуманъ, онъ просто не удавался автору, да нужно признаться, что въ концѣ концовъ онъ и вышелъ все-таки блѣднымъ и маложизненнымъ.

Перехожу къ дальнѣйшимъ явленіямъ I-го дѣйствія. Первоначально былъ написанъ текстъ сценъ, соотвѣтствующихъ 12, 13 и 14-му печатнымъ явленіямъ, причемъ послѣднее въ двухъ варіантахъ, и въ одномъ случаѣ помѣчено «явлен. VIII». Такимъ образомъ кромѣ сценъ со свахами не было еще теперешнихъ явленій 10 и 11-го. Впослѣдствіи однако эти два явленія были восполнены: въ нашей рукописи находится дублетъ 14-го листа, гдѣ и помѣщенъ текстъ явленій 10, 11 и начала 12-го, текстъ

за однимъ незначительнымъ исключеніемъ [1]) совершенно сходный съ печатнымъ. Очевидно, что это позднѣйшее дополненіе, иначе послѣднее (14-е) явленіе не могло быть названо явл. VIII.

Что касается 12-го явл., то разница рукописнаго текста отъ печатнаго заключается въ слѣдующемъ: въ комнатѣ были Марья Андреевна и Меричъ (его фамилія конечно Зоричъ, исправленная потомъ на Меричъ) и являлся Милашинъ, причемъ онъ входитъ незамѣченнымъ, тогда какъ теперь входятъ два первыхъ лица. Данная особенность обусловливалась тѣмъ, что этому явленію предшествовала въ рукописи сцена (№ 4) Марьи Андреевны съ Меричемъ, потомъ совершенно выпущенная. Затѣмъ не было упоминанія о свахахъ, такъ какъ раньше совсѣмъ не было и предшествующихъ сценъ со свахами. Въ остальномъ рукописный текстъ почти сходенъ съ печатнымъ [2]).

Сцена, соотвѣтствующая 13-му явленію, въ нашей рукописи нѣсколько длиннѣе. Нужно притомъ имѣть въ виду, что текстъ этого явленія въ 1-мъ изданіи комедіи въ «Москвитянинѣ» 1852 г., какъ мы увидимъ впослѣдствіи, также въ свою очередь длиннѣе, чѣмъ въ собраніи сочиненій А. Н. Островскаго въ изданіи гр. Кушелева-Безбородко и послѣдующихъ изданіяхъ. Въ данномъ случаѣ рукописный текстъ сопоставляется съ текстомъ «Москвитянина». Въ рукописи болѣе поробно развита мысль объ отношеніи Марьи Андреевны къ Милашину. Послѣ ея второй реплики: «Можетъ быть» идутъ слѣдующія реплики, которыхъ нѣтъ въ печатномъ текстѣ:

«Милаш. Впрочемъ мнѣ М. А. любопытство простительно, я думалъ, что вы, зная мое расположеніе къ вамъ и привязанность, отъ меня ничего не станете скрывать. Да и что-жъ такое у васъ могло бы быть съ Зор., чтобы вы ужъ мнѣ то не сказали.

---

[1]) Именно въ монологѣ Милашина (11 явл.) нѣтъ словъ: „Какъ бы мнѣ его выжить отсюда!“

[2]) Конецъ этого явленія въ рук. нѣсколько иной. Двѣ послѣднія реплики М. А. и Мерича въ рук. читаются такъ:

„М. А. И скажете что обѣщали.

Зор. Извольте, если ужъ вамъ непремѣнно хочется знать. (Раскланивается и уходитъ.)“

М. Андр. Вы ужъ очень много берете на себя. Съ чего вы взяли, что я должна быть съ вами откровенна.

Милаш. Да въ самомъ дѣлѣ, что я для васъ такое? Сколько времени я всѣ силы употребляю, чтобы заслужить хоть сколько-нибудь вашу благосклонность... [Бьюсь, бьюсь все ничего... Скажите,] [1]) за что вы меня не любите?» и т. д., какъ въ печатномъ текстѣ.

Не останавливаясь на всѣхъ передѣлкахъ, отмѣчу лишь слѣдующее. Послѣ реплики Марьи Андреевны: «Я съ вами согласна. Значитъ и говорить не объ чемъ», шелъ такой разговоръ:

Милаш. Конечно М. А., но вы... Зачѣмъ вы принимаете Зорича? [2]).

М. А. Вотъ это мило, да отчего же мнѣ его не принимать. (Да притомъ онъ у насъ такъ рѣдко бываетъ) [3]). [Напротивъ мы ему очень благодарны. Мы сами никуда не ѣздимъ. (Скука страшная) [4]). Умрешь со скуки [5])] [6]).

Милаш. По крайней мѣрѣ будьте съ нимъ похолоднѣй.

М. А. Зачѣмъ?

Милаш. Онъ (увидитъ, что нечего взять и) [7]) перестанетъ ѣздить.

М. А. Что онъ вамъ мѣшаетъ»? и т. д.

Наконецъ послѣ словъ Милашина: «Ну простите меня, ради Бога, простите—дайте ручку», въ печатномъ текстѣ идетъ разговоръ о чиновникѣ. Въ рукописи же такое продолженіе этихъ словъ:

«М. А. будемте друзьями.

---

[1]) Поставленное въ скобки надписано сверху другими чернилами, чѣмъ текстъ. Такими же чернилами сдѣланы нѣкоторыя вставки на поляхъ и поправки фамиліи Зоричъ на Меричъ въ предшествующемъ явленіи.

[2]) Раньше было: „но вы... мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ равнодушны къ Зоричу“.

[3]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

[4]) Тоже.

[5]) Эти слова—позднѣйшее добавленіе.

[6]) Все, поставленное въ квадратныя скобки, позднѣйшее добавленіе. Раньше шла прямо реплика Милашина: „Да помилуйте онъ пустой человѣкъ“. Потомъ она зачеркнута и написано продолженіе реплики М. А. Сдѣлано все это во время писанія самаго текста.

[7]) Поставленное въ скобки—позднѣйшая вставка.

М. А. Извольте, только съ уговоромъ, чтобы впередъ вы меня не мучили своей ревностью.

Милаш. Не буду М. А. не буду. Вы простите меня, я иногда очень глупъ бываю. Ахъ М. А. какъ бы вы знали?

М. А. Что?

Милаш. Какъ мнѣ скучно.

М. А. Что же это съ вами.

Милаш. Тоска ужасная тоска. (Молч.).

М. А. Хотите, я сыграю вамъ что-нибудь на фортепьянахъ.

Милаш. Ахъ М. А. не нужно. Если вы это для меня хотите, такъ не безпокойтесь. Я не стою. Ей Богу, не стою. Что вы такъ смотрите на меня. Нѣтъ повѣрьте мнѣ, я чувствую, что я не стою.

М. А. Я буду играть для себя.

Милаш. А если для себя, такъ играйте, ради Бога, играйте. Я очень радъ. (Судорож. под(аетъ?) стулъ).

(Входитъ Дарья съ самоваромъ).

М. А. Да играть то некогда, вонъ кажется чай несутъ».

Вмѣсто послѣдней реплики Милашина: «Да такъ, я его не люблю что-то», въ рукописи читается такъ: «(сладк. голосомъ). Я надѣялся провести нынче вечеръ съ вами, въ пріятныхъ разговорахъ, наединѣ», а поэтому въ рукописи нѣтъ послѣдней печатной реплики М. А.: «Вы, кажется, никого не любите», и послѣ словъ Милашина идетъ прямо: «Явленіе. Тѣже и А. П. съ Добротвор.— См. № 6-й».

Милашинъ въ этихъ наброскахъ представляется нѣсколько инымъ сравнительно съ тѣмъ, какимъ мы привыкли его себѣ рисовать по установившемуся тексту комедіи. Прежде всего онъ здѣсь уже не такъ глупъ: онъ не хвалится тѣмъ, что «по крайней мѣрѣ, въ гимназіи курсъ кончилъ». Его обижаетъ то, что «человѣка унижаютъ, не считаютъ ни за что, [судятъ только по наружности, не хотятъ обратить вниманіе на душевныя качества»] [1]). Имъ овладѣваетъ скука, ужасная тоска. Онъ

[1]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

даже сознаетъ свою глупость, по его словамъ, онъ не стоитъ того, чтобы Марья Андреевна играла для него. Послѣдняя же готова быть съ нимъ друзьями, только съ уговоромъ, чтобы впередъ онъ не мучилъ ее своей ревностью. Нужно только прибавить, что окончательную отдѣлку этотъ типъ получилъ уже послѣ переработки печатнаго текста.

Текстъ послѣдняго 14-го явл. I-го дѣйствія сложился тоже далеко не сразу и представляетъ нѣкоторыя измѣненія. Вотъ, повидимому, первоначальный набросокъ для этого явленія, которое названо здѣсь «явл. VII» и гдѣ имя Анны Петровны исправлено изъ Т. Петр., гдѣ среди дѣйствующихъ лицъ нѣтъ Милашина, но зато упоминается Беневоленскій, который впрочемъ вычеркнутъ, да Добротворскій носитъ фамилію Добротворова, а звали его Иванъ Дмитріевичъ вмѣсто Платонъ Маркычъ.

«А. Петр. (исправл. изъ Т. Петр.) А, Ив. Дм., какими судьбами, батюшко, а я васъ, признаться не ждала нынче.— Подвинь-ко, Маша, стульчикъ Ив. Дмитр ; сюда поближе, глухъ вѣдь онъ немножко.

Добр. Здрав. А. Петр. Покорно благодарю М. Анд.— Покорно благодарствуйте.

А. П. (Т. П.). Садитесь И. Д.—милости просимъ.

Добр. Что это вы невеселы М. Андр.?

М. Анд. Да чему же мнѣ радоваться-то И. Д.?

Добр. Да и то правда. Неурожай нынче, М. А., на жениховъ-то, я говорю, неурожай.

М. Анд. Чаю не угодно-ли.

Добр. Выпью-съ.—Не съ чего невѣстамъ веселымъ-то быть, народъ то нынче извѣтренничался А. Петр. Въ наше-то время, когда мы то были молоды, бывало, чуть мальчикъ пооперился, поступилъ на службу, глядишь и женится. Тогда и холостыхъ-то что-то мало и видно было; а у насъ въ Судѣ такъ ни одного холостого чиновника не было. А теперь тотъ говоритъ подожду, другой подожду, а ужъ это не порядокъ.

А. П. [Какой ужъ это порядокъ! что хорошаго!] [1]) Въ

---

[1]) Поставленное въ скобки написано потомъ.

наше-то время совсѣмъ не такъ было. [Охъ да никакъ я вамъ сахару-то положить забыла. Что Маша положила я сахару Ив. Дм.

Маша. Положили маменька.] [1]).

И. Д. Что вы изволите говорить.

А. П. Я говорю. Въ наше то время совсѣмъ не такъ было И. Дм.

И. Д. Совсѣмъ не такъ А. П. совсѣмъ не такъ. Вотъ оно и невѣстамъ-то было веселѣе. Долго-то не засиживались; развѣ ужъ которая съ какимъ-нибудь недостаткомъ тѣлеснымъ, горбатая тамъ какая, да и тѣми не брезгали. Такъ вотъ, я говорю, А. П. невѣстамъ-то веселѣй было. Задумываться было не объ чемъ.

Маша. Да я, И. Д., совсѣмъ и не думаю о женихахъ.

И. Д. Какъ чай не думать. Не скажете только, а то какъ не думать. Послушайте-ко А. П., что дочька-то ваша говоритъ: объ женихахъ говоритъ не думаю. Хе, хе, хе.— Мы ужъ съ А. Петр. на своемъ вѣку пожили, такъ знаемъ это дѣло. Конечно, дѣвичье дѣло; этого не говорятъ, какъ будто отъ совѣсти; а то какъ не думать; всѣ думаютъ. Такъ я говорю А. П.

А. П. Такъ, И. Д. такъ! Не хотите ли еще чашечьку.

И. Д. Пожалуйте. Вонъ и ваша маменька говоритъ.

М. Да я право И. Д. не думаю объ этомъ совсѣмъ.

И. Д. А вотъ посмотримъ, какъ вы не думаете-то, посмотримъ, А. Петр. — Это вотъ сейчасъ видно будетъ.— Я къ вамъ А. Петр. по экстренному дѣлу.

А. Петр. По какому это И. Д.?

И. Д. Скажите М. Анд. слава Богу.

М. Андр. Что такое.

И. Д. Жениха нашелъ А. Петр. — Еще какого жениха-то.

А. Петр. Ахъ Ив. Дм. Какъ я вамъ благодарна. Ужъ я право не знаю, какъ вамъ это и выразить. [Какъ намъ васъ благодарить-то за всѣ ваши одолженія] [2]). Сами видите, наше дѣло женское, что мы знаемъ. Маешься, ма-

---

[1]) Тоже.

[2]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

ешься день-то деньской. Какъ это безъ мужчины въ домѣ. Какъ намъ васъ благодарить-то за всѣ ваши одолженія».

Какъ видно изъ этого наброска, ни о какой тяжбѣ не было и рѣчи, Добротворскій являлся неожиданно для Анны Петровны въ качествѣ свата. Эта особенность осталась и въ новомъ наброскѣ (№ 6 на лист. 7—8), гдѣ текстъ почти одинаковъ съ печатнымъ, но сложился, конечно, не сразу. Отмѣчу такія подробности. Послѣ реплики Милашина: «Это что-то интересно», идутъ слѣдующія слова Анны Петр.: «Послушай-ко Машенька Пл. Марк. (Ив. Дм.)-то какой проказникъ. Давеча писалъ, что жениховъ нѣтъ, а самъ посмотри-ко какого нашелъ.

[Добр. Это я пошутилъ, М. А., хотѣлъ вамъ сюрпризъ сдѣлать].

А. П. [Ив. Дм.] [1]) говоритъ, что очень хорошій молодой человѣкъ.

Добр. Прекрасный, барышня, человѣкъ, и красивый такой изъ себя, румяный».

Въ печатномъ же текстѣ вмѣсто этого читаемъ:

«А. П. Послушай-ко, Машенька, Платонъ Маркичъ-то какое намъ одолженіе дѣлаетъ: нашелъ человѣка, который хочетъ взяться за наше дѣло.—Говоритъ, что очень хорошій молодой человѣкъ.

Добр. Прекрасный, барышня, человѣкъ; а ужъ дѣлецъ какой! бѣда»!

Такимъ образомъ и въ новомъ наброскѣ нѣтъ рѣчи о тяжбѣ, да и слова: «а ужъ дѣлецъ какой! бѣда»! добавлены не въ нашей рукописи.

Затѣмъ первоначально былъ иной конецъ этого явленія, именно онъ заключалъ сообщеніе Анны Петровны о женихѣ-купцѣ, котораго она нашла для дочери, какъ это предполагалось по первому плану. Когда уходятъ М. А. и Милашинъ, между А. П. и Добротворскимъ происходитъ слѣдующій разговоръ, потомъ зачеркнутый:

«А. П. Этотъ мой знакомый купецъ, какъ его, ахъ Господи! Вотъ памяти-то нѣтъ, Машенька знаетъ фами-

---

[1]) Предшествующая реплика Добротворскаго, поставленная у насъ въ скобки, и инициалы его имени зачеркнуты, такъ что двѣ реплики А. П. слились въ одну.

лію-то. Какже это я такъ забыла. — Ну послѣ вспомню. Говорилъ мнѣ вчера, что Бѣлугинъ Пудъ Савичь.

Добр. Солона еще, матушка, теперь привозу нѣтъ.

А. П. (громко). Пудъ Савичь Бѣлугинъ купецъ.

Добр. Ну знаю, знаю; какъ же не знать. Еще и живетъ-то недалеко отъ меня.

А. П. Дѣти у него непокорныя, такъ онъ лишилъ ихъ наслѣдства, а теперь жениться хочетъ. Мнѣ говоритъ нужно бѣдную невѣсту, только хорошаго поведенія.

Добр. Скажите, пожалуйста, это хорошо.

А. П. Такъ вотъ хотѣлъ заѣхать познакомиться.

Добр. Такъ вотъ и чего жъ лучше — онъ вѣдь матушка очень богатъ, однихъ лавокъ что. Давай Богъ (встаетъ). Такъ мы завтра пріѣдемъ А. П., а тамъ посмотр. ихъ; понравится, чѣмъ больше жениховъ, тѣмъ лучше.

А. П. Милости просимъ».

Это сообщеніе А. П. о женихѣ нѣсколько напоминаетъ «Семейную картину». Быть можетъ, не желая еще болѣе усложнять интригу, авторъ перечеркнулъ этотъ конецъ I-го дѣйствія и на поляхъ написалъ новый текстъ его, также нѣсколько отличающійся отъ печатнаго, а мотивъ о женихѣ-купцѣ ввелъ въ сцену со свахами (явл. 8). Новый же текстъ конца слѣдующій:

«Добр. Такъ мы завтра пріѣдемъ, сударыня; понравится—хорошо; не понравится—не бѣда.

А. П. Пора ужъ ее выдать, право пора. Да признаться вамъ сказать. Пл. Мар., люблю я сватьбы до смерти; на чужихъ-то все пировала бы, а тутъ своя-то будетъ, такъ и вовсе раздолье. — Съ молоду-то вѣдь была я женщина веселая, плясать была охотница.

Добр. Покорно благодарствуйте, сударыня (переворачиваетъ чашку). Прощенья просимъ.

А. П. Прощайте Пл. Мар., такъ мы ждать будемъ.

Добр. Хорошо-съ (уходятъ)».

Вотъ въ какомъ видѣ рисуется работа нашего драматурга надъ первымъ дѣйствіемъ комедіи. Несмотря на то, что оно уже въ нашей рукописи подвергалось дополненіямъ и переработкамъ, оно все-таки не было закончено и, повидимому, окончательную обработку получило въ той рукописи, которую мы считаемъ за бѣловую.

III.

Текстъ II-го дѣйствія также подвергался значительнымъ передѣлкамъ. По тому плану, который мы считаемъ первымъ, это дѣйствіе начиналось (№ 7) сценой Милашина и Зорича, потомъ является Марья Андреевна (№ 8), кокетничаетъ съ Милашинымъ. Зоричъ ревнуетъ. Дѣйствительно въ рукописи на л. 27 и прилож. къ нему мы и находимъ текстъ этихъ двухъ сценъ. Правда, онѣ обозначены «явленіе 3-е и 4-е», но это обозначеніе позднѣйшее: раньше стояло № 7. Вторая сцена, гдѣ появляется Марья Андреевна и кокетничаетъ съ Милашинымъ, не была кончена, работа на ней была прервана. Впослѣдствіи это 4-е явленіе было совершенно зачеркнуто и на новомъ листѣ («къ 27 стр.») написано продолженіе 3-го явл. и 4-е явленіе, текстъ которыхъ соотвѣтствуетъ теперешнимъ 5 и 6-му явленіямъ. Но эта переработка позднѣйшая, такъ какъ въ ней фамилія Меричъ, а не Зоричъ, и введенъ Хорьковъ, котораго раньше не было. Поэтому мы обратимся къ тому, что было написано непосредственно послѣ вышеупомянутой сцены кокетничанья. Именно на стр. 28-й помѣщено дѣйствіе II, явл. 1-ое, впослѣдствіи все зачеркнутое. Дѣло въ томъ, что первоначально Островскій заставилъ Хорькова объясниться съ М. А., и вотъ это-то объясненіе и содержится въ зачеркнутомъ текстѣ на стр. 28. Затѣмъ на стр. 29—30 помѣщено опять дѣйств. II-е, явл. 1 и 2-е, причемъ первое соотвѣтствуетъ 1-му печатному, а 2-ое — печатнымъ 3 и 4-му, хотя текстъ въ значительной степени иной. Впрочемъ, текстъ этотъ будетъ напечатанъ дальше, а теперь я сдѣлаю такое замѣчаніе. Текстъ этихъ сценъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому плану, который мы считаемъ вторымъ и согласно съ которымъ второй актъ начинался сценой Марьи Андреевны съ Хорьковымъ, затѣмъ шли сцены Зорича и Милашина (вѣроятно, въ присутствіи Хорькова) и Хорькова и Милашина. Ссылаясь на авторскую нумерацію листовъ, приходится допустить, что всѣ эти сцены написаны послѣ отмѣченныхъ выше сценъ Милашина съ Зоричемъ и кокетничанья Марьи Андреевны съ Милаши-

нымъ. Въ этомъ я вижу новое доказательство справедливости моей мысли о порядкѣ написанія плановъ. Такъ какъ, судя по извѣстному намъ перечню, №№ 7, 8, 11 и 1-й создавались въ одинъ и тотъ же періодъ времени, т.-е. работа надъ ними не прерывалась работой надъ другими сценами, можно, мнѣ кажется, допустить, что именно въ это время пришла автору въ голову мысль ввести въ комедію новыя лица, Хорькова и его мать. Поэтому появилась необходимость въ новомъ планѣ, и вотъ теперь и былъ написанъ тотъ планъ, который мы считаемъ вторымъ (нашъ первый).

Вотъ текстъ первыхъ явленій II-го дѣйствія по этому второму плану.

«ДѢЙСТВІЕ 2.

(Сцена представляетъ небольшой садъ, довольно тѣнистый).

Явленіе I.

М. А. и Хорьк. (сидятъ на лавочкѣ).

М. А. Мнѣ васъ жаль, М. Ив., но сами согласитесь, что же мнѣ дѣлать?

Хорьк. Вамъ меня жаль! Покорно васъ благодарю. Да, я жалокъ, М. А. Я могу вѣдь со всѣмъ погибнуть. М. А. я застѣнчивъ, я робокъ; мнѣ бы хотѣлось высказаться кому-нибудь... Конечно, вамъ до меня нѣтъ дѣла, но мнѣ кажется, что у васъ сердце доброе, очень доброе. Позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ... Я нынче чувствую какую-то смѣлость; другой подобной минуты можетъ быть неслучится никогда.

М. А. Говорите, я васъ слушаю.

Хорьк. Вы меня слушаете! Боже мой! Какъ я счастливъ! М. А. Я получилъ хорошее образованіе, у меня прекрасныя способности; я могу и служить, и заниматься наукой.—Но у меня нѣтъ цѣли въ жизни, нѣтъ энергіи. Я лѣнивъ... Я служу, я работаю за двоихъ; но у меня нѣтъ честолюбія и я никогда не выслужусь. Я читаю, постоянно образовываю себя; но я ничего не дѣлаю, отъ того что у меня нѣтъ самолюбія. У меня нѣтъ знакомства порядочнаго и не будетъ, потому что я очень необ-

щителенъ. Я хожу на службу, лежу дома на диванѣ, курю трубку—и только. У меня довольно средствъ, чтобы жить одному—жить такъ, какъ я живу.—По рожденію я принадлежу къ низшему сословію и у меня нѣтъ силъ, нѣтъ желанія вырваться изъ этого круга. М. А. я могу совсѣмъ погрязнуть въ этой жизни.

М. А. Старайтесь какъ-нибудь выбиться.

Хор. Для чего? Для кого? Мнѣ хорошо, мнѣ покойно. Это-то меня и пугаетъ. Я вѣдь знаю, что есть сферы, гдѣ бы я могъ быть на своемъ мѣстѣ; да у меня нѣтъ силъ.—Для себя я ни на что не рѣшусь. Единственное спасеніе мнѣ жениться. Для жены я бы сталъ работать, трудиться, я бы ожилъ.—Я бы передѣлалъ себя».

На поляхъ помѣщенъ еще вотъ какой отрывокъ, повидимому, предназначенный авторомъ для начала.

«М. А. Вы меня звали въ садъ.

Хорьк. Извините меня, М. А. Я самъ не знаю что дѣлаю... Пойдемъ пожалуй въ комнаты.

[Хорь. Извините меня М. А. Я самъ не знаю, что я дѣлаю. Какого труда мнѣ стоило рѣшиться заговорить съ вами] [1]) (возвращаются). Нѣтъ М. А. я рѣшился наконецъ... Позвольте мнѣ нѣсколько минутъ съ вами поговорить... Отъ этого разговора зависитъ судьба моя.

М. А. Сядемте здѣсь (садятся)».

Какъ выше было замѣчено, это все было перечеркнуто, и на слѣд. 29 стр. вновь написанъ такой текстъ 1-го и 2-го явленій II-го дѣйствія.

№ 7.

«ДѢЙСТВІЕ 2-ое.

Сцена представляетъ небольшой тѣнистый садъ; на право отъ зрителей скамейка, среди которой большой кустъ. Хорьковъ сидитъ на скамейкѣ, повѣся голову.

Явленіе I.

Хорьковъ (одинъ).

Какой я жалкій человѣкъ! Я рѣшительно ничего для себя не хочу сдѣлать. Посмотришь на товарищей; тотъ

[1]) Поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто.

служитъ, тотъ пишетъ, а меня не только дѣломъ заняться и обриться-то заставлять надобно. Вотъ хоть бы теперь: я люблю эту дѣвушку, очень люблю; мало того, я знаю, что со мной она будетъ счастлива; я знаю, что только она одна можетъ спасти меня отъ этой моей неразлучной лѣни, отъ убійственнаго бездѣйствія. И чтожь у меня не хватаетъ воли сказать ей, что я ее люблю. Робость ли это, лѣнь ли, ужъ я не знаю. [Чего бы я не сдѣлалъ для нея, сталъ бы и служить и работать, объ себѣ бы не заботился]. [1]) (Молчаніе). Посмотришь, другой мальчикъ еще, только усы пробиваются, а ужъ объясняется въ любви смѣло, съ сознаніемъ своего достоинства. Положимъ, что съ начала она и отказала бы мнѣ въ взаимности; но я могъ бы добиться взаимности, потому что со мной здѣсь некому соперничать. Стоитъ только М. А. узнать меня покороче, такъ она конечно отдастъ мнѣ предпочтеніе передо всѣми ея обожателями, да только этого-то никогда и не будетъ. Я ужъ четыре года знакомъ съ ней; а сдѣлалъ-ли я что нибудь для себя, [успѣла-ли она хоть сколько нибудь замѣтить мои достоинства] [2]). Она меня знаетъ только съ двухъ сторонъ: что я молчаливъ, да еще, что плохо одѣваюсь;—а и этимъ не надо пренебрегать, и это для женщины много значитъ. Пока я сберусь ей высказаться, она влюбится въ кого нибудь или выдетъ замужъ. Однако нужно же мнѣ переломить себя; вѣроятно признаніе мое выдетъ неловко, можетъ быть смѣшно; но вѣдь обладать этой женщиной для меня не только счастіе, но и спасеніе. Боже мой! Какъ бы я любилъ ее, съ какою бы я любовью сталъ развивать ея еще ребяческую душу. (Задумывается). Да мѣчтать вотъ я мастеръ, а дѣлать, такъ все какъ-нибудь, да когда-нибудь... Эхъ скверно (задумывается).

Явленіе 2-ое.

Хорьковъ и М. Анд. (входитъ).

М. А. Вы здѣсь М. Ив. Что вы тутъ одни дѣлаете?

Хорьковъ. Мѣчтаю, по обыкновенію.

---

[1]) Тоже.

[2]) Первоначально вмѣсто поставленнаго въ скобки было написано: „сказалъ ли я хоть десять словъ съ ней о себѣ“.

М. А. А я такъ просто нынче цѣлый день плачу.

Хорьковъ. Объ чемъ же это вы плачете?

М. А. Да маменька все съ женихами пристаетъ. Вотъ нынче какой-то уродъ пріѣдетъ. Очень весело. Скажите пожалуйста, какъ вамъ это покажется.

Хорьковъ. Вы меня извините М. А.; я немножко иначе это понимаю. Приходитъ время, когда начинаешь серьезно думать о жизни.

М. А. Вы ужъ не жениться ли хотите? Послушайте, только не сватайтесь за меня, лучше и не трудитесь; я и думать о замужествѣ не хочу.

Хорьковъ. Этотъ вопросъ важнѣе, нежели вы думаете; вы напрасно такъ легко разсуждаете о немъ.

М. А. Я и разсуждать совсѣмъ не хочу, я хочу любить М. И.

Хорьковъ. М. А., да любить-то некого. Вы еще мало знаете людей; порядочного человѣка вы нескоро разберете, часто онъ бываетъ покрытъ корой, которая скрываетъ его достоинства. Вамъ нравится идеальность, а идеальность большею частію или фальшъ или пустота водевильныхъ героевъ.—Хорошо, если ваша любовь будетъ баловство, шалость, какъ это обыкновенно бываетъ; а иногда она дурно оканчивается для дѣвушки, бываетъ причиной страданій. Не дай вамъ Богъ испытать этого.

М. А. Вы такъ говорите потому, что вы холодный человѣкъ.

[Хор. Въ такомъ случаѣ извините меня.—Я не зналъ этого, М. А. Я бы не сталъ навязываться къ вамъ съ своей любовью. Я сдѣлалъ глупость, конечно, простите меня М. А.] [1]).

Хорьковъ. Я холодный человѣкъ.

М. А. Такъ неужели же вы можете полюбить кого-нибудь! Полноте (смѣется).

Хорьковъ. М. А., по крайней мѣрѣ вы не смѣйтесь надо иной.

М. А. Да что же вы говорите, вѣдь я васъ знаю давно.

---

[1]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

Хорь... Вы меня не знаете, М. А. Позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ.

М. А. Говорите.

Хорь... Но быть можетъ я надоѣлъ вамъ. Я не смѣю васъ безпокоить... Пойдемте въ комнаты къ вашей маменькѣ... (встаетъ).

М. А. (встаетъ). Пойдемте.

Хорь... (останавливаясь). Нѣтъ, М. А., позвольте... я рѣшился... Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ вамъ.

М. А. Сядемте.

Хорь... Выслушайте меня, ради Бога.

М. А. Говорите, я васъ слушаю.

Хорь... Покорно васъ благодарю. Если вамъ не нравится мой разговоръ, я заранѣе прошу у васъ извиненія. Но я долженъ былъ высказаться Я такъ убѣжденъ въ пользѣ моихъ словъ для васъ, что у меня останется на совѣсти, если я буду молчать.

М. А. Что же вы хотите отъ меня, М. Ив.

Хорь... Бросьте мѣчты, я васъ умоляю, поглядите на жизнь серьёзно.—Вы можете составить счастіе человѣка, истинное счастіе. Я васъ люблю, М. А. (беретъ ее за руку), люблю давно. Любовь моя не юношеская страсть, не минутное увлеченіе. Холостая жизнь мнѣ опротивѣла. Я чувствую, что день за день я трачу всѣ лучшія свои силы — теряю энергію. Кончится тѣмъ, что я облѣнюсь совсѣмъ и не буду ни на что способенъ.

М. А. Старайтесь какъ-нибудь выйтти изъ этого положенія, займитесь чѣмъ-нибудь.

Хорь... Для чего? Для кого? Я для себя ни на что не рѣшусь. Я начинаю успокоиваться въ этой грязной жизни. Это-то спокойствіе меня и пугаетъ. — А я былъ бы хорошимъ мужемъ, я сдѣлаю все для любимой женщины.—М. А. я васъ очень люблю. Я буду очень хорошимъ мужемъ... М. А. сдѣлайте доброе дѣло. Это важное дѣло, это важное дѣло.

М. А. Михайло Ив., мало ли дѣвушекъ кромѣ меня; вы можете полюбить, жениться... за васъ многіе пойдутъ съ радостью.

Хорь... Отъ чего же не вы, М. А.? Гдѣ я найду дру-

гую дѣвушку.—Хорошо, что случай меня свелъ съ вами, я васъ узналъ, полюбилъ васъ... Кого же мнѣ, кромѣ васъ, полюбить! Я не вижу никого, не знаю никого.— Да повѣрьте же вы наконецъ и тому, что я васъ столько люблю, что не могу полюбить никого кромѣ васъ.

М. А. Но я не свободна, М. И., я люблю другого.

Хорь... Нѣтъ, М. А., не обманывайте меня; просто я вамъ не нравлюсь. Вы еще никого не любите, вы только готовы полюбить. Посмотрите, что изъ этого можетъ вытти: вы можете ошибиться въ человѣкѣ, котораго полюбите, что большею частію и бываетъ; а я могу втянуться совсѣмъ въ мою грязную жизнь! Теперь еще есть время, я смотрю съ отвращеніемъ, на свою жизнь и свои привычки... Вѣдь страшно сказать М. А., отъ скуки, да отъ лѣни... все можетъ произойти... я запивать начинаю... мало-по-малу привыкнешь... и тогда кончено.

М. А. Мих. Ив., мнѣ васъ жаль, но я право не могу.

Хорь... Извините, М. А. Я зналъ заранѣе, что мое признаніе будетъ очень неловко и ни къ чему не поведетъ. Извините меня за мою глупую откровенность.

М. А. Напротивъ я васъ благодарю за нее. Но мнѣ пора къ маменькѣ. Прощайте, М. И. (Уходитъ. М. Ив. сидитъ на скамейкѣ, задумавшись)».

Судя по напечатанному тексту, нашъ драматургъ началъ II-е дѣйствіе *прямо сценой объясненія Хорькова* въ любви Марьѣ Андреевнѣ, но потомъ зачеркнулъ написанное и началъ II-е дѣйствіе монологомъ Хорькова, объясненіе же въ любви помѣстилъ во вновь написанное второе явленіе. Приведенный текстъ нельзя назвать удачнымъ: онъ и многословенъ, и личность Хорькова здѣсь сравнительно блѣдна. Поэтому не удивительно, что впослѣдствіи, уже не въ нашей рукописи, этотъ текстъ былъ снова переработанъ, причемъ введено новое лицо, Хорькова, а потому написано и новыхъ два явленія.

Текстъ слѣдующаго явленія, которое въ рукописи обозначено 3-мъ, а въ сущности соотвѣтствуетъ теперешнему 5-му, въ значительной степени иной. Прежде всего первая реплика Мерича сначала была другая, а именно: «Да, М. А. женщина достойная. Я видалъ Ив. Ив. жен-

щинъ и знаю ихъ, вы мнѣ повѣрьте». но тотчасъ же она была зачеркнута и написана теперешняя. Затѣмъ вмѣсто реплики Милашина: «Пріѣдетъ какой-то чиновникъ по дѣлу»... и т. д. находимъ слѣдующій діалогъ:

«Милаш. Женихъ пріѣдетъ, М. А. выходитъ за мужъ.

Зор. Я и не зналъ. Надобно ее поздравить. Что-жъ она по любви выходитъ.

Милаш. Не знаю. Она кажется и не видала еще своего жениха. Вотъ нынче увидитъ, можетъ быть понравится, тогда по любви выдетъ.

Зор. А ежели не понравится.

Милаш. Да отъ чего жъ не понравится? Говорятъ, очень хорошій человѣкъ. Впрочемъ, М. А. не въ такихъ обстоятельствахъ, чтобы быть разборчивой. Да вѣдь ужъ и года. Чего жъ ждать то».

Діалогъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что опять-таки нѣтъ рѣчи о тяжбѣ, и о пріѣзжающемъ чиновникѣ говорятъ какъ о женихѣ Марьи Андреевны.

Далѣе, начиная съ словъ Милашина: «Можетъ быть! да-съ, можетъ-быть! Развѣ вы что-нибудь замѣтили?» и кончая его же словами: «Нѣтъ, не жаль», всего этого въ нашей рукописи нѣтъ, а вмѣсто того находимъ слѣдующій діалогъ:

«Милаш. Можетъ быть.

Зор. [М. А. прекрасная дѣвушка, только][1]) кажется [М. А. очень][2]) холодна.

Милаш. Почему вы такъ думаете.

Зор. Сколько мнѣ кажется, она никого не любила; а теперь выходитъ по разсчету замужъ.

Милаш. Это она знаетъ, любила ли она или нѣтъ, а постороннимъ какъ знать.

Зор. Однако это жалко, что М. А.[3]) она выходитъ замужъ, она такая хорошенькая. Мнѣ всегда жаль, когда хорошенькія дѣвушки замужъ выходятъ.— Вамъ не жаль?

---

[1]) Тоже.

[2]) Поставленное въ скобки вписано сверху строчки.

[3]) Первоначально эта фраза не была окончена; послѣ М. А. стояло многоточіе. Потомъ инціалы зачеркнуты и добавлено остальное нѣсколько иными чернилами.

Милаш. Что-жъ дѣлать».

Первоначально дальше шелъ слѣдующій краткій діалогъ между этими двумя лицами, которымъ и заканчивалось настоящее явленіе и который въ рукописи зачеркнутъ.

«Зор. Можетъ быть она еще не обдумала того, что дѣлаетъ.

Милаш. Нѣтъ, совершенно обдумала и рѣшилась выйти за перваго порядочнаго человѣка, который посватается. Она мнѣ объ этомъ говорила.

Зор. Это жалко, жалко».

Итакъ, въ данномъ явленіи въ рукописи Меричъ еще не является такимъ беззастѣнчивымъ вралемъ и хвастуномъ своими побѣдами, какимъ онъ обрисованъ въ печатномъ текстѣ. Это измѣненіе было внесено впослѣдствіи при переработкѣ текста этого явленія. Выше я упоминалъ, что по первому плану дальше должна была слѣдовать сцена кокетничанья М. А. съ Милашинымъ.

Вотъ ея текстъ:

«Тѣ же и М. А. (входитъ).

М. А. Здравствуйте господа! (Что вы задумались) [1]) Маменька занимается хозяйствомъ [2]).

Мил. и Зор. Здравствуйте М. А.

Здравствуйте господа. Какъ это В. В. къ намъ какими судьбами? Я васъ никакъ не ожидала, я думала, что вамъ скучно у насъ.

Зор. Помилуйте, напротивъ. Я былъ недалеко и считалъ за преступленіе къ вамъ не зайти.

М. А. Вотъ Ив. Ив. такъ нашъ неизмѣнный другъ. Онъ насъ никогда не забываетъ. Мы ему много обязаны (протягиваетъ ему руку).

Милаш. (цѣлуетъ). Я М. А. неизмѣню.

М. А. Вѣрю, вѣрю (смотр. нѣжно).

Зор. Мнѣ остается только завидовать прекраснымъ качествамъ Ив. Ив. и вашему къ нему расположенію конечно.

---

[1]) Надписано сверху надъ словомъ: „маменька“.

[2]) Вся эта фраза зачеркнута.

М. А. Чему же завидовать! Мы старинные друзья съ Ив. Ив., съ молодости еще игрывали вмѣстѣ. Онъ имѣетъ много права на мою дружбу».

Мною уже было сказано, что эта сцена потомъ была совершенно вычеркнута и на дополнительномъ листѣ написано продолженіе 3-го явл. (печатнаго 5) и начато 4-е явленіе (печатное 6-е), которое закончено опять на 27 листѣ на оставшемся свободномъ мѣстѣ послѣ зачеркнутаго. Текстъ окончанія 3-го явленія тотъ же, что и печатный, за исключеніемъ одной фразы Мерича (различіе — стилистическаго характера). Въ 4-мъ (печат. 6) явленіи отмѣчу слѣдующія разночтенія.

Въ репликѣ Хорькова: «Тутъ не объ васъ толкъ» послѣ словъ: «что отъ барышень получаетъ» въ рукописи идутъ слѣдующія слова, выпущенныя въ печатномъ текстѣ, но въ рукописномъ не зачеркнутыя: «Отецъ его очень строгій и умный человѣкъ, онъ никуда не пускаетъ, такъ онъ въ утѣшеніе себѣ пишетъ дневникъ и потомъ читаетъ барышнямъ. Въ этомъ дневникѣ такія вещи, что во французскихъ романахъ нѣтъ — и конечно все это выдумано». Дальше какъ въ печати.

Затѣмъ также въ репликѣ Хорькова: «Изъ этого ничего не выдетъ; Марья Ардреевна на васъ разсердится и только» послѣ этихъ словъ идетъ слѣдующее: «А надобно вотъ что сдѣлать; мнѣ случайно попалась тетрадка изъ дневника Мерича, передайте ее М. А. Съ такими людьми всѣ средства позволительны.

Милаш. Покорно васъ благодарю (беретъ за руку). Вы меня очень обязали».

Далѣе какъ въ печатномъ. Такимъ образомъ никакого разговора о письмахъ Мерича нѣтъ и любопытно, что самъ Хорьковъ предлагаетъ Милашину передать дневникъ Мерича Марьѣ Андреевнѣ, а не только по просьбѣ своего собесѣдника соглашается одолжить ему этотъ дневникъ и письма. Слѣдуетъ замѣтить, что фамилія Меричъ на этомъ дополнительномъ листѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что эта переработка текста сдѣлана, вѣроятно, уже послѣ того, какъ весь текстъ былъ написанъ. И кромѣ того, настоящая переработка не была еще окончательной. Повиди-

мому, окончательной отдѣлкѣ текстъ подвергся въ бѣловой рукописи.

Относительно 5-го явленія (печатнаго 7-го) II дѣйствія должно сказать, что текстъ его сложился, конечно, далеко не сразу: нѣкоторыя реплики создались, такъ сказать, въ два-три пріема, и что текстъ раньше былъ нѣсколько растянутъ.

Отмѣчу слѣдующія подробности. Вмѣсто реплики М. А.: «Маменька говоритъ, что необходимо» вначалѣ было: «Необходимо, Вл. В., необходимо. Что-жъ дѣлать».

Слѣдующая реплика Мерича читалась такъ: «Это ужасно. Пожертвовать собой! Что вы дѣлаете, М. А. (Что вы дѣлаете?)». Затѣмъ слова въ скобкахъ были зачеркнуты и добавлено продолженіе реплики, какъ въ печатномъ текстѣ. Даже послѣ словъ «одному человѣку» шли еще двѣ фразы, вошедшія теперь въ слѣдующую реплику Мерича: «Да и что эта за жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни». Послѣ реплики Мерича: «Это ужасно...» и т. д. шелъ такой діалогъ между Мериченъ и М. А., потомъ въ рукописи перечеркнутый, использованный въ дальнѣйшемъ содержаніи текста и иллюстрирующій выработку текста у нашего драматурга.

«М. А. Да что же дѣлать то.

Мер. Вы плачете М. А.! Перестаньте! Боже мой! что они съ вами дѣлаютъ! Этого не должно быть! Этого не будетъ! Нѣтъ это выше силъ (беретъ ее за руку). Успокойтесь М. А.

М. А. Нѣтъ это я такъ — (слово зачеркнуто, не разобрано). Я ужъ рѣшилась на это.

Зор. Вы рѣшились? М. А. вы себя обманываете.

М. А. Нѣтъ не обманываю, я ужъ обдумала все. — Мнѣ нечего ожидать, нечего жалѣть.

Зор. Вамъ нечего ждать, нечего жалѣть? Боже мой, что вы говорите!

М. А. Все это правда, В. В.

Зор. Нѣтъ, это не правда, это не правда. Вы не должны жертвовать собой! Не должны] губить свое счастіе и счастіе другихъ. Какой вы еще ребенокъ.

М. А. Да еслибъ это счастіе было возможно».

Затѣмъ первая реплика М. А. зачеркнута и вмѣсто нея написано: «Я должна это сдѣлать для маменьки». Впослѣдствіи, однако, уже не въ нашей рукописи, и эти слова были измѣнены и въ печатномъ текстѣ вмѣсто нихъ находимъ: «Вы все шутите». Дальнѣйшій діалогъ весь перечеркнутъ до словъ: «губить свое счастіе», т.-е. до того мѣста, гдѣ у насъ поставлена скобка, и между строкъ реплики Мерича: «Вы плачете, М. А....» и т. д. надписано: «Ну въ дѣлѣ сердца я бы не послушался маменьки! Для маменьки вы хотите...». Продолженіемъ служатъ дальнѣйшія слова Мерича, которыя остались незачеркнутыми, т.-е. начиная отъ нашей скобки. Дальше вмѣсто реплики М. А.: «Я не знаю, В. В., но едва ли это случится когда нибудь» раньше стояло: «Это было бы несчастіе. А у меня горя и безъ того довольно!» Вотъ какъ вырабатывался текстъ этого явленія (мною отмѣчено далеко не все), текстъ, окончательный свой видъ получившій все-таки не въ нашей рукописи.

Теперь приходится перейти прямо къ второй сценѣ II-го дѣйствія, такъ какъ текста явленій 6-го и 7-го (8 и 9 печатн.) въ рукописи не сохранилось. Въ II-мъ дѣйствіи въ рукописи также 5 явл., только они обозначены здѣсь 8, 9, 10, 11 и 12, такъ какъ въ первой сценѣ этого дѣйствія въ рукописи было 7 явленій, а не 9, какъ теперь. Относительно личности Беневоленскаго должно сказать, что этотъ типъ, лучшій въ комедіи по своей художественности, сравнительно съ другими лицами этой комедіи создался въ общихъ чертахъ дѣйствительно сразу, хотя есть кой-какія любопытныя подробности. Прежде всего реплики Беневоленскаго (явленіе 10) въ рукописи не всегда отличаются тѣми художественными достоинствами, какъ въ печатномъ текстѣ. Напримѣръ, краткая его реплика: «Ты говорилъ, что здѣсь есть барышня хорошенькая. Ты смотри — я, вѣдь, разборчивъ» въ рукописи болѣе растянута: «Да стоитъ ли смотрѣть-то твою невѣсту? а! Ты можетъ быть такъ дрянь какую-нибудь мнѣ сватаешь, не подумавши объ этомъ дѣлѣ, какую невѣсту мнѣ нужно. Понапрасну меня отъ дѣла отрываешь; я вѣдь человѣкъ дѣловой. — Смотри братецъ. Мнѣ

хорошую невѣсту нужно, я разборчивъ». Затѣмъ рукописный текстъ реплики того же лица и въ томъ же явленіи: «Посмотримъ, братецъ, посмотримъ (садится). Ты И. Д. (вмѣсто Плат. Марк.) не видалъ у меня дрожки новые?» свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ впослѣдствіи придалъ характеру своего героя нѣкоторыя любопытныя черты, а именно въ данномъ случаѣ своего рода неувѣренность въ томъ, что за него выдадутъ эту «бѣдную невѣсту». Но внесена эта подробность уже не въ нашей рукописи, въ которой точно также не было фамиліи «Пересемкинъ», а вмѣсто нея была фамилія Бѣлугинъ.

Въ явленіи 11 (рукоп. 9) Беневоленскій говоритъ о своей службѣ и первоначально въ рукописи стояло: «служу-съ съ 848 года», но потомъ исправлено на 838. Затѣмъ послѣ этой даты идетъ такое продолженіе, впослѣдствіи зачеркнутое: «съ 48 до 50 исправлялъ должность секретаря, а теперь утвержденъ въ этой должности». Очевидно, писалась комедія въ 1851 году.

Въ явленіи 12 (рукоп. 10) отмѣтимъ слѣдующее. Реплика Беневоленскаго: «Я совершенно отсталъ: прежде читалъ, а теперь, знаете-ли, дѣла, такъ рѣшительно ничего не читаю» имѣетъ въ рукописи такое, правда, зачеркнутое продолженіе: «Да и для чего читать, что пріобрѣтешь. Я рѣшительно не вижу никакой пользы. Да и что пишутъ нынче»; послѣднія слова были потомъ выдѣлены въ особую реплику. Затѣмъ послѣ начальныхъ словъ реплики Анны Петровны: «Какая любовь! Все глупости, никогда этого не бываетъ» идетъ слѣдующій коротенькій діалогъ, въ рукописи не зачеркнутый:

«Бенев. Ну нельзя сказать, что никогда не бываетъ. Нѣтъ, я вамъ скажу бываетъ, только ужъ очень рѣдко. Я знаю, какъ сочиняютъ, насъ самихъ прежде учили сочинять. Сочинители пишутъ не то, что бываетъ, а то, что можетъ быть, и если бываетъ, такъ ужъ очень рѣдко. (Къ М. А.). Что Марлинскій еще пишетъ.

М. А. Онъ давно умеръ.

Бенев. Вотъ у этого было что то этакое».

И уже послѣ этой реплики Беневоленскаго идетъ реплика А. П.: «Чайку, М. Д., не угодно ли?».

Нужно признать, что авторъ, выпустившій замѣчанія Максима Дорофеича о безполезности чтенія, о способѣ сочиненій и о Марлинскомъ, поступилъ вполнѣ правильно: образъ главнаго героя только выигралъ въ своей художественности.

Наконецъ отмѣтимъ, что въ 13 явленіи (рукоп. 11) нѣтъ всего разговора о конфектахъ, который впрочемъ вставленъ впослѣдствіи на отдѣльномъ листѣ, въ нашей же рукописи.

Итакъ относительно всего II-го дѣйствія приходится сказать, что текстъ его окончательно сложился не въ нашей рукописи.

IV.

Третье дѣйствіе почти цѣликомъ помѣщено въ концѣ рукописи, такъ что, повидимому, написано оно послѣднимъ. Текстъ нѣсколько растянутъ, хотя почти тотъ же, что и печатный. Есть, впрочемъ и разночтенія, изъ которыхъ отмѣчу слѣдующія.

Въ явленіи 1-мъ третья реплика Анны Петровны и отвѣтъ М. А. читается такъ: «А. П. Прощай, Богъ съ тобой. (Идетъ, потомъ возвр.). Скажи Дарьѣ, чтобы безъ меня никого не принимать, исключая Милашина, а особенно чтобъ не пускала Мерича. Да по мнѣ, Машенька, такъ ему бы и совсѣмъ отказать, что онъ шляется то и дѣло, ты теперь невѣста, за тебя женихи сватаются. Что хорошаго. Еще какой-нибудь разговоръ пойдетъ.

М. А. Хорошо, маменька, мы объ этомъ поговоримъ послѣ. Ступайте скорѣй».

Въ печатномъ текстѣ выпущено замѣчаніе А. П. о Меричѣ и обѣщаніе М. А. поговорить объ этомъ послѣ.

Значительно растянутъ въ рукописи монологъ М. А., составляющій 2-е явленіе. Вотъ его рукописный текстъ: «Насилу то ушла; а ужъ я боялась, что Владиміръ придетъ при ней... Съ чего это ей въ голову пришло не принимать Владиміра, ну какъ она въ самомъ дѣлѣ эту штуку сдѣлаетъ; гдѣ мы тогда съ нимъ видаться будемъ. Я этаго себѣ безъ ужаса представить не могу. Охъ, кажется, не дѣло я затѣяла; у меня что-то сердце очень

не покойно. А быть можетъ это отъ ожиданія: мнѣ что-то и страшно и необыкновенно весело. Хорошо-ли я сдѣлала... (далѣе какъ въ печати) мнѣ теперь хорошо; только бы женихи не надоѣдали. Да пускай и женихи сватаются—я не пойду ни за кого.—Мнѣ выйти замужъ, когда жизнь улыбается мнѣ. Нѣтъ, низачто, низачто. Я и думать объ этомъ не хочу. Я люблю Владиміра, люблю, а тамъ будь, что будетъ. Кто-то идетъ? Не онъ-ли? (бѣжитъ къ двери)». Въ печатномъ текстѣ нѣтъ ни слова о будущихъ свиданіяхъ, ни размышленія М. А. о своемъ поступкѣ, а также и предчувствія у нея чего то недобраго.

Въ 3-мъ явленіи въ печатномъ текстѣ сокращены нѣкоторыя реплики Милашина. Напр.: 1) «Уйду-съ... я вѣдь къ вамъ нынче за дѣломъ пришелъ, [за важнымъ дѣломъ]. (М. А. сидитъ, отвернувшись къ окну). Вы меня не слушаете; а это дѣло касается васъ. (Громко). [Касается вашей репутаціи]».

2) «Про Мерича... [Хорошъ человѣкъ, нечего сказать (принужденно смѣется)»].

3) «И прекрасно, что вы знаете, мнѣ только этого и хотѣлось. Каковъ! Какимъ прикидывается! [Какія роли разыгрываетъ]».

Въ печатномъ текстѣ все, поставленное нами въ квадратныя скобки, выпущено.

Особенныя отличія представляетъ текстъ этого явленія въ дальнѣйшемъ, начиная съ реплики М. А.: «Ну да смѣшенъ», за которой идетъ въ рукописи такое продолженіе:

«Милаш. Вы меня извините, а вѣдь я думалъ, что вы его любите.

М. А. Кого Мерича-то? (хохочетъ). Стоитъ онъ того, чтобъ я его любила. Я люблю одного человѣка, только я хочу его испытать.

Милаш. Смотрите М. А. не ошибитесь.

М. А. Для того то я и хочу прежде испытать, чтобы не ошибиться.

Милаш. М. А. вы лучше мнѣ скажите, кого вы любите; а ужъ я васъ не обману, я вамъ скажу прямо, стоитъ человѣкъ вашей любви или нѣтъ.

М. А. Вамъ то именно я и не скажу.

Милаш. Отъ чего же М. А.

М. А. Есть на это причины.

Милаш. Знаю я этого человѣка, или нѣтъ?

М. А. (смѣется). Мнѣ кажется, вы должны его очень хорошо знать.

Милаш. (подумавши). М. А. я васъ люблю, ей Богу очень люблю; вы только мнѣ все не вѣрите, а ей Богу люблю.

М. А. Кто вамъ сказалъ, что я не вѣрю! Я вамъ вѣрю.

Милаш. Вы мнѣ вѣрите. (Беретъ руку, цѣлуетъ и, не выпуская изъ рукъ, смотритъ на М. А.) М. А. я для васъ готовъ все на свѣтѣ сдѣлать, ну заставьте меня, что вамъ угодно.

М. А. Да хороши вы, нечего сказать! Вы все для меня готовы сдѣлать! Должно быть на словахъ только! Я цѣлый часъ прошу васъ уйти, а вы все не съ мѣста...»

Дальше, какъ въ печатномъ текстѣ.

Конецъ 3-го явленія въ рукописи такой:

«М. А. Съ удовольствіемъ.

Милаш. (цѣлуетъ, потомъ идетъ къ двери и останавливается). М. А., я кажется догадываюсь, кого вы любите, только не смѣю надѣяться. Скажите: да или нѣтъ. Нѣтъ лучше не говорите ничего, я и слушать не стану. Прощайте (убѣгаетъ)».

Это явленіе снова возвращаетъ насъ къ характерамъ Милашина и Марьи Андреевны. Несомнѣнно, здѣсь ярко подчеркнута глупая самоувѣренность перваго. Что же касается Марьи Андреевны, то, очевидно, кокетство составляло, по первоначальному намѣренію автора, черту ея характера. Дальнѣйшей переработкѣ этотъ характеръ подвергся уже не въ нашей рукописи.

Въ 4-мъ явленіи также любопытныя разночтенія. Между словами: «всѣмъ бы для него пожертвовала» и «однако что же онъ нейдетъ» въ рукописи находятся такія слова, выпущенныя въ печати: «Знаетъ ли онъ, что я такъ его люблю; мнѣ робость и стыдливость не позволяетъ ему высказаться; а онъ сколько разъ былъ обманутъ женщинами, что пересталъ имъ вѣрить.—Нѣтъ только онъ при-

детъ, я дамъ волю своему сердцу; пусть хоть нѣсколько минутъ я поживу полною жизнью, какъ мнѣ хочется (задумывается)» [1]).

Въ 5-мъ явленіи разночтенія встрѣчаются преимущественно въ репликахъ Мерича. Такъ, напримѣръ, его реплика: «Стоитъ объ этомъ думать! Тебѣ что за дѣло до этого Беневоленскаго?» въ рукописи читается: «Стоитъ объ этомъ думать! Отказать ему, да и все тутъ». Впрочемъ, общій характеръ этихъ разночтеній тотъ, что въ рукописи текстъ значительно растянутъ. Такъ, реплика: «Вотъ и слезы! Раненько!» и т. д. имѣетъ тамъ слѣдующее продолженіе: «Какъ я еще глупъ, я позволилъ себѣ еще разъ обмануться. Я думалъ, что вотъ награда за всѣ мои разочарованія, за всѣ мои страданія—и что же? [(М. А. смотритъ на него). Ахъ, бѣдное мое сердце, нѣтъ тебѣ покою]» [2]). Затѣмъ реплика: «Нѣтъ, я ужъ привыкъ къ этому. И тебѣ не жаль меня, Мери? Я ужъ и такъ измученъ жизнію, а ты мнѣ не хочешь доставить ни одной минуты не отравленнаго удовольствія» читается такъ: «Нѣтъ, я ужъ привыкъ къ этому. И тебѣ не жаль меня. [Я пришелъ къ тебѣ за удовольствіемъ чистымъ; а ты отравила его мелочными разсчетами. Я позабылъ весь міръ, сердце мое было покойно, а теперь въ немъ (тутъ одно слово не разобрано) желчь и злоба противъ людей, противъ свѣта] [3]). Я думалъ, что ты прольешь мнѣ каплю бальзаму въ эту больную душу; что ты помиришь меня съ жизнію, ты одна только въ состояніи это сдѣлать. А ты мнѣ не хочешь доставить ни одной минуты не отравленнаго удовольствія». Далѣе реплика: «Очень мало. (М. А. цѣлуетъ его еще нѣсколько разъ). Смѣлѣй, Мери, смѣлѣй! Вотъ теперь я вижу, что ты умная дѣвушка. Ахъ, Мери, я вспомнилъ одну женщину;— вотъ это была любовь» въ рукописи читается: «Очень

---

[1]) Въ этомъ монологѣ послѣ словъ: „...разсуждать объ его поступкахъ“ идетъ такая фраза, которой нѣтъ въ печати: „За него некому заступиться!“

[2]) Слова, поставленныя въ квадр. скобки, зачеркнуты въ рукописи.

[3]) Дополненіе, поставленное въ квадратныя скобки, написано на поляхъ, но потомъ зачеркнуто.

мало. (М. А. еще цѣлуетъ его). Смѣлѣй, Мери, смѣлѣй! Вотъ теперь я вижу, что ты умная дѣвушка.—Ахъ, Мери, я вспомнилъ одну дѣвушку: она бывало одѣвалась въ мужское платье, чтобы только ко мнѣ пройти. Вотъ это любовь. Какъ теперь помню. Это было лѣтомъ въ лунную ночь».

Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что кой-чего въ нашей рукописи нѣтъ сравнительно съ печатнымъ текстомъ. Такъ, въ ней нѣтъ всего слѣдующаго мѣста, начиная со словъ Мерича: «Погоди, мой другъ, Мери, придетъ время, когда я назову тебя своей торжественно, публично...» и т. д. и кончая его же словами: «Я не посмотрю ни на какія обстоятельства... не отдадутъ тебя, я увезу». Очевидно, это позднѣйшее добавленіе, сдѣланное не въ нашей рукописи.

Наконецъ, помимо уже отмѣченныхъ варіантовъ, должно упомянуть еще и о томъ, что текстъ, конечно, сложился не сразу: есть много исправленій въ самомъ текстѣ и дополненій на поляхъ. Такъ на поляхъ добавленъ характерный вопросъ Мерича: «Мы одни?» и отвѣтъ на него М. А. Большая часть реплики Мерича: «Я гляжу на твои глазки...», а именно начиная съ словъ: «Я помню другіе такіе глазки... Она умерла, бѣдная женщина...» и т. д. помѣщена на поляхъ. Наконецъ изъ реплики М. А.: «Нѣтъ это не ревность...» и т. д. только послѣдняя фраза: «Ты и про меня также станешь разсказывать?» помѣщена въ текстѣ, все же предшествующее: «Нѣтъ, это не ревность; а мнѣ обидно, что ты говоришь о другихъ женщинахъ въ то время, когда я къ тебѣ ласкаюсь», добавлено на поляхъ.

Данное явленіе какъ нельзя болѣе свидѣтельствуетъ о томъ, какъ заботливо отдѣлывалъ Островскій текстъ своихъ произведеній.

Текстъ явленія 6-го въ рукописи совершенно иной, чѣмъ печатный, и мы приводимъ его цѣликомъ.

«М. А. (одна садится за работу). Отъ чего это мнѣ такъ тяжело и неловко. Мнѣ кажется очень совѣстно будетъ взглянуть на маменьку.—Или я еще ребенокъ или я въ самомъ дѣлѣ дурно дѣлаю. Ужъ не бросить ли мнѣ это

дѣло! Я совсѣмъ растерялась. Какъ бы я хотѣла съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться. (Вотъ когда я чувствую необходимость въ опытномъ другѣ) [1]). Я и люблю Владиміра— и боюсь его. Ахъ еслибъ Мих. Ив. пришелъ, я бы поговорила съ нимъ, онъ мнѣ кажется истинно добра желаетъ».

Въ явленіи 7-мъ должно обратить вниманіе на реплику Добротворскаго: «Какъ же, говорилъ-съ. Онъ говоритъ, коли отдадутъ»... и т. д. Въ ней нѣтъ именно тѣхъ словъ, начало которыхъ мы привели: «Онъ говоритъ, коли отдадутъ Марью Андреевну, такъ я хлопотать стану. Это дѣло еще можно исправить». Отсутствіе ихъ любопытно потому, что и раньше приходилось отмѣчать въ нашей рукописи отсутствіе всякаго намека на тяжбу. Очевидно, измѣненіе это произведено при дальнѣйшей переработкѣ текста комедіи уже въ бѣловой рукописи.

Наконецъ въ настоящемъ дѣйствіи остановимся еще на двухъ репликахъ Марьи Андреевны въ явленіи 12-мъ, а именно первой и послѣдней (остальное не представляетъ особеннаго интереса). Первая ея реплика въ рукописи читается такъ: «Что мнѣ дѣлать. Я рѣшительно не знаю. Я чувствую, что дурно дѣлаю, что ссорюсь съ маменькой, но идти за Беневоленскаго не могу. Мое давишнее поведеніе съ Владиміромъ скверно, я стою за это наказанія. Я только теперь это почувствовала. Должно быть я сдѣлала дурно, если совѣсть меня упрекаетъ. По крайней мѣрѣ я не должна была ссориться съ маменькой.—Я бы могла еще противорѣчить ей, если бы я сама была права; а теперь я ужъ виновна. Но все таки за Беневоленскаго итти я не могу, рѣшительно не могу;—я люблю Владиміра». Въ печатномъ текстѣ эта реплика значительно короче, а именно послѣ словъ: «но идти за Беневоленскаго я не могу» здѣсь идетъ только: «—я люблю Владиміра. Да еслибъ я и рѣшилась пожертвовать собой, я теперь не имѣю права. За что же я обману бѣднаго Владиміра: онъ такъ меня любитъ». Послѣдняя реплика наоборотъ въ рукописи короче. «Жаль мнѣ маминьку, ей Богу жаль! Еслибъ

[1]) Поставленное въ скобки написано на поляхъ.

я не надѣлала глупостей, я бы теперь съ ней поговорила откровенно, что Беневоленскій мнѣ не нравится, а теперь не могу. Теперь мнѣ одно средство объясниться съ Владиміромъ, узнать, какія у него намѣренія. Если онъ хочетъ жениться на мнѣ, тогда скажемъ маминькѣ и не объ чемъ думать. А если нѣтъ? Если нѣтъ? Что тогда? Впрочемъ, какое же я имѣю право такъ дурно думать о немъ, я еще его не знаю».

Изъ этихъ двухъ репликъ наиболѣе интересною представляется первая, съ которой слѣдуетъ поставить въ связь также и (рукописный) монологъ 6-го явл. Выше я приводилъ мнѣніе г. Безобразова, полагающаго, что «героиня вообще должна была быть представлена болѣе легкомысленной и вѣтренной». Онъ говоритъ далѣе, что «въ первоначальной редакціи Марья Андреевна относилась къ браку довольно легко», и въ подтвержденіе ссылается на извѣстный намъ первоначальный текстъ первыхъ трехъ явленій I-го дѣйствія (листы 37, 38, 3 и 4). На мой взглядъ особеннаго легкомыслія въ характерѣ героини и по первоначальному тексту не замѣчается. Правда, она говоритъ, что ей «наконецъ надо выйти замужъ», что ей въ ея положеніи «разбирать жениховъ нечего», что она «готова выйти за сколько-нибудь порядочнаго человѣка»; она знаетъ, «что она хороша, да что въ томъ толку», ей досадно, что «всѣ говорятъ хорошенькая, хорошенькая, а никто не влюбится», ей «до смерти хочется влюбиться». Гдѣ же тутъ особенное легкомысліе героини? Здѣсь просто Островскій пытался, быть можетъ неудачно, обрисовать ея безпомощное положеніе «бѣдной невѣсты» и указать на неизбѣжный законъ природы, заставляющій дѣвушку полюбить. Авторъ, даже когда писалъ III-е дѣйствіе, т.-е. почти въ самомъ концѣ работы надъ нашей рукописью, написалъ сцену кокетничанья Марьи Андреевны съ Милашинымъ, т.-е. иными словами считалъ кокетство чертой характера своей героини, и однако не задумался вложить въ ея уста монологи и реплики, подобные тѣмъ, на которыхъ мы остановили теперь свое вниманіе и въ которыхъ такъ много говорится объ упрекахъ совѣсти, о томъ, что она (героиня) дурно дѣлаетъ,

ссорясь съ маменькой, что она «виновна», а потому уже не можетъ ей и противорѣчить, но что все-таки за Беневоленскаго замужъ итти не можетъ. Если сопоставить все это, то придется признать, что не можетъ быть никакой рѣчи о легкомыслiи и «по первоначальному намѣренію автора», что драматургъ просто подыскивалъ подходящую форму для задуманнаго имъ типа «бѣдной невѣсты», которую онъ, правда, заставлялъ вспоминать о своихъ побѣдахъ и надѣлилъ способностью къ кокетству. Но результаты этихъ поисковъ подходящей формы не всегда были удачны и выражались въ текстахъ, не удовлетворявшихъ и самого автора, который и отбрасывалъ ихъ. Такимъ образомъ, на мой взглядъ, нѣтъ данныхъ говорить о «существенной передѣлкѣ» типа героини, такъ какъ не было разницы между намѣреніемъ автора и выполненіемъ его, или точнѣе сказать, такъ какъ было неудачное выполненіе намѣренія автора. Если въ чемъ-либо типъ этотъ и подвергся переработкѣ, такъ это въ томъ, что авторъ отнялъ у своей героини и послѣдній признакъ, скажемъ, легкомыслія, кокетство, и представилъ ее серьезной дѣвушкой, искренно отдающейся чувству любви, но это было сдѣлано уже не въ нашей рукописи.

V.

Четвертое и пятое дѣйствія, за утратой нѣкоторыхъ листовъ, не сохранились полностью въ нашей рукописи: въ четвертомъ не хватаетъ явленій 1, 7, 10, 11 и 12, въ пятомъ—3, 8 и 10, такъ какъ текстъ рукописнаго 10-го соотвѣтствуетъ печатному 11-му.

Въ IV-мъ дѣйствіи мы прежде всего остановимся на 3-мъ явленіи. Въ немъ вмѣсто одной реплики Дарьи: «Я васъ червонной, матушка, положу. Ахъ, барышня, почтальонъ идетъ (идетъ за письмомъ)» въ рукописи находимъ слѣдующій діалогъ:

«Дарья. Я васъ червонной матушка положу. Вотъ съ разу интересъ.

А. П. Гдѣ интересъ.

Дарья. А вотъ девятка-то крестовая... Письмо.

А. П. Отъ кого же бы это письмо?

Дарья. Ужъ не знаю, матушка; должно быть вотъ отъ этого короля; либо отъ крали. Штоль (?) отъ этой; ужъ не знаю. Да вотъ матушка, почтальонъ идетъ, а вы еще барышня говорите, что вздоръ (идетъ за письмомъ)». Конечно, эта сцена не представляетъ особенной цѣнности.

Затѣмъ въ письмѣ Беневоленскаго нѣтъ словъ: «конечно, только въ томъ случаѣ, когда вы согласитесь принять мое предложеніе. Я человѣкъ дѣловой, и мнѣ терять время понапрасну на чужія хлопоты нельзя». Вмѣсто того послѣ словъ: «быть ходатаемъ» въ рукописи идетъ зачеркнутая фраза: «Чинъ хотя я имѣю незначительный, но въ непродолжительномъ времени надѣюсь дослужиться до титулярнаго совѣтника». Также послѣ словъ: «чтобы не остаться въ неизвѣстности» зачеркнута слѣдующая фраза: «и въ случаѣ съ вашей стороны отказа искать другую невѣсту; ибо я убѣжденъ, что мнѣ при настоящихъ обстоятельствахъ, должно жениться непремѣнно». Само собою разумѣется, что наиболѣе интереснымъ является первый варіантъ, по извѣстной уже намъ причинѣ.

Въ явленіи 6-мъ послѣ словъ М. А.: «Что-жъ это такъ долго» слѣдуетъ такой разсказъ Милашина: «М. А. У насъ одинъ чиновникъ получилъ наслѣдство тысячъ 200. Вотъ дураку счастье, ужасно досадно. Теперь будетъ носъ подымать, насъ и знать не захочетъ. А какъ, я думаю, подличалъ, унижался передъ дядей-то, чтобы тотъ ему оставилъ что-нибудь. Я говорилъ ему давеча: я думаю вамъ низко теперь будетъ служить съ нами. Еще дуракъ приглашаетъ обѣдать; пускай другіе идутъ, а я ужъ слуга покорный; очень пріятно смотрѣть, какъ онъ будетъ важничать, что у него денегъ много».

Явленіе 8-е свидѣтельствуетъ снова о томъ, какъ тщательно обрабатывалъ Островскій текстъ своего произведенія и какъ трудно доставался ему этотъ текстъ, даже въ самыхъ мелочахъ. Такъ, напр., реплика М. А.: «Что теперь дѣлать! Маменька говоритъ»... и т. д. читалась предварительно: «Ей нечѣмъ заплатить. Единственное средство мнѣ выдти замужъ за кого-нибудь изъ этихъ жениховъ». Ея же реплика: «Владиміръ! пока я не видала тебя»... и т. д.

читалась первоначально такъ: «Влад. пока я не видала тебя, я было рѣшилась выйти за мужъ, за кого будетъ угодно маменькѣ. Я посмотрѣла на жениховъ, ты мнѣ говор. что ты меня любишь, и моя рѣшимость пропала, я не знаю (хвати) достанетъ ли у меня теперь силъ». Реплика М. А.: «Ахъ, Мери! Мери! Ты не знаешь»... и т. д. въ рукописи сначала была значительно короче: «Соображая все это, я теперь вижу, что я для тебя ничего не могу сдѣлать». Вмѣсто реплики Мерича; «То-то вотъ все еще неопытность»... и т. д. стояло: «То-то вотъ необдуманность-то. Что ты дѣлаешь съ собою, со мной! Я никакъ не предполагалъ, что это дѣло такъ далеко зайдетъ. Я не ждалъ ничего драматическаго». Реплика: «Да развѣ я не люблю тебя!.. и т. д.» предварительно имѣла такой видъ: «Да что-жъ дѣлать, коли такія обстоятельства. Для меня для самого тяжело. Какъ же быть-то. Надобно покориться своей участи; надобно быть тверже Машенька»! Реплика: «Мнѣ очень жаль тебя, Мери».., и т. д. читалась: «Мнѣ оченъ жаль! Ты меня считаешь какимъ-то безчувственнымъ человѣкомъ. Я очень хорошо понимаю твое положеніе; да чтожь дѣлать, не могу никакъ помочь. Жениться я не могу на тебѣ; да и мать моя не позволитъ. Конечно бы я не посмотрѣлъ на нее; да обстоятельства теперь не позволяютъ». Наконецъ послѣдняя реплика Мерича читалась такъ: «Вотъ и прекрасно. Значитъ я могу быть покоенъ. Прощай Машенька, желаю тебѣ всякаго счастія. Я постараюсь забыть тебя (уходитъ)». Обратите вниманіе на дважды встрѣчающееся слово «Машенька», такъ рѣжущее ухо въ устахъ Мерича. Всѣ эти реплики, хотя и исправлены въ нашей рукописи, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ постепенно вырабатывался текстъ, не говоря уже о томъ, что мною приведены далеко не всѣ разночтенія. Остановимся еще на репликѣ Мерича: «Я люблю тебя, Мери; я увлекся, я не сообразилъ. Я человѣкъ очень страстной». Предварительно она читалась такъ: «Я любилъ тебя, я люблю тебя (всамомъ), и теперь даже въ этомъ готовъ поклясться». Затѣмъ она была исправлена, и по исправленіи получился такой ея текстъ: «Я люблю тебя, Мери, и даже теперь готовъ тебѣ

поклясться въ этомъ. Я человѣкъ очень страстной». Какъ можно видѣть, этотъ текстъ все еще отличается отъ печатнаго, и наша рукопись и въ этомъ случаѣ не давала окончательнаго текста.

То же самое должно сказать и 9-мъ явл. IV-го дѣйст. Монологъ М. А., составляющій его, въ нашей рукописи значительно длиннѣе и предварительно читался такъ: «Онъ ушелъ, и ему ничего! Онъ даже радъ, я думаю, что развязался. (А я, ахъ... Боже мой, кого я полюбила. Какъ мнѣ стыдно за себя). Теперь только я вижу, что Мих. Ив. говорилъ правду. (Обаяніе проходитъ и я остаюсь лицомъ къ лицу съ жизнію. Я какъ будто просыпаюсь отъ сна). Жизни впереди много и я для нее ничего не сдѣлала. (Вотъ когда я вижу всю пустоту и пошлость своего прошедшаго). Былъ человѣкъ подлѣ меня, съ которымъ я могла быть счастлива и котораго могла осчастливить, и я промѣняла его прочную привязанность на пошлыя фразы. (Неужели въ людяхъ такъ мало правды). А впрочемъ чѣмъ же я виновата? Зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды! Зачѣмъ они обманываютъ такъ смѣло; а правду говорятъ такъ робко и неловко. За что онъ меня обманулъ! За что я теперь страдаю»! Затѣмъ были внесены такія поправки въ этотъ текстъ. Послѣ словъ: «пошлость своего прошедшаго» сдѣлана слѣдующая вставка, помѣщенная въ концѣ страницы: «(Я должна была выбрать человѣка, съ которымъ мнѣ нужно связать свою жизнь или положиться въ этомъ на людей, которые опытнѣе меня). Я не должна была мѣчтать объ любви и объ удовольствіи быть любимой въ такихъ обстоятельствахъ, когда участь всей моей жизни и спокойствіе моей матери зависятъ единственно отъ моего замужества.—Мнѣ нужно было сообразить все это, нужно было искать человѣка, съ которымъ бы я смѣло могла связать свою судьбу. У меня было на это время, были средства, и я ничего не сдѣлала...»

Послѣ этого слова, поставленныя мною въ скобки и въ текстѣ и въ дополнительной вставкѣ, были зачеркнуты, внесено кое-что новое, и послѣ всѣхъ этихъ поправокъ получился такой текстъ даннаго монолога: «И я повѣрила этому человѣку! Какъ мнѣ стыдно за себя... Онъ ушелъ, и ему ничего! Онъ даже радъ, я думаю, что раз-

вязался... А я, я тоже кажется рада—и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ невыносимо тяжело. Я какъ будто просыпаюсь отъ долгаго и тяжелаго сна... Какъ я мало думала о себѣ! Теперь только я вижу, что Мих. Ив. говорилъ правду. Жизни впереди много и я для нея ничего не сдѣлала. Мое прошедшее мнѣ представляется мало по малу пустымъ и пошлымъ. Какъ бы я желала утвердиться въ этой мысли. Да, жизнь не шутка... Я не должна была ребячиться, не должна была мѣчтать объ любви и объ удовольствіи быть любимой въ такихъ обстоятельствахъ, когда участь всей моей жизни и спокойствіе моей матери зависятъ единственно отъ моего замужества.—Мнѣ нужно было сообразить все это, нужно было искать человѣка, съ которымъ бы я смѣло могла связать свою судьбу. У меня было на это время, были средства, и я ничего не сдѣлала. Былъ человѣкъ подлѣ меня, съ которымъ я могла быть счастлива и котораго могла осчастливить, и я промѣняла его прочную привязанность на пошлыя фразы. А впрочемъ чѣмъ же я виновата? Зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды. Зачѣмъ они обманываютъ такъ смѣло; а правду говорятъ такъ робко и неловко. За что онъ меня обманулъ! За что я теперь страдаю!»

Впослѣдствіи этотъ монологъ подвергся новой передѣлкѣ, а именно былъ значительно сокращенъ, и притомъ къ лучшему, но это было сдѣлано опять-таки не въ нашей рукописи.

Переходимъ теперь къ V-му дѣйствію. Текстъ 1-го и 2-го явл. въ рукописи почти тотъ же, что и въ печати, за нѣкоторыми исключеніями. Между прочимъ нѣтъ именъ Дуни и Паши, обозначено просто: 1-я и 2-я женщины. Въ 4-мъ явленіи въ рукописи нѣтъ двухъ начальныхъ репликъ Дарьи и Марьи Андреевны, третья реплика Дарьи: «Они просятъ позволенія войти, переговорить съ вами» имѣетъ еще прибавленное впослѣдствіи продолженіе: «Мнѣ говорить хочется еще разъ на нее взглянуть», а послѣдняя реплика М. А. состоитъ только изъ начальныхъ словъ М. А., обращенныхъ къ Дарьѣ: «Это что еще? Затвори эту дверь и позови его». Все остальное прибавлено не въ нашей рукописи.

Въ 5-мъ явленіи отмѣчу послѣднюю реплику Мерича, которая въ рукописи первоначально читалась такъ: «Кажется, я не уронилъ себя. Впрочемъ, у меня совѣсть покойна: она меня простила. Ну еще слава Богу, что такъ кончилось. Она умная дѣвушка, это видно по всему, будь поглупѣе, такъ не зналъ бы какъ и развязаться, однимъ упрекамъ не было бы конца. А еще пожалуй женили бы. Нѣтъ дамъ себѣ зарокъ не связываться съ дѣвушками».

Наконецъ остановимся на 11-мъ явл., которое въ рукописи названо «яв. 10». Реплика М. А.: «Ничего, маменька, онъ мнѣ нравится. Вы не глядите, что я плачу; это такъ отъ волненія. (Прислушивается). Погодите, послушаемте, что говорятъ» первоначально читалась такъ: «Мнѣ кажется, маменька, что я буду счастлива, а если нѣтъ, такъ ужъ это я буду виновата, а не вы. Но во всякомъ случаѣ, если я буду несчастлива, я никому не пожалуюсь, этого никто не узнаетъ, никто не посмѣетъ упрекнуть васъ, и я не упрекну. Благодарю васъ и васъ также Пл. Мар.» [1]). Но затѣмъ реплика была исправлена и послѣ поправки приняла такой видъ: «Ничего, маменька, онъ мнѣ нравится. Мнѣ кажется, что я буду счастлива, а если нѣтъ, такъ ужъ это я буду виновата, а не вы. Никто не посмѣетъ упрекнуть васъ. Вы все для меня сдѣлали, что могли; остальное ужъ мое дѣло. Благодарю васъ и васъ также Пл. Мар. (Цѣлуетъ мать)». Текстъ этотъ еще отличается отъ печатнаго, и исправленіе было сдѣлано, очевидно, въ бѣловой рукописи. Но исправленіе коснулось не одной только этой реплики. Дѣло въ томъ, что дальше за ней въ нашей рукописи идутъ прямо послѣднія четыре реплики:

«Одна изъ толпы.

Это, чтоль, невѣста-то?

Старуха.

Эта, матушка, эта.

---

[1]) Сначала было „Ив. Дм.“, но потомъ зачеркнуто.

Женщина.

Ишь ты какъ плачетъ, бѣдная.

Старуха.

Да, матушка, бѣдная; за красоту беретъ».

Всего остального, т.-е. разговора «двухъ свахъ въ сторонѣ» и небольшого монолога Марьи Андреевны, въ нашей рукописи нѣтъ.

Хотя въ общемъ наша работа ещѣ не закончена, но ввиду того, что окончено изученіе извѣстнаго и доступнаго намъ рукописнаго текста комедіи, представляется возможнымъ подвести итоги этому изученію.

Задумавъ комедію «Бѣдная невѣста», Островскій пишетъ планъ ея, согласно которому среди дѣйствующихъ лицъ не было Хорьковыхъ, не появлялись на сценѣ свахи, вмѣсто одного жениха — два: одинъ, рекомендованный Добротворскимъ (въ планѣ Добротворовымъ) и не имѣвшій еще никакой фамиліи, другой — купецъ, найденный самой матерью невѣсты. Предметъ увлеченія бѣдной невѣсты носитъ фамилію Зоричъ.

Послѣ составленія этого плана драматургъ принялся за текстъ, который писался въ разбивку, а не по порядку сценъ. Когда была написана извѣстная часть сценъ, быть можетъ, когда авторъ приступалъ къ работѣ надъ первыми явленіями II-го дѣйствія, ему пришла въ голову мысль ввести въ комедію новыя лица, Хорьковыхъ, и тогда былъ составленъ новый, второй планъ комедіи. Согласно этому плану въ комедію, какъ только что было упомянуто, введены Хорьковы, оставлена мысль о двухъ женихахъ, причемъ рекомендованный Добротворскимъ женихъ вездѣ носитъ фамилію Беневоленскій, свахъ еще не было. Какъ и въ первомъ планѣ послѣдовательно употребляется фамилія Зоричъ. Начиналась комедія сценой Анны Петровны съ Ариной Егоровной, во второмъ явилась Марья Андреевна, въ третьемъ она оставалась одна и въ четвертомъ снова являлась Анна Петровна. Впослѣдствіи первое явленіе вошло въ комедію въ качествѣ 9-го явл.

I дѣйств., остальныя же всѣ были выпущены, хотя и использованы отчасти въ дальнѣйшемъ содержаніи комедіи.

Составивъ второй планъ, авторъ снова принялся за текстъ и довелъ его до конца, внеся въ него измѣненія согласно новому плану. Кое-что изъ этого текста не вошло въ комедію, помимо уже упомянутыхъ сценъ. Такъ, нѣтъ монолога Марьи Андреевны, которымъ начиналось первое явленіе I-го дѣйствія, нѣтъ сцены Марьи Андреевны съ Меричемъ, которую авторъ считалъ однако важной, нѣтъ сцены кокетничанья М. А. съ Милашинымъ во II дѣйств., выброшена подобная сцена въ 3-мъ явл. III дѣйств. Также нѣтъ кой-чего въ нашемъ текстѣ сравнительно съ печатнымъ. Нѣтъ, какъ извѣстно, сценъ со свахами въ I-мъ дѣйствіи, нѣтъ 2-го явл. II-го дѣйств. и разговора «двухъ свахъ въ сторонѣ» въ V-мъ дѣйств. Я не говорю уже о томъ, что самый текстъ вырабатывался постепенно и не всегда сходенъ съ печатнымъ. Появленіе Беневоленскаго въ домѣ Незабудкиной не обусловливалось тяжбой, онъ являлся какъ женихъ, и эта особенность сохраняется на всемъ протяженіи текста.

Типъ Беневоленскаго, лучшій въ комедіи по своей художественности и обнаруживающій въ авторѣ крупнаго художника, былъ созданъ почти сразу, обрабатывалась лишь рѣчь его.

Большого труда стоили драматургу два главныхъ дѣйствующихъ лица: Марья Андреевна и Меричъ, которыя однако не вполнѣ удались ему.

Нельзя думать, что типъ Мерича (его фамилія еще Зоричъ) подвергся существенной передѣлкѣ, что будто бы сначала былъ характеризованъ въ одной сценѣ «довольно рельефно типъ Мерича, Донъ-Жуана болѣе серьезнаго, хоти и враля, чѣмъ Меричъ, выведенный въ напечатанной «Бѣдной невѣстѣ». Уже въ этой сценѣ авторъ подчеркиваетъ, что разочарованіе героя напускное, вычитанное изъ книгъ. Онъ и былъ именно такимъ задуманъ, онъ просто не удавался автору, который постепенно вносилъ новые, подчасъ мелкіе штрихи, не рѣдко чрезвычайно удачные, какъ, напр., вопросъ Мерича: «Мы одни?» или Мери вмѣсто первоначальнаго Маша.

Также нѣтъ основаній полагать, чтобы Островскій задумалъ типъ своей героини, какъ типъ легкомысленной, вѣтреной, а тѣмъ болѣе порочной женщины, а потомъ переработалъ его. Легкость ея взгляда на бракъ объясняется просто намѣреніемъ автора обрисовать ея безпомощное положеніе «Бѣдной невѣсты» и указать на законъ природы, заставляющій дѣвушку полюбить. Если чѣмъ и отличался этотъ типъ отъ того, какимъ онъ вышелъ потомъ, такъ это одной чертой — кокетствомъ. И относительно Марьи Андреевны, какъ и объ ея героѣ, можно сказать одно, что драматургъ долго подыскивалъ подходящую форму для задуманныхъ имъ типовъ, но не всегда удачно.

Работа надъ нашимъ рукописнымъ текстомъ еще не была закончена. Островскій, очевидно, пересмотрѣлъ его и внесъ нѣкоторыя поправки, какъ, наприм., фамиліи Зоричъ на Мериче, и нѣкоторыя дополненія (между прочимъ и на отдѣльныхъ листахъ), ну хотя бы тѣ, въ которыхъ встрѣчается фамилія Мериче, быть можетъ 10 и 11-го явленія I-го дѣйствія. Затѣмъ авторъ снова задумываетъ переработать текстъ комедіи и пишетъ «Расположеніе комедіи», новый планъ I-го дѣйствія и 1-й сцены II-го, причемъ «расположеніе второго дѣйствія буквально совпадаетъ съ напечатаннымъ текстомъ, первое дѣйствіе почти буквально». Внесено въ комедію новое измѣненіе: введены сцены со свахами въ I-мъ дѣйствіи. Въ это время, вѣроятно, былъ написанъ бѣловой текстъ рукописи, т.-е. законченъ текстъ комедіи, когда онъ былъ напечатанъ въ «Москвитянинѣ». Помимо сценъ со свахами въ текстъ внесены 2-е и 3-е явл. II-го дѣйств., разговоръ «двухъ свахъ въ сторонѣ» и монологъ М. А. въ V-мъ. Затѣмъ исключено все, отличавшее предшествующій текстъ (т.-е. нашу рукопись) отъ печатнаго; ну хотя бы исключена сцена кокетничанья Марьи Андреевны съ Милашинымъ (въ 3-мъ явл. III-го дѣйств.), и героиня была такимъ образомъ лишена малѣйшей дозы легкомыслія, желанія кокетничать. Внесено не мало поправокъ въ текстъ тамъ, гдѣ нашъ рукописный текстъ все еще отличался отъ печатнаго. Такъ, появленіе Беневоленскаго въ домѣ Неза-

будкиной обусловлено и тяжбой, и эта подробность внесена повсюду, гдѣ только было можно, какъ, напр., въ письмахъ Добротворскаго и Беневоленскаго и въ словахъ Милашина. Были значительно переработаны 1, 4 и 5-е явленія II дѣйствія, и личность Хорькова вышла болѣе яркой. Въ характеръ его внесено измѣненіе: онъ уже не предлагаетъ самъ Милашину дневникъ Мерича, считая съ такими людьми всѣ средства позволительными, онъ только соглашается на просьбу Милашина одолжить ему ихъ. Въ этомъ переработанномъ видѣ комедія и была напечатана въ «Москвитянинѣ» 1852 г. (№ 4), но этотъ текстъ еще нельзя назвать въ полномъ смыслѣ окончательнымъ, такъ какъ онъ еще разъ былъ подвергнутъ переработкѣ. Къ этой послѣдней мы теперь и обращаемся.

VI.

По своемъ появленіи «Бѣдная невѣста», конечно, привлекла къ себѣ вниманіе критики: это было вполнѣ естественно, такъ какъ авторъ ея чрезвычайно удачно заявилъ о себѣ предшествующей комедіей «Свои люди—сочтемся». Новому произведенію были посвящены критическія статьи въ тогдашнихъ журналахъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ приходится остановиться, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ предмету настоящей главы, сравненію печатныхъ текстовъ комедіи, потому что, повидимому, эти критическія статьи не остались безъ вліянія на нашего драматурга.

Въ «Современникѣ» 1852 г. (№ 3) была помѣщена статья «Нѣсколько словъ о новой комедіи г. Островскаго «Бѣдная невѣста», статья, принадлежащая И. С. Тургеневу, который, признавая у драматурга талантъ, и притомъ «замѣчательный», не отказываясь отъ надеждъ, «возбужденныхъ первымъ произведеніемъ г. Островскаго», говоритъ, что для оправданія ихъ послѣднему необходимо «отказаться отъ ложной манеры, которую онъ себѣ какъ бы придалъ и которой не было замѣтно въ «Своихъ людяхъ». Что особенно вызываетъ похвалу Тургенева, «это—истина всѣхъ выведенныхъ въ комедіи лицъ — всѣхъ, исключая главнаго лица—бѣдной невѣсты». Но признавая живость

этихъ лицъ, критикъ отказываетъ имъ въ типичности: «ни одно изъ нихъ, по его словамъ, не доведено до торжества поэтической правды, когда образъ, взятый художникомъ изъ нѣдръ дѣйствительности, выходитъ изъ рукъ его типомъ, и самое названіе, какъ, напримѣръ, названіе Хлестакова, теряетъ свою случайность и становится нарицательнымъ именемъ». Ложная же манера Островскаго, говоритъ онъ, «состоитъ въ подробномъ до крайности и утомительномъ воспроизведеніи всѣхъ частностей и мелочей каждаго отдѣльнаго характера, въ какомъ-то ложно-тонкомъ психическомъ анализѣ, который обыкновенно разрѣшается тѣмъ, что каждое лицо безпрерывно повторяетъ одни и тѣ же слова, въ которыхъ, по мнѣнію автора, и выражается его особенность». Этотъ пріемъ, замѣчается далѣе, употребляется г. Островскимъ постоянно, съ какими бы лицами онъ ни имѣлъ дѣло, и даже лучшія лица, какъ Беневоленскій и Милашинъ, не избѣжали этой участи. Результатомъ этого являются, понятно, утомительныя длинноты, а кромѣ того «веселый смѣхъ, возбужденный въ читателѣ первымъ появленіемъ комической фразы, уступаетъ, наконецъ, мѣсто чувству непріятнаго раздраженія при двадцатомъ повтореніи». Такого рода разработка характера не истинна—художественно не истинна, при всей своей внѣшней вѣроятности, и намъ кажется, что именно этотъ упрекъ болѣе всѣхъ другихъ долженъ быть чувствителенъ г. Островскому, при явномъ стремленіи его таланта къ простотѣ и правдѣ». Относительно героини Тургеневъ держится того мнѣнія, что «Марья Андреевна—лицо рѣшительно не живое: она вся сочинена; впечатлѣніе, оставляемое ею, говоритъ онъ, неясно, и, скажемъ болѣе, самъ авторъ это чувствуетъ. Доказательствомъ справедливости нашей догадки служатъ, между прочимъ, слова, вложенныя г. Островскимъ въ уста бѣдной невѣсты, съ явнымъ намѣреніемъ пояснить ими ея характеръ. Когда, напримѣръ, Марья Андреевна, въ пятомъ актѣ, уже рѣшившись выйти за Беневоленскаго, говоритъ: «страстность души, которая чуть не погубила меня, теперь мнѣ нужна: для нея будетъ благородное употребленіе» (она собирается исправить мужа), мы, перемѣнивъ мѣстоименіе

изъ перваго лица въ третье, очень хорошо понимаемъ, что авторъ такъ о ней думаетъ и желаетъ, чтобы и мы были такого же мнѣнія о ней; но мы никакъ не можемъ вѣрить, что Марья Андреевна сама могла дѣйствительно произнести эти слова». Островскій, очевидно, «чувствовалъ неясность созданнаго имъ характера и необходимость комментаріевъ»... «Особенно неудачны, по словамъ Тургенева, небольшіе, тоже объяснительные монологи, которыми заключается почти каждая сцена Марьи Андреевны». «Вообще образъ бѣдной невѣсты признанъ неудавшимся. Очень хорошими являются, по мнѣнію великаго романиста, Милашинъ, Меричъ и Беневоленскій, а также и Хорьковъ, который «показываетъ въ авторѣ замѣчательный драматическій инстинктъ; жаль, что онъ не развилъ его». Въ заключеніе Тургеневъ говоритъ: «Господинъ Островскій заставилъ своей «Невѣстой» забыть свои неудачные этюды; но онъ все еще въ долгу передъ читателемъ: онъ началъ необыкновенно, и читатель ждетъ отъ него необыкновеннаго». Статья заканчивается привѣтствіемъ комедіи и пожеланіемъ ея автору «идти далѣе, расти, крѣпнуть» и «въ особенности выпутаться изъ тѣхъ сѣтей, которыя онъ самъ наложилъ на свой талантъ».

Авторъ статьи, помѣщенной въ отдѣлѣ «Журналистика» въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1852 г., № 4, также указываетъ на то, что дѣйствующія лица «безпрерывно повторяютъ одни и тѣ же слова, обращаются къ однимъ и тѣмъ же пунктамъ». Въ нихъ нѣтъ «ничего значительно-выдающагося, рѣзко-опредѣлительнаго».

Отмѣтивъ вялость и холодность I-го акта, указавъ на то, что движеніе начинается со второго акта, критикъ, на мой взглядъ, очень мѣтко замѣчаетъ, что съ окончаніемъ четвертаго акта собственно кончается и пьеса, такъ какъ развязка уже есть. Лишній же V-й актъ, не нужный для дѣйствія, «нуженъ для опредѣленія характеровъ», такъ какъ «еще не раскрытъ ни характеръ Беневоленскаго, ни характеръ бѣдной невѣсты въ особенности». Здѣсь, читаемъ дальше, явная ошибка со стороны автора, нарушившаго одинъ изъ главныхъ законовъ драмы. Характеры должны окончательно ознакомить

съ собою читателя въ объемѣ выбраннаго дѣйствія. Если же объемъ дѣйствія истощенъ, а характеры еще не исчерпаны—значитъ, ходъ дѣйствія опередилъ развитіе характеровъ, тогда какъ эти два предмета должны начаться и кончиться вмѣстѣ». Въ образѣ бѣдной невѣсты критикъ видитъ неясность, смутность, такъ какъ «одно и то же лицо представляется то обыкновенной дѣвушкой, то героиней». «Даже неоднократное чтеніе пьесы не помогаетъ внимательному читателю, который, наконецъ, спрашиваетъ себя: что же она такое, эта бѣдная невѣста? Въ первыхъ четырехъ актахъ вы видите дѣвушку съ хорошими, но обыкновенными данными; образованіе ея сказывается игрою на фортепіано да любовью къ чтенію — и вдругъ эта самая дѣвушка, въ пятомъ актѣ, отдѣленномъ отъ первыхъ четырехъ какою-нибудь недѣлею, вырастаетъ въ героиню. Она не только сознаетъ свое положеніе, но и примиряется съ нимъ. Она сознаетъ его, подвергаетъ его анализу, потому что изъ анализа только могли выйти такія сентенціи: «я теперь иначе смотрю на жизнь», «страстность души, которая чуть не погубила меня, теперь мнѣ нужна». Она примиряется со своимъ несчастіемъ, потому что только примиреніе могло произвести такую сентенцію, если не фразу: «я не знаю, какъ онъ меня, а я его ужъ теперь люблю». Она... любитъ Беневоленскаго, котораго называла уродомъ и который въ самомъ дѣлѣ противенъ!.. ...При той неопредѣленности, которая сообщена главному лицу пьесы, трудно найти истинный ключъ къ выписаннымъ нами словамъ». Изъ дѣйствующихъ лицъ авторъ признаетъ неудачными Милашина и Мерича. Между прочимъ онъ отмѣчаетъ, что не выяснено внѣшнее общественное положеніе обоихъ этихъ лицъ. «Другія же лица: Беневоленскій, Добротворскій, Анна Петровна, Хорькова съ сыномъ, Дарья и Дуня, по его мнѣнію, хороши, потому что вѣрны дѣйствительности и ясно представлены». Особенностью таланта Островскаго объясняются и особенности его комедіи: 1) то, что «дѣйствующія лица туго выказываются, а не знакомятся съ зрителемъ съ перваго же раза»; 2) что «они въ дѣйствіяхъ своихъ возвращаются къ однимъ и тѣмъ же пунк-

тамъ, а въ разговорахъ—къ повторенію однихъ и тѣхъ же словъ» и 3) что, «возвращаясь часто и въ дѣлахъ и въ словахъ къ повтореніямъ, они замедляютъ ходъ дѣйствій, расширяютъ безъ нужды пьесу: отсюда непропорціональность внѣшней величины съ величиною содержанія; отсюда же медленность движенія, какая-то холодность развитія». Въ заключеніе критикъ признаетъ въ комедіи «серьезный плодъ труда и таланта вмѣстѣ». Не видать въ ней таланта, по его словамъ, такъ же смѣшно, какъ видѣть въ ней новое и сильное слово»...

На статьѣ Аполлона Григорьева, напечатанной въ «Москоитянинѣ» 1853 г. № 1-й, стр. 15—27, я останавливаться не буду, потому что она, при всѣхъ своихъ достоинствахъ и недостаткахъ, слишкомъ носитъ характеръ защиты Островскаго, а потому вліянія на него имѣть не могла.

Ввиду этого я теперь перехожу къ непосредственной задачѣ настоящей главы, къ обзору печатныхъ текстовъ комедіи. Въ 1859 г. вышло собраніе сочиненій Островскаго въ двухъ томахъ въ прекрасномъ изданіи гр. Кушелева-Безбородко. Текстъ нашей комедіи въ этомъ изданіи, вошедшій впослѣдствіи и въ остальныя, значительно разнится отъ текста «Москвитянина». Параллельное сопоставленіе этихъ двухъ текстовъ покажетъ ихъ различіе.

Текстъ «Москвитянина».	Текстъ изданія гр. Кушелева-Безбородко.
ДѢЙСТВІЕ I, явленіе 1.	
1) Мар. Андр. Вы знаете, маменька, что у меня капризовъ нѣтъ, а просто не нравится никто, да и все тутъ. Да чтожъ тутъ мудренаго, кто за меня сватался, вспомните, что это за люди?	1) М. А. Какой же капризъ, маменька! Кто за меня сватался—вспомните хорошенько, что это за люди?
ДѢЙСТВІЕ I, явленіе 5.	
2) М. А. [Мужъ будетъ любить! Да я-то буду ли любить	М. А. Маменькѣ легко говорить: выходи замужъ . . .

мужа! Вотъ въ чемъ дѣло.] Маменькѣ легко говорить: выходи замужъ!.. ...я вашу дочь за красоту возьму; [другой прикинется влюбленнымъ, лезетъ съ нѣжностями, это еще хуже. Боже мой, сколько оскорбительнаго видѣла я въ послѣднее время!] (смотритъ въ окно, задумавшись)...

. . . . . .

. . . . . .

...я вашу дочь за красоту возьму. (Смотритъ въ окно, задумавшись)...

Все, поставленное въ квадратныя скобки, выпущено.

ДѢЙСТВІЕ I, явленіе 7.

3) Карповна. А ты, не бось, съ дворянствомъ все знакома, то-то ты хвосты-то и оттрепала, по переднимъ-то шляясь.

3) А ты, не бось, съ дворянствомъ все знакома; то-то ты хвосты-то и оттрепала, по переднимъ-то шлямшись.

ДѢЙСТВІЕ I, явленіе 9.

4) Анна Петр. Извините, матушка.... ...Ну, какъ отнимутъ, куда я дѣнусь?... [а у меня вѣдь дочь невѣста.]

Выпущены слова, поставленныя въ квадрат. скобки.

ДѢЙСТВІЕ I, явленіе 12.

5) Меричъ. Смѣю-ли ослушаться, когда вы приказываете. Только я вамъ, повторяю, Марья Андреевна, я васъ боюсь. [Вы, въ самомъ дѣлѣ, способны возбудить въ человѣкѣ серьезную страсть.]

Выпущено поставленное въ скобки.

ДѢЙСТВІЕ I, явленіе 13.

6) Милашинъ. Вы меня извините, Марья Андреевна, а я говорю правду; я не виноватъ, если это вамъ не нравится... Чѣмъ я хуже какого-нибудь Мерича. Еслибъ я захотѣлъ, я бы могъ во сто разъ быть лучше его... Да и съ чего онъ взялъ смѣяться

Все это мѣсто въ новомъ текстѣ приняло такой видъ:

Милашинъ. Вы меня извините, Марья Андреевна, а я говорю правду; я не виноватъ, если это вамъ не нравится... Чѣмъ я хуже какого-нибудь Мерича? Еслибъ я захотѣлъ, я-бы могъ во сто

надо мной! Какъ онъ смѣетъ. Нѣтъ, это такъ не оставлю.

Марья Андреевна. Чего же вамъ хочется, я все не понимаю.

Милашинъ. Да это очень трудно понять! Человѣка унижаютъ, не считаютъ ни за что... для нихъ главное дѣло наружность! Вотъ что обидно, Марья Андреевна! Вы не думайте, чтобъ я завидовалъ такимъ людямъ, какъ Меричъ. Я слишкомъ гордъ, чтобъ имъ завидовать. Много будетъ чести для нихъ. Хороши люди, которые восхищаются такими господами.

Марья Андреевна. Я съ вами согласна. Значитъ и говорить не объ чемъ.

Милашинъ. Конечно, Марья Андреевна, но вы... не принимайте Мерича, ради Бога, я васъ умоляю.

Марья Андреевна. Что онъ вамъ мѣшаетъ?

Милашинъ. Да помилуйте, самый пустой человѣкъ!

(Молчаніе).

Марья Андреевна. Послушайте, Иванъ Иванычъ, вы влюблены въ меня. (Милашинъ въ смущеніи.) Бѣдный, мнѣ васъ жаль! извините вы меня...

Милашинъ. Пожалуйста не жалѣйте! чтожь дѣлать, насильно милъ не будешь. Но я имѣю довольно твердости, чтобы перенести это, и довольно гордости, чтобы не разъ быть лучше его. Мальчишка! Нигдѣ не учился; выучился только болтать по французски въ какомъ-то пансіонѣ. Я по крайней-мѣрѣ, въ гимназіи курсъ кончилъ. Какъ онъ смѣетъ смѣяться надо мной! Ничего не дѣлаетъ, только числится на службѣ, чтобы первый чинъ получить. Что у него отецъ-то богатъ, такъ не велика важность!

Марья Андреевна. Что онъ вамъ мѣшаетъ.

Милашинъ. Да помилуйте, самый пустой человѣкъ! (Молчаніе.)

Марья Андреевна. Послушайте, Иванъ Иванычъ, вы влюблены въ меня? (Милашинъ въ смущеніи.) Бѣдный, мнѣ васъ жаль! Извините вы меня...

Милашинъ. Пожалуйста, не жалѣйте! что-жь дѣлать, насильно милъ не будешь. Осчастливьте того, кто достойнѣе меня!

Дарья (входитъ съ самоваромъ). Матушка, барышня, Платонъ Маркычъ пришелъ.

унижаться и не вымаливать вашу любовь.

Марья Андреевна. И слава Богу.

Милашинъ. Осчастливьте того, кто достойнѣе меня! Есть много очень хорошихъ молодыхъ людей, которые умѣютъ одѣваться къ лицу, говорить комплименты (принужденно смѣется).

Марья Андреевна. Это скучно, наконецъ!

Милашинъ. Вамъ скучно? да! А каково мнѣ!

Марья Андреевна. Да мнѣ-то чтожь за дѣло; все таки вы должны быть учтивы, по крайней мѣрѣ (отворачивается; молчаніе).

Милашинъ. Марья Андреевна! Вы на меня не сердитесь?

Марья Андреевна. Да какъ же на васъ не сердиться, когда вы глупости говорите.

Милашинъ. Ну простите меня, ради Бога, простите—дайте ручку. (Беретъ ея руку и цѣлуетъ; молчаніе). Марья Андреевна, у насъ одинъ чиновникъ получилъ наслѣдство—тысячъ двѣсти. Вотъ дураку счастье... ужасно досадно.

Марья Андреевна. Отъ чего же вамъ досадно?

Милашинъ. Да какъ же не досадно, теперь будетъ носъ подымать, насъ и знать не захочетъ. А какъ, я думаю, подличалъ, унижался

передъ дядей-то, чтобы тотъ ему что-нибудь оставилъ.

Марья Андреевна. А можетъ быть и не подличалъ.

Милашинъ. Какъ чай не подличать. Я говорилъ ему давича: „я думаю, вамъ теперь низко будетъ служить съ нами“.

Марья Андреевна. Зачѣмъ же вы говорили это?

Милашинъ. Да какже, вѣдь досадно до смерти. Еще дуракъ приглашаетъ обѣдать; пускай другіе идутъ, а я ужъ слуга покорный. Очень пріятно смотрѣть, какъ онъ будетъ важничать, что у него денегъ много.

Дарья (входитъ съ самоваромъ). Матушка, барышня, Платонъ Маркычъ пришелъ.

ДѢЙСТВІЕ I, явленіе 14.

Милашинъ. Что-же объ васъ-то! Вы посмотрите, можетъ быть, онъ вамъ понравится. Вы будете счастливы. — Чтожь! я готовъ пожертвовать даже жизнію, чтобы вы были счастливы.

[Марья Андреевна. На что мнѣ ваша жизнь! Мнѣ только тошно, что ко мнѣ пристаютъ съ женихами.

Милашинъ. Конечно, Марья Андреевна, для меня бы легче было видѣть васъ въ несчастномъ супружествѣ, чѣмъ видѣть васъ счастливой съ другимъ; но я не эгоистъ.

Марья Андреевна. Ахъ,

Выпущено поставленное въ квадратныя скобки.

Боже мой! Да за чѣмъ мнѣ все это знать! Вы опять за свое.

Милашинъ. Прощайте, Марья Андреевна; быть можетъ, мы больше не увидимся.]

Марья Андреевна. Это что такое! Полноте, перестаньте. Пойдемте въ садъ. (Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ II, явленіе 1.

8) Хорьковъ. ...Лѣнь, праздность, грязная, холостая жизнь! И никакихъ стремленій выйти изъ этой жизни! Ни капли самолюбія! Я ужъ начинаю успокоиваться въ бездѣйствіи. (Встаетъ). Нѣтъ, надобно кончить! Надобно сказать ей, что я ее люблю! Неужели же она не сжалится надо мной? Я слабый, жалкій человѣкъ; она увидитъ, что для меня въ ней одной только спасеніе. Для нея я бы сталъ работать...

Хорьковъ. ...Лѣнь, праздность, грязная, холостая жизнь,—и никакихъ стремленій выйти изъ этой жизни, ни капли самолюбія! Для себя я ни на что не рѣшусь, я это знаю. Въ ней мое единственное спасеніе, а я не смѣю сказать ей, что люблю ее. Нѣтъ, надобно кончить! Неужели она не сжалится надо мной? Для нея я бы сталъ работать...

ДѢЙСТВІЕ II, явленіе 2.

9) Хорьковъ. Я поговорю съ ней, непремѣнно поговорю: надобно же чѣмъ-нибудь кончить... А что, если она мнѣ откажетъ! Теперь, по крайней мѣрѣ, есть надежда, есть мечты, а тогда что! [я не перенесу.]

Поставленное въ квадрат. скобки выпущено.

ДѢЙСТВІЕ II, явленіе 3.

10) Хорьковъ. Маменька! [Марья Андреевна. Вы влюблены? Я считала васъ холоднымъ человѣкомъ.

Поставленное въ квадрат. скобки выпущено.

Хорьковъ. Я холодный человѣкъ?

Марья Андреевна. Такъ неужели вы можете полюбить кого-нибудь? Полноте (смѣется).]

Хорькова. Посмотрите, какъ страдаетъ: право, мнѣ на него даже тяжело смотрѣть.

ДѢЙСТВІЕ II, явленіе 5.

11) Милашинъ. Пріѣдетъ какой-то чиновникъ по дѣлу Анны Петровны. Да его же, кажется, прочатъ въ женихи Марьѣ Андреевнѣ. Это ужасно досадно. [Пріѣдетъ—станетъ важничать, ломаться.]

Поставленное въ квадрат. скобки выпущено.

ДѢЙСТВІЕ II, явленіе 6.

12) Хорьковъ. Я вѣрю. Меричъ можетъ очень много вреда сдѣлать Марьѣ Андреевнѣ. Онъ человѣкъ совершенно безъ правилъ, [безсовѣстный, и проповѣдуетъ дѣвушкамъ безнравственныя начала.]

Поставленное въ квадрат. скобки выпущено.

ДѢЙСТВІЕ II, явленіе 7.

13) Марья Андреевна. Не знаю, но что же мнѣ дѣлать? вѣдь надо же выйти замужъ.

Выпущено слово „вѣдь“.

ДѢЙСТВІЕ II, явленіе 12.

14) Беневоленскій. Вы, можетъ быть, занимаетесь литературой? Барышни обыкновенно романы читаютъ; еще въ пансіонахъ начинаютъ читать потихоньку отъ надзирательницы.

Все сходно, за исключеніемъ слова „пенсіонахъ“. Можетъ быть, это опечатка?

ДѢИСТВІЕ III, явленіе 5.

15) Меричъ. Что мнѣ знать! Я знаю только одно, что ты меня любишь; а если ты меня любишь, то я не думаю, чтобъ ты, [изъ угожденія маменькѣ,] пошла за Беневоленскаго.

Слова „изъ угожденія маменькѣ“ выпущены.

ДѢЙСТВІЕ IV, явленіе 6.

16) Милашинъ. Кто жъ его знаетъ. Помилуйте, развѣ можно знать, гдѣ подобные люди бываютъ!

[Марья Андреевна. Такъ вы и говорите, что незнаете (отворачивается).

Милашинъ. Вы меня обманули, Марья Андреевна, Богъ съ вами. Вы меня выгнали для того, чтобы остаться съ Меричемъ наединѣ. Вы изъ меня дурака сдѣлали. Нѣтъ, я такъ играть собой не позволю. (Молчаніе). Я дивлюсь, какъ это ваша маменька не перестанетъ принимать Мерича. Съ такими людьми нечего церемониться. Я бъ на ея мѣстѣ его близко къ дому не пустилъ.

Марья Андреевна. Продолжайте, продолжайте!]

Милашинъ. Вы думаете, я это говорю изъ ревности. Вы глубоко ошибаетесь. Мнѣ васъ жаль, и больше ничего.

Милашинъ. Кто-жъ его знаетъ. Помилуйте, развѣ можно знать, гдѣ подобные люди бываютъ! (Марья Андреевна отворачивается и плачетъ.)

Милашинъ. Вы думаете, я это говорю изъ ревности. Вы глубоко ошибаетесь. Мнѣ васъ жаль, и больше ничего.

ДѢЙСТВІЕ IV, явленіе 6.

17) Милашинъ. Что я, подлецъ, что ли, по вашему?

Поставленное въ квадратн. скобки выпущено.

[Вы меня не только не любите, но еще считаете какимъ-то низкимъ человѣкомъ.] Вотъ чего я дождался отъ васъ за мою привязанность.

ДѢЙСТВІЕ IV, явленіе 8.

18) Меричъ. ...Могу ли я не любить тебя, такое прекрасное невинное созданіе! [Ахъ, какъ ты хороша съ твоимъ страдальческимъ лицомъ, съ слезами на глазахъ.]

Поставленное въ квадратн. скобки выпущено.

ДѢЙСТВІЕ IV, явленіе 8.

19) Меричъ. Нѣтъ, я рѣшительно не могу уйдти безъ того, чтобъ еще разъ не взглянуть на тебя (стоитъ, сложа руки на груди). Прости меня, Мери, что я нарушилъ миръ невинной души твоей.

Марья Андреевна. Я прощаю.—Богъ съ тобой.

Меричъ. И не сердишься.

Марья Андреевна. И не сержусь.

Меричъ. Вотъ и прекрасно...

Меричъ. Нѣтъ; я рѣшительно не могу уйти безъ того, чтобъ еще разъ не взглянуть на тебя. (Стоитъ, сложа руки на груди.) Ты на меня не сердишься?

Марья Андреевна. Не сержусь.

Меричъ. Вотъ и прекрасно...

ДѢЙСТВІЕ V, явленіе 4.

20) Марья Андреевна. ...Я его жду безо всякаго волненія. А прежде? [Да, прежде сердце билось у меня, очень билось.]

Поставленное въ квадратн. скобки выпущено.

ДѢЙСТВІЕ V, явленіе 5.

21) Марья Андреевна. ...И я чувствую, что во мнѣ есть силы. [Страстность души, которая чуть не погубила

Поставленное въ квадратн. скобки выпущено.

меня, теперь мнѣ нужна, для нея будетъ благородное употребленіе.] Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться...

22) Въ дѣйствіи V, явл. 9-омъ между прочимъ «появляются на сценѣ разныя лица». Въ текстѣ «Москвитянина» этихъ лицъ больше, нежели въ текстѣ изданія гр. Кушелева-Безбородко. Именно въ первомъ являются: 1) двѣ женщины, 2) семь барышенъ и 3) двѣ старухи. Во второмъ только: 1) двѣ женщины и 2) двѣ старухи. Такимъ образомъ вся сцена съ семью барышнями выпущена. Вотъ текстъ этой сцены:

Семь барышенъ.

1-я.

Чтожъ это! сказали, что танцы будутъ, а танцевъ совсѣмъ и нѣтъ.

2-я.

Какъ тебѣ невѣста понравилась?

1-я.

Ничего нѣтъ особеннаго.

2-я.

А мнѣ такъ вовсе не понравилась.

3-я.

Сентиментальна очень.

4-я.

Должно быть собой очень занята.

5-я.

Такой невинностью прикидывается; а сама, думаю, радехонька... Да вѣдь ужъ и года.

6-я.

Ты бы ужъ лучше не говорила о годахъ-то. Небось мы съ тобой моложе.

7-я.

Пойдемте домой. (Уходятъ).

(Музыканты проходятъ по сценѣ, барышни возвращаются и стоятъ около двери).

ДѢЙСТВІЕ V, явленіе 14.

23) Марья Андреевна (въ слезахъ). Ничего, маменька, онъ мнѣ нравится. Вы не глядите, что я плачу; это такъ отъ волненія. (Прислушивается). Погодите, послушаемте, что говорятъ.

Все это мѣсто въ новомъ текстѣ приняло такой видъ:

Марья Андреевна (въ слезахъ). Ничего, маменька, онъ мнѣ нравится. Вы не глядите, что я плачу; это такъ отъ волненія. Мнѣ кажется, что я буду счастлива...

Двѣ свахи въ сторонѣ.

Панкратьевна. Ты говоришь, Карповна, что богатый человѣкъ.

Карповна. Богатый-то богатый, такъ съ богатымъ-то надо жить умѣючи. Другой нравный, любитъ, чтобы ему угождали. Иногда и пьяный пріѣдетъ; другой любитъ, чтобъ жена за нимъ ухаживала, никого изъ людей не подпускаетъ. А гдѣ ей это знать.

Панкратьевна. Гдѣ знать! Ты вотъ возьми, вѣдь онъ чиновникъ. Ну, а чиновникъ уже все не такъ пышно живетъ. А жены-то все, то

Голосъ изъ толпы.

Другой, матушка, нравный, любитъ, чтобъ ему угождали. Домой-то, извѣстное дѣло, больше пьяные пріѣзжаютъ, такъ любятъ, чтобъ сама ухаживала, людей къ себѣ не подпускаютъ.

Марья Андреевна. А если и не буду счастлива, такъ уже не вы виноваты; вы сдѣлали для меня все, что умѣли. Благодарю васъ, маменька, и васъ, Платонъ Маркычь. (Изъ другой комнаты слышна музыка; Беневоленскій выходитъ, Марья Андреевна идетъ къ нему навстрѣчу и подаетъ руку) и т. д.

платье изъ магазина, то шляпка изъ магазина; а нѣтъ, чтобы хозяйничать, да мужу помогать. Все наровятъ на мужа взвалить. Ну, одному-то и тяжко. Гдѣ-жъ ей-то знать, какая она хозяйка.

Карповна. Гдѣ знать!

Марья Андреевна. Нѣтъ, онѣ ошибаются, я это знала и знаю, я только не надолго позабыла, что я бѣдная невѣста. Право, мнѣ кажется, что я буду счастлива, а если нѣтъ... если нѣтъ, такъ ужъ это я буду виновата, а не вы. Никто не посмѣетъ упрекнуть васъ. Чѣмъ же вы виноваты. Вы все для меня сдѣлали, что могли. Теперь ужъ я сама попробую что-нибудь для себя сдѣлать. (Цѣлуетъ мать). Я не знаю, какъ онъ меня, а я его ужъ теперь люблю.

Изъ другой комнаты слышна музыка; Беневоленскій выходитъ, Марья Андреевна идетъ къ нему навстрѣчу и подаетъ руку) и т. д.

Какъ показываетъ сопоставленіе текстовъ, переработка перваго печатнаго текста нашей комедіи свелась къ значительному его сокращенію. Повидимому, Островскій не остался глухъ къ указаніямъ критики, которая, какъ мы видѣли, упрекала его въ томъ, что дѣйствующія лица его комедіи часто повторяются, и выбросилъ многія фразы, показавшіяся ему теперь излишними. Ввиду этого же онъ сократилъ и цѣлыя сцены, какъ, напримѣръ, сцену Марьи Андреевны съ Милашинымъ (д. I, явл. 13), сокращенную почти наполовину. Точно также онъ выкинулъ сцену

«Семь барышенъ» (д. V, явл. 9), въ явл. 14-мъ того-же дѣйствія исключилъ «двухъ свахъ въ сторонѣ», замѣнивъ ихъ «голосомъ изъ толпы», реплика котораго значительно короче рѣчей свахъ. Не повліяло-ли въ данномъ случаѣ замѣчаніе Тургенева: «Изъ второстепенныхъ лицъ также хороши всѣ свахи: одна въ платочкѣ, другая въ чепцѣ... жаль, что онѣ слишкомъ напоминаютъ лицо извѣстной свахи въ «Женитьбѣ»! Что касается д. I, явл. 13, то въ немъ мы находимъ не только сокращеніе текста, но и вставку въ репликѣ Милашина, выясняющую образованіе Милашина и Мерича и общественное положеніе послѣдняго. А какъ разъ авторъ извѣстной намъ статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1852 г., № 4) ставилъ на видъ неясность общественнаго положенія этихъ лицъ. Въ монологѣ Марьи Андреевны въ 5-мъ явл. V-го дѣйствія выброшены слова: «Страстность души, которая чуть не погубила меня, теперь мнѣ нужна: для нея будетъ благородное употребленіе». Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что и Тургеневъ не вѣрилъ, чтобы Марья Андреевна «сама могла дѣйствительно произнести эти слова», и авторъ статьи «Отеч. Зап.» затрудняется найти истинный ключъ къ этимъ словамъ. Все это, мнѣ кажется, несомнѣнно доказываетъ, что Островскій принялъ во вниманіе замѣчанія критики.

Что же внесла въ комедію эта переработка текста помимо его сокращенія. Мы уже упоминали, что авторъ отмѣтилъ общественное положеніе Мерича и вмѣстѣ съ тѣмъ, влагая въ уста Милашина замѣчанія о томъ, какое образованіе получили они съ Меричемъ, еще ярче подчеркнулъ глупое хвастовство Милашина. Выбросивъ же разсужденія послѣдняго о гордости, не позволяющей ему унижаться и вымаливать любовь, Островскій придалъ этому образу больше цѣльности и художественности, такъ какъ подобнаго рода черта, на мой взглядъ, противорѣчила характеру этого лица. Также внесено было больше ясности и въ характеръ Марьи Андреевны опущеніемъ ея словъ о «страстности души» и ея благородномъ употребленіи и о любви къ Беневоленскому, словъ, несомнѣнно противорѣчившихъ ея характеру.

Въ заключеніе настоящаго этюда скажемъ нѣсколько словъ о редакціяхъ комедіи.

Первый планъ ея и текстъ, начатый согласно этому плану, но можетъ быть и не законченный, можно считать 1-ой редакціей комедіи. Второй планъ и текстъ нашей рукописи въ законченномъ видѣ составляютъ вторую редакцію. Текстъ бѣловой рукописи, а также и печатный «Москвитянина»—третью редакцію, а текстъ изданія гр. Кушелева-Безбородко, вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательно установившійся текстъ комедіи, представляетъ четвертую редакцію комедіи. Не считаю нужнымъ распространяться о томъ, въ чемъ заключаются отличительныя особенности каждой редакціи, такъ какъ это ясно изъ всего вышесказаннаго.

IV.

„Не въ свои сани не садись“.

(Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.)

Черновая рукопись комедіи (№ 3098 изъ числа пожертвованныхъ М. В. Островской)—на 43 листахъ. Сначала, повидимому, комедія имѣла названіе: «Отъ добра добра не ищутъ», а потомъ оно было зачеркнуто и надъ нимъ надписано теперешнее заглавіе.

Списокъ дѣйствующихъ лицъ представляетъ слѣдующія особенности. Баранчевскаго совсѣмъ нѣтъ въ спискѣ, хотя дальше въ комедіи онъ и участвуетъ, только подъ другимъ именемъ: сначала его имя было обозначено буквой П. (въ III дѣйств., явл. 7-мъ его фамилія—Петренковъ), а во 2-мъ дѣйствіи—буквами М. Ф. Вмѣсто же Виктора Аркадьича Вихорева значится: «Ѳедоръ Ѳедорычъ Ганцъ». По первоначальному намѣренію автора, «дѣйствіе происходитъ въ городѣ Малиновѣ», но на 18-й стран. встрѣчается уже названіе города «Черемухинъ».

I-е дѣйствіе начиналось съ теперешняго 2-го явленія. Теперешнее 4-ое явленіе не обозначено, хотя текстъ его цѣликомъ находится въ рукописи. Послѣ него идетъ явленіе, не обозначенное цифрой, заключающее разговоръ

Ганца (Вихорева) съ половымъ и слѣдовательно вошедшее впослѣдствіи въ настоящее 5-е явленіе. Этой сценой авторъ сначала собственно и хотѣлъ закончить I-ое дѣйствіе, такъ какъ затѣмъ на стр. 16 карандашомъ написано: «Дѣйствіе II, явленіе I». Но, очевидно, эти слова были тотчасъ же зачеркнуты и написано «явленіе», но какое именно—не обозначено. Также не обозначены теперешнія VI и VIII явленія, а VII явл. было слито въ одно съ VI-мъ, IX—съ VIII-мъ. На стр. 28-й начинается дѣйствіе II: ясно, всѣ означенныя перемѣны были сдѣланы, когда писался текстъ I-го акта.

II-е дѣйствіе также начиналось съ теперешняго 2-го явленія: цифры 1, 2, 3 и 4 соотвѣтственно исправлены на 2, 3, 4 и 5. Цифра 6 уже не исправлена: слѣдовательно, когда авторъ приступалъ къ 6-му явленію, онъ уже внесъ 1-е явленіе (разговоръ Авдотьи Максимовны и Арины Ѳедотовны), но написалъ его на отдѣльномъ листѣ.

Въ III-мъ дѣйствіи во 2-й сценѣ не было теперешняго 4-го явленія (разговора Арины Ѳедотовны и Анны Антоновны), а рукописное 4-ое соотвѣтствуетъ теперешнему 5-му. Но тутъ же сдѣлано замѣчаніе: «см. листы», и послѣ 4-го явленія въ рукописи сразу идетъ 6-е. Очевидно, до написанія этого явленія было вставлено теперешнее 4-е, но написано оно было на отдѣльныхъ листахъ, почему и не попало въ нашу рукопись. Очень возможно, что цифры 6 и 7 поставлены потомъ, такъ какъ явл. 8, 9, 11 и 14-е опять-таки не обозначены цифрами (слово «явленіе» написано), а кромѣ того цифра 7, повидимому, написана другими чернилами, относительно же цифры 6 этого нельзя сказать.

Въ рукописи встрѣчается много дополненій и поправокъ, сдѣланныхъ другими чернилами, болѣе яркими, очевидно, впослѣдствіи, когда уже весь текстъ былъ написанъ, т.-е., иными словами, текстъ комедіи былъ подвергнутъ пересмотру. Такъ, напр., имя Анны Антоновны внесено впослѣдствіи, сначала было просто жена, и это не только въ 4 явл. 1-го дѣйствія, но и въ 6-мъ. Фамилія Ганца на всемъ протяженіи комедіи обозначена буквой Г,

но въ явленіи, соотвѣтствующемъ печатному 5-му въ I дѣйств., его фамилія исправлена на Вольфовъ (одинъ разъ написана полностью, а потомъ обозначена буквой В.), но это исправленіе позднѣйшее, такъ какъ дальше въ комедіи опять она обозначена буквой Г. Точно такъ же въ томъ же самомъ явленіи встрѣчается фамилія Баранчевскій, опять-таки вставленная впослѣдствіи, такъ какъ сначала она была обозначена буквой П. Кромѣ того, на стр. 69 въ явл. 7-мъ III-го дѣйств. фамилія Баранчевскій вставлена потомъ, въ двухъ мѣстахъ, раньше была «Петренковъ». Эти исправленія и дополненія, которыя я отмѣчу потомъ, а также внесеніе нѣкоторыхъ явленій цѣликомъ показываютъ, что текстъ подвергся пересмотру.

Дальше мы увидимъ, что текстъ еще разъ подвергся пересмотру и поправки были сдѣланы уже не въ настоящей рукописи, а въ другой, быть можетъ, бѣловой.

Слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что текстъ «Москвитянина», гдѣ комедія была напечатана, повидимому, не вполнѣ исправный и что авторъ для новаго изданія вновь пересмотрѣлъ текстъ своего произведенія. Такъ, напр., въ первой репликѣ Бородкина въ явл. 2-мъ: «Теперича которыя я вина получилъ, Селиверстъ Потапычъ, такъ останетесь довольны, первѣйшіе сорта», въ «Москвитянинѣ» послѣднія слова читаются такъ: «первѣйшаго сорта». Между тѣмъ въ 1-мъ отдѣльномъ изданіи комедіи (Москва, 1853 г.), какъ въ рукописи: «первѣйшіе сорта». Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло или съ неисправностью текста «Москвитянина», или съ новымъ пересмотромъ его, при чемъ авторъ возстановилъ рукописное чтеніе. Затѣмъ конецъ реплики того же Бородкина: «Я, истинно, Селиверстъ Потапычъ, благодарю Бога!..», въ «Москвитянинѣ» читается такъ: «...не токма чтобы я промоталъ, или тамъ какъ прожилъ, а сами знаете, можетъ быть, вдвое-съ, живу самъ по себѣ, своимъ умомъ, и никому уважать не намѣренъ». Въ рукописи же и въ I-мъ изданіи: «...не токма чтобы я промоталъ или тамъ какъ прожилъ, а сами знаете, имѣю можетъ быть вдвое (противу того)»... Словъ, поставленныхъ въ скобки, въ текстѣ I-го изданія нѣтъ, только въ рукописи. Въ данномъ случаѣ наблюдается, ка-

жется, то же самое, что и въ предшествующемъ примѣрѣ. А вотъ еще примѣръ. Въ репликѣ Маломальскаго: «Это ты правильно говоришь», въ текстѣ «Москвитянина» слова «ты» нѣтъ, между тѣмъ какъ оно налицо въ рукописи, въ I-мъ и другихъ изданіяхъ.

Сравненіе рукописнаго текста съ текстомъ «Москвитянина» убѣждаетъ, что первый подвергся еще разъ пересмотру. Такъ, напр., вторая реплика Маломальскаго во 2-мъ явленіи: «Я, братъ, ничего... я выпью», въ нашей рукописи читается вмѣсто того: «Чтожъ... ничего, можно». Затѣмъ реплика Бородкина: «Опять, Селиверстъ Потапычъ, за что онъ меня обижаетъ?» въ рукописи читается: «Опять, Ив. Ив. (sic!), какое можетъ онъ право имѣть, такъ обижать меня». Далѣе не въ нашей рукописи добавлены слова Маломальскаго: «Эй ты! Прибирай чай!» Точно такъ же слова Бородкина въ трехъ мѣстахъ: 1) «Есть на то мое желаніе и маминькино съ», 2) «хотя бы даже безо всякаго награжденія», 3) «а я ужъ вамъ по гробъ жизни буду обязанъ, то-есть вотъ какъ-съ, скажите: Иванъ, сдѣлай то, я всей душой-съ».

Реплика Бородкина: «Это дѣло будетъ касаться Максима Ѳедотыча... Я теперича буду васъ просить замолвить за меня словечко», въ рукописи сначала была проще: «Вы съ Мак. Ѳед. пріятели и онъ васъ очинно уважаетъ. Замолвите за меня словечко Мак. Ѳедотычу». Но затѣмъ реплика зачеркнута и противъ имени Бородкина написано: «См. листъ 2», и поставленъ значокъ: кружокъ, перечеркнутый крестомъ. Потомъ и эти слова зачеркнуты.

Насколько Островскій заботился о языкѣ своего произведенія, показываетъ печатный и рукописный текстъ реплики Бородкина.

Печатный текстъ:	*Рукописный:*
Вы не думайте, Селиверстъ Потапычъ, чтобы я польстился на деньги, или тамъ на приданое, ничего этого нѣтъ; мнѣ что приданое, Богъ съ нимъ, потому у меня и своего	Вы не подумайте, чтобы я польстился на приданое, (нѣтъ собственно я очень влюбленъ). Мнѣ что приданое—Богъ съ нимъ, у меня своего довольно; (а просто

довольно; а какъ собственно я оченно влюбленъ въ Авдотью Максимовну. Стараюсь объ ней, примѣрно, не думать — никакъ невозможно, потому это сверхъ моихъ чувствъ. Повѣрите-ли, Селиверстъ Потапычъ, сядешь это вечеромъ дома къ окну, возьмешь гитару собственно какъ для увеселенія себя, такая найдетъ на тебя тоска, что даже до слезъ".

вамъ сказать я не могу жить безъ А. М.). Стараюсь примѣрно объ ней не думать, никакъ (не могу. Еще днемъ туды-сюды, а примѣрно) вечеромъ дома, (сядешь это) къ окну, возьмешь гитару, собственно какъ для увеселенія себя, такая нападетъ тоска, что даже до слезъ".

Всѣ слова, поставленныя мною въ скобки, въ рукописи зачеркнуты, а то, чего тамъ недостаетъ сравнительно съ печатнымъ текстомъ, добавлено въ ней сверху строкъ.

Значительныя отличія представляетъ текстъ 3-го явленія. Такъ, начиная съ реплики Русакова: «Объ чемъ вы тутъ, дружки, толкуете?» и кончая репликой Маломальскаго: «Это ты правильно»,—всего этого мѣста въ нашей рукописи нѣтъ. Послѣ словъ Маломальскаго: «Скажи женѣ, что сватъ молъ пришелъ», прямо шла ремарка автора: «(Молчаніе. Половой принос. водку и зак.) Русак. пьетъ», и потомъ шла реплика Русакова: «а ты, сватъ, выпьешь?» Добавленіе сдѣлано не въ нашей рукописи. Слѣдуетъ отмѣтить, что первоначально только что упомянутая реплика Русакова читалась такъ: «[Я, сватъ, я выпью,... я (одно слово не разобрано).] А ты, сватъ, выпьешь?» Затѣмъ слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты, очевидно, потому, что авторъ потомъ вложилъ ихъ въ уста Маломальскаго, какъ болѣе къ нему подходящія.

Не въ нашей рукописи добавлены также слова Маломальскаго: «и все этакое»..., слова Русакова: «Да ты полно ломаться-то».

Слова Маломальскаго «сперва-наперво» надписаны сверху вмѣсто слова «сначала».

Наконецъ послѣ реплики Маломальскаго: «[Я, сватъ, говорить не умѣю, а] то-есть у тебя, примѣрно, товаръ,

у насъ купецъ», въ которой слова, поставленныя въ скобкахъ, надписаны сверху вмѣсто зачеркнутаго слова «ну», или раньше слова Маломальскаго же: «Ей молодцы прибирай все» и т. д., съ соотвѣтствующей ремаркой автора, т.-е. теперешнее 4-е явленіе. Такимъ образомъ всего разговора по поводу сватовства Бородкина въ нашей рукописи нѣтъ. Въ рукописи есть только ссылка съ соотвѣтствующимъ значкомъ: «изъ листа 2». Эти слова, значокъ и начальныя слова реплики Маломальскаго: «Я, сватъ, говорить не умѣю, а», писаны одними чернилами, болѣе яркими, чѣмъ основной текстъ. Очевидно, они внесены впослѣдствіи, при пересмотрѣ текста. Итакъ, въ первоначальномъ текстѣ взгляды Русакова на бракъ, на отношеніе младшихъ къ старшимъ (онъ хвалитъ Бородкина за то, что тотъ ходитъ совѣтоваться къ старшимъ) совершенно не были выражены: все это дополнено авторомъ впослѣдствіи, при пересмотрѣ текста.

Послѣ сцены Маломальскаго съ женой (теперешняго 4 явл.) былъ написанъ слѣдующій набросокъ явленія, не обозначеннаго цифрой.

«Входитъ Ганцъ. Что это за шумъ?

Полов. Хозяинъ загулялъ-съ.

Ганцъ. Что же это съ нимъ часто бываетъ?

Полов. Бываетъ иногда-съ. Съ знакомыми сидѣли, съ Мак. Ѳедотычемъ, съ Бородкинымъ.

Ганцъ. И Макс. Ѳед. былъ?

Полов. Были-съ! Они дочьку просватали.

Ганцъ. Что за вздоръ? за кого.—

Полов. За Бородкина-съ.

Ганцъ. Это пустяки, этого быть не можетъ.

Полов. Я что слышалъ, то и говорю-съ.

Ганцъ. Это наконецъ чертъ знаетъ что такое. Понимаешь ты, что я за этимъ пріѣхалъ сюда чертъ знаетъ откуда. Кто этотъ Бородкинъ?

Полов. Здѣшній купецъ-съ!

Ганцъ. Что онъ богатъ, хорошъ собой что ли?

Полов. Нельзя сказать-съ, купецъ какъ есть изъ русскихъ-съ.

Ганцъ. Что же ей за радость итти за него. Или мо-

жетъ быть ее отдадутъ за него насильно, а? можетъ быть у васъ такой обычай?

Полов. Какой обычай-съ! Никакого обычаю нѣтъ-съ. Одна необразованность, по необразованію все дѣлается.

Ганцъ. А ты бывалъ въ столицахъ?

Полов. Въ Москвѣ жилъ два года у Ивана Семеныча Печкина».

Но авторъ оставилъ этотъ набросокъ, отчасти воспользовавшись имъ для 5-го явл., при чемъ онъ помѣстилъ этотъ разговоръ почти въ концѣ явленія, конечно сначала значительно его переработавъ, и притомъ къ лучшему. Такъ слова Ганца (Вихорева), обращенныя въ наброскѣ къ половому: «Понимаешь ты, что я за этимъ пріѣхалъ сюда», въ печатномъ текстѣ обращены къ Баранчевскому, что, понятно, болѣе правдоподобно.

Теперешнее 5-ое явленіе I-го дѣйствія въ рукописи начиналось нѣсколько иначе. Вотъ это начало:

«Половой и Баранчевскій [1]) (входитъ). У Васъ Ф. Ф. Вольфовъ [2]) остановился?

Пол. У насъ-съ.

Бар. Гдѣ же онъ?

Пол. Да вотъ они сами идутъ-съ.

Баранч. Федя здравствуй! (цѣлуются). Только что братъ, услыхалъ, сейчасъ же къ тебѣ. Давно ли. Какими судьбами, а главное зачѣмъ?

В. (исправл. изъ Г.). Ну объ этомъ послѣ. Ты какъ поживаешь?

Баранч. Ну какая жизнь у насъ въ глуши; а ничего братецъ живу, обабился, домкомъ обзавелся.

В. Человѣкъ, трубокъ; такъ ты женился [3]).

Баранч. Заѣзжай нынче ко мнѣ, поужинаемъ. У меня братъ жена, хоть и простая женщина, а знаешь этакая русская хлѣбосольная.

В. Вотъ какъ! на комъ же ты женился.

---

[1]) Фамиліи Баранчевскаго и Вольфова написаны чернилами. Текстъ до словъ: „дура а ля летръ монъ шеръ—карандашомъ.

[2]) Сначала было карандашомъ написано „Ганцъ“.

[3]) Это слово написано чернилами. Сначала было написано карандашомъ: „сдѣлался семьяниномъ“.

Ганг. [1]). На дочери купца здѣшняго. Ну знаешь, пріѣхалъ я голъ какъ соколъ, приволокнулся вотъ за теперешней за моей женой, она влюбилась какъ кошка, посватался, съ начала не отдавали, она въ слезы, умру говоритъ; ну и отдали. Домъ взялъ каменный да деньжонокъ, имѣніе купилъ въ здѣшнемъ уѣздѣ душъ 200 [и недалеко отсюда всего верстъ 7] [2]).

В. Славно, братъ Алеша, да ты молодецъ; ну братъ честь имѣю поздравить.

Бар. Чтожъ братецъ! По крайней мѣрѣ я имъ покажу здѣсь какъ жить. Посмотри, какъ домъ отдѣлалъ, первый домъ въ городѣ, мебиль какая — петербургская. А ужъ кабинетъ у меня мое вамъ почтеніе. У меня вѣдь всегда вкусу было бездна—только денегъ не было. Ну и жена чтожъ по здѣшнему городу сойдетъ.—Толстѣть стала очень.

В. Что за важность. Стоитъ объ этомъ разговаривать.

Бар. Ну а ты какъ.

В. Я братъ въ отставкѣ [3]).

Бар. Какъ въ отставкѣ.

Г. Такъ непріятность случилась тутъ одна.

Бар. А понимаю. Т.-е. тебя попросили выдти [4]). А здѣсь зачѣмъ?

В. У меня здѣсь есть имѣньишко. Пріѣхалъ, вижу разстроено ужасно, жить совершенно нечѣмъ [5]).

Бар. Что же ты намѣренъ предпринять.

В. [Я тоже голъ какъ соколъ и такъ же какъ ты] [6]) хочу жениться. Я ужъ было присватался къ одной въ Москвѣ [7]), влюбилась тоже ужасъ что такое, просто

---

[1]) Вѣроятно описка. Фамилія Баранчевскаго вездѣ вставлена потомъ, сначала же стояла буква П (карандашомъ). Поправки сдѣланы чернилами.

[2]) Поставленное въ скобки дополнено чернилами.

[3]) Сначала было карандашомъ написано: „Я поступилъ на службу въ вашу губернію“. Потомъ слово „поступилъ“ зачеркнуто и надписано „переведенъ“. Затѣмъ все это зачеркнуто и написано, какъ въ текстѣ: „Я, братъ, въ отставкѣ“.

[4]) Все это мѣсто, начиная съ словъ Баранчевскаго: „Какъ въ отставкѣ“, добавлено потомъ: написано чернилами.

[5]) Эта фраза добавлена потомъ, сначала было карандашомъ написано: „Послушай, Алеша, я съ тобой буду говорить откровенно“.

[6]) Поставленное въ скобки начало фразы зачеркнуто.

[7]) Сначала карандашомъ было написано: „Калин. губернскомъ городѣ“.

средствъ нѣтъ какія письма писала. Я одно вожу съ собой для оригинальности. Посмотри! (Читаетъ. М. и пр. Ил. м. А.) [1]). Ну да это ничего. Только не отдаютъ ни за какія благополучія.—Я было такъ и сякъ, увести хотѣлъ, да съ ней-то не столкуешь — дура ужаснѣйшая! Дура—аля летръ, монъ шеръ.—Такое несчастіе. Потомъ я братецъ услыхалъ, что у васъ въ Черемухинѣ есть богатые купцы, а именно Русаковъ, а у него дочка и вотъ монъ шеръ въ одно прекрасное утро я беру почтовыхъ— и вотъ покорнѣйшій слуга. Познакомился съ отцемъ, съ ней завелъ интрижку.

Бар. Какъ же ты съ ней познакомился?

В. Черезъ здѣшнюю хозяйку, она сюда заходитъ иногда.

Бар. Ну что-же?

В. Разумѣется влюблена.

Бар. Вотъ какъ.

В. Послушай, у тебя есть экипажъ хорошій?

Бар. Лучшій въ городѣ.

В. Ты мнѣ его одолжи. Я къ нимъ съѣзжу, надобно имъ m(on) ch(er) тону задать.

Бар. Съ удовольствіемъ.

В. Выпьемъ бутылочку!

Бар. Нѣтъ ужъ позволь я тебя поподчую.

В. Человѣкъ (входитъ половой).

Полов. Что прикажете?

Бар. Бутылку шампанскаго (встаютъ и ходятъ по сценѣ).

В. (подходя и ухватывая его за талію). Такъ-то Алеша! Привелъ Богъ увидѣться. Однако ты потолстѣлъ.

Бар. Отъѣлся на вольномъ хлѣбѣ.

(Половой приноситъ бутылку въ одной рукѣ и два стакана на подносѣ въ другой. Ставитъ стаканы на столъ и начинаетъ откупоривать бутылку.)

В. Безъ грому, братецъ, безъ грому!..» и т. д., какъ въ печатномъ текстѣ.

Варіанты слѣдующіе:

Половой. Современемъ бываетъ-съ (печатный текстъ).

---

[1]) Эти сокращенныя слова трудно разбираются.

Половой. Временами бываетъ-съ (рукописный текстъ).
» Былъ-съ. Они дочку... (печатный текстъ).
» Были-съ. Они дочку... (рукописный текстъ).

Вихоревъ въ своей репликѣ: «Это пустяки, этого быть не можетъ...» и т. д. дважды называетъ Баранчевскаго по имени, при чемъ имя обозначено иниціалами М. Ф.

Въ репликѣ Вихорева: «Такъ она за него не пойдетъ ни за что...» и т. д., нѣтъ фразы: «не стану же я тебя обманывать»; зато на ея мѣстѣ вставлена фраза: «Она не пойдетъ ни за что». Послѣ словъ: «Заѣдешь въ такую глушь!» въ рукописи идетъ фраза: «Тутъ у васъ можетъ быть въ самомъ дѣлѣ такой обычай».

Послѣ этихъ словъ Вихорева сначала шла реплика Баранчевскаго: «Такихъ обычаевъ нигдѣ нѣтъ», а затѣмъ вставленная сбоку реплика полового, которая раньше была помѣщена послѣ словъ Баранчевскаго: «Напрасно ты сердишься, нашъ городъ ничѣмъ не хуже другихъ», а этимъ словамъ въ печатномъ текстѣ соотвѣтствуетъ такая реплика: «Ну, изъ чего ты такъ горячишься?» Послѣ приведенныхъ словъ Баранчевскаго: «Напрасно ты сердишься...» и т. д. шла отмѣченная выше реплика полового, но потомъ она здѣсь зачеркнута и перенесена въ другое мѣсто, а вмѣсто нея помѣщена реплика Вихорева: «Да вотъ ты тутъ устроился, такъ тебѣ и хорошо, а я-то чѣмъ виноватъ». Такимъ образомъ эта вставка слилась въ одно съ репликой Вихорева: «Однако что же мнѣ теперь дѣлать», стоявшей послѣ указанной реплики полового, и составила одну какъ въ печатномъ текстѣ.

Конецъ слѣдующей реплики Баранчевскаго былъ нѣсколько иной: «...объяснись съ нимъ, сдѣлай предложеніе, можетъ быть еще все это вздоръ».

Какъ видимъ, варіантъ въ общемъ незначительный. То же самое должно сказать и о 6-мъ явленіи, въ которомъ отмѣтимъ слѣдующее: Ганца (Вихорева) зовутъ еще Федоръ Федорычъ, Анна Антоновна обозначена просто «жена», а потомъ другими чернилами исправлено: «жена» зачеркнуто и написано: «Ан. Ан.». Ея фраза: «Вашъ предметъ у меня теперь сидитъ», вставлена впослѣдствіи яркими чернилами, раньше стояло просто: «Ко мнѣ зашла Авдотья

Максимовна». Передъ репликой Анны Антоновны: «Амуръ!» стояла ремарка автора: «Ударяетъ его рукой по плечу».

Всѣ эти варіанты, конечно, говорятъ о томъ, какъ тщательно обрабатывалъ Островскій текстъ своихъ произведеній.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему обзору, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о 5-мъ явленіи. Первоначальный набросокъ разговора Вихорева съ половымъ, которымъ начиналось явленіе, былъ авторомъ оставленъ. Текстъ написанъ снова, при чемъ упомянутый разговоръ попалъ почти въ конецъ. Явленіе теперь начиналось встрѣчей Вихорева съ Баранчевскимъ, упоминалась лишняя подробность о бывшей съ Вихоревымъ непріятности по службѣ. При слѣдующей переработкѣ даннаго явленія, при чемъ текстъ въ переработанномъ видѣ попалъ уже не въ нашу рукопись, объ указанныя особенности были выброшены, какъ излишнее нагроможденіе, но зато внесенъ разговоръ о томъ, какъ образъ жизни людей, подобныхъ Вихореву, содѣйствуетъ движенію торговли, а также и замѣчаніе о меланхолическомъ характерѣ Вихорева. Нужно добавить, что въ окончательномъ своемъ видѣ текстъ 5-го явленія вышелъ значительно ярче и художественнѣе, нежели приведенный нами его рукописный первообразъ.

Выдѣленная въ явленіе VII реплика Вихорева была значительно длиннѣе.

Вотъ ея рукописный текстъ параллельно съ печатнымъ.

„Г(анцъ) одинъ. Если мнѣ это не удастся, я рѣшительно сяду, какъ ракъ на мели.— Жить порядочно хоть въ Губернскомъ городѣ, хоть въ Уѣздѣ, все надобно имѣть что-нибудь, да я безъ состоянія рѣшительно и жить не могу. Чтожъ дѣлать? Другіе могутъ, живутъ рѣшительно безъ всякаго состоянія, а я не могу, не моя вина, такой у меня харак-

„Вихоревъ (одинъ). Если этотъ Максимъ Ѳедотычъ не согласится, такъ я ее увезу; нѣчего и разговаривать!.. Будетъ, помаялся, надобно чѣмъ-нибудь кончить. Чтожъ, мнѣ въ ремесленники, что ли идти?.. Нѣтъ, какъ у меня деньги-то въ карманѣ, такъ мнѣ что хочешь пой, я никого и слушать не хочу“.

теръ; я при деньгахъ совсѣмъ другой человѣкъ. По мнѣ умный человѣкъ [непремѣнно долженъ] [1]) всѣ средства долженъ употреблять, чтобъ нажить [2]) имѣть состояніе. Тамъ говори себѣ кто хочешь, что надобно работать, трудиться. Все это вздоръ, одни розсказни. Чтожъ мнѣ въ ремесленники что ли итти! Нѣтъ какъ у меня деньги-то въ карманѣ, такъ мнѣ что хочешь, пой, я никого и слушать не хочу".

Нужно признать, что сокращеніе опять-таки вышло къ лучшему.

Текстъ 8-го явленія въ рукописи почти тотъ же самый, что и печатный. Разница лишь въ одномъ мѣстѣ; послѣ реплики Авдотьи Максимовны: «Прощайте, мнѣ пора», шла реплика Вихорева, впослѣдствіи выпущенная: «Я васъ поцѣлую на прощаньи, вы мнѣ это позволите (беретъ за руку и хочетъ обнять).

Авд. Макс. (не освобож.). Нѣтъ мнѣ стыдно васъ, ей-Богу стыдно».

Но только слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ текстъ создался не сразу. Впослѣдствіи, очевидно при пересмотрѣ текста, болѣе яркими чернилами были внесены нѣкоторыя дополненія, впрочемъ, не очень существенныя [3]).

Послѣдняя реплика Вихорева, выдѣленная потомъ въ 9-ое явленіе, была сначала нѣсколько иная. Вотъ ея

---

[1]) Эти слова зачеркнуты.

[2]) Это слово зачеркнуто.

[3]) Напр., въ репликахъ Авдотьи Максимовны вставлены слова:

а) „Это только хотятъ насъ разстроить. И кому это только нужно".

б) „Ѳ. Ѳ. вы не безпокойтесь пожалуйста".

в) „Онъ насильно не заставитъ". г) „Ни, ни, ни за какія сокровища".

Въ репликѣ Вихорева кставлено: „знаете, по русскому обыкновенію ему въ ноги... Ну старикъ и того"...

Далѣе опять-таки въ репликѣ Авдотьи Максимовны вставлено:

а) „Хоть и стыдно будетъ, да ужъ переломлю себя".

б) „Что это вы Ѳед. Ѳед. какія страсти говорите".

текстъ: «А она даже очень недурна, да мяконькая такая! Да еще деньги-то. Ахъ кабы это дѣло устроилось! Конечно съ такой женой нельзя въ столицу показаться; а въ уѣздѣ ничего—жили бы припѣваючи».

Перехожу ко II-му дѣйствію.

Какъ выше было сказано, II-е дѣйствіе начиналось со 2-го явленія. Текстъ этого послѣдняго въ рукописи такой же, что и печатный. Только опять-таки создался онъ не сразу. Такъ, напр., первыхъ трехъ репликъ (двѣ Бородкина и одна Арины Ѳедотовны) въ рукописи нѣтъ. Явленіе начинается прямо съ реплики Арины Ѳедотовны: «Ты съ чего это вздумалъ за Дунюшку-то свататься?» Впрочемъ и это вставлено впослѣдствіи, а первоначально она читалась такъ: «Легко ли (?) дѣло, купчишка какой-нибудь еще туда же лѣзетъ съ нѣжностями».

Послѣ словъ Арины Ѳедотовны: «Да смѣлъ ли бы ты подумать», шла фраза: «Въ Москвѣ за мной не такіе кавалеры ухаживали, да и тѣ съ носомъ остались». Потомъ эта фраза была зачеркнута.

Реплика Бородкина: «А я такъ думаю, что люди все однѣ-съ», имѣла въ рукописи слѣдующее продолженіе: «[Али тамъ другіе какіе.] [1]). Вѣдь чай тоже какъ мы грѣшные и съ руками и съ ногами». Опять-таки нужно замѣтить, что вся эта реплика въ такомъ видѣ представляетъ собою позднѣйшую вставку, первоначально же она читалась такъ: «Тамъ за вами небось все генералы ухаживали», на что Арина Ѳедотовна отвѣчала: «Генералы не генералы, а были люди съ понятіемъ». Этотъ отвѣтъ впослѣдствіи также былъ передѣланъ въ нашей рукописи.

Двѣ реплики Бородкина: 1) «Нѣтъ-съ я такъ. Жалко только со стороны смотрѣть, что, при вашемъ такомъ образованіи, на васъ никто не прельщается», 2) «Хоша бы и такъ, все это наше дѣло... Васъ не спросимъ», въ рукописи предварительно читались гораздо проще, а именно: 1) «Вотъ что-съ? А что жъ здѣсь на васъ никто не прельщается?» и 2) «Это опять-таки наше дѣло».

---

[1]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

Къ ремаркѣ автора: «Поетъ съ чувствомъ романсъ», было дополнено названіе романса: «Черный воронъ».

Значительной передѣлкѣ подверглась реплика Арины Ѳедотовны: «Что? Извѣстно что—романсъ. (Задумывается.) У насъ, Ваня, какъ жила я въ Москвѣ, былъ прикащикъ Вася, это онъ меня выучилъ. Только какъ онъ пѣлъ, это прелести слушать. (Опять раскладываетъ карты... и т. д.)». Въ рукописи она читалась первоначально такъ: «Романцъ (задумывается.) У меня, Ваня, какъ я жила въ Москвѣ, былъ предметъ, вотъ бы ты послушалъ, какъ онъ поетъ его. Бывало закинетъ голову назадъ. Если бъ не ваша любовь Арина Ѳедотовна, я бы, говоритъ, лишилъ себя жизни самымъ мучительнымъ образомъ, вы говоритъ одна моя отрада въ жизни; да и запоетъ: черный воронъ, что ты вьешься». Затѣмъ шло такое продолженіе:

«Бородкинъ. Что же онъ живъ-съ?

Ар. Ѳед. (равнодушно). Въ эристратурѣ служитъ. (Раскладываетъ карты...» и т. д.), какъ въ печати.

Рукописный текстъ 3-го явленія тотъ же, что и печатный, съ очень незначительной разницей.

Въ 4-мъ явленіи поправки идутъ съ первой же реплики Авдотьи Максимовны. Начиная съ этой реплики и до ея же словъ: «Женись, Ваня, на Грушѣ...» и т. д., все это мѣсто въ нашей рукописи читалось такъ: «Ваня, голубчикъ [1]), не сердись. Я тебѣ все разскажу, ты самъ разсудишь. За меня теперь сватается благородный. Какой красавецъ собой-то, какой умный. (Хочетъ меня съ собой въ Москву взять) [2]). Любила я тебя, ты самъ знаешь [3]). Увидала я его у Ж... на той недѣлѣ [4]), сначала то я его стыдилась, а онъ такой ласковый, такія рѣчи говоритъ, такъ у меня сердце и оборвалось [5]). Такъ съ тѣхъ поръ съ ума нейдетъ и во снѣ-то все его вижу [6]).

---

[1]) Это слово зачеркнуто.

[2]) Эта фраза зачеркнута.

[3]) Эта фраза вписана сверху строки.

[4]) Надъ этими словами надписано: „см. листы“ и поставленъ условный знакъ: кругъ, перечеркнутый отвѣсно двумя параллельными линіями.

[5]) Сверху строки замѣтка: „см. пр.“, (смотри прибавленіе ?).

[6]) Здѣсь опять особый условный знакъ.

Бородк. Не найдетъ онъ себѣ въ Москвѣ-то невѣсту? Видимое дѣло, что ему твои деньги нужны, а не ты [1]).

Ав. Мак. Нѣтъ, Ваня, онъ меня любитъ, какъ онъ говоритъ послушай (см. прим.).

Бород. А нешто я-то тебя, Дуня, не люблю.

Ав. Мак. Что жь мнѣ дѣлать-то и его-то я люблю и тебя-то мнѣ, Ваня, жаль. Вотъ безъ него-то какъ словно я тебя люблю по прежнему, а какъ его увижу, такъ не знаю, что со мной дѣлается.] [2]). Женись, Ваня, на Грушѣ, на Курочкиной, она мнѣ ровесница и подруга, а ужъ со мной пусть будетъ, что Богъ дастъ».

Пѣсня, которую поетъ Бородкинъ, въ рукописи не приведена; просто сказано: «Вспомни, вспомни. 3 куплета».

Въ явленіи 5-мъ монологъ Русакова въ рукописи очень краткій; тамъ нѣтъ значительной части его, а именно начиная съ словъ: «Что есть, дѣтушки, лучше того на свѣтѣ»... и почти до конца. Послѣ словъ: «Радость-то у меня, Иванушко, только одна», шла ремарка автора: «встаетъ» и послѣдняя фраза монолога: «Пойдемъ-ко, Иванушко, мнѣ съ тобой поговорить нужно». Такимъ образомъ это второй или, точнѣе, третій случай наиболѣе обстоятельнаго развитія рѣчей Русакова при пересмотрѣ текста.

Въ явленіи 6-мъ по рукописи начально нѣсколько иное, чѣмъ въ печатномъ текстѣ. Вотъ оно:

«Авд. Мак. Ужъ лучше бы онъ нынче не пріѣзжалъ.

Ар. Оед. Полно ты пустяки-то говорить. Что жъ, за Бородкина пойдешь. Оед. Оед. все-таки человѣкъ. А это что? мразь какая-то.

Авд. Мак. Да я какъ-то все боюсь Оед. Оед.»

Да и это начало появилось впослѣдствіи. Первоначально оно было такое:

«Авд. Мак. Тетинька, а Ваня-то меня любитъ.

---

[1]) Находящееся въ печатномъ текстѣ начало этой реплики помѣщено въ нашей рукописи на оборотѣ 33-й страницы, оставленной пустой. На ней мы находимъ „Прибавленія ко 2-му дѣйствію“ и среди этихъ прибавленій начало нашей реплики точь въ точь какъ въ печатномъ текстѣ.

[2]) Все это мѣсто, поставленное въ квадратныя скобки, начиная съ словъ: „Увидала я его у Ж...“ въ рукописи перечеркнуто.

Ар. Θед. Вотъ нашла сокровище, невидаль какая.

Авд. Мак. Право, тетинька, мнѣ его жаль.

Ар. Θед. Полно ты пустяки-то говорить. Θед. Θед. все-таки человѣкъ, какъ есть красавецъ и учтивый кавалеръ, а это что? Мразь какая-то».

Кромѣ того далѣе въ нѣкоторыя реплики внесены стилистическія поправки. Затѣмъ реплика Авдотьи Максимовны: «А тятенька-то?..» и т. д. состояла только изъ приведенныхъ словъ; дальнѣйшей же фразы: «Что я тогда съ нимъ, съ старикомъ сдѣлаю!» въ нашей рукописи нѣтъ. Далѣе отвѣтная реплика Арины Θедотовны: «Что тятенька-то!..» и т. д. имѣла въ нашей рукописи первоначально слѣдующій видъ: «Тятенька твой долженъ понять, что образованные люди всегда такъ поступаютъ, онъ еще ему долженъ быть благодаренъ. Гдѣ онъ тебѣ такого жениха найдетъ. Чтой-то ты, матушка, право совсѣмъ деревенская. Пойми ты, что какая же это разница благородный али купецъ. Чего тебѣ еще. Любитъ тебя благородный человѣкъ». Всѣ исправленія сдѣланы въ нашей рукописи [1]).

Явленіе 7-ое, какъ было уже упомянуто раньше, было слито въ одно съ явленіемъ 8-мъ. Судя по цвѣту чернилъ, монологъ Вихорева (явл. 8-е) вначалѣ былъ такой; «Теперь рѣшительный шагъ, нужно собрать все присутствіе духа. Какъ мудрено разговаривать съ мужиками, не знаешь, какъ къ нему подойти». Потомъ это было зачеркнуто, и сверху надъ первой строчкой надписано: «Ну борода поговоримъ теперь съ тобой!» Все остальное написано послѣ зачеркнутаго, только болѣе темными чернилами, чѣмъ зачеркнутое. Затѣмъ въ нашей рукописи нѣтъ словъ: «Рѣшительно не знаю... ну, да ужъ пущусь на счастье, куда кривая не вынесетъ».

Явленіе 9-е (по нашей рукописи 8-е, сливавшееся съ 9-мъ, печатнымъ 10-мъ) начиналось прямо репликой Вихорева: «Здравствуйте, почтеннѣйшій М. Θ. Какъ вы поживаете?» Двѣ первыхъ реплики Русакова и Бородкина написаны сбоку на оставшемся свободномъ мѣстѣ. Ко-

[1]) Заключительныя слова реплики Авдотьи Максимовны: „Вотъ когда смерть-то моя“, добавлены, очевидно, впослѣдствіи написаны сбоку. Точно такъ же добавлены слова Максима Θедотыча: „Кто тамъ еще!“

нечно, и въ данномъ явленіи сдѣланы нѣкоторыя стилистическія поправки [1]). Между прочимъ реплика Вихорева: «Нѣтъ, скажите: развѣ есть здѣсь женихи для Авдотьи Максимовны?..» и т. д. въ рукописи читается такъ: «Нѣтъ все-таки М. Ѳед. пріятно; какъ хотите, а во всякомъ человѣкѣ есть самолюбіе и оно весьма извинительно. Я слышалъ про васъ много хорошаго еще въ Москвѣ и [2]) проѣзжая черезъ Малиновъ [3]) Черемухинъ, не могъ не заѣхать къ вамъ. Я вамъ рѣшительно говорю (зачеркнуто: скажу): я совершенно обвороженъ вами. Въ васъ я вижу простаго русскаго человѣка. Я вамъ говорю это безъ всякой лести; я такого семейства какъ ваше никакъ не ожидалъ встрѣтить въ этомъ городишкѣ» [4]). Эта реплика въ нашей рукописи осталась не исправленной.

Слѣдующая реплика Вихорева (послѣ словъ Максима Ѳедотыча: «Благодаримъ покорно») сначала читалось такъ: «Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ, я до того прельщенъ вами, что желалъ бы всю жизнь провести съ вами. А что М. Ѳед., вы меня извините, я съ вами буду говорить откровенно, если бы я съ вами захотѣлъ породниться, вы

---

[1]) Напр., 3-я реплика Вихорева въ рукописи читается такъ; „Ахъ сдѣлайте одолженіе, не безпокойтесь. Я уже пилъ“. Слѣдующая реплика его же читалась такъ: „Впрочемъ, ужъ это такой обычай у русскаго народа подчивать, и я вамъ скажу: это прекрасный обычай“. Послѣ исправленія она приняла такой видъ: „Впрочемъ ужъ это такой обычай у русскаго народа подчивать, я, признаться вамъ сказать, уважаю все русское: это прекрасный обычай. [Я хвалю этотъ обычай.]“. Впослѣдствіи слова, поставленныя у насъ въ скобки и въ рукописи надписанныя надъ строкой, были зачеркнуты. Въ репликѣ Вихорева: „Не правда ли, тамъ жизнь совсѣмъ другая...“ и т. д. въ нашей рукописи нѣтъ словъ: „больше образованности, больше развлеченія“. Слѣдующая его реплика читается такъ: „Я съ вами согласенъ, но впрочемъ М. Ѳед. вы съ вашимъ капиталомъ могли бы жить и въ Москвѣ (сначала стояло: „столицѣ“), не правда ли?“ Въ дальнѣйшей репликѣ того же лица нѣтъ словъ: „конечно, привычка много значитъ“. Слѣдующая реплика Вихорева читается такъ: „Налобно ей дать воспитаніе, нужно чтобъ она видѣла людей—наконецъ нужно же ей найти хорошую (это слово надписано сверху) партію. А гдѣ же вы здѣсь это найдете?“ Наконецъ слѣдующая его же реплика такая: „Какіе же это люди, М. Ѳ.? Грубы, необразованы: развѣ они могутъ достойно (это слово надписано сверху) оцѣнить васъ и Авд. Макс.“. (Исправлено въ нашей рукописи.)

[2]) Сначала было такъ: „Я услыхалъ въ Губ. городѣ про васъ и проѣзжая“... Потомъ это зачеркнуто и исправлено.

[3]) Это слово зачеркнуто.

[4]) Исправлено изъ „городѣ“.

бы мнѣ не отказали въ этомъ счастьи. Мнѣ ваша Авд. Мак. очень нравится». Послѣ поправки она приняла такой видъ: «Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ. Много есть купцовъ, да все въ нихъ нѣтъ того, что я вижу въ васъ, этой патріархальности. А что М. Ѳед., если я съ вами буду говорить откровенно, вы на меня не обидитесь. Мнѣ ваша Авд. Мак. очень нравится». Такимъ образомъ въ нашей рукописи эта реплика въ концѣ-концовъ все-таки отличается отъ печатной. Слѣдуетъ впрочемъ добавить, что послѣ этой реплики сдѣлано замѣчаніе: «см. листы», и поставленъ условный знакъ.

Дальнѣйшей реплики Вихорева: «Ахъ, М. Ѳ., страшно!..» въ нашей рукописи нѣтъ. Прямо идетъ реплика Макс. Ѳед.: «Полноте В(аше) Бл(агородіе) мы люди простые» и т. д. Реплика Вихорева: «Полноте, Мак. Ѳед.! Что за идея!» первоначально читалась такъ: «Ахъ, нѣтъ. Я васъ увѣряю: вы такъ сами по себѣ достойны уваженія». Послѣ этихъ словъ Вихорева идетъ прямо реплика Максима Ѳедотыча: «(Не дѣло вы говорите.) Вы люди благородные, ищите себѣ»... и т. д., при чемъ начальной, поставленной въ скобки фразы въ нашей рукописи нѣтъ. Также нѣтъ и промежуточныхъ до нея четырехъ репликъ. Предпослѣдняя реплика Вихорева: «Я вамъ только одно могу на это сказать»... читалась первоначально такъ: «Послѣ этого Мак. Ѳед., извините, что я васъ обезпокоилъ. У васъ уже вѣроятно есть кто-нибудь на примѣтѣ. Я даже слышалъ, что къ вашей дочери сватался какой-то Бородкинъ. Но я не думалъ, чтобы вы, любя свою дочь, рѣшились отдать ее за него, и потому явился къ вамъ съ предложеніемъ. И мнѣ кажется, что если бъ вы меня покороче узнали... но таковъ ужъ видно русскій человѣкъ, что онъ всегда хочетъ поставить на своемъ и изъ одного только упрямства онъ не подорожитъ счастьемъ дочери... ничьимъ» [1]). Какъ можно видѣть, наибольшимъ поправкамъ подверглись реплики Вихорева: очевидно, рѣчь этого лица еще не легко давалась Островскому.

Явленіе 10-е (по рукописи 9-е), повидимому, вначалѣ

---

[1]) Такъ же и въ текстѣ „Москвитянина“.

сливалось съ явленіемъ 8-мъ. Оно состоитъ изъ монолога Вихорева, который читается въ нашей рукописи такъ: «Вотъ тебѣ разъ. Ну есть ли (въ рукоп. «если») какая-нибудь возможность говорить съ этимъ народомъ! Никакіе резоны, ни убѣжденія на нихъ не дѣйствуютъ, ломитъ свое. Да какимъ еще ругательнымъ тономъ разговариваетъ, того и гляди, что скажетъ тебѣ въ глаза, что свистунъ дескать ты аферистъ. Ни малѣйшей деликатности у скотовъ. Ну теперь, кажется, все пропало! Надобно попробовать послѣднее средство!» И этотъ монологъ въ печатномъ текстѣ значительно сокращенъ.

Въ явленіи 11-мъ (рук. 10-мъ) послѣ первыхъ двухъ репликъ Арины Ѳедотовны и Вихорева шли двѣ такія реплики Авдотьи Максимовны и Вихорева, потомъ зачеркнутыя:

Авд. Макс. «Ѳед. Ѳед. не браните тятеньку, я этого не могу слышать.

(Ганцъ) (Вихоревъ). Извольте для васъ только».

Реплика Авдотьи Максимовны: «Я сейчасъ сама пойду къ тятенькѣ, читалась въ нашей рукописи такъ: «Я сейчасъ пойду къ тятенькѣ и попрошу его, хоть это будетъ стыдно, хоть этого не дѣлаютъ, но я не посмотрю ни на что. Тятенька согласится, онъ меня очень любитъ». Потомъ реплика была исправлена въ нашей рукописи, съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что послѣдней фразы Авдотьи Максимовны и ремарки автора: «Только каково мнѣ просить его объ этомъ, какъ бы вы знали (садится и плачетъ)» въ нашей рукописи нѣтъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что печатный текстъ этой реплики значительно ярче и выразительнѣе, а потому является и болѣе художественнымъ. Въ дальнѣйшія реплики этого явленія опять-таки внесены нѣкоторыя стилистическія поправки [1]).

Въ явленіи 12-мъ (рукоп. 11) первая реплика Авдотьи Максимовны состояла изъ одной первой фразы. Въ нашей рукописи нѣтъ ея словъ: «Вотъ ужъ правду-то говорятъ, что любовь-то на свѣтѣ мука». Наоборотъ, реплика Руса-

[1]) Такъ предпослѣдняя реплика Арины Ѳедотовны въ рукописи читается: „Мы пойдемъ нынче ко всенощной“, а слѣдующая реплика Вихорева: „Такъ и васъ подожду подлѣ валу, за соборомъ, на мосту“.

кова: «Что уѣхалъ этотъ баринъ-то?» имѣла слѣдующее продолженіе: «Разстроилъ онъ меня совсѣмъ». Вмѣсто же его реплики: «Ишь его принесло, нужно очень», въ нашей рукописи стоитъ: «Этакихъ шелопаевъ (зачеркнуто «дураковъ») я еще мало видывалъ». Послѣ реплики Русакова: «Говори объ чемъ?» въ рукописи шелъ такой діалогъ:

«Авд. Мак. Объ немъ. Объ себѣ. (Объ своемъ горѣ) [1]).

Мак. Ѳед. Объ комъ, объ немъ. Объ этомъ вѣтрогонѣ-то. Что-ты опомнись, полоумная!

Авд. Мак. Тятенька, не сердитесь на меня.

Мак. Ѳед. Ну говори, я не сержусь.

Авд. Мак. Тятенька, я его люблю, я безъ него жить не могу. Умереть мнѣ легче, чѣмъ итти за какого-нибудь за постылаго».

Все это исправлено въ нашей рукописи, очевидно, при просмотрѣ текста, такъ какъ въ исправленномъ видѣ написано болѣе яркими чернилами. Въ дальнѣйшемъ текстъ также подвергался дополненіямъ [2]), будучи сначала болѣе краткимъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ, наоборотъ, былъ полнѣе. Такъ послѣ словъ Русакова: «Ты, сестра, молчи—это не твое дѣло» [3]) шла реплика Арины Ѳедотовны, которой нѣтъ въ печатномъ текстѣ: «Какъ хотите, братецъ, а мнѣ жаль глядѣть на нее на бѣдную». Затѣмъ уже шла реплика Русакова: «Дуня! Не дури! Не печаль отца на старости лѣтъ. Выкинь блажь-то изъ головы. Отецъ лучше тебя знаетъ, что дѣлаетъ. У меня есть для тебя женихъ, какого тебѣ нужно. Твой женихъ Ив. Петр. Я ужъ ему обѣщалъ». Недостающее сравнительно съ печатнымъ текстомъ дополнено на оставшемся свободномъ мѣстѣ: написано очень мелко и сжато, очевидно, доба-

[1]) Слова, поставленныя въ скобки, можетъ быть, добавлены впослѣдствіи.

[2]) Такъ добавлены слова: „что ты говоришь-то“, въ репликѣ Русакова: „Что ты, что ты!.. Да ты подумай, что ты говоришь“. Въ слѣдующей репликѣ Авдотьи Максимовны добавлены конечныя слова: „Я отъ тоски да отъ слезъ въ гробъ сойду“.

[3]) Въ репликѣ Русакова: „Ты, сестра, молчи—это не твое дѣло...“ и т. д. впереди приведенныхъ словъ шли такія двѣ фразы: „Что вы со мной дѣлаете? Вы меня въ гробъ сведете, не доживши вѣку“. Потомъ эти фразы зачеркнуты.

влено потомъ, когда была уже написана слѣдующая реплика, а можетъ быть и все явленіе, хотя написано одинаковыми чернилами. Уже не въ нашей рукописи были сдѣланы дальнѣйшія исправленія.

Двѣ послѣднія реплики Русакова въ этомъ явленіи были въ рукописи нѣсколько длиннѣе.

1) Русак. «Молчи! Вотъ тебѣ, Авдотья, мое послѣднее слово: или ты поди за Бородкина или ступай вонъ изъ моего дому, ступай куда хочешь хоть къ своему полюбовнику». Въ печатномъ текстѣ выброшено замѣчаніе о «полюбовникѣ», какъ совершенно неумѣстное, и вообще реплика измѣнена къ лучшему.

2) Рус. «(хват. за стулъ, чуть не падаетъ.) Не подходи! Я тебя ростилъ, я тебя берегъ пуще глазу. Что грѣха на душу принялъ, гордость меня одолѣла, я не давалъ никому про своихъ дѣтей слова выговорить, я думалъ, что ужъ лучше тебя и на свѣтѣ нѣтъ. [Я говорилъ, она на мать на покойницу похожа, такая же будетъ, какъ она, я съ ней 30 лѣтъ прожилъ, какъ въ раю] [1]). Я думалъ, что и ты мнѣ подъ старость-то только радоваться на тебя, да Бога благодарить. Наказалъ Богъ по грѣхамъ!..» и т. д. какъ въ печатномъ текстѣ, только послѣдняя фраза: «Слышишь ты, не доводи меня до грѣха», внесена впослѣдствіи, такъ какъ ремарка автора («уходитъ)» помѣщена раньше ея.

Въ 13 явленіи вмѣсто слова «опостылѣлъ» въ обоихъ случаяхъ стояло сначала «противенъ» (исправлено въ нашей рукописи при просмотрѣ текста: написано болѣе яркими чернилами). Въ репликѣ Арины Ѳедотовны въ нашей рукописи нѣтъ заключительныхъ словъ: «Воды подайте! Воды!..» Зато послѣ нея была ремарка автора: «(уходитъ)», и въ слѣдующемъ 14-мъ явленіи не было дѣвки, приносящей воду: это дѣлала сама Арина Ѳедотовна.

Въ этомъ 14-мъ явленіи въ репликѣ Максима Ѳедотыча: «Ахъ, Дунюшка, кабы я зналъ, что онъ степенный человѣкъ»... и т. д. это слово «степенный» явилось не сразу: первоначально стояло «порядочный», потомъ за-

---

[1]) Слова, поставленныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты.

черкнуто и надписано «солидный», затѣмъ и это зачеркнуто и надписано уже «степенный». Затѣмъ въ нашей рукописи нѣтъ заключительныхъ словъ этой ремарки: «и разговаривать бы не сталъ». Слѣдующая реплика Максима Ѳедотыча въ рукописи читается нѣсколько иначе, чѣмъ въ печати. Приведу оба текста:

Рукописный текстъ:

„А вотъ мы это узнаемъ, Дунюшка; дѣло то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дамъ, коли любитъ пусть такъ беретъ. Ужъ конечно я тебя, мое дитятко, послѣ не забуду, да мы его-то попробуемъ".

Печатный текстъ:

„Охъ, Дунюшка, не вѣрится мнѣ... Ну, да вотъ мы это узнаемъ. Дѣло-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дамъ; коли любитъ, пускай такъ беретъ. Коли любитъ, возьметъ и такъ".

Въ дальнѣйшей репликѣ Русакова: «А вотъ посмотримъ», въ рукописи нѣтъ словъ: «что онъ скажетъ». Также нѣтъ въ рукописи реплики Авдотьи Максимовны: «Тятенька, да развѣ въ богатствѣ счастье?..» и т. д. и отвѣтной реплики Русакова. Послѣдняя реплика Авдотьи Максимовны первоначально состояла изъ одной лишь фразы: «Ахъ, тетенька, вѣдь мы хотѣли ко всенощной итти». Первая часть реплики, обращеніе къ отцу, вставлена впослѣдствіи, очевидно, при пересмотрѣ текста, при чемъ эта вставка въ рукописи читается такъ: «Тятенька, вы меня какъ воскресили точно, а то ужъ я право думала, что умру (молч.)». Словъ: «да я бъ и умерла съ горя, я ужъ это знаю», въ рукописи нѣтъ.

Также не въ нашей рукописи исправлена реплика Арины Ѳедотовны въ 15-мъ явленіи, которая въ рукописи читается такъ: «Ну ужъ теперь не о чемъ тужить. Пойдемъ-ко скорѣе. То-то онъ бѣдный обрадуется».

Перехожу къ III-му дѣйствію.

Уже изъ разбора первыхъ двухъ дѣйствій можно было видѣть, что дѣйствующія лица данной комедіи сложились у автора сразу: только въ рѣчахъ Русакова были отмѣчены вставки, представляющія болѣе обстоятельное развитіе его взглядовъ. Послѣднее дѣйствіе не даетъ въ

этомъ отношеніи ничего новаго. Всѣ поправки и дополненія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что текстъ слагался не сразу, что окончательный свой видъ онъ получилъ не въ нашей рукописи. Тѣмъ не менѣе я считаю небезполезнымъ отмѣтить всѣ эти измѣненія и варіанты текста, чтобы дать понятіе о ходѣ работы надъ III-мъ дѣйствіемъ.

Въ I-й сценѣ болѣе точно обозначалось мѣсто, гдѣ находились Вихоревъ съ Авдотьей Максимовной: «въ Ямской слободѣ, всего верста отъ городу». 4-я реплика Вихорева читается какъ въ печатномъ текстѣ, съ прибавленіемъ лишь словъ: «Не такъ ли а?» Въ 5-й репликѣ Вихорева послѣ словъ: «я знаю, что старики упрямы», шла слѣдующая вставка, потомъ зачеркнутая: «ужасно упрямы, вѣдь это дубина какая-то, никакихъ средствъ нѣтъ говорить». Вмѣсто слова «заупрямится» стоитъ «зартачится». Въ слѣдующей репликѣ Вихорева послѣ словъ: «Нѣтъ ужъ я такъ глупъ не буду», шло: «чтобы выпустить теперь (зачеркнуто) тебя изъ рукъ». Въ репликѣ Вихорева: «Что-жъ, тятенька! посердится да и перестанетъ», слова: 1) «невелика важность» (печатное: «велика важность»), 2) «вотъ это интересно знать», вставлены потомъ.

Слѣдующая реплика Авдотьи Максимовны: «И сама не знаю, какъ у меня духу достало...» и т. д. въ рукописи сначала читалась такъ: «Какъ вы уѣхали, пришелъ тятенька, началъ васъ бранить; а мы съ тетенькой стали заступаться за васъ. Тятенька сталъ сердиться. Я ужъ собралась съ духомъ, да и сказала ему, что васъ люблю, ужъ и сама себя не помнила, незнаю какъ и выговорила...» и т. д. какъ въ печатномъ текстѣ. Настоящая реплика исправлена въ нашей рукописи. Въ репликѣ Авдотьи же Максимовны: «Ну вотъ слушай...» и т. д. вмѣсто словъ: «я тебя и знать не хочу», въ рукописи стоитъ: «ступай вонъ изъ моего дому».

Реплика Вихорева: «Вотъ народъ-то! Однако, что-же...», начинается такъ: «Скоты! Вотъ народъ-то!..» при чемъ слова: «Вотъ народъ-то» надписаны сверху. То же самое и въ репликѣ Авдотьи Максимовны слова: «не помню, только вижу». Въ слѣдующей репликѣ Вихорева въ рукописи нѣтъ заключительныхъ словъ: «Погоди, заживемъ

мы съ тобой». Дальнѣйшая же реплика Авдотьи Максимовны: «Онъ мнѣ еще словечко сказалъ...» сначала въ рукописи читалась: «Еще не все, онъ еще много говорилъ».

Г(анцъ) (Вихоревъ) «Что же онъ говорилъ». Обѣ эти реплики исправлены въ нашей рукописи. Точно такъ же исправлено начало реплики Авдотьи Максимовны: «Ну, нѣтъ, не знаю; онъ у насъ что сказалъ, то и свято», которое читалось такъ: «Ну нѣтъ, ужъ у него такой характеръ, что сказалъ, то и свято». Слѣдующая реплика Авдотьи Максимовны въ рукописи такая: «Онъ одно толкуетъ: ты еще придешь ко мнѣ поклонишься, какъ нужду-то узнаешь. А я одно [1]) думаю себѣ [2]): лучше жить...» и т. д., какъ въ печатномъ текстѣ. Ея же реплика: «Да развѣ я виновата, Викторъ Аркадьевичъ?» читалась сначала: «Чтожъ мнѣ было дѣлать-то?» Исправлено въ нашей рукописи; имя, конечно, не Викторъ Аркадьевичъ, а Θед. Θед. Также въ нашей рукописи исправлены слѣдующія три реплики: 1) Вихоревъ: «Вамъ только влюбляться, да какъ бы замужъ выйти, а объ томъ чѣмъ мужу жить вы и думать не хотите. Одинъ только обманъ. Какъ бы вотъ барыней быть!—Ты меня обманула». 2) Авд. Мак. «Θед. Θед., что вы говорите. Вы мнѣ про деньги ничего не говорили, говорили только, что меня любите». 3) Вих. «Можно было я думаю догадаться. Любовь! Чувства тамъ разныя, нѣжности эти ужъ мы мальчикамъ оставимъ, а намъ сударыня деньги нужны. Вы думаете, что отъ васъ всѣ такъ съ ума и сходятъ». Въ репликѣ Вихорева: «Видимое дѣло, что человѣку деньги нужны, коли онъ на купчихѣ хочетъ жениться», приведенныя слова вставлены потомъ, надписаны сверху, хотя одинаковыми чернилами. Послѣдняя реплика Авдотьи Максимовны заканчивалась такими словами: «въ четырехъ стѣнахъ сидя, не осушаючи глазъ да проклинаючи свою жизнь».

Въ явленіи 2-мъ слова Вихорева: «говорятъ въ Короваевѣ есть богатые купцы, а недалеко: всего верстъ пятьдесятъ», надписаны сбоку на свободномъ мѣстѣ, но тѣми же чернилами, что и остальное.

---

[1]) Это слово зачеркнуто.
[2]) Это слово надписано сверху.

Явленіе 3-е состоитъ изъ одного монолога Степана, который въ рукописи читается почти такъ же, какъ въ изданіи гр. Кушелева-Безбородко и въ дальнѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Островскаго, а именно: «Должно быть опять не выгорѣло! Эхъ жизнь жизнь! Теперь злой сдѣлается аки левъ! [1]) Всякую бѣду все на мнѣ срывать. Да это легче въ Сибирь Тобольской будетъ идти [2]). [Да ужъ онъ] [3]) дождется онъ [4]), что я отъ него убѣгомъ уйду». Въ текстѣ же Москвитянина читается коротко: «Должно быть, опять не выгорѣло! Эхъ жизнь, жизнь! Теперь злой сдѣлается, аки левъ». Ясное доказательство, что для изданія гр. Кушелева-Безбородко нашъ драматургъ пересмотрѣлъ и исправилъ печатный текстъ и настоящей комедіи.

Какъ выше было сказано, теперешняго 4-го явленія въ нашей рукописи нѣтъ: оно написано на отдѣльныхъ листахъ, что и было отмѣчено въ рукописи авторомъ. Рукописное же 4-е явленіе соотвѣтствуетъ вполнѣ печатному 5-му явленію, только въ немъ были сдѣланы вставки. Такъ, въ репликѣ Бородкина: «Я, М. Ѳ., не знаю-съ...» и т. д. слова: «и всячески стараюсь какъ угодить. Если не любятъ, все-таки не я тому причиной» вставлены потомъ. Сначала было: «какъ собственно любя васъ и Авд. Макс.». Реплика Арины Ѳедотовны: «Да она, можетъ быть, братецъ тамъ ночевать останется», и отвѣтная реплика Русакова вставлены потомъ, написаны сбоку на свободномъ мѣстѣ. Въ репликѣ Русакова: «Подождемъ Дунюшку, посидимъ, покалякаемъ о чемъ-нибудь...» и т. д. слова: «Опять эту моду выдумали, прежде ее не было, такъ лучше было, право! Проще жили, ну, и народъ честнѣй былъ. А то...» вставлены потомъ, сначала стояло: «А ужъ особенно кто по модѣ живетъ, по нынѣшнему. Вотъ у насъ есть кой-кто изъ купцовъ, въ Москву ѣздютъ, моду-то все разводятъ».

---

[1]) Послѣ этихъ словъ идетъ должно быть вставка, потомъ зачеркнутая: „Теперь денегъ нѣтъ—житье пойдетъ тонкое“.

[2]) Слово „будетъ“ надписано сверху; вмѣсто „идти“ сначала стояло: „жить чѣмъ“.

[3]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

[4]) Надписано сверху.

Явленіе 6-е начиналось словами Маломальскаго: «Поди сюда», сопровождаемыми, какъ и въ печатномъ текстѣ, ремаркой автора. Написавъ четыре реплики и слова: «Маломальскій (оглядываясь)», но не написавъ самой реплики (5-й), авторъ отчеркиваетъ все написанное и дополняетъ то, что въ печатномъ текстѣ предшествуетъ репликѣ Маломальскаго: «Поди сюда», и, опять-таки отчеркнувъ вновь написанное, продолжаетъ дальше 6-ое явленіе, въ которомъ нѣтъ никакихъ поправокъ. Только реплика Бородкина: «Кое мѣсто-съ», и отвѣтъ Маломальскаго: «За валомъ... на мосту...» написаны сбоку, вставлены потомъ.

Въ 7-мъ явленіи сдѣланы слѣдующія вставки, хотя тѣми же чернилами, что и остальной текстъ. 1) Въ репликѣ Русакова: «Насильно! (Встаетъ). Чтожъ это, отцы мои!..» и т. д. надписано сверху: «послѣднюю мою радость». 2) Въ длинной репликѣ его же: «Такъ зачѣмъ же мы поѣдемъ?..» и т. д. также сверху надписано; «Диви бы я съ ней строгъ былъ, или жалѣлъ для нея что». 3) Надписана сбоку реплика Маломальскаго: «Поѣдемъ... у меня, сватъ, лошадь здѣсь». 4) Въ репликѣ Русакова: «Обвѣнчаются! Такъ нѣтъ, не хочу...» и т. д. слово «обвѣнчаются» надписано сверху, а слова «такъ» въ рукописи совсѣмъ нѣтъ. 5) Въ его же репликѣ: «Ты останься. Ну, сестрица, голубушка...» и т. д. слѣдующее разночтеніе сравнительно съ печатнымъ текстомъ: «Ты пріѣхала изъ Москвы-то съ заразой своей. Только у тебя и разговору-то было, что мерзости, всѣ рѣчи-то твои были блудныя». Въ печатномъ текстѣ: «Ты пріѣхала съ заразой-то своей. Только у тебя и разговору-то было, что глупости... всѣ рѣчи-то твои были вздорныя».

Въ явленіи 8-мъ поправокъ нѣтъ.

Въ 9-мъ явленіи первая реплика Авдотьи Максимовны начинается въ рукописи такъ: «[Охъ измучилась. Ну] слава Богу...» и т. д., при чемъ слова, поставленныя въ скобки, надписаны сверху, добавлены потомъ. Начиная съ реплики Авдотьи Максимовны, надписанной сверху, все остальное до конца явленія написано на отдѣльныхъ листахъ, которыхъ въ моемъ распоряженіи не было, и

поэтому, какъ сложился текстъ въ нихъ, сказать, конечно, нельзя. Въ нашей рукописи послѣ реплики Бородкина: «Они пошли-съ... имъ... недалечко-съ... скоро придутъ...» явленіе продолжалось такъ:

«Авд. Мак. Какъ я теперь тятенькѣ на глаза покажусь. Тятенька, голубчикъ, простишь ли ты меня. Скоро ли онъ придетъ, скоро ли? Я измучусь, изстрадается мое сердце до него. — Вся душа изноетъ, гдѣ онъ, скажите вы мнѣ.

Бор. (подходя къ ней). Авд. Мак., вы бы отдохнули маленько-съ, а какъ онъ придетъ, мы вамъ въ тѣ поры скажемъ.

Авд. Мак. Нѣтъ я не пойду, я тутъ останусь. Я подожду его... Только какъ мнѣ горько, кабы вы знали. На кого была надежда-то, что онъ со мной сдѣлалъ. Кто-то стукнулъ, должно быть тятенька. Ахъ (под(нимается) и шатается).

Бор. (подб(ѣгаетъ) и поддерж.). Послушайте-съ, Авд. Мак., подите отдохните немножко-съ, хоть такъ посидите, пока тятенька придетъ, а то нехорошо-съ, и сами-то разстроитесь и его-то напугаете. А мы ему тутъ скажемъ исподволь, что такъ и такъ все благополучно... вы тутъ и выдете.

Авд. Мак. Ахъ да, хорошо. Ив. Петр. сдѣлайте такую милость.

Бор. Помилуйте, будьте покойны».

Отъ первой реплики осталась одна только послѣдняя фраза: все остальное зачеркнуто. Сверху въ началѣ реплики надписано: «Мнѣ его нужно видѣть... поскорѣй». Въ концѣ реплики сдѣлана замѣтка: «см. листы». Все остальное до конца явленія перечеркнуто нѣсколько разъ.

Въ концѣ 75-й стран. рукописи, гдѣ помѣщено окончаніе 9-го явленія, находится набросокъ реплики Арины Ѳедотовны: «Дунечка, бѣда у насъ...» и слѣдующая реплика Бородкина: «Ахъ! надо было говорить», которую, судя по условному знаку, должно поставить въ началѣ реплики Бородкина: «Авд. Мак. вы бы отдохнули маленько-съ...»

Въ явленіи 10-мъ одна поправка въ нашей рукописи.

Реплика Арины Ѳедотовны: «Ну, вотъ, поди-жъ ты, развѣ можно было ждать отъ него такого невѣжества?..» сначала читалась такъ: «Ну вотъ поди-жъ ты, развѣ я это могла знать, что такъ случится».

Въ явленіи 11-мъ въ первой репликѣ Русакова: «[Вездѣ искалъ, нѣтъ ея нигдѣ.] Ну, Иванушко...» и т. д. слова, поставленныя въ скобки, надписаны справа сбоку. Очевидно, потомъ было опять исправлено.

Первая реплика Бородкина имѣла продолженіе: «[Вы себя не безпокойте, Мак.] Можетъ все это благополучно кончится». Слова въ скобкахъ надписаны сверху строчки. Затѣмъ все это дополненіе тщательно зачеркнуто, хотя прочитать можно. Повидимому, слова, поставленныя въ скобки, написаны потомъ, когда первая фраза была уже зачеркнута.

Вторая реплика Русакова читалась предварительно такъ: «Я и не безпокоюсь. Нѣтъ ее и кончено дѣло». Затѣмъ это зачеркнуто и написано, какъ теперь въ печатномъ.

Во второй репликѣ Бородкина надписаны сверху начальныя слова: «Да помилуйте, Мак. Ѳед.».

Послѣдняя реплика Русакова начиналась надписанными сверху словами: «[Будь Его святая воля, живи она, какъ хочетъ] [1]). Нѣтъ [2]). Я ее теперь и видѣть не хочу, не велю и пускать къ себѣ. [Живи она какъ хочетъ] [3]). [Она своей охотой бросила меня, таковымъ нѣтъ прощенья] [4]). (Молчаніе.) Я ужъ ее [5]) не увижу, а коли кто изъ васъ увидитъ ее, такъ скажите ей, что отецъ ей зла не желаетъ, что коли она бросивши отца, можетъ быть душой покойна, [жить въ радости] [6]), такъ Богъ съ ней. Но за поруганіе свое [7]), [мое, моей сѣдой головы] [8]), я видѣть ее не хочу никогда; [она умерла для меня, (у

---

1) Поставленное въ скобки надписано сверху и зачеркнуто.
2) Тоже.
3) Надписано сверху.
4) Поставленное въ скобки зачеркнуто.
5) Это слово зачеркнуто.
6) Поставленное въ скобки надписано сверху.
7) Это слово зачеркнуто.
8) Поставленное въ скобки надписано сверху.

меня не было) [1]) дочери] [2]). [Дуня умерла у меня! Нѣтъ не умерла *у меня* ее и *не было* [3]) никогда] [4]). Имени ее никто не смѣй говорить при мнѣ».

Въ явленіи 12-мъ первая реплика Авдотьи Максимовны имѣла продолженіе: «Тятенька! У меня нѣтъ любовника». Третья реплика ея предварительно читалась такъ: «Я ушла отъ него, ему не я нужна, ему деньги нужны. Онъ не любитъ обманулъ [5]) меня, онъ меня не любитъ». Затѣмъ все это было зачеркнуто и вновь на свободномъ мѣстѣ написано, какъ въ печатномъ текстѣ: позднѣйшее исправленіе.

Отвѣтная реплика Русакова читалась сначала такъ: «А! Вотъ что! Ну (что жъ ты теперь думаешь съ своей головой— а?)». Затѣмъ слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты, и надъ ними надписано, какъ въ печатномъ: «зачѣмъ же ты пришла», а послѣ слова «что» поставленъ условный знакъ и внизу страницы добавлено недостающее сравнительно съ печатнымъ текстомъ, при чемъ и тутъ сдѣланы двѣ поправки: «Кто это давеча говорилъ тебѣ, такъ ты не слушала. Гдѣ отцу знать, онъ на старости лѣтъ изъ ума выжилъ». Исправленія сдѣланы въ нашей рукописи.

Реплика Авдотьи Максимовны: «Куда жъ я, тятенька, дѣнусь», надписана потомъ сверху, сначала она читалась такъ: «Мнѣ ничего не нужно, только позвольте жить съ вами, хоть гдѣ-нибудь, хоть въ углу какомъ-нибудь, хоть въ кухаркахъ». Слѣдующая реплика Авдотьи Максимовны сначала читалась такъ: «Тятенька, (я не встану, пока вы не) простите меня». Слова, поставленныя въ скобку, зачеркнуты въ нашей рукописи.

Въ слѣдующей репликѣ Русакова сдѣлано такое дополненіе: «я тебя запру (въ свѣтелку, тамъ и сиди)». Словъ, поставленныхъ въ скобки, въ печатномъ текстѣ нѣтъ.

---

[1]) Слова, поставленныя въ круглыя скобки, не зачеркнуты: они вошли въ новый варіантъ текста.

[2]) Поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто, за исключеніемъ словъ, поставленныхъ въ круглыя скобки.

[3]) Слова напечатанныя курсивомъ не надписаны: они остались отъ стараго. См. прим. 9 на стрн. 162.

[4]) Поставленное въ квадратныя скобки надписано сверху, за исключеніемъ подчеркнутыхъ словъ.

[5]) Это слово надписано сверху.

Въ явленіи 13-мъ первая реплика Маломальскаго имѣла такое продолженіе, написанное, очевидно, впослѣдствіи, сбоку: «онъ хотѣлъ уѣхать изъ гост., а я его остановить велѣлъ». Потомъ оно было зачеркнуто. Вторая реплика его имѣетъ такое продолженіе: «на это законъ». Слова эти въ нашей рукописи не зачеркнуты.

Въ репликѣ Бородкина: «Что это значитъ худая слава», дальше идутъ незачеркнутыя въ нашей рукописи слова: «равно какъ наплевать», а дальше, въ печатномъ текстѣ: «Коли я люблю Авдотью Максимовну, такъ это для меня все одно». Слѣдующая реплика его была значительно короче: «Вы давеча сами обѣщали. Я вотъ отъ своего не пячусь, а вы пятитесь». Дальше замѣтка: «см. листы». Дальнѣйшей реплики Русакова: «Да ты что шумишь-то?» и отвѣта Бородкина въ нашей рукописи нѣтъ.

Въ репликѣ Авдотьи Максимовны: «Иванъ Петровичъ! любите вы меня...» и т. д. послѣднія слова: «Весь свѣтъ на меня!» надписаны сверху. Сначала стояло: «Мать родная не станетъ васъ такъ любить, какъ я...» Потомъ эта фраза зачеркнута. Слѣдующая ея реплика: «Иванъ Петровичъ! я за васъ буду вѣчно Богу молить...» и т. д. предварительно читалась такъ: «Ив. Петр мнѣ надо за васъ вѣчно Богу молить: изъ какого позору, изъ какого сраму вы меня вывели. Всякій бы надо мной смѣялся, всякій бы на меня пальцемъ показывалъ; а заступиться за меня некому. Тятенька говоритъ вамъ, что вамъ нужно дѣвушку честную, чего-жъ мнѣ ждать отъ другихъ-то; при такой жизни я бы двухъ недѣль не прожила. Эти слова камнемъ лежатъ у меня на сердцѣ, они до самой смерти останутся. Я виновата, я знаю, но за что же я буду терпѣть напраслину, Ужъ вы за меня Ив. Петр. заступитесь, скажите всѣмъ, что я честная дѣвушка! А я за это за васъ буду Богу молить. Все-таки у бѣдной дѣвушки будетъ защита». Въ печатномъ текстѣ приведенная реплика значительно сокращена и переработана, и нужно признать, что отъ этой перемѣны она очень много выиграла: нѣтъ того многословія и повторенія, какое все-таки замѣчается въ рукописи.

Въ 14-мъ явленіи реплика Русакова: «Ну ужъ я за

него заплачу, только чтобъ онъ убирался поскорѣй», имѣла такое продолженіе, потомъ зачеркнутое: «Завтра у насъ помолвка, приходи».

Реплика Арины Ѳедотовны: «Сейчасъ братецъ», написана сбоку. Въ заключительной репликѣ Маломальскаго слово «примѣрно» сначала стояло передъ словомъ «загулялъ», но потомъ при пересмотрѣ текста оно было тутъ зачеркнуто и надписано между строкъ надъ словомъ «загуляю», гдѣ его раньше не было.

Вотъ всѣ поправки, сдѣланныя въ III-мъ дѣйствіи. Какъ видимъ, онѣ вполнѣ подтверждаютъ сказанное выше о данномъ дѣйствіи.

Итакъ, комедія «Не въ свои сани не садись» первоначально носила заглавіе «Отъ добра добра не ищутъ». Въ рукописи встрѣчается много дополненій и поправокъ, сдѣланныхъ уже тогда, когда комедія была закончена. Но несмотря на это текстъ еще разъ подвергся пересмотру, и поправки были сдѣланы вѣроятно уже въ бѣловой рукописи. Текстъ «Москвитянина», гдѣ комедія была начатана, повидимому не вполнѣ исправный, и авторъ для новаго изданія вновь пересмотрѣлъ текстъ комедіи. Дѣйствующія лица ея сложились у автора сразу: только въ рѣчахъ Русакова наблюдаются вставки, представляющія болѣе обстоятельную характеристику его взглядовъ, да рѣчь Вихорева не легко давалась автору.

V.

„Бѣдность не порокъ“ [1]).

(Комедія.)

Что касается комедіи «Бѣдность не порокъ», то я пользовался двумя рукописями ея, хранящимися въ Румян-

---

[1]) Этотъ этюдъ былъ напечатанъ въ „Изв. Отд. р. я. и сл.“, 1908, кн. II, стр. 351—380.

цовскомъ музеѣ (№№ 3098 и 3238). Первая пожертвована въ числѣ другихъ рукописей вдовой А. Н. Островскаго, Марьей Васильевной Островской, и представляетъ черновые наброски (отрыв.) первоначальной редакціи, озаглавленной «Гордымъ Богъ противится». Вторая относится къ числу 15 собственноручныхъ тетрадей драматурга, поступившихъ отъ Павла Ираклiевича Шаповалова, и представляетъ опять-таки рукопись черновую, хотя, конечно, очень любопытную для исторіи текста комедіи. Въ качествѣ бѣловой рукописи мнѣ служило I-е изданіе комедіи 1854 года, а именно экземпляръ съ автографомъ, подаренный авторомъ К. Т. Солдатенкову.

Что же даютъ намъ эти рукописи для знакомства съ исторіей текста комедіи?

I.

Судя по собственноручнымъ отмѣткамъ Островскаго, комедія «Бѣдность не порокъ» задумана 10-го іюля 1853 года, а начата 22 августа того же года.

Приступая къ созданію своей комедіи, Островскій очевидно разсчитывалъ, что она будетъ принята на сцену Малаго театра: по крайней мѣрѣ, у него роли въ рукописи распредѣлены между артистами Малаго театра [1]).

Вначалѣ, въ первой рукописи, какъ я уже упомянулъ, наша комедія носила заглавіе: «Гордымъ Богъ противится». Оно любопытно въ томъ отношеніи, что указываетъ на одну черту въ творчествѣ Островскаго. Именно въ связи съ той идеей, которая выражена въ приведенномъ заглавіи, дано имя главному лицу комедіи, Гордѣю Карпычу. Имя «Гордѣй», очевидно, указываетъ на опре-

---

[1]) Распредѣленіе ролей такое: Гордѣй Карпычъ—Леонидовъ; Пелагея Егоровна—Сабурова; Любовь Гордѣевна—Медвѣдева; Любимъ Карпычъ—Садовскій; Устинья Петровна—Акимова (сначала эта роль предназначалась Сабуровой, но потомъ эта фамилія зачеркнута); Митя, сынъ ея—Васильевъ, Африканъ Савичъ—Щепкинъ; Анна Ивановна, молодая вдова—Бороздина; Яша, Гриша — молодые парни — Климовскій, Турчаниновъ.
Роли Маши и Саши (впослѣдствіи Лизы) не были никому назначены.

дѣленную черту характера этого лица. Быть можетъ, не безъ умысла дано и брату его имя «Любимъ», которое свидѣтельствовало бы о той симпатіи, которой онъ заслуживаетъ. Впрочемъ, я долженъ оговориться, что сначала было выбрано другое имя—«Акимъ», но потомъ оно зачеркнуто. Точно такъ же обращаетъ на себя вниманіе и фамилія Африкана Савича. Правда, въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ, который помѣщенъ въ первой рукописи, онъ не носитъ никакой фамиліи; затѣмъ въ той же рукописи онъ фигурируетъ уже подъ фамиліей Коршунова, хотя во второй рукописи сначала онъ звался Сычевымъ, а уже потомъ Коршуновымъ. Не правда ли, любопытно то, что и въ томъ и другомъ случаѣ фамилія взята отъ птичьей породы, и притомъ хищной. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что Островскому не чужда была старинная манера давать своимъ дѣйствующимъ лицамъ имена, намекающія на ихъ характеръ. Только потомъ, съ измѣненіемъ названія комедіи, стерлась въ сознаніи читателя и отмѣченная особенность творчества Островскаго.

На нее указываетъ уже и Чернышевскій. Въ своей статьѣ о комедіи «Бѣдность не порокъ» (Отеч. Зап. 1854 г.) онъ между прочимъ пишетъ: «Прежде нежели начнемъ говорить о содержаніи, скажемъ объ именахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ «Не въ свои сани не садись» представитель (мнимо) русскихъ по преимуществу понятій назывался уже Русаковымъ, представитель вѣрности старинымъ обычаямъ—Бородкинымъ, представитель модной пустоты и вѣтрогонства—Вихоревымъ. Такое блистательное нововведеніе, заимствованное изъ комедій стараго времени, понравилось г. Островскому; въ «Бѣдность не порокъ» всѣ фамиліи лицъ «заимствованы» отъ ихъ качествъ: Коршуновъ (фабрикантъ свирѣпаго нрава), Гуслинъ (русскій виртуозъ), Разлюляевъ (т.-е. гуляка и весельчакъ). И надобно сказать, что это чрезвычайно прилично новой комедіи г. Островскаго, столь же неумѣренной въ неудачной идеализаціи, столь же наивно написанной, какъ и самыя плохія комедіи стараго времени. Въ нашихъ романахъ тридцатыхъ годовъ герой, образецъ скромнаго поведенія и всѣхъ добродѣтелей, въ отличіе отъ

остальныхъ лицъ (Звонскихъ, Греминыхъ, Блестовыхъ и т. д.) не имѣлъ даже фамиліи: онъ назывался Владиміръ или Александръ; такъ и у г. Островскаго герой именуется просто Митя (отличіе отъ старыхъ романовъ только въ томъ, что тамъ уменьшительными Митя, Ваня, Андрюша титуловались юродивые)». Не касаясь вопроса о неудачной идеализаціи и наивности письма въ комедіи, мы можемъ подтверждать, что если и не «всѣ», то во всякомъ случаѣ очень многія изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи «заимствовали свои фамиліи отъ ихъ качествъ». Только, мнѣ думается, фамиліей Коршуновъ подчеркивается не свирѣпость нрава даннаго лица, а его хищничество.

Первоначально комедія предполагалась въ 2-хъ дѣйствіяхъ, а не 3-хъ, и цифра 2 ясно поправлена на 3. Но не только эта поправка доказываетъ высказанную мысль: есть и другое доказательство. Именно на страницахъ 1 (на оборотѣ) и 2-й рукописи № 3098 мы находимъ первоначальный сценарій комедіи, при чемъ въ концѣ 2-го дѣйствія (явл. 4) стоитъ слово «финалъ», ясно показывающее, что комедія предполагалась въ 2-хъ дѣйствіяхъ, хотя за этимъ «финаломъ» сейчасъ же слѣдуетъ планъ 3-го дѣйствія.

Относительно этого сценарія нужно сдѣлать замѣчаніе, что все 1-е дѣйствіе въ немъ перечеркнуто карандашомъ, и слѣва сдѣлана надпись: «Негодится». Въ той же рукописи, на страницахъ 5 (оборот.) и 6-й, находится другой планъ 1-го дѣйствія, въ значительной степени напоминающій окончательный планъ его; здѣсь уже намѣчены сцены: Митя и Пелагея Егоровна (по рук. явл. 2-е), Митя, Яша и Гриша (явл. 4), тѣ же и Торцов. Гордѣй Карпычъ; «упрекаетъ Митю бѣдностью» (уход.); (явл. 5), тѣ же безъ Горд. Карп. (явл. 6), тѣ же, Любовь Горд. и дѣвушки (явл. 7), Митя и Любовь Горд. Чтеніе стиховъ (явл. 8). Тѣ же и Любимъ Карп. Торц. (явл. 9). Торц. и Митя (явл. 9, вѣроятно описка), «Торц. засыпаетъ, Митя уходитъ». Конецъ 1-го дѣйствія.

Эти два сценарія невольно наводятъ на мысль о взаимоотношеніяхъ нашихъ двухъ рукописей. Несомнѣнно первая изъ нихъ, откуда только что приведены назван-

ные сценаріи, является первоначальной и послужила какъ бы источникомъ для второй. Въ ней мы находимъ много отрывочныхъ замѣтокъ, выраженій, пословицъ, монологовъ, даже сценокъ, вошедшихъ потомъ въ текстъ второй, а черезъ посредство ея и въ печатный текстъ. Такимъ образомъ по ней можно наблюдать, такъ сказать, подготовительную работу нашего драматурга надъ данной комедіей, когда онъ записывалъ пословицы, отдѣльныя фразы, выраженія, набрасывалъ отдѣльныя сцены. Одно только обстоятельство смущаетъ меня въ данномъ случаѣ. Я уже упоминалъ о томъ, что въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ въ первой рукописи Африканъ Савичъ не носитъ никакой фамиліи, что дальше, въ той же рукописи, а именно въ 1-мъ сценаріи, во 2-мъ дѣйствіи, онъ фигурируетъ уже подъ фамиліей Коршунова, но что во 2-й рукописи ему сначала была дана фамилія «Сычевъ», а потомъ она зачеркнута и замѣнена другой: «Коршуновъ». Замѣна эта произведена, когда писалось 2-ое дѣйствіе, такъ какъ еще въ этомъ дѣйствіи была написана фамилія «Сычевъ», потомъ исправленная, въ 3-мъ же дѣйствіи она уже болѣе не встрѣчается. Я полагаю, что первоначально авторъ далъ своему герою фамилію все-таки Коршунова, которая и попала въ 1-й сценарій. Затѣмъ, когда онъ приступилъ уже къ своей комедіи, онъ, почему-то оставшись недоволенъ этой фамиліей, перемѣнилъ ее на другую, «Сычевъ»; затѣмъ во время работы надъ 2-мъ дѣйствіемъ, когда собственно и появляется на сцену Африканъ Савичъ, авторъ снова задумался надъ его фамиліей, и въ результатѣ новая перемѣна, точнѣе возвращеніе къ старой фамиліи, которая и вошла теперь окончательно въ текстъ комедіи. Если же предположить, что авторъ сначала выбралъ фамилію «Сычевъ», а потомъ «Коршуновъ», то тогда намъ придется допустить, что сценарій 2-го дѣйствія въ 1-й рукописи писанъ позднѣе, нежели I-е дѣйствіе во 2-й рукописи № 3238); но это неправдоподобно, такъ какъ 2-й планъ 1-го дѣйствія, писанный послѣ 1-го сценарія всей комедіи, т.-е. послѣ сценарія 3-го дѣйствія, близко напоминаетъ 1-е дѣйствіе во 2-й рукописи. Такимъ образомъ, я полагаю, можно признать 1-ю руко-

пись № 3098 результатомъ подготовительной работы надъ нашей комедіей.

Данная рукопись сообщаетъ слѣдующую любопытную подробность о комедіи «Бѣдность не порокъ». Оказывается, у Островскаго въ то время зародилась мысль написать еще новое произведеніе, комедію «Ревность», дѣйствующими лицами которой являются «старый мужъ и молодая жена, взятая изъ бѣдности» [1]). Трудно, конечно, точно опредѣлить время, когда возникла эта мысль, такъ какъ замѣтка объ этой комедіи находится въ концѣ рукописи. Какъ бы то ни было, мысль, которая должна была лечь въ основу «Ревности», использована въ нашей комедіи въ разговорѣ Коршунова съ Любовью Гордѣевной, и новаго произведенія на эту тему Островскій не писалъ вплоть до «Шутниковъ».

Перехожу теперь къ дѣйствующимъ лицамъ. Гордѣй Карпычъ носитъ фамилію Торцовой, которая встрѣчается и въ рукописи № 3238, но только до 2-го дѣйствія: очевидно, фамилія «Торцовой» измѣнена на «Торцовъ», когда Островскій уже писалъ 1-е дѣйствіе. Гораздо любопытнѣе то обстоятельство, что образъ Гордѣя Карпыча сложился у автора не сразу. Въ первой рукописи между прочимъ находятся наброски, вошедшіе потомъ въ 7-е явленіе I-го дѣйствія, когда Гордѣй Карпычъ приходитъ къ Митѣ въ комнату и застаетъ Митю съ Гуслинымъ и Разлюляевымъ за пѣснями. Среди этихъ набросковъ встрѣчается любопытное замѣчаніе Торцова: «а мать-то старуха чай бѣдствуетъ». Интересно, что это замѣчаніе вошло и въ текстъ второй рукописи, и потомъ уже въ ней оно зачеркнуто, въ виду его противорѣчія съ общимъ характеромъ даннаго лица. Затѣмъ объ этомъ же персонажѣ встрѣчается слѣдующая интересная отрывочная замѣтка: «Въ первый монологъ. О Гордѣѣ Карп. что онъ вдругъ задумалъ о модѣ... За Коршунова отдать. Въ 3-й актъ». Замѣтка, полагаю, ясно показываетъ, какъ постепенно сложился этотъ образъ у Островскаго.

Въ свою комедію авторъ предполагалъ сначала ввести

---

[1]) Рук. № 3098, стран. 11.

еще одно дѣйствующее лицо, которое потомъ въ ней не фигурируетъ, а только упоминается въ разговорѣ другихъ. Это—«Устинья Петровна, бѣдная вдова», мать Мити. По первоначальному плану, нами уже отмѣченному, I-е дѣйствіе и должно было происходить «у вдовы».

Очевидно, Островскій не думалъ сначала дѣлать Митю приказчикомъ Торцова, и его образъ сложился у автора опять-таки постепенно. Въ этомъ случаѣ должно отмѣтить слѣдующія интересныя данныя нашей рукописи. На 5-й страницѣ ея помѣщенъ планъ I-го акта, а именно «декорація». Декорація почти такая же, какъ и въ печатномъ текстѣ, только о комнатѣ сказано просто «небольшая комната», слова «прикащичья» нѣтъ. Правда, этому какъ будто противорѣчитъ уже указанный нами выше дальнѣйшій планъ 1-го дѣйствія, близко напоминающій его окончательный планъ, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ комнатѣ Мити, куда приходятъ Пелагея Егоровна, Гордѣй Карпычъ, Любовь Гордѣевна и Любимъ Карпычъ. Какъ бы то ни было, обращаетъ на себя вниманіе разговоръ Мити и Любови Гордѣевны, помѣщенный на стран. 4 и 5-й нашей рукописи № 3098. Этотъ разговоръ вошелъ въ комедію (печатный текстъ: дѣйств. I, явлен. 10) съ передѣлкой, касавшейся главнымъ образомъ языка: въ рукописи Митя говоритъ проще, въ его рѣчи еще не вполнѣ выдержанъ ея приказчичій и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько сентиментальный тонъ. Затѣмъ особенно любопытны размышленія Мити о Любови Гордѣевнѣ, которыя я считаю нужнымъ привести здѣсь цѣликомъ: «Да что любовь моя! Ей ли бѣлой голубушкѣ думать обо мнѣ. За кого-то ее бѣдную выдадутъ! Но да дай ей Богъ счастья, за кого-бъ не выдали. А про мою любовь никто и не узнаетъ,— только развѣ сложу двѣ три пѣсенки и тѣ безъ меня пропадутъ, развѣ кому понравится, такъ запоетъ русскій человѣкъ и пойдетъ пѣсня по Русскому Царству и станутъ ее пѣть, кому жить на свѣтѣ горько. — (Садится, пишетъ»).

Очевидно, при созданіи этого лица у Островскаго мелькалъ сначала образъ народнаго поэта, подобнаго Кольцову: не даромъ Митя и переписываетъ «по праздникамъ сти-

хотворенія господина Кольцова», да и его собственные стихи написаны въ духѣ того же поэта-прасола.

Что касается второстепенныхъ лицъ, то упоминаются «Яша и Гриша—молодые парни», фамиліи которыхъ не указаны, затѣмъ «Маша и Саша», Егорушки же и Арины въ спискѣ не было. Не обозначены также гости, гостьи и т. д., а равнымъ образомъ и мѣсто дѣйствія.

Вотъ что представляла изъ себя комедія «Бѣдность не порокъ» въ своей первоначальной редакціи, въ которой она, какъ намъ извѣстно, носила иное названіе: «Гордымъ Богъ противится».

II.

Послѣ этой подготовительной работы Островскій приступилъ уже къ писанію своей комедіи, при чемъ весь процессъ его труда представляется мнѣ въ такомъ видѣ. Авторъ написалъ весь текстъ комедіи, внося въ него поправки и измѣненія уже во время самаго письма. Такъ, напримѣръ, реплика Мити: «Ты, коли любишь, эти шутки брось»... подвергалась передѣлкѣ, но очевидно всѣ эти поправки сдѣланы еще въ то время, когда писался впервые самый текстъ. Дѣло въ томъ, что почти весь текстъ написанъ сплошь на той половинѣ страницы, гдѣ писался авторомъ основной текстъ комедіи, затѣмъ зачеркнутыя слова изъ этой реплики внесены далѣе въ текстъ, опять-таки въ рѣчи Мити. Это наблюденіе, по моему мнѣнію, и подтверждаетъ высказанное выше замѣчаніе о ходѣ работы Островскаго. Написавъ весь текстъ, онъ снова пересмотрѣлъ его и внесъ новыя поправки. Что эти послѣднія сдѣланы послѣ окончанія текста, доказывается внѣшнимъ видомъ рукописи № 3238: листы въ ней раздѣлены пополамъ, основной текстъ писанъ на одной половинѣ страницы, другая же оставалась чистой, и вотъ на ней и помѣщались поправки и дополненія. Но несмотря на эти измѣненія текстъ комедіи еще не принялъ своего окончательнаго вида въ настоящей рукописи: въ ней еще замѣчаются различія сравнительно съ печатнымъ текстомъ. Очевидно, комедія подвергалась еще разъ пересмотру, въ

нее снова были внесены нѣкоторыя поправки, но только не въ нашей рукописи, а въ какой-то другой, вѣроятно, той, по которой печаталась комедія или же съ которой былъ снятъ бѣловой списокъ для печатанія.

Что же представляла собою интересующая насъ комедія по рукописи № 3238 и что даетъ эта послѣдняя для нашихъ замѣтокъ о творчествѣ Островскаго?

Должно отмѣтить, что предварительно Островскій хотѣлъ тому уѣздному городу, въ которомъ происходитъ дѣйствіе, дать названіе Караваевъ, но потомъ это названіе зачеркнуто. Интересно, что въ Караваевъ, находящійся въ пятидесяти верстахъ отъ уѣзднаго города Черемухина, хочетъ ѣхать искать богатую невѣсту Вихоревъ въ комедіи «Не въ свои сани не садись».

Мнѣ уже собственно приходилось касаться указанной рукописи и раньше, когда я говорилъ о томъ, какъ постепенно слагались у нашего автора нѣкоторые изъ его персонажей. Дѣло въ томъ, что они, здѣсь также не сразу приняли свою окончательную физіономію, что рѣчь ихъ не сразу отлилась въ ея теперешнюю форму. Мы видѣли это на личности Гордѣя Карпыча, которому была приписана черта, противорѣчащая его характеру. Любопытно, что есть вставка не только не противорѣчащая этому характеру, но и болѣе ясно его обрисовывающая. Это замѣчаніе Любима Карпыча о своемъ братѣ, представляющее собою яркую бытовую черту: «Ну ужъ тамъ какъ онъ раздѣлилъ не наше дѣло, Богъ ему судья».

Теперь мы остановимся на другихъ лицахъ, изъ которыхъ въ данномъ случаѣ интересны главнымъ образомъ только двое, Митя и Любимъ Торцовъ. Правда, объ Яшѣ Гуслинѣ еще не сказано въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ, что онъ «племянникъ Торцова», хотя въ текстѣ комедіи, въ 5-мъ явленіи I-го дѣйствія, онъ называетъ Торцова дяденькой. Вмѣстѣ съ Гришей Разлюляевымъ они названы: «молодые купчики», при чемъ о Гришѣ замѣчено: «по прозванью милый», но потомъ эти слова зачеркнуты. Арина сначала была «ключница старая», но потомъ эти слова «ключница старая» зачеркнуты и сказано «нянька Любови Гордѣевны, старуха». Всѣ эти подробности, ко-

нечно, должны быть отмѣчены, но не такъ-то ужъ онѣ важны. Какъ ни какъ, три послѣднихъ лица, на ряду съ Любовью Гордѣевной и ея подругами, затѣмъ Пелагея Егоровна и даже самъ Коршуновъ принадлежалъ къ числу созданій, стоившихъ ихъ автору сравнительно мало труда. Они какъ-то сразу отлились въ опредѣленную форму. Конечно, и въ ихъ рѣчь вносились поправки и измѣненія, но этимъ характеръ данныхъ лицъ нисколько не измѣнялся.

Совсѣмъ не то наблюдается въ перемѣнахъ, сдѣланныхъ въ рѣчахъ хотя бы Мити. Прежде всего эти перемѣны коснулись его дѣятельности на поприщѣ стихотворства. Раньше, какъ оказывается, эта черта личности Мити особенно подчеркивалась и выдвигалась Островскимъ, и только потомъ она поставлена въ должныя рамки, соотвѣтствовавшія дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что по предварительному замыслу Островскаго, I-е явленіе начиналось иначе, чѣмъ теперь въ печатномъ изданіи, а именно слѣдующимъ монологомъ Мити, который сидитъ у стола противъ окна и пишетъ: «Вотъ, слава Богу, и праздники! Время свободное, можно и стишковъ пописать! Эхъ! кабы не бѣдность моя! пошелъ бы въ Москву, поучился: можетъ быть и человѣкомъ бы сталъ. А теперь что. Напишешь что-нибудь, посовѣтоваться не съ кѣмъ, показать некому. — Только что смѣются. — А чему смѣяться-то? Я никого не трогаю, пишу про себя, что въ голову взойдетъ, да что сердце чувствуетъ.—Вотъ вчера пришелъ отъ обѣдни, приласкать некому; матушку вспомнилъ,—такъ сиротливо стало. Сѣлъ, заплакалъ, да и давай писать. Вотъ прочитать» [1]). Самое стихотвореніе въ рукописи не помѣщено, и явленіе кончалось слѣдующими словами Мити: «Кажется, наши пріѣхали! Такъ и есть. Пелагея Егоровна, Любовь Гордѣевна, да и гости съ ними: Анна Ивановна, дѣвушки. Должно быть вечеромъ поиграть хотятъ». Впослѣдствіи всѣ слова Мити до «вотъ прочитать» были зачеркнуты: также зачеркнутъ конецъ

---

[1]) Послѣ этого въ рук. стоитъ: „№ 1“. Очевидно, стихи Мити были написаны отдѣльно, и Островскій въ рук. просто ставитъ ихъ №.

его монолога: «Анна Ивановна» и т. д. Такимъ образомъ стихотворство отходило сравнительно на второй планъ, а вначалѣ авторъ думалъ представить дѣло такъ, что Яша уже и раньше зналъ о стихотворныхъ занятіяхъ своего пріятеля. Такъ, въ 5-мъ явленіи I-го дѣйствія послѣ замѣчанія Яши о самомъ себѣ и Аннѣ Ивановнѣ шелъ разговоръ нашихъ друзей о томъ, любитъ ли Митю Любовь Гордѣевна, о гордости Гордѣя Карпыча, наконецъ, о томъ, «новыхъ пѣсенокъ не сложилъ ли» Митя, и сцена заканчивалась подбираніемъ голоса къ пѣснѣ, какъ и теперь въ печатномъ текстѣ. Потомъ весь этотъ разговоръ былъ зачеркнутъ и вновь написанъ разговоръ о Кольцовѣ, гдѣ Митя открывается пріятелю въ своихъ стихотворныхъ слабостяхъ. Но ставя эту страсть Мити, такъ сказать, въ болѣе узкія рамки, сокращая касавшіяся ея рѣчи, авторъ вносилъ нѣкоторыя добавленія, полнѣе обрисовывающія названную личность. Такъ, въ разсказъ Любима Карпыча въ послѣднемъ явленіи I-го дѣйствія о своемъ житьѣ-бытьѣ вставленъ вопросъ Мити: «А вѣдь это должно быть, Любимъ Карпычъ, очень хорошо въ театрѣ представляютъ?» Раньше разсказъ Любима Торцова шелъ, ничѣмъ не прерываясь. Эта вставка, конечно, вноситъ бо́льшую естественность въ разговоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ дополняетъ образъ Мити. Послѣдній при его характерѣ не могъ быть безучастнымъ слушателемъ, когда рѣчь коснулась такого предмета, какъ театръ, и Островскій это понялъ и внесъ поправку.

Образъ Мити составляетъ одно изъ наиболѣе художественно очерченныхъ лицъ комедіи, и въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія, конечно, заслуживаетъ рѣчь Мити, ея форма. А посмотрите, какъ трудно давался Островскому сентиментальный тонъ и витіеватый характеръ ея. Возьмите хотя бы въ 10-мъ явленіи I-го дѣйствія вторую реплику Мити: «Да какъ же-съ!.. Мнѣ очень пріятно-съ видѣть съ вашей стороны такое вниманіе, сверхъ моихъ для васъ заслугъ. Вотъ ужъ другой разъ я имѣю счастіе-съ...» Въ рукописи было сказано гораздо проще: «Да какъ же-съ! Мнѣ оченно пріятно-съ. Вотъ ужъ другой разъ вы ко мнѣ заходите! Ономнясь зашли,

посидите-съ». Слѣдующая реплика: «Ахъ, нѣтъ, не уходите-съ!.. Для чего же съ!.. (Вынимаетъ изъ кармана бумагу). Позвольте мнѣ презентовать вамъ мой трудъ... какъ умѣю, отъ души», звучала въ рукописи прозаичнѣй: «Ахъ, нѣтъ, не уходите-съ! Я вамъ хотѣлъ почитать».

Или вотъ еще обратимъ вниманіе на реплику Мити во 2-мъ явленіи II-го дѣйствія: «Конечно, Любовь Гордѣевны, я не умѣю вамъ всего выразить, что чувствую; но хоша позвольте тѣмъ завѣрить, что я имѣю у себя сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видѣть изъ всего-съ». Въ началѣ въ рукописи послѣ словъ: «я имѣю у себя сердце, а не камень», стояло: «смѣю ли я любить васъ или нѣтъ, это другого роду дѣло; а люблю ли я васъ,...[1]) знамши меня столько времени, вы сами могли это видѣть». Но это не понравилось Островскому, онъ зачеркнулъ и написалъ на чистой половинѣ страницы новый варіантъ текста, также не удовлетворился имъ, зачеркнулъ и его и написалъ одну только коротенькую фразу. «Вы можете мою любовь видѣть изо всего-съ», которой теперь заканчивается настоящая реплика въ печатномъ текстѣ и которая какъ нельзя болѣе умѣстна.

Наконецъ остановимся на слѣдующей черезъ одну репликѣ Мити: «Если-бъ это была правда, значитъ, что же я за человѣкъ послѣ этого? Могу ли я выразить словами то, чего сердце не чувствуетъ! А я считаю такъ, что это безчестно. Я и того, можетъ быть, не стою, что вы ко мнѣ вниманіе имѣете, а не то, что васъ обмануть». Въ рукописи сначала она читалась нѣсколько иначе, именно: «если-бъ это была правда, значитъ, *я васъ обманываю: говорю одно, а дѣлаю совсѣмъ напротивъ. А я считаю, такъ, что это безчестно. Смѣю ли я васъ обмануть, когда мнѣ цѣлый вѣкъ, можетъ быть, не заслужить того, что* вы ко мнѣ вниманіе имѣете». Напечатанное *курсивомъ* было въ рукописи зачеркнуто, а вмѣсто этого вновь написано такъ, какъ теперь въ печатномъ текстѣ. Эта перемѣна еще разъ ярко свидѣтельствуетъ о томъ, какъ трудно давался автору тонъ рѣчи Мити и насколько

[1]) Слово не разобрано.

Островскій былъ щепетиленъ въ этомъ отношеніи. Между двумя варіантами, несомнѣнно, есть разница, быть можетъ, не легко уловимая, но врядъ ли ошибочно утвержденіе, что второй варіантъ текста болѣе соотвѣтствуетъ нѣсколько сентиментальному характеру Мити.

Перехожу теперь къ личности Любима Торцова. Какъ и другіе, этотъ образъ слагался постепенно. Уже въ первой рукописи было сдѣлано много набросковъ, касающихся этого знаменитаго героя. Но дополненія были внесены и во второй рукописи, послѣ того какъ былъ написанъ основной текстъ. Такъ, въ монологѣ Любима Карпыча въ I-мъ дѣйствіи не было замѣчанія о томъ, что онъ послѣднія свои деньги отдалъ Африкану Савичу. Эта подробность, собственно говоря, не столько подмѣчала какую-нибудь новую черту въ интересующей насъ личности, сколько усложняла интригу комедіи.

Другія вставки въ этотъ монологъ дѣлаютъ разсказъ Любима Карпыча болѣе обстоятельнымъ и его рѣчь болѣе близкой къ народной [1]). Но еще любопытнѣе тѣ поправки и дополненія, которыя придаютъ его рѣчи ея, такъ сказать, загадочный и, если хотите, шутовской характеръ.

Остановимся, напримѣръ, на явленіи 10-мъ III-го дѣйствія (въ рукописи 9-е). Оно начиналось не репликами Лизы, Маши и Разлюляева, а словами Любима Карпыча: «(Насилу я его нашелъ!) Пріятелю!» Затѣмъ слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты, и сбоку приписано, какъ въ печатномъ текстѣ: «Гуръ, гуръ, гуръ... буль, буль, буль.— Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать». Очевидно, это позднѣйшая вставка. Далѣе вмѣсто его словъ: «я не я, и лошадь не моя, и я не извощикъ», стояло просто: «Да, я». Предпослѣдняя реплика Любима Карпыча въ этомъ явленіи: «Тсс... Тутъ не цѣлковымъ пахнетъ! Отдай старый долгъ, а [2]) за племянницу милліонъ триста тысячъ!.. Дешевле не отдамъ», раньше имѣла такой видъ: «Что ты хочешь у меня племянницу за деньги купить? Хватитъ

[1]) Таковы, напр., слѣдующія вставки: „Пріятелей, друзей завелось хоть прудъ пруди“, „Жилъ я въ просторной квартирѣ, между небомъ и землей, ни съ боковъ ни съ верху нѣтъ ничего“ и др.

[2]) Въ ркп.: „стараго долгу двѣ тысячи, да“)...

ли твоего капиталу-то?» Но затѣмъ эти слова были зачеркнуты и сбоку надписано: «Что ты хоч(ешь) долгъ отдать, что зажилилъ, такъ отдай», и только потомъ, когда и эта вставка была зачеркнута, данная реплика приняла форму, почти ту же, что и въ печатномъ текстѣ. Остановимся еще на одной репликѣ Любима Карпыча въ слѣдующемъ 11-мъ (по ркп. 10-мъ) явленіи III-го дѣйствія: «Братъ, погоди, не гони! Ты думаешь, Любимъ Торцовъ пришелъ шутки шутить? ты думаешь, пьянъ Любимъ Торцовъ? Я пришелъ вамъ загадки загадывать. (Коршунову). Отчего у осла длинныя уши? Ну-ка, давай отвѣтъ!» Эта реплика далеко не сразу приняла свой характеръ: вначалѣ рѣчь была, что называется, безъ обиняковъ. «Братъ, погоди, не гони! Ты думаешь я въ самомъ дѣлѣ пришелъ шутки шутить, паясничать, я пришелъ за племянницу заступиться, чтобы ее не погубили». Вотъ какова была данная реплика вначалѣ. Только послѣ многократныхъ поправокъ, послѣ того какъ къ ней было добавлено обращеніе къ Гордѣю Карпычу: «Я пришелъ твоего отвѣту спросить, за кого ты дочь отдаешь? Ну-ка давай отвѣтъ», только послѣ того какъ оно было передѣлано отчасти въ обращеніе къ Коршунову, наша реплика приняла свой настоящій видъ. Приведенныхъ примѣровъ, я думаю, достаточно, чтобы показать, какъ постепенно вырабатывался у Островскаго складъ рѣчи даннаго лица. Но этотъ складъ рѣчи, должно добавить, какъ-то подчеркивалъ одну черту въ личности Любима Торцова, черту, которая не легко давалась нашему драматургу, хотя и была имъ намѣчена въ первоначальныхъ наброскахъ.

До сихъ поръ мы останавливались на вопросѣ о томъ, какъ создавались у Островскаго дѣйствующія лица его комедіи. Теперь должно коснуться вопроса о техникѣ ея: вѣдь нѣкоторыя измѣненія, вносимыя въ комедію, касались именно технической ея стороны, а не характеристики дѣйствующихъ лицъ. И въ этомъ случаѣ, я полагаю, слѣдуетъ отмѣтить какъ то, что вносилось въ комедію, такъ и то, что изъ нея выбрасывалось.

Обращаюсь къ первому дѣйствію. Я уже выше говорилъ, что первое явленіе этого дѣйствія начиналось рань-

ше не такъ, какъ теперь въ печатномъ. Когда были внесены въ него перемѣны, будетъ видно изъ слѣдующаго. Первоначально было написано 5 явленій. Затѣмъ авторъ передѣлываетъ 1-е явленіе, т.-е. иными словами пишетъ его заново, такъ какъ только одна реплика Мити, начинавшаяся словами: «Кажется, наши пріѣхали», вошла въ новую его редакцію. Также заново было написано и теперешнее 2-е явленіе (печатнаго изданія), заканчивавшееся въ рукописи, впрочемъ, пѣсней Мити: «Ужъ и гдѣ-жъ эта родилась красота...» Дальнѣйшихъ словъ его въ рукописи нѣтъ. Такимъ образомъ 2-е рукописное явленіе становится 3-мъ, 3-е—4-мъ, 4-е—5-мъ, 5-е—6-мъ, и соотвѣтственнымъ образомъ переправляются и цифры, начиная съ 3-го явленія, съ 3 на 4 и т. д. Цифра же 7 не исправлена; очевидно, оно начато послѣ этихъ исправленій.

Въ связи съ этой переработкой стоитъ слѣдующая перемѣна во 2-мъ (рукописномъ) явленіи. Въ длинный монологъ Пелагеи Егоровны: «Какія дѣла! Никакихъ дѣловъ нѣтъ»... и т. д., именно въ концѣ его, авторъ первоначально вставилъ разсказъ о томъ, какъ Гордѣй Карпычъ еще болѣе разсердился, потому что Любимъ Карпычъ сталъ съ нищими у собора, но потомъ все написанное зачеркнулъ. Зачеркнулъ же онъ потому, что разсказъ этотъ вложенъ въ уста Егорушки во вновь написанномъ 1-мъ явленіи, и здѣсь былъ бы излишнимъ повтореніемъ.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя перемѣны въ 1-мъ дѣйствіи. Такъ, значительныя поправки внесены въ 6-е явленіе: касаются онѣ главнымъ образомъ Разлюляева. Раньше Островскій заставилъ и это лицо пробовать свои силы въ подбираніи голоса къ пѣснѣ, сочиненной Митей; затѣмъ Разлюляевъ, по первоначальному плану, предлагалъ Яшѣ Гуслину драться на кулачки. Должно кстати замѣтить, что въ данномъ случаѣ въ текстъ вошли замѣтки изъ рукописи № 3098. Но потомъ объ эти подробности о Разлюляевѣ, предварительно развитыя въ комедіи, были авторомъ зачеркнуты, конечно, вполнѣ основательно, какъ совершенно излишнія, а послѣдняя къ тому же и какъ слишкомъ вульгарная.

Явленіе 9-е также не сразу получило свой теперешній

видъ и также имѣетъ много дополненій. Вначалѣ оно было написано значительно короче, потомъ сдѣланы различнаго рода вставки, хотя въ одномъ случаѣ одна такая вставка зачеркнута. Такъ, послѣ словъ Разлюляева: «Милости прошу къ нашему шалашу», идетъ реплика Анны Ивановны: «А, милый, здравствуй», и отвѣтъ Разлюляева: «Здравствуй, милая, хорошая моя». И реплика и отвѣтъ вставлены послѣ и написаны на свободной половинѣ страницы, но потомъ зачеркнуты. Ясно, я полагаю, что они выброшены, какъ безъ нужды затягивающіе явленіе. Добавлено же впослѣдствіи въ этомъ явленіи слѣдующее: первая реплика Любови Гордѣевны и начало отвѣта на нее Анны Ивановны; слова послѣдней: «извѣстно дѣло, кому что нужно»... и т. д. составляли одно цѣлое съ предшествующей репликой Анны Ивановны. Также вставлена реплика Разлюляева, слѣдующая за только что приведенными словами Анны Ивановны. Равнымъ образомъ ея же реплика, начинающаяся словами: «Ахъ, вы скромность», прямо послѣ этихъ словъ представляла одно цѣлое съ дальнѣйшей репликой Анны Ивановны: «А объ чемъ сейчасъ наверху разговоръ былъ»?.. и т. д. Все, находящееся между двумя этими границами, т.-е. и продолженіе словъ самой Анны Ивановны, и слова Любови Гордѣевны, Маши и Лизы, и смѣхъ Разлюляева вставлены потомъ. Всѣ эти добавленія придали значительную живость діалогу; очевидно, они и дѣлались съ этой цѣлью, хотя и тутъ Островскій былъ очень щепетиленъ и выбрасывалъ замѣчанія, которыя, по его мнѣнію, излишне затягивали дѣйствіе.

А насколько былъ щепетиленъ Островскій, показываетъ слѣдующая поправка. Обращеніе Анны Ивановны къ Гуслину: «Что-жъ ты, бандуристъ, когда на мнѣ женишься?» и отвѣтъ на него Гуслина: «А вотъ когда отъ Гордѣя Карпыча разрѣшенье выйдетъ. Куда намъ торопиться-то, надъ нами не каплетъ»... и т. д. вставлены потомъ. Вначалѣ это мѣсто имѣло такой видъ: «Анна Ивановна (садится подлѣ Гуслина).

Ты, что, милъ сердечный другъ, пріунылъ?

Гуслинъ. Что мнѣ унывать-то! Такъ сижу себѣ, да

и все тутъ. (Киваетъ ей головой, она подходитъ къ нему, [и садится подлѣ него] [1]), онъ ей шепчетъ на ухо»).

Въ данномъ явленіи есть еще одна маленькая, но чрезвычайно любопытная поправка, показывающая, какъ постепенно освобождался Островскій отъ шаблонныхъ пріемовъ старинной комедіи. Характерное замѣчаніе Мити послѣ пѣсни Анны Ивановны: «На чей счетъ это принимать нужно?» и отвѣтъ на него Анны Ивановны вставлены потомъ. Сначала было шаблонное, излюбленное старинной комедіей a parte Мити: «Не во снѣ ли это я вижу!»

Чтобы покончить съ этимъ явленіемъ, остановимся на дальнѣйшемъ его развитіи. Послѣ замѣчанія Мити сцена развивалась такъ. Разлюляевъ хочетъ загадать дѣвушкамъ загадку, но долго надъ ней задумывается. Тогда Анна Ивановна предлагаетъ ему въ свою очередь загадку, которая вошла въ печатный текстъ и которую Разлюляевъ разгадать не можетъ. Анна Ивановна съ дѣвушками встаютъ и собираются уходить, а Гуслинъ тѣмъ временемъ говоритъ Митѣ разрѣшеніе загадки: «рѣпа»; это подхватываетъ Разлюляевъ и выдаетъ рѣшеніе за свое, но Анна Ивановна замѣчаетъ ему, что онъ говоритъ съ чужихъ словъ, и предлагаетъ всѣмъ итти. Явленіе заканчивалось словами Мити и замѣткой автора о томъ, какъ не пропустили въ дверь Любовь Гордѣевну. Пѣсня Анны Ивановны, которую она поетъ, «пока собираются», вставлена впослѣдствіи, быть можетъ, когда была передѣлана авторомъ вся эта сцена, принявшая почти сразу послѣ этой переработки свой настоящій видъ [2]).

Также нѣсколько иной видъ сравнительно съ печатнымъ текстомъ имѣютъ въ нашей рукописи явленія 10-е и 11-е. Различія заключаются главнымъ образомъ въ окончаніяхъ явленій и касаются передачи записки. Въ концѣ 10-го явленія на просьбу Мити отдать ему то, что она написала, Любовь Гордѣевна отвѣчаетъ: «Послѣ от-

---

[1]) Слова, поставленныя въ [ ], написаны сверху строки.

[2]) Поправокъ больше нѣтъ никакихъ. Только въ репликѣ Разлюляева передъ пѣсней: „Ахъ, бей въ доску“, слова: „я вѣдь веселый“, надписаны сверху строки.

дамъ», и обращается къ нему съ вопросомъ: «Придешь къ намъ на вечеръ?» Дальше идетъ, какъ и въ печатномъ текстѣ, вплоть до конца этого и слѣдующаго 11-го явленія, которое кончалось также уходомъ Любови Гордѣевны, но затѣмъ слѣдовало замѣчаніе автора о ней: «уходя отдаетъ бумажку Митѣ, тотъ прячетъ въ карманъ». Какъ извѣстно, въ печатномъ текстѣ это замѣчаніе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ находится выше, такъ какъ Любовь Гордѣевна отдаетъ Митѣ свою записку тотчасъ послѣ его просьбы, но съ условіемъ, чтобы онъ прочиталъ ее, когда она уйдетъ. Слѣдуетъ къ тому же прибавить, что отмѣченное измѣненіе сдѣлано не въ нашей рукописи, а при новомъ пересмотрѣ текста.

Что касается послѣдняго 12-го явленія даннаго дѣйствія, то о немъ мнѣ уже много приходилось говорить, и мы видѣли, какъ много измѣненій внесено въ него. Теперь я отмѣчу лишь тѣ, которыя сдѣланы ради оживленія діалога и приданія большей естественности ходу дѣйствія. Такой характеръ имѣетъ слѣдующая поправка. Раньше въ рукописи послѣ вопроса Мити: «Зачѣмъ же вы пьете, Любимъ Карпычъ? Чрезъ это вы сами себѣ врагъ!» шелъ отвѣтъ Любима Торцова, представляющій собою длинный монологъ и начинающійся словами: «Зачѣмъ я пью?.. Отъ глупости! Да отъ своей глупости. А ты думаешь отъ чего», т.-е. словами, выдѣленными теперь въ особую реплику. Кромѣ этого выдѣленія начальныхъ словъ монолога въ отдѣльную реплику, были добавлены еще реплики Мити и того же Любима Карпыча. Добавленія эти внесены, очевидно, потому, что слѣдующія реплики Мити дѣлаютъ болѣе правдоподобнымъ ходъ дѣйствія. Не будь ихъ, было бы не вполнѣ понятно, почему Любиму Карпычу вздумалось разсказать о своей жизни. Теперь же этотъ разсказъ является вполнѣ естественнымъ, такъ какъ онъ вызванъ замѣчаніемъ Мити.

Не останавливаясь на другихъ вставкахъ, которыя вносятъ также оживленіе въ діалогъ, должно указать на то, что это явленіе всетаки приняло свой окончательный видъ не въ нашей рукописи.

Перехожу ко II-му дѣйствію. Первоначально были на-

писаны 3 явленія. Но первое явленіе въ этомъ дѣйствіи раньше было совсѣмъ иное, чѣмъ теперь. въ печатномъ текстѣ. Оно представляетъ разговоръ Егорки и Арины о переряживаніи. Впослѣдствіи оно было все зачеркнуто, и этотъ разговоръ, какъ извѣстно, съ нѣкоторой переработкой впрочемъ, вошелъ въ 3-е явленіе печатнаго текста.

Вторымъ явленіемъ было то, которое теперь является 4-мъ, а 3-мъ—теперешнее 5-ое. Но написавъ эти 3 явленія, авторъ вновь пишетъ первыхъ три явленія, зачеркиваетъ раньше написанное первое, а второе дѣлаетъ четвертымъ, третье — пятымъ, и послѣ вновь написаннаго третьяго прямо пишетъ шестое, при чемъ послѣ 3-го явленія сдѣлана ссылка на стран. 30 рукописи, гдѣ помѣщено 4-е явленіе; эта ссылка и даетъ возможность именно такъ представить процессъ работы нашего драматурга. Очевидно, автору пришла мысль, что необходимо ввести въ комедію объясненіе между Митей и Любовью Гордѣевной: отъ этого объясненія зависѣлъ дальнѣйшій ходъ дѣйствія. А что это было такъ, доказывается работой надъ 1-мъ явленіемъ. Дѣло въ томъ, что Островскій думалъ помѣстить въ этомъ явленіи разговоръ названныхъ лицъ, и только ихъ имена и внесъ въ списокъ дѣйствующихъ лицъ, да и эти имена-то написаны сбоку. Очевидно, и это не было первоначальной мыслью автора. Начальныя слова должны были принадлежать Митѣ, но потомъ его имя тщательно зачеркнуто, и идутъ размышленія Любови Гордѣевны о томъ, почему нейдетъ Митя и любитъ ли онъ ее. Потомъ же входитъ Митя. Но затѣмъ все это зачеркнуто, и написаны имена дѣйствующихъ лицъ этого явленія, какъ теперь въ печатномъ текстѣ, но только въ рукописи прибавлено еще 3-е лицо Гуслинъ, который, правда, не появляется на сцену во все продолженіе дѣйствія. Такимъ образомъ авторъ, остановившись на мысли о необходимости ввести въ данное явленіе объясненіе Мити и Любови Гордѣевны, началъ обрабатывать сцену ихъ встрѣчи, но затѣмъ онъ отказался отъ этого, очевидно придя къ мысли, что возможно болѣе правдоподобно устроить это свиданіе, именно введя новую сцену, бесѣду Любови Гордѣевны и Анны Ивановны, которая теперь

связываетъ въ одно цѣлое событія предшествующія и послѣдующія и дѣлаетъ ходъ событій поэтому болѣе естественнымъ. Именно желаніемъ связать эту встрѣчу Мити и Любови Гордѣевны съ приходомъ гостей объясняется и то, что авторъ ввелъ Гуслина въ число дѣйствующихъ лицъ, и только уже потомъ, такъ сказать во время самаго процесса писанія текста, онъ отказался отъ этой мысли и остановился на двухъ лицахъ для 1-го явленія, а самую встрѣчу и объясненіе выше названныхъ лицъ выдѣлилъ во 2-е явленіе.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ перемѣнахъ, сдѣланныхъ въ данномъ явленіи: онѣ любопытны въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ старательно избѣгалъ Островскій всего, что могло бы хоть чуть растянуть комедію. Такъ, въ первой же репликѣ Анны Ивановны за начальными ея словами слѣдовало, что «Яша-то домой хотѣлъ сходить, а Митя-то не знаю, что засидѣлся». Но потомъ приведенныя слова были зачеркнуты, и это объясняется исключительно желаніемъ избѣгать лишнихъ длинноть. Равнымъ образомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на первую реплику Любы въ рукописи: въ ней она, обращаясь къ Аннѣ Ивановнѣ съ просьбой сходить за Митей, предлагаетъ вопросъ: «Ужели меня онъ не любитъ», впослѣдствіи зачеркнутый. Анна Ивановна въ отвѣтъ на это утѣшаетъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и упрекаетъ въ излишней суровости къ Митѣ. Любовь Гордѣевна тогда разсказываетъ о томъ, что она написала Митѣ записку, въ чемъ Анна Ивановна не видитъ ничего предосудительнаго. Любовь Гордѣевна возражаетъ, что хорошаго въ этомъ мало, такъ какъ отецъ все равно не отдастъ ее за Митю, и послѣдній будетъ только напрасно мучиться. Въ отвѣтъ на эти слова Анна Ивановна и говоритъ: «Что, видно защемило сердечко-то?» Этотъ ея отвѣтъ составляетъ теперь вторую реплику Анны Ивановны. Такимъ образомъ весь ихъ разговоръ, начиная съ вопроса Любы: «Ужели онъ меня не любитъ?» и до только что приведенныхъ словъ Анны Иваноны, не вошелъ въ печатный текстъ и вычеркнутъ еще въ нашей рукописи.

Вторая, третья и четвертая реплики Любови Гордѣевны

составляютъ одно цѣлое въ нашей рукописи, гдѣ третьей и четвертой репликъ Анны Ивановны совсѣмъ нѣтъ. Кромѣ этого эта общая реплика Любы заключала въ началѣ еще замѣчаніе, что Любовь Гордѣевна давно любитъ Митю, но не сказываетъ ему, «потому что не къ чему». Въ концѣ же къ ней было прибавлено: «Вѣдь ужъ изъ воли батюшкиной не выйдешь, такъ что жъ понапрасну сердце надрывать!» И начало и конецъ реплики были потомъ зачеркнуты, при чемъ вмѣсто начальныхъ словъ сверху строки было замѣчено: «Да я не скрываюсь, я его очень люблю», но затѣмъ и эти слова зачеркнуты и вновь написано: «Ахъ, Аннушка, какъ я люблю-то, кабы ты знала! Больно ужъ онъ мнѣ по сердцу, такой тихій да сиротливый».

Почему были сдѣланы всѣ эти перемѣны? Я не нахожу другого объясненія, кромѣ того, что всѣ эти подробности представлялись ненужными длиннотами. Замѣчаніе о запискѣ, очевидно, пропущено потому, что оно совершенно излишне. Также излишними являются и всѣ остальныя разсужденія данныхъ двухъ лицъ: они собственно ничего новаго не говорятъ, даже не прибавляютъ къ характеристикѣ Любови Гордѣевны ничего, чего бы не могъ предполагать самъ зритель или читатель. Поэтому-то, надо полагать, Островскій ихъ зачеркнулъ.

Полагаю, что эта же черта творчества Островскаго сказывается и въ слѣдующей подробности. Противъ реплики Мити во 2-мъ явленіи: «Что загадывать впередъ, тамъ какъ Богъ дастъ. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ безъ тебя жизнь не въ жизнь! (молчаніе)», на чистой половинѣ страницы замѣчено: «(развить)». Нѣсколько ниже записано: «Богат(ствомъ?) меня Богъ не рад(уетъ?)... У меня только и радость, что ты». Очевидно, авторъ не былъ доволенъ указанной репликой Мити, но почему-то не пожелалъ ее тотчасъ же перерабатывать и только сдѣлалъ надлежащую отмѣтку. Мнѣ представляется вполнѣ очевиднымъ и то, что именно въ виду желанія избѣгать ненужныхъ длиннотъ Островскій оставилъ планъ развитія даннаго мѣста, и реплика Мити въ печатный текстъ вошла въ томъ же видѣ, какой она имѣла въ нашей рукописи.

Изъ дальнѣйшихъ явленій даннаго дѣйствія я остано-

влюсь только на 5-мъ и 6-мъ: остальныя не представляютъ особеннаго интереса. Предварительно отмѣчу, что въ 4-е и 5-е явленія вошли нѣкоторые наброски изъ рукописи № 3098.

Относительно 5-го явленія я замѣчу, что сначала оно распадалось на два явленія, при чемъ второе изъ нихъ, обозначенное «явленіе 6-е», начиналось съ появленія Арины съ бутылками и оканчивалось тамъ, гдѣ теперь кончается пятое явленіе. Но впослѣдствіи слова «явленіе 6-е» были зачеркнуты, и оба явленія такимъ образомъ слиты въ одно. Сдѣлано было это до написанія слѣдующаго явленія (ряженые), которое опять-таки обозначено «явленіе 6-е».

Затѣмъ въ нашемъ 5-мъ явленіи послѣ словъ Арины: «Отвяжись, говорятъ!.. Ну-те совсѣмъ (уходитъ)», авторъ думалъ было, очевидно, помѣстить сцену, когда Митя во время разговора съ Любовью Гордѣевной цѣлуетъ ее; по крайней мѣрѣ соотвѣтствующая замѣтка авторомъ сдѣлана, но потомъ зачеркнута. Сцена эта, какъ извѣстно, входитъ въ слѣдующее явленіе. Надо полагать, что авторъ перенесъ ее туда потому, что она вполнѣ естественно сливалась съ концомъ 6-го явленія и пріѣздомъ «самого» Гордѣя Карпыча.

Далѣе, послѣ первой подблюдной пѣсни въ печатномъ текстѣ идетъ ремарка автора: «(Разлюляевъ засучиваетъ рукава, вынимаетъ кольцо, отдаетъ Любови Гордѣевнѣ)» и замѣчаніе Пелагеи Егоровны: «Пора ужъ, пора». Въ нашей рукописи вмѣсто этого первоначально было:

Разлюляевъ. «Нука къ кому это будутъ въ сапогахъ?

Нѣсколько голосовъ. Любови Гордѣевнѣ, Люб. Горд.

Пелагея Егоровна. Дай-то Богъ! Пора ужъ, пора!»

Потомъ этотъ текстъ зачеркнутъ и на чистой половинѣ страницы (слѣдовательно, поправка сдѣлана впослѣдствіи) вновь написано:

«Разлюляевъ (засучиваетъ рукава и вынимаетъ кольцо). Чье кольцо?

Люб. Горд. Мое.

Разлюляевъ. Извольте получить.

Пел. Егор. Дай-то Богъ! Пора бы ужъ, пора!»

Но, очевидно, все это казалось автору слишкомъ длиннымъ, и впослѣдствіи, при новомъ пересмотрѣ текста, уже не въ нашей рукописи, онъ всю эту сцену выбросилъ и замѣнилъ вышеприведенной краткой ремаркой.

Въ настоящемъ явленіи при этомъ новомъ пересмотрѣ были сдѣланы и нѣкоторыя добавленія.

Что касается 6-го явленія, то большая его часть, именно съ начала до разговора Разлюляева, Мити и Гуслина, написана почти безъ помарокъ и такъ она и вошла въ печатный текстъ. Слѣдуетъ отмѣтить лишь то, что передъ пѣсней старика («Какъ ужъ) [1]) наши молодцы» оставленъ небольшой пробѣлъ и сбоку написано «заунывную». Должно быть Островскій имѣлъ въ виду заставить старика сначала спѣть заунывную пѣсню, но впослѣдствіи бросилъ это намѣреніе.

Перехожу къ III-му дѣйствію.

Во 2-мъ явленіи его вмѣсто словъ: «Да сыщи Аннушку, пошли ко мнѣ», была сначала болѣе пространная вставка, потомъ зачеркнутая и замѣненная только что приведенными словами, очевидно, по извѣстнымъ намъ соображеніямъ, а именно изъ желанія избѣгать излишнихъ длиннотъ. Но зато потомъ вставлены вполнѣ естественныя въ данномъ случаѣ размышленія Пелагеи Егоровны о женихѣ и т. д. до конца явленія.

Третье явленіе вначалѣ было не то, что теперь въ печатномъ текстѣ, а соотвѣтствовало теперешнему 4-му, но и тутъ приходится сдѣлать существенную оговорку, такъ какъ полнаго соотвѣтствія нѣтъ; начавъ 3-е дѣйствіе входомъ въ комнату Мити, не замѣчающаго Пелагеи Егоровны и жалующагося на судьбу, Островскій, очевидно, въ самомъ началѣ оставилъ это явленіе и на чистой половинѣ страницы написалъ теперешнее 3-е дѣйствіе, при чемъ оно написано безъ помарокъ. Какія же данныя для такого предположенія? Конечно, одна перемѣна цифры 3 на 4 еще ничего не доказываетъ. Есть болѣе солидное доказательство, а именно въ этомъ 4-мъ, раньше 3-мъ, явле-

[1]) Словъ, поставленныхъ въ скобки, въ рукописи нѣтъ.

ніи введено новое лицо, котораго не было въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ, именно Анна Ивановна. Митя «кланяется въ ноги Пелагеѣ Егоровнѣ и потомъ цѣлуется съ ней и съ Анной Ивановной...» Вполнѣ понятно, что Островскій могъ упоминать о названномъ лицѣ лишь послѣ того, какъ было написано новое 3-е явленіе, потому что приведенное замѣчаніе о Митѣ находится въ основномъ текстѣ комедіи, а не представляетъ изъ себя позднѣйшую вставку, Анна же Ивановна въ числѣ дѣйствующихъ лицъ прежняго 3-го явленія не указана. А разъ это такъ, несомнѣнно, что Островскій написалъ это новое 3-е явленіе, не кончивши прежняго 3-го, которое онъ сдѣлалъ 4-мъ.

Почему же онъ оставилъ это 3-е явленіе не конченнымъ? Очевидно, авторъ имѣлъ ввиду ввести сцену разговора и прощанія Мити съ Пелагеей Егоровной, гдѣ онъ открываетъ ей положеніе дѣла, а затѣмъ другую сцену—его прощанія съ Любовью Гордѣевной. Заботясь возможно естественнѣе связать эту сцену съ предыдущими, онъ старался реальнѣе представить появленіе на сценѣ послѣдняго названнаго лица. Нельзя было этого сдѣлать правдоподобнѣе, какъ прямо пригласить Любовь Гордѣевну, но для этого было необходимо лицо, которое исполнило бы это порученіе, и такимъ лицомъ оказалась Анна Ивановна, которая къ тому же должна была появиться на сценѣ, такъ какъ Пелагея Егоровна велѣла Аришѣ сыскать и прислать Аннушку къ ней. Такимъ путемъ создались эти связанныя тѣсно одна съ другой сцены, реальныя, какъ сама жизнь.

Любопытно, что, бросая начало прежняго 3-го явленія, нашъ драматургъ освобождался еще отъ одного шаблоннаго пріема драматическихъ произведеній, когда два дѣйствующихъ лица, находящіяся въ одной комнатѣ, по волѣ автора не замѣчаютъ другъ друга. Дѣло въ томъ, что это 3-е явленіе начиналось такъ:

«Митя (не замѣчая П. Е.). Пропащая ты моя головушка! Какъ еще ты на плечахъ-то держишься! (Загубили меня злые люди, разлучники!

Пелаг. Егор. Что ты, Митя?

Митя)». Но слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты, отвѣтъ Мити не написанъ, сверху надъ именемъ Мити надписано имя Анны Ивановны, и дальше идетъ его реплика: «Одинъ ведетъ за рученьку...» и т. д.

Кстати замѣчу, что очевидно на отвѣтѣ Мити и оставилъ Островскій работу надъ этимъ явленіемъ, написалъ теперешнее 3-е явленіе и возвратился къ старому, которое теперь стало уже 4-мъ, почему и цифру 3 пришлось перемѣнить на 4.

Относительно 4-го явленія должно сказать, что свой окончательный видъ оно получило все-таки при новомъ пересмотрѣ текста.

Одно изъ отличій данной обработки комедіи отъ послѣдней, т.-е. печатной, редакціи заключается въ отсутствіи теперешняго 9-го явленія, а 9-е рукописное явленіе стало въ печатномъ текстѣ 10-мъ: слѣдовательно, 9-е явленіе вставлено впослѣдствіи, уже не въ нашей рукописи. Слова Пелагеи Егоровны и Любови Гордѣевны, которыми начинается данное явленіе въ печатномъ текстѣ, въ нашей рукописи заканчивали явленіе 8-е, да и то внесены очевидно впослѣдствіи: написаны на чистой половинѣ страницы.

Точно такъ же рукописное 9-е (печатное 10-е) явленіе начиналось не репликами Лизы, Маши и смѣхомъ Разлюляева, а словами Любима Карпыча, на которыхъ я останавливаться не буду, такъ какъ о нихъ была рѣчь. Любопытно, что внесены впослѣдствіи почти всѣ эти мелкія подробности, которыя пришлось даже выдѣлить въ особое явленіе и которыя придаютъ дѣйствію такъ много живости.

Какъ извѣстно, въ печатномъ текстѣ, въ 3-мъ дѣйствіи—15 явленій, а въ нашей рукописи всего только 12, такъ что 12-е явленіе соотвѣтствуетъ тремъ печатнымъ: 13, 14 и 15-му.

Текстъ этихъ явленій сложился также не сразу: вставлены потомъ кое-какія подробности въ рѣчахъ Пелагеи Егоровны, Мити, рѣчь Любима Карпыча подвергалась нѣкоторой переработкѣ, но ничего характернаго, новаго въ этихъ передѣлкахъ нѣтъ, а потому я на нихъ и не буду останавливаться.

III.

Теперь я долженъ коснуться послѣдней переработки комедіи и перемѣнъ, сдѣланныхъ въ текстѣ, въ результатѣ которыхъ получились отличія печатнаго текста отъ нашего рукописнаго.

Предварительно я сгруппирую ихъ въ одно цѣлое по дѣйствіямъ, въ ихъ постепенномъ порядкѣ.

Въ 1-мъ явленіи I-го дѣйствія вставлены въ рѣчь Егорушки слова: «да смѣшно таково», потомъ вся замѣтка о самомъ себѣ: «Я смѣшливъ вѣдь больно, не вытерпѣлъ, такъ и покатился со смѣху; а ужъ на меня глядя и всѣ», затѣмъ замѣчаніе, что Гордѣй Карпычъ «принялъ это себѣ за обиду да за невѣжество», что онъ сердится на всѣхъ «безъ разбору, кто подъ руку подвернется».

Въ явленіи 2-мъ нѣтъ въ нашей рукописи послѣднихъ словъ Мити: «Какъ же пойдетъ тутъ работа на умъ! Все бы я думалъ объ ней!.. Душу-то всю истерзалъ тосковавши. Ахъ ты, горе гореваньице!.. (закрываетъ лицо руками и сидитъ молча)».

Въ явленіи 3-мъ (по рукоп. 2-е) вставлена реплика Мити: «Премного благодаренъ. Первымъ дѣломъ сочту-съ», раздѣлившая одну реплику Пелагеи Егоровны на двѣ.

Въ 9-мъ явленіи вставлены дважды встрѣчающаяся плясовая пѣсня Разлюляева: «Какъ гусара не любить» и двукратная ремарка автора, что Разлюляевъ пляшетъ.

Относительно перемѣнъ въ 10-мъ и 11-мъ явленіяхъ, перемѣнъ, соединенныхъ съ отдачей Любовью Гордѣевны записки Митѣ, уже была рѣчь.

Въ 11-мъ явленіи кромѣ того выпущена подробность изъ разсказа Любима Карпыча о своемъ житьѣ-бытьѣ: «Сейчасъ же молніей черезъ улицу въ кабакъ или полпивную погрѣться. (Сверкаешь взадъ да впередъ) [1]. Хватился (затянулся трубочкой) [1], да и опять за уголъ дожидаться!» Затѣмъ выброшено замѣчаніе о Гордѣѣ Карпычѣ: «Вотъ онъ за то же и тебя обижаетъ. А будь ты богатъ, да ходи въ какомъ-нибудь дурацкомъ платьѣ, такъ

[1]) Слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты уже въ нашей рукописи.

онъ за тебя, пожалуй, и дочь отдастъ [дремлетъ].» Зато въ предпослѣдней репликѣ Любима Торцова вставленъ при новомъ пересмотрѣ конецъ ея: «Дуракамъ богатство — зло!» и т. д.

Также при этомъ пересмотрѣ внесена и подпись въ запискѣ Любови Гордѣевны.

Во II-мъ дѣйствіи въ 1-мъ явленіи реплика Любови Гордѣевны была раздѣлена двумя репликами Анны Ивановны на три отдѣльныя части. Эти реплики Анны Ивановны: 1) «А ты, дѣвка, люби, да ума не теряй...» и т. д., 2) «Ну, а коли хорошъ, такъ люби, тебѣ ближе знать...» и т. д. вставлены именно при новомъ пересмотрѣ рукописи.

Помимо нѣкоторыхъ стилистическихъ измѣненій внесенъ весь разговоръ Мити и Любови Гордѣевны по поводу того, что «всѣ мужчины на свѣтѣ обманщики».

Въ пятомъ явленіи не было обращенія Пелагеи Егоровны къ Яшѣ съ просьбой спѣть какую-нибудь пѣсенку старенькую, не было и его пѣсни: «За рѣченькой, за быстрою». Не было также словъ Разлюляева: «Да вамъ смѣшно, а мнѣ-то каково? За что въ самомъ дѣлѣ не любите?»

Что касается III-го дѣйствія, то мы уже отмѣтили, какъ измѣнялось начало 4-го явленія, въ которомъ авторъ сначала заставлялъ Митю при входѣ въ комнату не замѣчать Пелагеи Егоровны. При послѣднемъ пересмотрѣ рукописи Островскій пошелъ еще дальше въ этомъ измѣненіи и совсѣмъ выбросилъ начальную реплику Мити: «Пропащая ты моя головушка! Какъ еще ты на плечахъ-то держишься?»

Въ 6-мъ явленіи подверглась передѣлкѣ послѣдняя длинная реплика Любови Гордѣевны, гдѣ между прочимъ читаемъ: «Не хочу я супротивъ отца да супротивъ стараго закону итти», тогда какъ въ печатномъ текстѣ словъ «супротивъ стараго закону» нѣтъ, о приверженности Любы закону говорится далѣе.

Уже выше было упомянуто, что при новомъ пересмотрѣ текста написано новое 9-е явленіе, заключающее въ себѣ различныя замѣчанія о Любимѣ Карпычѣ.

Также въ нашей рукописи не было реплики Разлюляева, заканчивающей 10-е явленіе: «Ай да Любимъ Карпычъ! Меньше и не бери», и его же реплика въ 11-мъ явленіи: «Вотъ такъ задача!»

Наконецъ при новомъ пересмотрѣ текста послѣднее по рукописи 12-е явленіе было раздѣлено на три, а въ 12-ое (по рук. 11-е) внесена реплика Любима Торцова: «Что за злоба! Я тебѣ давно простилъ. Я человѣкъ маленькій, червякъ ползущій, ничтожество изъ ничтожествъ! Ты другимъ-то зла не дѣлай».

Вотъ всѣ тѣ измѣненія, которыя были внесены въ нашу комедію при новомъ пересмотрѣ текста. Какъ можно видѣть, всѣ они, за небольшимъ исключеніемъ, вносятъ большее оживленіе въ діалогъ и самое дѣйствіе и содѣйствуютъ болѣе реальному изображенію жизни.

Итакъ, комедія «Бѣдность не порокъ» задумана 10 іюля 1853 года, а начата 22 августа того же года. Вначалѣ въ рукописи она носила заглавіе: «Гордымъ Богъ противится», и предполагалась въ 2-хъ дѣйствіяхъ, а не въ 3-хъ. Это, такъ сказать, первая редакція нашей комедіи. Вторую редакцію ея составляетъ текстъ рукописи № 3238, онъ же и печатный, хотя нужно замѣтить, что въ текстѣ названной рукописи встрѣчаются различія сравнительно съ печатнымъ текстомъ. Эти различія однако не настолько существенны, чтобы можно было говорить о новой редакціи комедіи. Когда Островскій работалъ надъ данной пьесой, у него зародилась мысль написать еще новое произведеніе, комедію «Ревность», дѣйствующими лицами которой являются «старый мужъ и молодая жена, взятая изъ бѣдности». Мотивъ этотъ отчасти использованъ въ нашей комедіи, и новаго произведенія на эту тему Островскій не писалъ, вплоть до «Шутниковъ», хотя тамъ этотъ мотивъ разработанъ совершенно иначе и ни о какой ревности нѣтъ и рѣчи. Что касается дѣйствующихъ лицъ нашей комедіи, то образы Гордѣя Карпыча и Мити сложились у автора не сразу.

Въ такихъ чертахъ представляется мнѣ процессъ работы Островскаго надъ комедіей «Бѣдность не порокъ». Свои замѣтки мнѣ приходится закончить словами сожалѣнія,

что въ нашемъ распоряженіи не было хотя бы писемъ нашего драматурга. По настоящимъ матеріаламъ даже нельзя сказать, когда была окончена наша комедія. Извѣстно только, что напечатана она была отдѣльнымъ изданіемъ въ 1854 году, и въ томъ же 1854 г. 25 января играна въ первый разъ на сценѣ Малаго театра.

VI.

„Не такъ живи, какъ хочется“.

Народная драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

I.

Въ рукописи Румянцевскаго музея № 3097 сохранилась «черновая первой редакціи драмы съ заглавіемъ «Божье крѣпко, а вражье лѣпко», писанная большею частью карандашомъ, со множествомъ помарокъ и поправокъ». (Отчетъ музея за 1886—1888 гг.)

Первая редакція по замыслу автора отличалась не только однимъ заглавіемъ, которое въ «Отчетѣ» приведено не совсѣмъ точно (въ рукописи стоитъ: «Божье крѣпко, а вражье лѣпко: масленица»), но и числомъ актовъ, и мѣстомъ и временемъ дѣйствія. Драма первоначально предполагалась въ 5 дѣйствіяхъ. «Дѣйствіе происходитъ въ 17 столѣтіи, въ одномъ изъ большихъ городовъ Россіи, на Волгѣ во время масленицы».

Изъ дѣйствующихъ лицъ указаны: «Григорій Ив. купецъ и Геннадій Потап. мужикъ», при чемъ ихъ имена написаны на двухъ строчкахъ, одно подъ другимъ, а противъ нихъ на свободномъ мѣстѣ написано: «хоръ». Затѣмъ оставленъ пробѣлъ, на которомъ впослѣдствіи карандашомъ (драма начата чернилами) помѣчены: «П(етръ), Д(аша), Аф(имья), Степ(анида), Спир(идонъ), Гр(уша), Вася Свищовъ, Еремка кузнецъ». Григорій, конечно, впослѣдствіи былъ замѣненъ Ильею, а имя Геннадія уже въ на-

шей рукописи зачеркнуто, и надъ нимъ сверху карандашомъ написано «Агаф(онъ)». Потомъ начато I-ое дѣйствіе, котораго написано 1-ое явленіе и начало (первая реплика, да и то не вся) 2-го. Мнѣ думается, что здѣсь и кончается названная I-ая редакція: только это да нѣсколько замѣчаній на поляхъ 3-ей страницы, гдѣ начато 2-ое явленіе, написано чернилами, а остальное все карандашомъ. Главное же доказательство то, что дальше нѣтъ и помина ни о 4-мъ, ни о 5-мъ дѣйствіяхъ.

Можетъ быть, здѣсь работа на нѣкоторое время была прервана. Вновь приступивъ къ работѣ, авторъ зачеркнулъ указаніе, гдѣ происходитъ дѣйствіе, противъ имени перваго дѣйствующаго лица сдѣлалъ замѣтку: «аскетъ (сухость, догматизмъ)»; противъ второго — «мірской человѣкъ (любящій)», при чемъ имя второго Геннадій замѣнилъ Агафономъ. Въ это же время были карандашомъ помѣчены инициалы и другихъ дѣйствующихъ лицъ. Но затѣмъ, начавъ съ словъ «масленица. Въ 5-ти дѣйствіяхъ», которыя зачеркнуты карандашомъ очень густо, Островскій перечеркнулъ все вплоть до дѣйствія I-го, захвативъ и заглавіе. Потомъ на отдѣльномъ листочкѣ (въ осьмушку) написалъ: «Не такъ живи, какъ хочется». Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 4 картинахъ». Далѣе указаны дѣйствующія лица, тѣ же, что и въ печатномъ текстѣ, а потомъ замѣчено: «Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ концѣ 16-го столѣтія, на масленницѣ».

Когда приступилъ драматургъ къ работѣ надъ этимъ произведеніемъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ наша рукопись заключаетъ такія данныя. Послѣ словъ «Явленіе I-ое» идетъ тщательно зачеркнутая дата, которую я при помощи лупы прочелъ такъ: «Августа 4-го (?), 6 час. веч.». Затѣмъ въ первой репликѣ Афимьи послѣ словъ: «Въ кого такой уродился?» опять-таки идутъ три даты, тщательно зачеркнутыя карандашомъ, изъ которыхъ двѣ помѣщены въ строку, а третья между строкъ. Я ихъ прочелъ такъ: 1) «5 авг. $12^1/_2$, 2) 7-ое августа 9 часовъ, 3) 8-ое августа 6 час. веч.». Не даетъ ли это возможности установить, что къ работѣ надъ своей драмой А. Н. Островскій приступилъ въ августѣ 1854 г., такъ какъ

въ изданіи его сочиненій графа Кушелева-Безбородко наша драма датирована 1854 годомъ

Прежде чѣмъ перейти къ изученію текста 2-ой редакціи, должно остановиться еще на одномъ вопросѣ. Наша рукопись привлекла къ себѣ вниманіе П. В. Безобразова, который въ своей статьѣ «Рукописи А. Н. Островскаго» (Историч. Вѣстн. 1890, т. 39, стр. 349) писалъ между прочимъ слѣдующее: «Одно изъ лучшихъ произведеній Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется» было задумано первоначально подъ названіемъ «Божіе крѣпко, а вражье лѣпко» и притомъ должно было быть написано стихами. Сохранилось нѣсколько листовъ этихъ стиховъ, и надо радоваться, что авторъ не остался при своемъ намѣреніи.

Вотъ, напр., отрывокъ изъ разговора Даши съ Васей:

«Даша. Изволь я отъ тебя отстану,
И больше спрашивать не стану.
Вася. Сказалъ бы я, не утерпѣлъ,
Да говорить онъ не велѣлъ.
Даша. Чѣмъ подчивать мнѣ молодца?
Ты выпей, Васинька, винца.
Вася. Не подчуй ты, а то напьюсь.
Узнаетъ тятенька, боюсь».

Или вотъ нѣсколько стиховъ изъ второго дѣйствія:

«Груша. На улицѣ нашей потѣха пошла,
Я больно озябла, а то бъ не ушла.
Спиридоновна. А вотъ и красавица, дочка моя,
Ну вотъ вамъ хозяйка молоденькая».

Какъ только Островскій обработалъ тотъ же сюжетъ прозою, сказалась рука мастера. Но П. В. Безобразовъ не обратилъ вниманія на слѣдующее. Эта, скажемъ, стихотворная редакція даннаго произведенія нашего драматурга носитъ такое заглавіе: «Не такъ живи, какъ хочется. Комическая опера въ 4 дѣйствіяхъ». Затѣмъ текстъ ея (написано около 3 дѣйствій, почти вполнѣ совпадаетъ съ либретто оперы А. Н. Сѣрова «Вражья сила». Такимъ образомъ упомянутая стихотворная редакція представляетъ отрывокъ изъ либретто для оперы, которое было кончено не самимъ драматургомъ, а Калашнико-

вымъ, когда А. Н. Островскій разошелся съ А. Н. Сѣровымъ, какъ объ этомъ сообщаетъ Н. А. Кропачевъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]).

II.

Перехожу теперь къ тексту 2-ой редакціи.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что драма сокращена: вмѣсто 5 актовъ въ ней теперь только 3, и что дѣйствіе перенесено въ Москву и происходитъ уже въ концѣ XVIII столѣтія.

Первый монологъ Афимьи слагался постепенно; такъ, напр., начальныя слова: «Чуетъ, чуетъ мое сердце. Недобро оно чуетъ. Да чему и быть то хорошему», написаны на поляхъ, а раньше монологъ начинался такъ: «Не даетъ намъ Господь миру, знать ужъ Онъ Батюшко Владыко милосердный», но не кончивъ еще этой фразы, которая зачеркнута частью чернилами, частью карандашомъ, авторъ пишетъ снова: «Ни миру, ни ладу въ семьѣ! Знать ужъ Богъ вовсе отъ (нашей семьи) насъ отступился, глядючи на наше непутное житье. За грѣхъ за какой-нибудь наказанье экое Григорью (Иванычу) Ильичу...» и т. д., какъ въ печатномъ текстѣ, при чемъ первоначально этотъ монологъ кончался словами: «Ждали, ждали обѣдать, а его и слыхомъ не слыхать». Такимъ образомъ отецъ Петра, Григорій И., былъ также въ числѣ дѣйствующихъ лицъ 1-го явленія. Дальнѣйшія три реплики Афимьи: 1) «Да что не говорить-то! Нешто не правда?» 2) «Плоха жена, отъ которой мужъ гуляетъ», 3) «А ты жена, не чужая», сначала принадлежали Г(ригорью) И(ванычу): иниціалы его Г. И. во всѣхъ трехъ случаяхъ зачеркнуты и карандашомъ надписано: «Аф» (Афимья).

Во второй репликѣ Даши: «Что-же, тетушка! Что-же мнѣ дѣлать-то?..» и т. д. только приведенныя слова находятся въ основномъ текстѣ, а остальное добавлено на

---

[1]) Н. А. Кропачевъ. А. Н. Островскій на службѣ при Императорскихъ театрахъ. М. 1901, стр. 31.

поляхъ карандашомъ, т.-е., повидимому, уже во время работы надъ 2-й редакціей. Тогда же, надо полагать, исправлена и слѣдующая реплика Даши, которая первоначально читалась такъ: «Измучилась я, все сердце онъ изъ меня вынулъ. *Г(ригорью) И(ванычу)*. Ты ему и отецъ, да много ли онъ тебя слушаетъ. *А(фимьи)?* Отца не слушаетъ, а я что?»

Послѣ реплики Даши: «Хуже чужой я ему теперь» на поляхъ сдѣлано добавленіе, а именно продолжены эти слова Даши и прибавлено нѣсколько репликъ:

«Не мила ему стала, хуже горькой полыни.

Г. Ив. Да чтожъ это съ вами сдѣлалось? Годъ тому я васъ оставилъ въ мирѣ, любоваться надо.

Д. И не знаю батюшка... какъ любилъ онъ меня, мой касатикъ...

Г. И. Чудное дѣло.

Аф. Не такъ ты живешь съ мужемъ (на шею виснешь), какъ любовница»...

Но это добавленіе сдѣлано потомъ, а сначала послѣ словъ Даши: «Хуже чужой я ему теперь», шли только двѣ реплики Афимьи и Даши: Афимья: Ты (должно быть)[1] видно[2], ужъ такая горькая зародилась, да вотъ и къ намъ-то несчастье принесла!)[3]

Даша. Не я къ вамъ несчастье принесла. Покеда онъ любилъ меня, такъ и жилъ хорошо».

Второе явленіе первоначально было слито съ первымъ, и вторымъ явленіемъ было теперешнее третье (цифра 3 исправлена изъ 2). Это раздѣленіе перваго явленія на два, слѣдовательно, произошло, когда теперешнее третье явленіе было написано или начато, но еще четвертое не начато, такъ какъ цифра 4 не исправлена изъ 3.

Первоначальный текстъ 2-го явленія былъ во многомъ иной, сравнительно съ теперешнимъ, равно какъ и текстъ 3-го явленія. Приведу ихъ оба.

---

[1]) Эти слова зачеркнуты чернилами.

[2]) Это слово надписано сверху чернилами.

[3]) Дальше на свободномъ мѣстѣ карандашомъ написано: „точно какъ по то стало“.

Явленіе 2.

Г. И. «Дарья, не плачь! Не гнѣви Бога! [Всѣ мы виноваты въ этой бѣдѣ] [1]). А ты Аф. не брани ее, не одна она виновата. Что это за житье, Господи! Вы не люди какіе-то. Придешь къ вамъ на недѣльку-то, ровно въ омутъ.

Д. Батюшко, поговори ему, можетъ онъ тебя и послушаетъ. [Неужтожъ онъ меня вовсе разлюбилъ] [2]).

Г. И. И то поговорю, крѣпко поговорю. Ты думаешь мнѣ легко? Сынъ вѣдь мой, — вѣдь гибнетъ. Съ экой-то жизнью добра нечего ждать! Такіе-то люди близко бѣды ходятъ. Его только и дожидаю, а то мнѣ и итти пора.

Д. Батюшко, да ты бы пожилъ съ нами, можетъ онъ и лучше.

Г. И. Что мнѣ жить-то съ вами! Радость что ли? Я старый человѣкъ, мнѣ надо (покой, надо) [3]) Богу молиться: а вы развѣ дадите. Будетъ, пожилъ въ міру, всего насмотрѣлся, только дурного-то больше видѣлъ, чѣмъ хорошаго,—пора о душѣ вспомнить. Не на праздникъ мы въ эту жизнь-то посланы, не на гулянку. Я бъ, Даша, и не пошелъ, правду сказать, мнѣ тамъ у братца хорошо, да услыхалъ, что живете-то не ладно, ну и пришелъ. Смотрѣлъ, смотрѣлъ и самъ вижу, что нехорошо живете. Поучу Петра какъ умѣю.—Есть страхъ Б(ожій) такъ послушаетъ, а нѣтъ такъ самому-жь хуже.

Явленіе 3 (рукоп. 2).

Тѣ же и Петръ (*входитъ*)

Г. И. Гдѣ ты, Петръ, былъ? Мы тебя ужъ не чаяли дождаться.

П. (*садясь къ столу*). По дѣлу ходилъ, дѣла задержали.

---

1) Поставленное въ скобки зачеркнуто карандашомъ.

2) Поставленное въ скобки написано карандашомъ на свободномъ мѣстѣ.

3) Эти слова надписаны карандашомъ сверху строки.

Г. И. А я вотъ тебя все поджидалъ. Мнѣ и итти пора.

П. Куда же, батюшко?

Г. И. Опять къ братцу Антонію, въ его келейку.

П. Чтожъ, батюшко, не погостишь съ нами?

Г. И. Будетъ погостилъ. Не стоите вы того. И смотрѣть-то на васъ я не хочу.

П. [Да что, бат(юшко) гнѣваешься-то][1]). Да[2] чѣмъ же[2] мы, бат.[2], такъ провинились предъ тобой?

Аф. Чѣмъ? Не ты бы говорилъ, не мы бы слушали. Безпутные твои глаза.

П. За что (баб)[3] тет[4] ушка, бранишься?

Д. Батюшко за то серчаетъ, что ты [загуливать сталъ, да][5] меня не любишь.

П. А ты нажаловалась чтоль?

Г. И. Не одно то, что не любишь, а живешь не по людски.—

П. Эхъ! Ужъ видно мнѣ и не жить по людски.

Г. И. Это что за рѣчи?

П. Загубилъ я себя съ тобой, связала ты меня по рукамъ и по ногамъ.

Д. Мучитель ты, тиранъ!

Г. И.[6] Что вы! При мнѣ-то! Ты никакъ ума рехнулся? Тебя нешто кто неволилъ ее брать! Самъ взялъ, неспросясь ни у [меня, ни у ея отца съ матерью][7] кого[8], украдучи взялъ. А теперь она жъ виновата. [Я тебя просилъ, да и ее отецъ съ матерью тоже, думали, что, коли по любви сошлись, такъ будете жить хорошо. А][9] вотъ видно[9] пословица-то сбывается: Божье-то крѣпко, а вражье лѣпко.

П. Ты[9] она[10] меня приворожила чѣмъ-нибудь.

---

[1]) Поставленное въ скобки надписано карандашомъ сверху строки.
[2]) Всѣ слова подъ цифрой 2 зачеркнуты карандашомъ.
[3]) Эта часть слова зачеркнута.
[4]) Эта часть слова надписана сверху строки.
[5]) Поставленное въ скобки надписано карандашомъ сверху строки.
[6]) Начиная съ этого мѣста Г исправлено на И.
[7]) Поставленное въ скобки зачеркнуто карандашомъ.
[8]) Это слово надписано карандашомъ сверху строки.
[9]) Все поставленное въ скобки, а также и отдѣльныя слова подъ цифрою 9 зачеркнуто карандашомъ.
[10]) Это слово надписано карандашомъ сверху строки.

Г. И. Не говори, не грѣши! Что тебя привораживать, коли ты и такъ ровно чумовой [я тебя съ мала] [1]. Своевольщина-то и все такъ живетъ. Надѣлаютъ дѣла, не спросясь у добрыхъ людей [ни по закону, ни по обычаю] [1], а спросясь только у воли своей дурацкой, да потомъ и плачутся [на судьбу] [1], ропщутъ (на судьбу) [2], грѣхъ къ грѣху прибавляютъ, такъ и путаются въ грѣхахъ-то какъ въ (омутѣ) [3] лѣсу [4].

П. Да что-жъ мнѣ, батюшко, дѣлать-то?

Г. Живи по захону, какъ люди живутъ.

П. (Жилъ бы и я, да тяжело, душа моя не переноситъ, не совладаю я съ собой.) [5]). [Жилъ бы и я и другихъ бы училъ. Легко (сказать) [5]) говорить, да не легко съ собой совладать.] [6]).

Г. И. Извѣстно, по своей волѣ легче жить, ничѣмъ по закону; да своя-то воля въ пропасть ведетъ. Доброму одна дорога, а развращенному десять дорогъ. [Праведные узкими вратами входятъ] [7]). Честные люди узкой дорожкой идутъ, а вамъ широка дорога.

П. [Что ты, бат., такъ ужъ прогнѣвался на меня?] [7]). [Батюшко, кровь кипитъ. Погоди, остынетъ, будемъ смирно жить. Ты самъ былъ молодъ.] [8]).

Г. И. Такъ что-жъ? Нешто я такъ жилъ? Молодъ, такъ и распутничать! Не для веселья мы на свѣтѣ-то живемъ. Не подъ старость, а съ молоду добрыми-то дѣлами запасаются.] [9]). Да [7]) ты оглянись на себя. [Должно быть хорошъ, коли ужъ отцу тошно смотрѣть.] [7]). Дома ты не живешь, знаешься съ людьми нехорошими, жену обижаешь. Что-жь у васъ дальше-то будетъ, скажи ты мнѣ?

---

[1]) Во всѣхъ трехъ случаяхъ подъ цифрою 1 поставленное въ скобки зачеркнуто карандашомъ.

[2]) Поставленное въ скобки надписано карандашомъ сверху строки.

[3]) Это слово зачеркнуто карандашомъ.

[4]) Это слово надписано карандашомъ сверху строки.

[5]) Поставленное въ скобки зачеркнуто карандашомъ.

[6]) Поставленное въ квадратныя скобки написано на поляхъ, а слово „сказать“ зачеркнуто карандашомъ.

[7]) Во всѣхъ случаяхъ подъ цифрой 7 поставленное въ скобки зачеркнуто карандашомъ.

[8]) Поставленное въ скобки надписано карандашомъ сверху строки.

[9]) Поставленное въ скобки написано на поляхъ.

П. Проживемъ какъ-нибудь.

Г. И. Ну такъ и живи! А я видѣть этого не хочу! И говорить-то мнѣ тяжело. Что говорить? кому говорить? Кабы разумъ былъ, а безъ разума и ученье не впрокъ.

П. Правда твоя нѣтъ теперь у меня разума, потерялъ я его.

Г. И. А нѣтъ, такъ наберись у добрыхъ людей, да проси Бога, чтобъ далъ, а то какъ червь погибнешь! (*встаетъ*). Прощайте! Коли будете жить хорошо, такъ приду о праздникѣ, а до тѣхъ поръ и не ходите ко мнѣ, мнѣ и такъ суета надоѣла. Ты ужъ въ лѣтахъ, Петръ, не мальчикъ, ты знай, что коли теперь ты не спохватишься, не опомнишься, такъ ужъ послѣ некогда. Помни и то, что мнѣ безпутнаго сына не надо. Выбирай, что лучше: либо жить честно, въ любви у отца, съ душой своей въ мирѣ, съ благодатію въ домѣ; либо жить весело, на смѣхъ и покоръ людямъ, на горе роднымъ, на радость врагу человѣковъ. Прощайте! Петръ, наступаютъ дни великіе, страшные, опомнись. [Вотъ тебѣ мой приказъ, родительскій приказъ, грозный: опомнись, взгляни на себя] [1]).

Аф. [Ужели такъ уйдешь? Нонче дни прощеные, всѣ люди прощаются.] [1]).

Д. Батюшко, прости насъ, [нынче дни прощеные] [2]) (*кланяется въ ноги*).

Г. И. Простите и вы меня.

Д. Благослови насъ.

Г. И. [Коли ты Петръ бросишь свое прежнее житье, съ нынѣшняго же дня, и примешься за новое, такъ будетъ мое благословеніе надъ вами и надъ всѣмъ домомъ. Только непремѣнно съ нынѣшняго. Лучше вовсе не жить, чѣмъ такъ жить, какъ ты живешь. Помни благословенье отца нужно, безъ благословенья пропадешь какъ песъ. (*идетъ къ двери*] [2]) *уходитъ* [3]), *его провожаютъ до двери. Аф. уходитъ за нимъ.*)»

Этотъ первоначальный текстъ 2-го и 3-го явленія по-

---

[1]) Поставленное въ скобки написано на поляхъ.

[2]) Поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто карандашомъ.

[3]) Это слово надписано карандашомъ сверху строки.

казываетъ, что личности Петра и Ильи сложились у автора, конечно, въ подробностяхъ не сразу: нѣтъ еще у Петра и грубости, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ теткѣ, зато есть жалоба отцу на душевную тягость; его черта—желаніе жить по своей волѣ—въ этомъ текстѣ не вполнѣ выдержана. Что касается личности Ильи, то здѣсь опять-таки не такъ сильно подчеркнутъ его аскетизмъ, его книжныя поученія. Должно отмѣтить здѣсь одну любопытную подробность: противъ второй строчки заключительной во 2-мъ явленіи реплики Г. И.: «Что мнѣ жить-то съ вами?..» и т. д. на поляхъ сдѣлана такая замѣтка: «Торж. рѣчь при прощаньи. (Притчи и Премудрость) Даніила Заточника)». Очевидно, образъ Ильи, по крайней мѣрѣ, его книжныя поученія навѣяны именно этими памятниками.

Затѣмъ первыя два явленія подверглись переработкѣ: Г. И. былъ исключенъ изъ 1-го явленія, реплики его переданы Афимьѣ, и съ его приходомъ начиналось 2-е явленіе, а прежнее 2-е стало 3-мъ. Конецъ 1-го явл., 2-е и начало 3-го были написаны заново на отдѣльномъ листѣ. Конецъ 1-го явленія былъ такой:

«Даша. Не я къ вамъ несчастье принесла. Пока П. И. любилъ меня, такъ жилъ хорошо, а разлюбилъ... надоѣла я ему... и сталъ гулять (*плачетъ*).

Аф. Кабы ты жила съ нимъ, какъ женѣ слѣдуетъ жить, другое бы дѣло было; а то ты, какъ любовница, виснешь ему на шею. Что хорошаго!

Даша. Чудное это дѣло! (*Илья Ив. входитъ*)».

Это окончаніе, какъ видно изъ сравненія съ печатнымъ текстомъ «Москвитянина», показываетъ, что текстъ еще разъ подвергался передѣлкѣ, но не въ нашей рукописи. Текстъ 2-го явленія почти совершенно сходенъ съ текстомъ «Москвитянина». Различіе заключается въ томъ, что въ нашей рукописи нѣтъ заключительныхъ словъ реплики Ильи: «Какое житье въ міру-то нынче?..» и т. д. до конца реплики. Въ 3-мъ явленіи также есть нѣкоторыя разночтенія. Такъ, на первый вопросъ отца: «Гдѣ погулялъ, добрый молодецъ?» Петръ попрежнему отвѣчаетъ: «По дѣлу ходилъ». На реплику Афимьи: «Чѣмъ?! Не ты бы говорилъ...», Петръ отвѣчаетъ: «За что, тетушка,

бранишься?» Нѣтъ еще словъ Петра: «На меня, видно, напущено».

Вновь написанный текстъ 3-го явленія кончался словами Ильи: «Это что за рѣчи?» Продолженіе его было въ прежнемъ текстѣ. Очевидно, когда вновь писалось начало 3-го явленія, въ это же время были сдѣланы поправки и въ раньше написанномъ продолженіи 3-го явл., потому что какъ разъ отсюда начинается исправленіе инициаловъ Г. И. на И. И. Я не отмѣтилъ еще, какъ была передѣлана послѣдняя реплика Ильи въ 3-мъ явленіи. Ея текстъ въ обработанномъ видѣ написанъ на отдѣльномъ листочкѣ, на обратной сторонѣ того дополнительнаго листочка, гдѣ написано заглавіе пьесы, дѣйствующія лица и мѣсто и время дѣйствія. Вотъ этотъ текстъ:

И. И. «Васъ благословить? [Нѣтъ вы подождите.] [1]). Стоите ли вы? Нѣтъ вы подождите моего благословенія, пока будете жить хорошо. Порадуй меня, Петръ, брось съ нынѣшняго же дня [свои] [1]) всѣ свои дурачества. Лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ такъ жить, какъ ты живешь. Вотъ тогда будетъ мое благословеніе надъ тобою и надъ всѣмъ домомъ. Благословенье отца нужно, безъ благословенья пропадешь, какъ песъ». Опять-таки, сравнивъ этотъ текстъ съ москвитянинскимъ, можно видѣть, что текстъ еще разъ подвергался передѣлкѣ.

Въ явленіи 4-мъ вторая реплика Даши: «Послушаешь батюшку, будешь любить меня попрежнему»? написана на поляхъ. Первоначально второй была такая реплика, потомъ зачеркнутая: «Чѣмъ я тебѣ, П., опостылѣла, (скажи ты, не мучь меня) [2]), я ль тебя не любила?» Третья реплика ея: «Да скажи ты мнѣ, желанный мой...», вначалѣ имѣла еще такую фразу: «Убей ты меня лучше, не могу я такъ жить». Четвертая реплика Даши: «Живемъ мы съ тобой всего годочекъ», и отвѣтъ на нее Петра написаны на поляхъ. Точно такъ же написаны на поляхъ реплика Петра: «Что миновалось, того не воротишь», и отвѣтъ Дарьи, при чемъ вторая половина этой отвѣтной реплики:

---

[1]) Поставленное въ квадратныя скобки зачеркуто карандашомъ.
[2]) Поставленное въ скобки надписано карандашомъ сверху строки.

«Петя, можетъ тебѣ скучно? Хочешь я тебѣ пѣсенку спою, что ты бывало пѣвалъ холостой? (*Молч. Запѣваетъ:*)

„Молодка, молодка молоденькая,
Головка твоя побѣдниньКая“.

была продолженіемъ реплики Даши: «Убей ты меня лучше!..» и шла послѣ словъ: «Скоро-то, скоро все миновалося (*плачетъ*)», составляя съ ней такимъ образомъ одно цѣлое. Послѣ пѣсни Даши шла реплика Петра: «Перестань!» и еще двѣ зачеркнутыя, за исключеніемъ послѣдней фразы, реплики Даши и Петра:

Д.: «Скоро-то, скоро все миновалося (*плачетъ*)».

П.: «Что миновалось, того не воротишь. Дайте мнѣ вина».

Здѣсь и кончалось 4-е явленіе. Все остальное, чего недостаетъ сравнительно съ печатнымъ текстомъ, дополнено на поляхъ рукописи. Разночтеніе только одно: предпослѣдняя реплика Петра читается въ нашей рукописи просто: «Прощай». Остальныхъ словъ нѣтъ.

Изъ всѣхъ измѣненій, сдѣланныхъ въ текстѣ 4-го явленія, обращаетъ на себя вниманіе послѣднее дополненіе. Что же касается предшествующихъ поправокъ, то онѣ главнымъ образомъ оживили діалогъ. Послѣднее же дополненіе даетъ толчокъ къ дальнѣйшему развитію дѣйствія, указывая, что дѣло близится къ разрыву между Петромъ и Дашей.

Въ 6-мъ явленіи первоначально предполагалось два дѣйствующихъ лица: Петръ и Даша. Но потомъ, когда по волѣ автора Даша уходитъ въ концѣ 5-го явленія, 6-е явленіе оказалось состоящимъ изъ одного только монолога Петра. Читается онъ нѣсколько иначе сравнительно съ печатнымъ текстомъ, а именно: «Все я виноватъ, я разбойникъ, я безпутный! А не знаютъ они того, что я самъ своей жизни не радъ. [Вы меня] [1]). Опуталъ я себя по рукамъ и по ногамъ [опуталъ] [1]). [Моей ли буйной головѣ жениться?] [2]). Эхъ кабы не баба эта у

---

[1]) Поставленное въ скобки зачеркнуто карандашомъ.
[2]) Поставленное въ скобки надписано карандашомъ сверху строки.

меня, плакса. О пропадай они пропадомъ. Не связать у сокола крыльевъ, не отнять у молодца волюшки! (*поетъ*) № (*Д. приноситъ вина*)». Любопытно, что пѣсня не приведена. Очевидно, авторъ откуда-нибудь ее выписалъ. На поляхъ сдѣлано дополненіе: «Эхъ, не поется что то, ровно камень лежитъ на сердцѣ. Поѣду я къ своей кралечкѣ, размычу тоску-горе». Но потомъ весь монологъ Петра и его дополненіе зачеркнуты и сдѣлана ссылка (впослѣдствіи и другимъ почеркомъ): «см. пр(иложеніе) 8». Однако этого приложенія въ рукописи не сохранилось, и неизвѣстно, какой видъ принялъ теперь монологъ Петра и подвергался ли онъ еще разъ переработкѣ.

Въ 7-мъ явленіи въ репликѣ Петра нѣтъ словъ: «Ишь ты глаза-то скосила», отвѣтная реплика Даши написана на поляхъ.

Въ 8-мъ явленіи сначала предполагались два лица: Даша и потомъ Афимья, но затѣмъ вторая исключена. Монологъ Даши первоначально читался такъ: «[Не сталъ пить, уѣхалъ, не простился, да] [1]) что жъ это за каторга! [Уѣхала бы къ своимъ, кабы не жаль его. Вотъ потерплю, да и уѣду. Что-то они тамъ дѣлаютъ.] [1]). Чай [батюшка съ матушкой] [2]) думаютъ, дочка-то живетъ въ богатствѣ да въ радости; а не знаютъ того, что я съ утра до ночи слезами обливаюся... [А вѣдь можетъ я и хуже дѣлаю, что все плачу, да пристаю къ нему. Потерпѣть бы мнѣ, а онъ тѣмъ временемъ можетъ и опомнится. Погуляетъ, погуляетъ, за умъ возьмется, опять ко мнѣ ласковъ будетъ... да съ сердцемъ-то мудрено совладать] [3]). [Я все отъ него перенесу, все, только люби онъ меня.] [4]). [Одного (только, кажется) [4]), душа моя кажется [5]) не перенесетъ никогда, коли онъ да промѣняетъ меня на кого-нибудь. Лучше возьми онъ сердце, да разорви его на

---

[1]) Поставленное въ скобки зачеркнуто карандашомъ.
[2]) Эти слова надписаны карандашомъ сверху строки.
[3]) Поставленное въ скобки зачеркнуто карандашомъ.
[4]) Поставленное въ круглыя скобки надписано карандашомъ сверху строки.
[5]) Это слово зачеркнуто карандашомъ.

части, (чѣмъ этакая напасть) [1] (размечи по чисту полю) [2], чѣмъ такое злодѣйство сдѣлать надо мной. (*Вася входитъ*)] [3].

Рукописный текстъ 9-го и 10-го явленій I-го дѣйствія въ концѣ-концовъ сходенъ съ печатнымъ, но сложился не сразу. Главнымъ образомъ подверглась передѣлкѣ рѣчь Васи, при чемъ передѣлка состояла почти исключительно въ дополненіяхъ. Такъ, въ разныхъ мѣстахъ дополнено на поляхъ: 1) «а еще блао... бла... благопріятель называется», 2) «потому я боюсь, тятенька узнаетъ», 3) «кровно обидѣлъ, надсмѣшку надо мной сдѣлалъ», 3) «Ты, говорю, пій-пи... піять меня хочешь... Что-жъ піяй. Отольются тебѣ мои слезы», затѣмъ сверху строки надписано: «Я вѣдь не каменный. У него жена есть, а я сирота, у меня нѣтъ никого». Въ рѣчахъ Даши обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее дополненіе на поляхъ: «Поѣду въ Рогожскую, найму лошадей». Также на поляхъ написана и пѣсня, которую поетъ Вася. Очевидно, она вставлена впослѣдствіи и откуда-нибудь заимствована. Наконецъ Груша первоначально звалась Аннушкой: имя Груши надписано сверху строки.

Такимъ образомъ рукописныя 6—10 явленія I-го дѣйствія свидѣтельствуютъ, какъ постепенно слагался ихъ текстъ, какъ мало-по-малу вносились подробности, ярче характеризующія то или другое лицо.

Перехожу ко II-му дѣйствію. Сперва его начало было такое: «Хозяйская изба на постояломъ дворѣ.—Посреди сцены отъ печки маленькая перегородка.

Явленіе 1.

Даша (и Спирид.) [2] (*одна сидитъ, шьетъ и поетъ.*)
Груша.
Мать съ ямщикомъ.

---

[1] Поставленное въ круглыя скобки зачеркнуто карандашомъ.
[2] Поставленное въ скобки надписано карандашомъ сверху строки.
[3] Все это мѣсто, поставленное въ квадратныя скобки, написано на поляхъ.

Груша входитъ.

Г(руша). [Ухъ перезябла вся, съ морозу.

Спир. А неволя стоять на морозѣ-то, точно тебя изъ избы-то гонятъ.]).

Спирид. Что это ты разпѣлась.

Г(руша). Что-то мнѣ сегодня ужъ очень очень весело дѣвкѣ, должно быть не передъ добромъ.

Спир. А то неужтожь скучать! Объ чемъ это? Живемъ хорошо, ожидаемъ лучше. Погодико дѣвка, какого (я тебѣ) [2]) мы [3]) жениха найду подцѣпимъ, только (слово не разобрано). Подико вотъ поподчуй купцовъ винцомъ: [тамъ] [4]) сидятъ, лошадей дожидаются. [Пошути съ ними, побалагурь, поври имъ короба съ три]. [3]). Это имъ любо будетъ, они вѣдь охотники.

Г. [Ахъ мать, надоѣли они мнѣ:] [4]). [Да какже нужно мнѣ очень къ нимъ итти!] [3]) (все) [4]) пристаютъ да цѣловаться лезутъ; [смерть не люблю] [3]). Мнѣ и свои парни надоѣли—проходу (нѣтъ?).

[Сп. Отъ того, что ты у меня такая уродилась.

Г. Скажешь разъ не приставай, а онъ все лезетъ. Ужъ такой народъ.] [5]).

Сп. А къ тебѣ нешто пристанетъ? (А я такъ вотъ) [6]) люблю купцовъ. Я вотъ десять лѣтъ постоялый-то дворъ держу, десять лѣтъ какъ въ огнѣ горю, ни одному мужику противъ меня не потрафить; такъ ужъ навидалась я ихъ. Я послѣ покойника-то твоего отца молоденькая осталась, тогда еще мы въ Буньковѣ держали; бывало наѣдутъ, пей, гуляй, веселись. Уважаю даже купцовъ за ихъ жизнь. Только держи себя въ струнѣ: языкомъ мели что хочешь, а рукамъ воли не давай, вотъ мой [характеръ] [7]) (обычай) [6]).

[П. И. то что то къ тебѣ больно пристаетъ. Что у него семейство есть что ли? Чѣмъ торгуетъ-то?] [7]). [Этотъ какъ

---

[1]) Поставленное въ квадратныя скобки написано на поляхъ.

[2]) Эти слова зачеркнуты карандашомъ.

[3]) Во всѣхъ случаяхъ подъ цифрой 3 поставленное въ скобки надписано карандашомъ сверху строки.

[4]) Поставленное въ скобки зачеркнуто карандашомъ.

[5]) Поставленное въ скобки написано на поляхъ и потомъ зачеркнуто.

[6]) Поставленное въ скобки надписано карандашомъ сверху строки.

[7]) Поставленное въ скобки зачеркнуто карандашомъ.

его Петръ Ильичь, что ли?.. что часто похаживаетъ да къ тебѣ больно льнетъ.] [1]).

Г. [Я не знаю В(ася) Свищевъ [2]) его привелъ, говоритъ товарищъ, самъ хозяинъ.] [3]). [Нѣтъ такъ ничего. Ходитъ себѣ для время-провожденья. Не гонять же его.] [4]).

Сп. [Ну это ничего. Хорошо. Вася-то еще молодъ, да и подъ началомъ у отца; этотъ годится.] [5]). [Зачѣмъ гонять? Можетъ и пригодится.] [6]). Ты его, Груша, блюди, приголубливай, — только не больно поваживай. Женись молъ, вотъ и все тутъ, и хлопотать не объ чемъ, а на бобахъ насъ не проведешь. [Пойтить. *Уходитъ.*] [7]).

[Г. Ишь ты мать! Какъ же! охота [8]). Гуляй дѣвка гуляй я, (гуляй милая моя) [9]).

Ст. Не вѣкъ же тебѣ въ дѣвкахъ-то сидѣть, а вышла за человѣка хорошаго, да за богатаго, и ходи какъ пава... Фу ты, ну ты!.. Толь не житье! Пей, ѣшь на поданномъ, ложись на посланномъ, только врозь ползи. (*Уходитъ*)»] [10]).

Здѣсь кончалось 1-ое явленіе. Въ его текстѣ такимъ образомъ не было теперешняго 1-го явленія, т.-е. разговора Спиридоновны съ ямщикомъ, хотя вначалѣ и есть замѣтка: «мать съ ямщикомъ», и рукописное 1-ое явленіе соотвѣтствуетъ печатному 2-му, конечно, съ извѣстными варіантами. Затѣмъ авторъ написалъ новое 1-ое явленіе, предпославъ ему такую ремарку: «Изба на постояломъ дворѣ; на задней стѣнѣ дверь и русская печь, на лѣвой—окно, подлѣ печи скамья, на лѣвой сторонѣ на авансценѣ русскій столъ и скамья, направо шкафъ». Текстъ этого 1-го явленія совершенно сходенъ съ печатнымъ, за исключеніемъ одного мѣста:

«Яковъ *пьетъ и утирается.*) Покорнѣйше благодаримъ.

---

1) Поставленное въ скобки надписано карандашомъ сверху строки.
2) Фамилія надписана карандашомъ сверху строки.
3) Все, поставленное въ квадратныя скобки, зачеркнуто карандашомъ.
4) Поставленное въ скобки написано на поляхъ.
5) Поставленное въ скобки зачеркнуто карандашомъ.
6) Поставленное въ скобки надписано карандашомъ сверху строки.
7) Поставленное въ скобки зачеркнуто карандашомъ.
8) Это слово зачеркнуто карандашомъ.
9) Поставленное въ круглыя скобки зачеркнуто карандашомъ.
10) Все, поставленное въ квадратныя скобки, написано на поляхъ.

Спир. Только ты смотри, вези хорошенько.

Як. Ужъ будемъ стараться.

Спир. А въ Буньковѣ...» и т. д. какъ въ печатномъ. Изъ приведенныхъ четырехъ репликъ въ печатномъ текстѣ нѣтъ второй и третьей.

Затѣмъ на отдѣльномъ листочкѣ написано «прибавленіе 1-ое», заключающее въ себѣ начало «явленія 2-го», до ухода Якова, при чемъ Груша здѣсь названа Дашей.

Въ это же время, можетъ быть, были внесены поправки и въ остальной текстъ этого явленія. Теперешнее 3-е явленіе раньше было такимъ образомъ 2-мъ, потомъ цифра 2 исправлена на 3. Текстъ его первоначально былъ такой: «Г(р у ш а) одна. [Вотъ еще.] [1]). Охота мнѣ замужъ! По тѣхъ поръ и гулять-то, пока въ дѣвкахъ. Еще замужемъ-то наживуся. [Явл. 3. Г(руша) *одна*] [2]). За мужемъ-то жить трудно! Угождай мужу, да еще какой навернется..,» и т. д. какъ въ печатномъ текстѣ. Такимъ образомъ въ 3-мъ явленіи было три лишнихъ фразы, перенесенныхъ потомъ въ послѣднюю реплику Груши же во 2-мъ явленіи.

Въ текстѣ остальныхъ, начиная съ 4-го, явленій II-го дѣйствія я отмѣчу только наиболѣе характерныя мѣста. Первая реплика Петра въ 4-мъ явленіи: «Ненадо. Я на минутку къ вамъ, проѣздомъ заѣхалъ», въ рукописи читается: «Не надо. Я на минуту къ вамъ заѣхалъ, что-то дома соскучился». Въ послѣдней репликѣ Спиридоновны: «Вотъ такъ-то... на здоровье!», дальнѣйшія слова: «Смоталась совсѣмъ, и день и ночь пьяна, дымъ коромысломъ; такая ужъ эта недѣля, право», написаны на поляхъ: позднѣйшая вставка. Въ явленіи 5 мъ первая реплика Груши также вставлена впослѣдствіи на поляхъ; первая реплика Петра первоначально читалась: «Скучно, Груша, обуяла тоска смертная». Остальное добавлено потомъ. Реплика Петра: «Нѣтъ, ты вотъ что, Груша: скажи ты мнѣ по душѣ, такъ чтобы ужъ я зналъ: ты оченно меня любишь?», сначала читалась просто: «Груша, ты любишь меня», затѣмъ была исправлена: «Груша, а Груша, ты оченно меня

---

[1]) Эти слова зачеркнуты карандашомъ.

[2]) Поставленное въ скобки надписано карандашомъ сверху строки.

любишь?», и только уже послѣ новаго исправленія, но не въ нашей рукописи, она приняла теперешній свой видъ. Здѣсь нужно было отмѣтить, что въ нашей рукописи нѣтъ не только начала указанной реплики, но и предшествующихъ репликъ Петра и Груши, т. е. слѣдующаго мѣста:

«Петръ. Несчастный я человѣкъ! Ужъ не знаю, какъ мнѣ и на свѣтѣ-то жить? Голова моя вся кругомъ пошла.

Груша. Да отъ чего такъ? Скажи.

Петръ. Нѣтъ, ты вотъ что, Груша: скажи ты мнѣ по душѣ, такъ, чтобы ужъ я зналъ...»

Реплика Петра: «Груша, такъ ты меня, такъ любишь? Ну, пропадай все на свѣтѣ! Скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня!—Загублю, глазомъ не сморгну», въ рукописи читается проще: «Груша! А коли такъ, такъ пропадай все на свѣтѣ! Я за тебя душу свою загубить радъ». Въ слѣдующей репликѣ Груши: «Что ты, что ты?! Не хорошо!..» и т. д. три послѣднія фразы: «Ужъ такой-то этотъ Еремка распостылый! Какихъ бѣдъ съ нимъ не было! Два раза изъ прорубя вытаскивали, а ему все какъ съ гуся вода», добавлены на поляхъ. Есть, конечно, въ рукописномъ текстѣ кое-что лишнее сравнительно съ печатнымъ, что правда еще въ рукописи было зачеркнуто. Такъ, реплика Петра: «Что мнѣ себя жалѣть-то? Ужъ и такъ пропащая моя голова, заодно пропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебѣ нужно: золота, серебра, каменьевъ самоцвѣтныхъ—себя заложу, а тебя подарю», читалась предварительно иначе, а именно:

«П. [Эхъ прочь тоску, стряхну ее съ плечъ долой, размычу ее [1]) тоску-злодѣйку съ пріятелями по Москвѣ матушкѣ, утоплю въ винѣ.

Гр. [1]) П. [1]). Нѣтъ ужъ видно такое сокровище дешево не купишь. Ну да вѣдь ужъ я жъ за то ничего не пожалѣю.] [2]). Говори мое солнушко чего тебѣ нужно».

Начиная съ слѣдующей реплики Груши до конца явленія первоначальный текстъ былъ такой (привожу его параллельно съ печатнымъ):

---

[1]) Это слово зачеркнуто карандашомъ.

[2]) Все, поставленное въ квадратныя скобки, зачеркнуто карандашомъ.

Рукописный текстъ.

„Г. Ничего мнѣ голубчикъ не надо, только люби ты меня, какъ я тебя люблю.

П. Научи какъ тебя любить.

Г. А ты вотъ какъ люби, ходи почаще, носи пряниковъ послаще, гляди [1]) да еще ленту поалѣе, да гляди на меня помилѣе, да цѣлуй покрѣпче. Да вотъ еще [въ пѣснѣ поется: кумачу я не хочу, да китайки не надо, коли любишь, другъ мой купишь золото колечко] [1]). Купи мнѣ перстенечикъ, будешь миленькій дружочекъ.

П. Подарю, подарю.

Г. Я этотъ перстенечикъ подружкамъ показать, похвалиться передъ ними. У насъ у всѣхъ у дѣвушекъ есть дружки. Посмотрико въ праздникъ на улицѣ сидятъ всѣ вмѣстѣ, гуляютъ вмѣстѣ, ну и дарятъ перстеньки, ленты. Я передъ ними и похвалюсь, что есть у меня такой парень, который меня [2]) вѣрно

Печатный текстъ) („Москвитянина“.

„Груша. Ничего мнѣ, голубчикъ ты мой бѣленькой, не надо, всего у меня довольно. А ты вотъ что, парень, люби ты меня, какъ я тебя люблю.

Петръ. Эхъ, Груша! Что твоя любовь?—потѣха! Тебѣ весело, а у меня, глядя на тебя, сердце кровью обливается.

Груша. А ты вотъ какъ люби: ходи почаще, носи пряничковъ послаще, да еще ленту поалѣе, да гляди на меня помилѣе, да цѣлуй покрѣпче... ха, ха, ха... Да вотъ еще я у тебя давно хотѣла попросить, купи ты мнѣ перстенечикъ.

Петръ. Хоть десятокъ принесу.

Груша (*поетъ*).

Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь!
Золото колечко
Приложу ко сердечку.

У насъ у всѣхъ дѣвушекъ есть... ну, понимаешь... пріятели. Посмотри въ праздникъ, сколь хорошо: на улицѣ сидятъ всѣ вмѣстѣ: а ты вотъ со мной никогда не погуляешь.

---

[1]) Во всѣхъ этихъ случаяхъ поставленное въ скобки и отдѣльныя слова зачеркнуты карандашомъ.

[2]) Это слово надписано карандашомъ сверху строки.

меня [1]) любитъ и перстенекъ мнѣ подарилъ. Подаришь?

П. Подарю хоть десятокъ! Прощай! мнѣ некогда. Ужо пріѣду.

Г. Пріѣзжай пораньше, заложимъ тройку, насажаемъ дѣвокъ, поѣдемъ кататься съ пѣснями.

П. (*встаетъ*). Поѣдемъ. Поди посмотри нѣтъ ли кого въ избѣ либо на дворѣ.

Г. Сейчасъ (*уходитъ*)".

Покрайности я перстенекъ покажу, что есть у меня такой парень, который меня вѣрно любитъ. Ты пріѣзжай ужо пораньше, заложимъ тройку, насажаемъ дѣвокъ, поѣдемъ кататься съ пѣснями.

Петръ. Нѣтъ, ты потѣшь мою душу въ первой и послѣдній, поѣдемъ со мной съ однимъ, какъ есть.

Груша. Вотъ, что жъ не поѣхать.

Петръ (*беретъ ее за руку*). Поѣдешь?

Груша. Извѣстно, поѣду.

Петръ (*ударяетъ ее по рукѣ*). Ну ужъ тамъ что ни будь надъ моей головой, а ужъ мы съ тобой погуляемъ. Поди, посмотри, нѣтъ ли кого въ избѣ, либо на дворѣ.

Груша. Что такъ скоро? Посиди.

Петръ. Некогда, надоть по дѣлу съѣздить.

Груша. Ну, нельзя, такъ не надо.

(Уходитъ)".

Всѣ исправленія въ этомъ текстѣ сдѣланы въ нашей рукописи, и послѣ этихъ поправокъ текстъ получился совершенно сходный съ печатнымъ, за исключеніемъ одной реплики Петра: «Ну ужъ тамъ что ни будь надъ моей головой, а ужъ мы съ тобой погуляемъ. Поди, посмотри, нѣтъ ли кого въ избѣ, либо на дворѣ». Эта реплика послѣ переработки читалась такъ: «Значитъ по рукамъ. Ужъ ни-

[1]) Это слово зачеркнуто.

чѣмъ ты меня такъ утѣшить не могла, какъ этимъ словомъ, ровно бархатомъ по сердцу повѣла. Загуляемъ мы съ тобой. Поди посмотри...», и т. д. На поляхъ во всю страницу, сверху до низу, крупнымъ почеркомъ замѣтка: «Всю эту сцену какъ можно распространить».

Монологъ Петра, составляющій теперь 6-е явленіе, въ рукописи сначала былъ значительно пространнѣе.

Рукописный текстъ.

„П. *одинъ (встаетъ съ лавки.)* [Ужъ видно я теперь домой не поѣду.] Загулялъ теперь добрый молодецъ П. И. [У насъ-то пріятелей нѣтъ?] Насъ-ли дѣвушки не любятъ? [Поживемъ, ну а тамъ что Богъ дастъ.] (По крайности поживу, какъ душѣ хочется.) Хоть день да нашъ. Разъ да гораздъ. [Ну, а какъ нагуляемся, такъ и будетъ, сами не захотимъ.] (Ужъ семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ)“.

Печатный текстъ („Москвитянина“).

„Петръ. (*одинъ.*) Загулялъ теперь добрый молодецъ, ПетръИльичъ! Насъ ли дѣвушки не любятъ? По крайности поживу какъ душѣ хочется! Ужъ семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ“.

Все въ рукописномъ текстѣ поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто. Первая фраза, поставленная въ круглыя скобки, написана на поляхъ, вторая надписана сверху строки.

Точно такъ же значительно пространнѣе былъ въ рукописи монологъ Груши, заканчивающій и почти всецѣло заполняющій собою 7-е явленіе. Вотъ его текстъ сравнительно съ печатнымъ.

Рукописный текстъ.

„Г. Прощай соколикъ! *(П. уходитъ, она стоитъ у двери, провожаетъ его глазами).* Какія мы дѣвки баловницы! Вотъ приласкай парня, онъ и не отстанетъ. [Куда бы хорошо,

Печатный текстъ („Москвитянина“).

„Груша. Прощай, соколикъ! (*Петръ уходитъ*). Какія мы дѣвки баловницы! Вотъ приласкай парня, онъ и не отстанетъ, и будетъ подлѣ тебя убиваться. Только, чтой-

кабы онъ на мнѣ женился. Больно онъ мнѣ по сердцу. Вотъ бы зажила-то] и (будетъ подлѣ тебя убиваться). Только чтой-то онъ иной разъ такой хорошій, веселый, а иной разъ чудной такой? Что-нибудь у него на душѣ есть. [Говорятъ, когда у человѣка на душѣ что-нибудь есть, такъ онъ такой задумчивый и самъ съ собой говоритъ. А это нехорошо. Коли] (Можетъ) онъ что недоброе задумываетъ, [такъ Богъ съ нимъ. За женихами дѣло не станетъ.] (такъ мы съ матушкой и двери покажемъ, у насъ не долго!) А все будетъ жаль. [Вѣдь] вотъ шуткой-шуткой, [а тамъ и не увидишь, какъ привяжешься, да] (а) вѣдь какъ полюбишь (исправлено на „полюбила“, Н. К.), ажно сердце ноетъ. Такъ вотъ и [стучитъ] (бьется), ровно голубь“.

то онъ иной разъ такой хорошій, веселый, а иной разъ чудной такой? Что-нибудь у него на душѣ есть? Можетъ онъ что недоброе затѣваетъ... такъ мы съ матушкой и двери покажемъ, у насъ недолго! А все будетъ жаль. Вотъ шуткой, шуткой, а вѣдь какъ полюбила, ажно сердце ноетъ, такъ вотъ и бьется, ровно голубь“.

Всѣ какъ отдѣльныя слова, такъ и цѣлыя предложенія, поставленныя въ квадратныя скобки, въ рукописи зачеркнуты, а поставленныя въ круглыя надписаны сверху строки, и послѣ этихъ измѣненій рукописный текстъ монолога становится совершенно сходнымъ съ печатнымъ. Какъ видите, переработка повела къ значительному улучшенію въ обоихъ случаяхъ и въ 6-мъ и въ 7-мъ явленіяхъ: ни въ монологѣ Петра, ни въ монологѣ Груши нѣтъ теперь той излишней растянутости, которая замѣчается въ рукописномъ текстѣ и которая такъ уменьшаетъ силу впечатлѣнія.

Въ 8-мъ явленіи поправки сводятся почти исключительно къ дополненіямъ. Такъ добавлены на поляхъ слѣдующія мѣста: 1) начало второй реплики Степаниды: «Я вотъ одежонку-то тутъ положу, да мѣшечки-то вотъ...»

2) Степанида: «Въ Москвѣ-то всего въ первой, толку-то не скоро найдешь, опять же время къ вечеру». Груша: «Что-жъ она у васъ здѣсь замужемъ?» 3) Груша: «Ишь ты, а!» Степанида: «Сманилъ, сманилъ». 4) Груша: «Видишь ты счастье какое! За купца, за богатаго!.. Поднтко ты!.. Знать изъ себя хороша?

Степанида. Ужъ куда хороша! Не знаю, теперь какъ; можетъ горе-то ее повысушило, а допрежъ-то этого была такая красавица, полная да бѣлая... Вотъ хоть съ себя примѣръ возьми.

Груша. Ну, что я за красавица, помеломъ нарисованная.

Степанида. Нѣтъ, что жъ, ты хорошая дѣвушка, видная, и тебя гляди, хорошій женихъ возьметъ.

Груша. Да вѣдь это, тетенька, какое счастье выдетъ; не родись пригожъ а родись счастливъ.

Степанида. Не завидуй, дѣвушка, чужому счастью».

Такимъ образомъ во всѣхъ разобранныхъ явленіяхъ II-го дѣйствія, начиная съ 4-го и до конца дѣйствія, переработка сводилась къ дополненіямъ и сокращеніямъ: планъ уже сложился окончательно, развитіе дѣйствія нисколько не ускорялось, лишь постепенно вносились подробности, болѣе реально изображающія жизнь, постепенно вырабатывалась рѣчь, свойственная тому или другому лицу.

Перехожу къ III-му дѣйствію. По первоначальному плану 1-я сцена должна была происходить въ свѣтелкѣ. По крайней мѣрѣ сначала было написано: «Свѣтелка: съ лѣвой стороны окно, прямо дверь въ сѣни, на лѣво дверь въ комнату и израсчатая печь. Въ углу кровать съ ситцевыми занавѣсками». Но потомъ все это зачеркнуто и надписано: «Комната 2-го дѣйствія».

Въ 1-мъ явленіи добавлены на поляхъ слѣдующія слова Груши: «Погоди-жъ ты, постылый человѣкъ», а также начало послѣдней ея реплики вмѣстѣ съ ремаркой автора: Груша «(*встаетъ, накрываетъ столъ и ставитъ закуски*). Вотъ только съ сердцемъ то не сообразишь, а то не стоитъ онъ того, чтобъ объ немъ и плакать-то».

Во второмъ явленіи между прочимъ добавлены на поляхъ слѣдующія замѣчанія Спиридоновны о своей дочери:

«Еще погулять хочется, молода очень. Ну чтожь, пущай погуляетъ, себя потѣшитъ. За этой дѣвкой матери нечего смотрѣть, мать спи спокойно; ее не скоро оплетешь. Золото, а не дѣвка», затѣмъ предложеніе Груши дѣвушкамъ выпить вина: «О, да что тутъ разговаривать! — Давайте винца выпьемъ, пока матушка не пришла (*достаетъ изъ шкафа вино*). Нѣкоторыя дѣвушки. Что ты, что ты!» Слѣдующая заключительная реплика Груши: «Я впередъ дорогу покажу. Ну-ко, въ первой съ роду...», глубокая по содержанію, отмѣчающая печальное явленіе жизни, а также и слѣдующее 3-е явленіе написаны на двухъ отдѣльныхъ листочкахъ (приложеніе 4 и 5) и представляютъ такимъ образомъ позднѣйшую вставку вмѣстѣ съ дополненіями на поляхъ. Теперешнее явленіе 4-ое сначала было 3-мъ: цифра 4 исправлена изъ 3. Необходимо здѣсь отмѣтить и то, что въ теперешнихъ 4-мъ и 5-мъ явленіяхъ всѣ реплики Еремки и слова другихъ лицъ, обращенныя къ нему, написаны на поляхъ, т.-е. опять-таки представляютъ позднѣйшую вставку. Пѣсня сироты написана на отдѣльномъ листочкѣ. Такимъ образомъ Еремки не было въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ этихъ двухъ явленіяхъ, и онъ введенъ въ нихъ впослѣдствіи, когда вѣроятно было написано и новое 3-е явленіе. Не останавливаясь на другихъ поправкахъ въ 4-мъ и 5-мъ явленіяхъ, укажу лишь, что въ рукописи приведена самая пѣсня, которую поютъ дѣвушки по предложенію Груши повеличать ее съ Васей, при чемъ первоначально это была пѣсня:

„Какъ у насъ было въ воскресный день,
Какъ свекровь пошла да въ торгъ торговать
А сноху послала во чисто-поле“.

Затѣмъ эта пѣсня зачеркнута, и на поляхъ написана новая:

„Не разливайся мой тихой Дунай
Не пускай ручьи въ зеленые луга“.

Вставлено также на поляхъ передъ этой пѣснью и самое предложеніе Груши повеличать ее съ Васей, а послѣ

пѣсни слова Еремки: «Возьмите меня съ собой», и отвѣтъ Груши: «[Съ чего это ты выдумалъ]. (Пожалуй и не надо)», при чемъ фраза, поставленная въ квадратныя скобки, зачеркнута, а поставленная въ круглыя надписана сверху. На этомъ и оканчивалось 5-ое явленіе.

Въ 6-мъ явленіи приведено продолженіе пѣсни:

„Въ зеленыхъ лугахъ все ковыль трава“.

[„П. и Ерем. (стоитъ у двери)“].

Еремка уже находится въ числѣ дѣйствующихъ лицъ этого явленія. Поправки сводятся къ дополненіямъ и сокращеніямъ. Такъ, напр., передъ репликой Петра: «Жена была здѣсь? Зачѣмъ же она была?..» и т. д. первоначально идутъ слова: «Развѣ пойти куда-нибудь», потомъ зачеркнутыя. Его же реплика: «Пошелъ прочь, пока живъ!.. Что ты, смѣяться что ли надо мной вздумалъ», первоначально читалась такъ: «Ужъ и ты вздумалъ смѣяться надо мной», при чемъ, конечно, это чтеніе далеко не такъ удачно, какъ въ исправленномъ видѣ. Любопытно еще одно сокращеніе. Реплика Еремки: «Куда мнѣ идти-то?..» и т. д. сначала была значительно длиннѣе: «Куда мнѣ идти, я здѣшній, а тебѣ пора, дѣлать-то здѣсь нечего. Было дѣло, да собака съѣла. [Мало-ль что было? Было два била, да третье колотило, а теперь сняли да колоколъ повѣсили]». Слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты, какъ совершенно излишняя подробность, хотя сама по себѣ можетъ быть и интересная. Реплика Еремки: «Убьешь, такъ отвѣтишь... Купецъ, не плюй...» и т. д. первоначально читалась такъ: «(Тебѣ не на комъ сердце сорвать). А ты, купецъ, не плюй въ колодецъ, годится воды напиться. (Ты еще видно меня не знаешь? Хочешь я твоему дѣлу помогу. Все будетъ въ нашихъ рукахъ, ужъ я такое слово знаю)». Слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты, а на поляхъ въ началѣ реплики добавлено: «Убьешь такъ отвѣтишь». Послѣ же этой реплики шла прямо реплика Петра: «Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу, слышишь ты!» Все остальное, что теперь заключается между этими двумя репликами, добавлено на поляхъ. Во-

просъ Петра; «А что ты за человѣкъ?» только нѣсколько въ иной формѣ: «Да ты самъ-то кто такой» и отвѣтъ Еремки: «Я изъ старыхъ нищихъ молодой обморокъ, а тотъ еще половчѣй меня», первоначально шли послѣ словъ Еремки: «Есть у меня такой человѣкъ, изъ простыхъ да ловкій, половчѣй меня будетъ». Очевидно, отмѣченная выше вставка сдѣлана послѣ написанія всего текста. Любопытно, что также на поляхъ вставлена подробность о ворожбѣ.

«Еремка... Тутъ безъ ворожбы дѣло не обойдется...

Петръ. И можетъ онъ приворожить?

Еремка. Можетъ. Его приворотъ на тысячу верстъ дѣйствуетъ. Такъ приворотитъ, что она изъ дому убѣжитъ, да къ тебѣ придетъ».

Явленіе 6-е заканчивалось вопросомъ Еремки: «У тебя есть деньги?» и отвѣтомъ Петра: «Есть». Теперешнихъ заключительныхъ репликъ Петра и Еремки въ нашей рукописи нѣтъ.

Въ сценѣ II-й III-го дѣйствія во 2-мъ явленіи реплика Петра: «Страшно мнѣ, страшно!.. Поди, сядь со мной...» и т. д. въ рукописи первоначально читалась такъ: «Поди, сядь со мной. Не то мнѣ обидно, что она [1]) меня (молодца Груша) [2]) не любитъ, а то мнѣ обидно, что не доставайся она никому». Все, что теперь заключается между словами: «Поди, сядь со мной», и репликой: «Не то мнѣ обидно, что...» и т. д., добавлено на поляхъ и на отдѣльномъ листочкѣ, прил. 6.

Явленіе 2-е предварительно кончалось уходомъ Афимьи. Монологъ Петра, теперь заканчивающій 2-е явленіе, въ рукописи составляетъ явленіе 3-е. Читался этотъ монологъ такъ: «Вонъ завыли... вонъ... вонъ... вонъ собаки завыли. Это они моей погибели ждутъ! Чтожъ! я проклятый человѣкъ, я окаянный! Ѣшьте меня. [А я по слѣду найду, я ее по слѣду найду. Теперь зима, снѣгъ, по следу видно. (Мѣсяцъ свѣтитъ — все равно, что днемъ. Только страшно). Пойдемъ, добрый человѣкъ Еремка, пой-

---

[1]) Это слово зачеркнуто карандашомъ.
[2]) Эти слова написаны карандашомъ сверху строки.

демъ вмѣстѣ|». Все, поставленное въ квадратныя скобки, писано очевидно впослѣдствіи: почеркъ иной, нѣсколько крупнѣе и карандашъ нѣсколько блѣднѣе. Поставленное въ круглыя скобки написано на поляхъ. Слова «добрый человѣкъ» зачеркнуты. Слово «Еремка» надписано надъ ними и также зачеркнуто. Затѣмъ условными знаками обозначено, что слова «вонъ завыли...» и т. д. должны слѣдовать послѣ словъ «Только страшно». Надо полагать, что текстъ еще разъ подвергался пересмотру, и данный монологъ былъ написанъ на отдѣльномъ листочкѣ (прил. 6), почти какъ въ печатномъ текстѣ.

Явленіе 4-е въ рукописи соотвѣтствуетъ явленію 3-му въ печатномъ текстѣ. Въ немъ обращаетъ на себя вниманіе реплика Агаѳона, котоная сначала читалась такъ (привожу тексты параллельно):

Рукописный текстъ.

„А ты сама хорошо сдѣлала, что насъ бросила. Вотъ и терпи, да наказаніе-то принимай съ кротостью, да съ благодарностью. — Я его не хвалю, да дѣло-то ваше такое, что не намъ его поправлять, сами виноваты. Ну а какъ ты его оставишь-то, ужъ онъ и вовсе тогда въ отчаяніе придетъ, дескать жена меня оставила. Ну а какъ онъ боленъ сдѣлается, кто за нимъ уходитъ, это вѣдь твой первый долгъ. Ты подумай объ этомъ да помекай хорошенько, такъ тебѣ глупости-то на умъ не пойдутъ.

Даша. Тятенька!“

Печатный текстъ („Москвитянина“).

„Все это не дѣло, все это не дѣло! Охъ, охъ, охъ! Нехорошо! Ты сама права чтоль? Дѣло сдѣлала, что насъ со старухой бросила? Говори, дѣло сдѣлала? Такъ это и надо? Такъ это по закону и слѣдуетъ? Врагъ васъ обуялъ! Вы точно какъ не люди! Вотъ ты и терпи! и терпи! Да наказанье-то съ кротостью принимай, да съ благодарностію. А то что это? что это? Бѣжать хочетъ! Какой это порядокъ? Гдѣ это ты видала, чтобъ мужья съ женами порознь жили? Ну, ты его оставишь, бросишь его, а онъ въ отчаяніе придетъ, кто тогда виноватъ будетъ, кто? Ну, а захвораетъ онъ, кто за нимъ уходитъ? Это вѣдь первый твой долгъ. А застигнетъ его

смертный часъ, захочетъ онъ
съ тобой проститься, а ты
по гордости ушла отъ него...
Даша. Батюшко!..“

Какъ видите, въ рукописномъ текстѣ монологъ значительно короче, но краткость эта не служитъ къ пользѣ дѣла: печатный текстъ его ярче, живѣе, колоритнѣе и, какъ говорятъ, красочнѣе. Слѣдуетъ замѣтить, что слова: «Какой это порядокъ? Гдѣ это ты видала, чтобъ мужья съ женами порознь жили?» вставлены раньше, чѣмъ сдѣланы другія вставки, а именно вѣроятно тогда, когда начато или писано слѣдующее 5-ое (печатное 4-ое) явленіе: вставка эта и текстъ 5-го явленія писаны однимъ мелкимъ почеркомъ. Затѣмъ, при пересмотрѣ рукописи, текстъ этого монолога исправленъ: часть словъ зачеркнута, часть надписана сверху строкъ, часть на поляхъ и послѣ этихъ перемѣнъ получился теперешній печатный текстъ.

Какъ было только что замѣчено, 5-ое рукописное явленіе соотвѣтствуетъ печатному 4-му, а рукописное 6-е — печатному 5-му. Первоначально послѣднее состояло почти изъ одного монолога Петра, который читался такъ:

«Добрые люди не вините меня, я самъ съ повинной головой пришелъ. Не стою я, окаянный, того, чтобы глядѣть-то на васъ, да и не глядѣлъ бы, кабы не чужія молитвы. Самъ-то я недостоинъ, чтобъ и на свѣтѣ-то жить. Знаете ли, добрые люди, что я нынче сдѣлалъ. Ужъ покаюсь я вамъ во всемъ, легче будетъ на совѣсти. Я хотѣлъ жену убить... безвинно. Да видно, какъ только я задумалъ это дѣло, такъ у меня Богъ разсудокъ и отнялъ. Стали мнѣ мерещиться (въ рук. мерещится) разные люди; идутъ они кудато и я за ними, спрашиваю, гдѣ жена, они смѣются да кудато показываютъ, я все шелъ, шелъ... Вдругъ гдѣто въ колоколъ, я только что поднялъ руку, гляжу я на самой быстринѣ М(осква) р(ѣки) стою надъ прорубемъ. Страхъ меня обуялъ, вся жизнь моя прошлая, мнѣ, какъ на ладонкѣ представилась,— вспомнилъ я тутъ и батюшкины слова, что я хожу надъ пропастью. Самъ-то я не утонулъ, за то ужъ жизнь свою распутную утопилъ тутъ и проклялъ ее. Не выдетъ у

меня эта ночь изъ головы до самаго гроба. Помогите мнѣ добрые люди замолить этотъ грѣхъ, да честной жизнью загладить его. Да скажите и батюшкѣ, самъ-то я не смѣю къ нему итти.

Всѣ. Помоги тебѣ Богъ».

Заключительныхъ репликъ Агаѳона и Даши въ нашей рукописи нѣтъ. Слѣдуетъ замѣтить, что, хотя настоящее явленіе и подвергалось переработкѣ, но окончательный текстъ его въ рукописи все еще не вполнѣ сходенъ съ печатнымъ и слѣдовательно еще разъ пересматривался, но уже не въ нашей рукописи.

Итакъ, особенность первоначальнаго текста III-го дѣйствія составляло то, что не было теперешняго 3-го явленія, т.-е. сцены Еремки съ дѣвушками, а также и то, что Еремки не было въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ теперешнихъ 4-мъ и 5-мъ явленіяхъ. Затѣмъ, какъ и въ предшествующихъ двухъ дѣйствіяхъ, не было еще многихъ подробностей, болѣе реально изображающихъ жизнь или ярче характеризующихъ то или другое лицо, не сразу удавалась автору и рѣчь его персонажей.

III.

Въ изданіи сочиненій А. Н. Островскаго, выпущенномъ въ свѣтъ гр. Кушелевымъ-Безбородко въ 1859 году, въ нашу драму внесены нѣкоторыя поправки, сокращенія и дополненія. Послѣднія такого рода, что заставляютъ признать настоящую переработку драмы новой, по счету третьей, ея редакціей.

Прежде всего бросается въ глаза ремарка автора: «Содержаніе взято изъ народныхъ разсказовъ». Въ виду этого характерны и такія подробности, какъ, напр., особенности народнаго говора. Такъ, во 2-мъ явленіи I-го дѣйствія Илья между прочимъ говоритъ: «...а я старый человѣкъ, мнѣ покой нуженъ, пора о душѣ вспомнить». Въ изданіи гр. Кушелева-Безбородко это мѣсто читается такъ: «а я старый человѣкъ, мнѣ покой нуженъ, пора и своя душа вспомнить». Такъ же оно читается и во 2-мъ изданіи

Кожанчикова 1868 г. Въ изданіи 10-мъ: «свою душу вспомнить». Вѣроятно, это ошибочное исправленіе: первое чтеніе гораздо колоритнѣе, во всякомъ случаѣ оно имѣетъ право старшинства, хотя возможно, что и самъ Островскій снова измѣнилъ текстъ.

Въ этой же репликѣ Ильи, откуда заимствовано только что приведенное мѣсто, сдѣлано въ изданіи гр. Кушелева-Безбородко слѣдующее дополненіе. Въ текстѣ «Москвитянина» читаемъ: «Съ тѣхъ поръ и свѣтъ увидалъ, какъ у братца въ его келейкѣ живу. Какое житье въ міру-то нынче? Только соблазнъ одинъ...» Въ изданіи гр. Кушелева-Безбородко: «Съ тѣхъ поръ и свѣтъ увидалъ, какъ у братца въ его кельѣ живу. Вотъ немножко прошелъ по Москвѣ, всего-то отъ монастыря до васъ, а сколько мерзости-то видѣлъ! Народъ-то словно въ аду кипитъ; шумъ, гамъ, пѣсни бѣсовскія! Вотъ вчера, говорятъ, двоихъ мертвыхъ на улицѣ подняли, да одинъ въ прорубѣ утонулъ. Христіанская ли это смерть! Куда они угодили? Какое житье въ міру-то нынче?—Только соблазнъ одинъ...» Эта вставка, какъ видите, еще болѣе подчеркиваетъ аскетическій характеръ Ильи.

Иногда текстъ «Москвитянина» подвергался и сокращеніямъ. Такъ монологъ Петра (д. I, явл. 6-е) читался здѣсь такъ: «И за что только я загубилъ свою молодость? Опуталъ себя по рукамъ и по ногамъ? Вотъ и близко локоть-то, да не укусишь. Моей ли буйной головѣ на привязи жить? Эхъ кабы не баба у меня эта плакса, погулялъ бы я, показалъ бы себя. Вся Москва бы, глядя на меня, натѣшилась! Что во мнѣ удали, такъ на десять человѣкъ хватитъ. А и то сказать, велика радость сидѣть съ бабами, пересыпать изъ пустаго въ порожнее. Нѣтъ, ужъ видно не бывать этому, пропадай они пропадомъ. Не связать у сокола крыльевъ, не отнять у молодца волюшки (*поетъ*).

Удалая голова
Не ходи мимо сада (2)
Не прокладывай слѣда,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади.

И пѣсня-то не поется, ровно камень на сердцѣ лежитъ. Поѣду я къ своей кралечкѣ, размычу тоску-горе».

Въ изданіи же гр. Кушелева-Безбородко этотъ монологъ читается нѣсколько иначе: «Эхъ! Шибко голова болитъ! Скружился я совсѣмъ! (*Задумывается.*) Аль погулять еще? Дома-то тоска. Спуталъ я себя по рукамъ и по ногамъ! Кабы не баба у меня эта плакса, погулялъ бы я, показалъ бы себя. Что во мнѣ удали, такъ на десять человѣкъ хватитъ! А и то сказать, велика радость сидѣть съ бабами, пересыпать изъ пустаго въ порожнее. Ужъ догуляю масленую, была не была!

Удалая голова
Не ходи мимо сада,
Не прокладывай слѣда,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади,

А какъ голова-то болитъ; ровно треснуть хочетъ. Поѣду-ка я къ своей кралечкѣ, размычу тоску-горе!» Исправленіе сдѣлано несомнѣнно къ лучшему: монологъ не страдаетъ теперь длиннотами.

Въ монологѣ Даши (д. I, явл. 8) послѣ словъ: «Одно только, кажется, не перенесетъ душа моя, коли онъ да промѣняетъ меня на кого-нибудь», въ изданіи гр. Кушелева-Безбородко находимъ мелкую, но характерную вставку: «А вѣдь отъ него, пожалуй, станется».

Наконецъ въ I-мъ дѣйствіи, явл. 10, находимъ еще одну поправку. Вторая реплика Даши въ текстѣ «Москвитянина» читается: «Злодѣй-то мой, тетушка, совсѣмъ меня бросилъ!.. Тетушка, онъ себѣ нашелъ...» Въ новой редакціи: «Злодѣй-то мой, тетушка, совсѣмъ меня бросилъ!.. Тетушка, у него есть полюбовница!.. Вотъ отчего дома-то онъ не живетъ».

Во II-мъ дѣйствіи 5-ое явленіе, а также коротенькое 6-ое подверглись такой переработкѣ, что приходится привести ихъ оба цѣликомъ, при чемъ для удобства сличенія я приведу оба текста.

Текстъ „Москвитянина“.

„Груша. Что ты такой сердитый? На меня что-ль сердитъ?

Петръ. Что мнѣ на тебя сердиться, съ какой стати. Я на тебя радоваться прихожу. А такъ скучно, дѣла такія есть.

Груша. А ты не скучай! Что за скука! Такъ-то, голубчикъ мой бѣленькой. *(Поетъ.)*

Какъ у молодца, у удалаго,
Печаль тоска не бывала;
Что сегоднешнюю-то темну ночь
Печаль тоска обуяла.

Петръ. Жизнь ты моя, лебедь бѣлая, прилука молодецкая! Возьми ты вострый ножъ, зарѣжь меня, легче мнѣ будетъ.

Груша. Да что съ тобой сдѣлалось?

Петръ. Несчастный я человѣкъ! Ужь не знаю, какъ мнѣ и на свѣтѣ-то жить? Голова моя вся кругомъ пошла.

Текстъ изданія гр. Кушелева-Бездородко.

ДѢЙСТВІЕ II, явленіе 5.

Груша и Петръ.

„Груша. Что ты такой сердитый? На меня что-ль сердитъ?

Петръ. Я нынче не въ себѣ, дѣла такія есть.

Груша. А ты не скучай! Что за скука!.. Такъ-то, голубчикъ мой бѣленькой. *(Поетъ.)*

Какъ у молодца, у удалаго,
Печаль тоска не бывала;
Что сегоднешнюю-то темну ночь
Печаль тоска обуяла.

Петръ. Ужъ очень я тебя люблю. Надоть такъ думать, ты меня приворожила чѣмъ ни-на-есть!

Груша. Что ты! Господь съ тобой!

Петръ. Возьми ты вострый ножъ, зарѣжь меня, легче мнѣ будетъ.

Груша. Да что съ тобой сдѣлалось?

Петръ. Несчастный я человѣкъ! Ничего я не пойму, ничего не соображу. Голова моя вся кругомъ пошла! Ровно туману кто напустилъ на меня!

Груша. Да отъ чего такъ? Скажи.

Петръ. Нѣтъ, ты вотъ что, Груша: скажи ты мнѣ по душѣ, такъ, чтобы ужь я зналъ: ты оченно меня любишь?

Груша. А то скажешь— нѣтъ? Извѣстно, люблю.

Петръ. Ой-ли? Не обманываешь ли ты меня?

Груша (обнимая его крѣпко). Вотъ какъ люблю!.. вотъ!

Петръ. Груша, такъ ты меня, такъ любишь? Ну, пропадай все на свѣтѣ! Скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня! — Загублю, глазомъ не сморгну.

Груша. Что ты, что ты?! Нехорошо! Нешто такія слова говорятъ? Въ какой часъ скажется. Вотъ, у насъ кузнецъ Еремка, все этакъ душой-то своей клялся, въ треисподнюю себя проклиналъ... Ну, чтожь, сударь ты мой... такая-то страсть!.. И завелъ его на сѣновалъ подъ крышу. Насилу стащили, всего скорчило. Ужь такой-то этотъ Еремка распостылый! Какихъ бѣдъ съ нимъ не было! Два раза изъ прорубя вытаскивали, а ему все какъ съ гуся вода.

Петръ. Что мнѣ себя жалѣть-то? Ужь и такъ пропащая моя голова, за одно пропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебѣ нужно: золота, серебра, каменьевъ самоцвѣтныхъ—себя заложу, а тебя подарю.

Груша. Да отчего такъ? Скажи.

Петръ. Говори ты мнѣ прямо, такъ, чтобъ ужъ я зналъ: любишь ли ты меня?

Груша. А то скажешь— нѣтъ? Извѣстно, люблю.

Петръ. Ой-ли? Вѣрно твое слово?

Груша (обнимая его крѣпко). Вотъ какъ люблю!.. вотъ!

Петръ. Груша, такъ ты меня такъ любишь? Ну, пропадай все на свѣтѣ! Скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня!—Загублю, глазомъ не сморгну.

Груша. Что ты, что ты?! Нехорошо! Нешто такія слова говорятъ? Въ какой часъ скажется. Вотъ у насъ кузнецъ Еремка, все этакъ душой-то своей клялся, въ треисподнюю себя проклиналъ... Ну чтожъ, сударь ты мой... такая-то страсть!.. И завелъ его на сѣновалъ подъ крышу. Насилу стащили, всего скорчило. Ужъ такой-то этотъ Еремка распостылый! Какихъ бѣдъ съ нимъ не было! Два раза изъ прорубя вытаскивали, а ему все какъ съ гуся вода.

Петръ. Что мнѣ себя жалѣть-то? Ужь и такъ пропащая моя голова, за одно пропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебѣ нужно; золота, серебра, каменьевъ самоцвѣтныхъ—себя заложу, а тебѣ подарю.

Груша. Ничего мнѣ, голубчикъ ты мой бѣленькой, ненадо, всего у меня довольно. А ты вотъ что, парень, люби ты меня, какъ я тебя люблю.

Петръ. Эхъ, Груша! Что́ твоя любовь?—потѣха! Тебѣ весело, а у меня, глядя на тебя, сердце кровью обливается.

Груша. А ты вотъ какъ люби: ходи почаще, носи пряничковъ послаще, да еще ленту поалѣе, да гляди на меня помилѣе, да цѣлуй покрѣпче... ха, ха, ха... Да вотъ еще я у тебя давно хотѣла попросить, купи ты мнѣ перстенечикъ.

Петръ. Хоть десятокъ принесу.

Груша *(поетъ)*.

Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь!
Золото твое колечко
Прижму ко сердечку.

У насъ у всѣхъ дѣвушекъ есть... ну понимаешь... пріятели. Посмотри въ праздникъ, сколь хорошо: на улицѣ сидятъ всѣ вмѣстѣ; а ты вотъ со мной никогда не погуляешь. Покрайности я перстенекъ покажу, что есть у меня такой парень, который меня вѣрно любитъ! Ты пріѣзжай ужо пораньше, заложимъ тройку, насажаемъ дѣвокъ, поѣдемъ кататься съ пѣснями.

Петръ. Нѣтъ, ты потѣшь мою душу въ первой и въ

Груша. Ничего мнѣ, голубчикъ ты мой бѣленькій, ненадо, всего у меня довольно. А ты вотъ что, парень, люби ты меня, какъ я тебя люблю.

Петръ. Эхъ, дѣвка! Что балясы-то точишь! Видишь, я въ какомъ разѣ! Проси, чего хочешь. Дорогаго проси!

Груша. Чего у тебя просить-то! А вотъ что: ходи почаще, носи пряничковъ послаще, да еще ленту поалѣе, да гляди на меня помилѣе, да цѣлуй покрѣпче... ха, ха, ха!.. Да вотъ еще я у тебя давно хотѣла попросить: купи ты мнѣ перстенечекъ.

Петръ. Ужо два привезу.

Груша *(поетъ)*.

„Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь!
Золото твое колечко
Прижму ко сердечку“.

У насъ у всѣхъ дѣвушекъ есть... ну понимашь... пріятели... Посмотри въ праздникъ, сколь хорошо: на улицѣ сидятъ всѣ вмѣстѣ; а ты вотъ со мной никогда не погуляешь. По крайности я перстенекъ покажу, что есть у меня такой парень, который меня вѣрно любитъ. Ты пріѣзжай ужо пораньше, заложимъ тройку, насажаемъ дѣвокъ, поѣдемъ кататься съ пѣснями.

Петръ. Давай руку. *(Беретъ руку)*. Значитъ, кончено!

послѣдній, поѣдемъ со мной съ однимъ, какъ есть.

Груша. Вотъ, чтожь не поѣхать.

Петръ *(беретъ ее за руку)*. Поѣдешь?

Груша. Извѣстно, поѣду.

Петръ *(ударяетъ ее по рукѣ)*. Ну ужъ тамъ что̀ ни будь надъ моей головой, а ужь мы съ тобой погуляемъ. Поди, посмотри, нѣтъ ли кого въ избѣ, либо на дворѣ.

Груша. Что такъ скоро? Посиди.

Петръ. Некогда, надоть по дѣлу съѣздить.

Груша. Ну, нельзя, такъ ненадо. *(Уходитъ.)*

(Ударяетъ ее по рукѣ. Груша киваетъ головой). Такъ на кой намъ тутъ дѣвокъ! Мы двое поѣдемъ.

Груша. Чтожъ не поѣхать!

Петръ. Поѣдешь?

Груша. Извѣстно, поѣду.

Петръ *(цѣлуетъ Грушу)*. Вотъ это люблю. Это по нашему. Поди, посмотри, нѣтъ ли кого въ избѣ, либо на дворѣ.

Груша. Что такъ скоро? Посиди.

Петръ. Теперь некогда. Еще вечеръ-то нашъ.

Груша. Ну, нельзя, такъ ненадо. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Петръ *(одинъ)*. Загулялъ теперь добрый молодецъ, Петръ Ильичъ! Насъ ли дѣвушки не любятъ? Покрайности поживу какъ душѣ хочется. Ужь семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ. *(Груша входитъ.)*“

Петръ *(одинъ)*. Ухъ! Загуляю! Эку паву поддѣлъ! Насъ ли дѣвушки не любятъ? *(Груша входитъ.)*“

Сравненіе двухъ текстовъ показываетъ, насколько тщательно обрабатывалъ Островскій текстъ своихъ прозведеній. Переработка въ значительной степени улучшила текстъ и обнаруживаетъ руку опытнаго мастера.

Въ III-мъ дѣйствіи было передѣлано начало 3-го явленія, при чемъ, какъ можно видѣть изъ сопоставленія текстовъ, переработка вышла къ лучшему.

Текстъ „Москвитянина“.	*Издан. гр. Кушелева-Безбородко.*

ДѢЙСТВІЕ III, явленіе 3.

Тѣ-же и Еремка.

„Еремка. Нашъ атласъ не йдетъ отъ насъ. Всѣ ли вы здѣсь?

Груша. Ты зачѣмъ сюда? Непрошеный гость хуже татарина.

Еремка. Да ты что? ты винцомъ поподчуй, а потомъ я васъ всѣхъ цѣловать стану“.

„Еремка. Нашъ атласъ не йдетъ отъ насъ. Всѣ ли вы здѣсь?

Дѣвушки. Ахъ, ахъ, Еремка пришелъ! Еремка пришелъ!

Груша. Ты зачѣмъ сюда? Непрошеный гость хуже татарина.

Еремка. Да ты что? Какіе нынче дни-то! Ты вспомни! А еще хозяйка! Ты меня сперва наперво винцомъ поподчуй, а потомъ я съ вами прощаться стану. *(Утираетъ губы)*“.

Въ томъ же 3-мъ явленіи пѣсня Еремки въ текстѣ «Москвитянина» состоитъ не изъ 4-хъ строкъ, какъ въ изданіи гр. Кушелева-Безбородко, а изъ 8, т.-е. приведены двѣ строфы. Вотъ вторая ея строфа:

„Я топоръ въ рукахъ держу,
Да все колышки тѣшу.
Ай люли, ай люли!
Да все колышки тѣшу“.

Сокращеніе, характерное для Островскаго. Онъ почти всегда сокращаетъ приводимыя имъ народныя пѣсни, а не приводитъ ихъ цѣликомъ, чтобы не замедлить дѣйствія.

Въ явленіи 4-мъ того же дѣйствія находимъ слѣдующія измѣненія:

1) Реплика Петра: «Что́ ты, что́ ты! Голубка моя! Подойди-ко ко мнѣ, я тебя поцѣлую» (текстъ «Москвитянина») въ новомъ изданіи получила такой видъ: «Что ты, что ты? Подойди-ка ко мнѣ, поцѣлуемся».

2) Къ слѣдующей репликѣ Петра: «Что ты шутишь или смѣешься?» прибавлена ремарка автора: «строго».

3) Къ репликѣ Петра: «Пошелъ прочь! *(садится у печи)*. Только бъ мнѣ добраться, кто это тебѣ насказалъ. ужъ не увернулся бы у меня! задалъ бы ему память! Васька что ли?» (текстъ «Москвитянина») прибавлено: «Убью я его!»

4) Реплика Петра (текстъ «Москвитянина»): «Да въ чемъ виноватъ-то? красавица ты моя! Не вѣрь ты никому!... Все вороги мои разлучить насъ съ тобой хотятъ, погубить меня хотятъ! Коли ты меня, Груша, покидаешь, мнѣ лучше на свѣтѣ не жить! Развяжи ты меня, скажи мнѣ: шутишь ты что ли?» послѣ переработки вышла такой: Петръ *(встаетъ)*. «Нѣтъ, это, Груша, не то. Не вѣрь ты никому!... Все вороги мои разлучить насъ съ тобой хотятъ, погубить меня хотятъ! Развяжи ты меня, скажи: шутишь что ли?»

5) Въ явленіи 5-мъ вмѣсто короткой, но яркой реплики Петра: «Будетъ тебѣ тятенька, погоди», читаемъ въ изданіи гр. Кушелева-Безбородко: «Что жъ вы со мной дѣлаете, окаянные! Али вамъ погибели моей хочется?» Замѣна, на мой взглядъ, врядъ ли удачная; вмѣсто яркихъ и выразительныхъ словъ находимъ какую-то реторику. Причиной этой перемѣны было, мнѣ думается, желаніе усилить драматизмъ въ положеніи Петра. Этимъ же, надо полагать, объясняется отмѣченное выше прибавленіе словъ: «Убью я его», а также пополненіе реплики Петра: «Ну, Васька, помни ты это! Ты лучше мнѣ и на глаза не попадайся», слѣдующими словами: «Я тебѣ напередъ говорю. Я теперь въ себѣ не властенъ».

Чтобы покончить съ 5-мъ явленіемъ, отмѣтимъ, что въ заключительной репликѣ Еремки: «Ну, я не заплачу: мнѣ и здѣсь пожива есть», въ новой редакціи выброшена вторая половина фразы (послѣ двоеточія).

Въ явленіи 6-мъ также сравнительно много передѣлокъ. Прежде всего авторъ заставляетъ Петра высказать мысль, что жена приходила искать его, и къ репликѣ Петра: «А ужъ коли такъ,—пропадай все на свѣтѣ! Покажу-жь я себя!... Ужь я теперь надѣлаю дѣлъ», прибавляетъ въ

началѣ ея слѣдующія слова: «Искать меня! Слѣдить! Погодишь ты теперь».

Въ репликѣ того же Петра: «Пошелъ прочь, пока живъ!... Что ты, смѣяться что ли надо мной вздумалъ?» выброшена въ новой редакціи вся вторая ея половина: «Что ты смѣяться...» и т. д.

Затѣмъ въ томъ же явленіи я долженъ указать еще два мѣста, при чемъ приходится привести параллельно оба текста.

Текстъ „Москвитянина“.

„Еремка. Убьешь, такъ отвѣтишь.... Купецъ, не плюй въ колодецъ, годится водицы напиться. Ты лучше попроси, да покланяйся мнѣ.

Петръ. Тебѣ кланяться? А что ты за человѣкъ?

Еремка. Изъ старыхъ нищихъ молодой оборокъ, а для тебя нужный человѣкъ. Я слово знаю.

Петръ. Какое слово?

Еремка. А такое слово, что все будетъ по нашему, какъ намъ хочется.

Петръ. Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу, слышишь ты!

Еремка. Какъ не слыхать—слышу. Зачѣмъ обманывать! Мы скоморохи, люди вѣжливые — обмануть не обманемъ, а своего не упустимъ, мимо рта не пронесемъ.

Издан. гр. Кушелева-Безбородко.

„Еремка. Убьешь, такъ отвѣтишь... Купецъ, не плюй въ колодецъ, годится водицы напиться.

Петръ. Да отвяжись ты, дьяволъ! Что тебѣ отъ меня нужно, а? Что ты за человѣкъ?

Еремка. Изъ старыхъ нищихъ молодой оборокъ. *(Петръ смотритъ на него).* Купецъ, я слово знаю.

Петръ. Какое слово?

Еремка. А такое слово, что все будетъ по-нашему, какъ намъ хочется.

Петръ. Да ты вправду, иль шутя?

Еремка. Ужъ за то берусь.

Петръ. Слушай! Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу.

Еремка. Зачѣмъ обманывать! Мы скоморохи, люди вѣжливые — обмануть не обманемъ, а своего не упустимъ, мимо рта не пронесемъ.

Петръ. Бери ты съ меня послѣднюю рубашку, только дѣло сдѣлай".

Петръ. Бери ты съ меня послѣднюю рубашку, только дѣло сдѣлай. Вотъ мнѣ до которыхъ поръ приходитъ. Видишь? *(Показываетъ на шею)*".

Второе мѣсто черезъ четыре реплики дальше.

„Еремка (текстъ „Москв."). Погоди. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Есть у тебя тоска-кручина, напущена эта кручина на тебя по вѣтру: тутъ безъ ворожбы дѣло не обойдется. Тоску эту надо снять, а на красную дѣвицу мы приворотъ найдемъ. Есть у меня такой человѣкъ, изъ простыхъ да ловкій, половчѣй меня будетъ.

„Еремка (изд. гр. Кушел.-Безбор.). Погоди, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Есть у тебя тоска-кручина, напущена эта кручина на тебя по вѣтру: тутъ безъ ворожбы дѣло не обойдется. Есть у меня такой человѣкъ, изъ простыхъ, да ловкій, половчѣй меня будетъ.

Петръ. И можетъ онъ приворожить?

Петръ. Страшно.

Еремка. Страшно, такъ не ходи.

Петръ. И можетъ онъ приворожить дѣвку, чтобъ любила, чтобъ не она надо мной, а я надъ ней куражился, какъ душѣ угодно?

Еремка. Можетъ; его приворотъ на тысячу верстъ дѣйствуетъ. Такъ приворотитъ, что она изъ дому убѣжитъ, да къ тебѣ придетъ. Только къ нему съ пустыми руками не ходи, а надо штофъ вина да денегъ рубль. Да не со всякимъ онъ еще и разговаривать-то станетъ, а съ кѣмъ я прикажу.

Еремка. Можетъ; его приворотъ на тысячу верстъ дѣйствуетъ. Такъ приворожитъ, что... и т. д. какъ въ текстѣ „Москвит.".

Петръ. Ну такъ поѣдемъ, нечего тутъ разговаривать-то.

Петръ. Ну такъ поѣдемъ.

Еремка. Ты не больно торопись, не во всякій часъ это дѣлается, надобно знать время. Теперь еще не тотъ часъ, а мы прежде пойдемъ погуляемъ. У тебя есть деньги?

Петръ. Эхъ, голова, ты въ жизнь такой гульбы не видывалъ, что отъ меня увидишь.

Еремка. Ну и ладно. Пойдемъ. *(Запѣваетъ).* Ужъ и я ли твому горю помогу! Помогу, могу-могу-могу-могу. *(Уходятъ)*".

Еремка. *(Какъ въ текстѣ „Москвитянина").*

Петръ. Эхъ, голова, ты въ жизнь такой гульбы не видывалъ, что отъ меня увидишь.

Еремка. А я тебѣ такія мѣста покажу, только ухъ! Дымъ коромысломъ. Только деньги припасай.

Петръ. Деньги съ нами.

Еремка. Ну и ладно. Пойдемъ. Вотъ и я съ праздникомъ. *(Поетъ).* „Ужъ и я ли твому горю помогу. Помогу-могу-могу-могу-могу".

(Уходятъ)".

И въ этихъ двухъ мѣстахъ дѣло не обошлось безъ усиленія драматизма въ положеніи Петра, а также введены нѣкоторыя подробности (мысль Петра о томъ, что жена слѣдитъ за нимъ, колебаніе его итти ворожить и др.), которыя придаютъ дѣйствію болѣе живости и правдоподобія.

Наконецъ обращаетъ на себя вниманіе поправка въ концѣ 2-го явленія II-й сцены III-го дѣйствія. Приведу опять-таки оба текста.

Текстъ „Москвитянина".

„Афимья. Что ты ножомъ-то махаешь, ну тебя! Съ тобой страсть одна, да и только. *(Въ сторону).* Пойдти разбудить всѣхъ! *(уходитъ).*

Петръ. Я ее по слѣду найду!... Я ее по слѣду най-

Издан. гр. Кушелева-Безбородко.

„Афимья. Что ты ножомъ-то махаешь, ну тебя! Съ тобой страсть одна, да и только.

Петръ. Я ее по слѣду найду!... Я ее по слѣду най-

ду! Теперь зима, снѣгъ, по слѣду все видно, мѣсяцъ свѣтитъ, все равно, что днемъ *(садится)*. Страшно мнѣ, страшно. Вонъ мятель поднялась.... Ухъ! такъ и гудетъ! Вонъ завыли.... вонъ, вонъ собаки завыли. Это они на мою голову воютъ, моей погибели ждутъ.... Ну чтожь, войте! Я проклятый человѣкъ!... Я окаянный человѣкъ *(встаетъ)*. Пойдемъ, пойдемъ. Веди ты меня!

(уходитъ)".

Здѣсь кончалось 2-е явленіе по тексту „Москвитянина".

ду! Теперь зима... и т. д., какъ въ текстѣ „Москвитянина", за исключеніемъ конца.... Я проклятый человѣкъ!.. Я окаянный человѣкъ. *(Встаетъ)*.

Афимья. Ишь ты, ишь ты! Ахъ, батюшки, какъ страшно!

Петръ. Нѣтъ, не то, тетушка, все не то! Все я не то говорю. Вотъ что: кабы я не былъ женатъ, развѣ-бъ меня Груша не любила? Я бы женился на ней. Стало быть, жена мнѣ помѣха, и во всемъ мнѣ она поперекъ... Вотъ за это я ее и убью... за это за самое...

Афимья. Что мнѣ дѣлать-то съ нимъ, ума не приложу. *(Въ комнатѣ вдругъ появляется Еремка, котораго видитъ только одинъ Петръ)*.

Петръ. А, благопріятель! Чтожъ ты смотришь-то на меня? Чтожъ ты такъ смотришь? Вѣдь самъ научилъ, какъ жену извести!

Афимья. Съ кѣмъ онъ это говоритъ-то,—никого нѣту. Наше мѣсто свято! Чуръ меня! Чуръ меня! Пойти разбудить всѣхъ. *(Уходитъ)*.

Петръ *(Еремкѣ)*. Что ты говоришь, а? Ну, да! И я тоже говорю, чудакъ человѣкъ! Вмѣстѣ пойдемъ! Поскорѣй, поскорѣй! *(Останавливается)*. Ха, ха, ха! Смѣшной ты человѣкъ! Вотъ онъ ножикъ-то! *(Уходятъ)*".

Таковъ конецъ 2-го явленія II-ой сцены III-го дѣйствія по изданію гр. Кушелева-Безбородко и, конечно, по позднѣйшимъ. Какъ видите, въ новой редакціи авторъ, очевидно, желая опять-таки усилить драматизмъ пьесы, развиваетъ послѣднія слова Петра изъ прежней редакціи въ цѣлую сцену, вводитъ сцену галлюцинаціи, а чтобы для зрителя не было сомнѣнія въ томъ, что это галлюцинація, авторъ оставляетъ все время на сценѣ и Афимью [1]), которая уходитъ только передъ заключительной репликой Петра.

Итакъ, авторъ тщательно переработалъ текстъ своей драмы, внеся нѣкоторыя измѣненія и въ самую рѣчь своихъ дѣйствующихъ лицъ; очевидно, онъ, такъ сказать, углублялъ свои наблюденія надъ народной рѣчью. Далѣе онъ подчеркнулъ аскетическій характеръ Ильи, введя коротенькое замѣчаніе его о мірской жизни, усилилъ драматизмъ пьесы, точнѣе выражаясь драматизмъ въ положеніи Петра и создалъ чрезвычайно яркую и эффектную сцену галлюцинаціи, сцену истинно шекспировскую.

Вотъ какимъ передѣлкамъ подверглась драма для новаго изданія. Передѣлки настолько значительны, что новую переработку драмы, повторяю, приходится считать новой ея редакціей.

Подведемъ итоги. Существуютъ три редакціи драмы «Не такъ живи, какъ хочется».

Первая редакція, подъ заглавіемъ «Божье крѣпко, а вражье лѣпко», отличалась и количествомъ актовъ, и мѣстомъ и временемъ дѣйствія. Первоначально предполагалось 5 актовъ, дѣйствіе должно было происходить въ XVII столѣтіи, въ одномъ изъ большихъ городовъ на Волгѣ, хотя тоже было пріурочено къ масленицѣ. Имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ были иныя, чѣмъ теперь.

---

[1]) Съ этой цѣлью авторъ перенесъ ея слова: „Пойти разбудить всѣхъ!“ въ конецъ явленія передъ заключительной репликой Петра, а также исключилъ двѣ собственныя ремарки. Для полноты отмѣчу, что въ томъ же 2-мъ явленіи II-ой сцены въ репликѣ Афимьи: „Ну ужъ не сердись, принесу“, предъ послѣднимъ словомъ вставлено еще слово „погоди“, ремарка же автора „уходитъ“, а также другая ремарка „входитъ тетка“ (дальше въ репликѣ Петра) выброшены.

Но этой редакціи было написано всего только 1--ое явленіе и начало 2 го (I-го дѣйств.). На этомъ работа была прервана.

Когда задумана была драма, неизвѣстно, но приступилъ авторъ къ работѣ надъ ней, повидимому, въ августѣ 1854 года.

Стихотворные отрывки драмы, сохранившіеся въ рукописи, нельзя считать особой редакціей, потому что они составляютъ неоконченное либретто для оперы Сѣрова «Вражья сила».

Во второй редакціи драма вмѣсто 5 актовъ заключаетъ всего 3, дѣйствіе перенесено въ Москву въ концѣ XVIII столѣтія. Текстъ драмы сложился далеко не сразу. Можно думать, что онъ подвергся значительнымъ дополненіямъ послѣ того, какъ весь былъ написанъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ внесены и во время самой работы. Дополненія и сокращенія въ текстѣ производились или съ цѣлью оживить діалогъ, или внести какія-нибудь характерныя жизненныя подробности, или выработать рѣчь, болѣе соотвѣтствующую тому или другому персонажу. Такъ, въ этомъ текстѣ, т.-е. до исправленій, у Петра нѣтъ еще той грубости, какой онъ надѣленъ авторомъ впослѣдствіи, кромѣ того онъ жалуется отцу на душевную тягость, не вполнѣ выдержано его желаніе жить по своей волѣ. Въ личности Ильи не такъ сильно подчеркнутъ его аскетизмъ, его книжныя поученія.

Внесены впослѣдствіи 1-е явленіе II-го дѣйствія (Спиридоновна и ямщикъ), 3-е явленіе I-ой сцены III-го дѣйствія (Еремка и дѣвушки), въ связи съ послѣднимъ явленіемъ введенъ Еремка и въ слѣдующія 4 и 5 явленія III-го дѣйствія. По второй редакціи драма была напечатана въ «Москвитянинѣ» 1855 года (№№ 17 и 18).

Въ первомъ собраніи сочиненій А. Н. Островскаго (издан. гр. Кушелева-Безбородко) драма напечатана по новой 3-ей редакціи. Въ текстѣ этой редакціи еще болѣе усиленъ аскетизмъ Ильи, драматизмъ въ положеніи Петра, снова внесены нѣкоторыя мелкія подробности, переработана рѣчь, благодаря чему она стала еще живѣе и естественнѣе. Наконецъ, введена въ высокой степени художественная сцена галлюцинаціи.

VII.

„Въ чужомъ пиру похмѣлье“ [1]).

(Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ.)

Названная комедія Островскаго сохранилась въ рукописи № 3239 Румянц. музея, изъ числа пожертвованныхъ П. И. Шаповаловымъ.

Предварительно сдѣлаю нѣсколько замѣчавій о рукописи. Она представляетъ собою переплетенную тетрадь въ листъ. Нумерація по листамъ, всего 20 листовъ, но только цифра 1 поставлена на оборотной сторонѣ листа, потому что первая страница занята планомъ комедіи: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» (Неудача), задуманной 22-го сентября. Оборотная сторона 1-го листа занята спискомъ дѣйствующихъ лицъ комедіи «Въ чужомъ пиру похмѣлье», которая сначала имѣла названіе «Ученье свѣтъ, а неученье тьма». Начата она 28-го іюля 1855 г. Въ спискѣ лицъ сдѣланы поправки карандашомъ и чернилами, гораздо болѣе яркими. Такими же чернилами написано въ концѣ страницы начало 1-го явленія I-го дѣйствія: очевидно, поправки и начало 1-го явленія написаны позднѣе, чѣмъ списокъ дѣйствующихъ лицъ.

Первая страница 2-го листа (писана вся карандашомъ) занята спискомъ дѣйствующихъ лицъ [2]) драмы въ 2-хъ дѣйствіяхъ «Воспитанница», начатой 12 іюля 1855 г., и краткимъ сценаріемъ 1-го дѣйствія. Послѣ него замѣтка «брошено 13 іюля». Затѣмъ идетъ слѣдующая замѣтка:

---

[1]) Этотъ этюдъ былъ напечатанъ въ „Изв. отд. р. я. и сл.“ 1908 г., кн. II, стр. 380—409.

[2]) Дѣйствующія лица драмы „Воспитанница“:

Сосипатра Даниловна Усланова—богатая помѣщица пожилыхъ лѣтъ, съ армянскимъ носомъ и повелѣвающими бровями.

Анна Захаровна, ея воспитанница, дочь Звѣробоева.

Алексѣй Ивановичъ, молодой человѣкъ, племянникъ Усланової, кандидатъ М. Университета, чиновн. по особ. порученіямъ.

Захаръ Захарычъ, отставной чиновникъ, отецъ А. З.

Сава Трифонычъ Брусковъ, купецъ.

Разныя лица. Прислуга.

«Сюжетъ повѣсти. Помѣщикъ — молодой человѣкъ, его біографія, крайнее недовольство своимъ бытомъ. — Мѣщанское семейство. Отецъ починиваетъ часы, строитъ дома. Дочь. — »

Далѣе написано: «Ученье свѣтъ, а неученье тьма». Комедія въ 2 дѣйств. [1]). Задумано 23 іюля». Потомъ идутъ разныя отдѣльныя замѣтки къ комедіи [2]), также и на оборотной страницѣ листа. Затѣмъ чернилами, такими же, что и отмѣченный выше списокъ дѣйствующихъ лицъ этой комедіи, написанъ сценарій 1-го дѣйствія. Послѣ него и карандашомъ и тѣми же чернилами разныя замѣтки къ комедіи. Очевидно, и списокъ лицъ и сценарій 1-го дѣйствія и чернильныя поправки написаны въ одно время.

Что касается 3-го листа, то ихъ по нумераціи оказывается два: 3-й и 3^a. По тексту 3^a должно помѣстить сначала и вотъ почему. На немъ мы находимъ писанные карандашомъ сценарій нашей комедіи въ одномъ дѣйствіи и нѣсколько замѣтокъ. Послѣ нихъ идетъ продолженіе 1-го явленія, начало котораго помѣщено на оборотной страницѣ 1-го листа. Продолженіе это идетъ до конца 1-й страницы листа 3^a, оборотная сторона котораго занята отрывкомъ изъ другой пьесы «Не сошлись характерами», и текстъ нашей комедіи продолжается уже на 1-й страницѣ 3-го листа, и дальше листы не перепутаны.

Послѣ, этихъ предварительныхъ замѣчаній о рукописи обращаюсь къ самой комедіи.

Итакъ 12 іюля 1855 г. А. Н. Островскій задумываетъ драму въ 2-хъ дѣйствіяхъ «Воспитанница», но 13-го же іюля ее бросаетъ. Однако этотъ замыселъ не проходитъ безслѣдно для нашей комедіи. Въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ названной драмы, какъ мы видѣли, между прочимъ упоминаются «Захаръ Захарычъ, отставной чиновникъ, и Сава Трифонычъ Брусковъ, купецъ», фигурирующіе въ комедіи «Въ чужомъ пиру похмѣлье». 23 іюля 1855 г.

---

[1]) Цифра 2, повидимому, исправлена, можетъ быть, изъ 1.

[2]) Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ комедію. Такъ, напр.: „Тото вотъ хитры, а хитрѣй ихъ есть“, „Такъ твореніе какое-то“, при чемъ замѣчено „для 1-го дѣйствія“, „по голсвѣ много били,—глазъ выкололъ“.

авторъ задумываетъ нашу комедію подъ заглавіемъ «Ученье свѣтъ, а неученье тьма». Судя по писанному карандашомъ сценарію комедіи въ одномъ дѣйствіи и на основаніи того, что въ первоначальномъ заглавіи цифра 2 исправлена, очевидно, изъ 1, надо полагать, что наша комедія сначала предполагалась въ одномъ дѣйствіи, а потомъ уже авторъ пришелъ къ мысли о двухъ дѣйствіяхъ. Начата комедія была 28-го іюля, и тогда уже авторъ приписалъ и второе заглавіе, потомъ окончательно данное комедіи, «Въ чужомъ пиру похмѣлье». Когда была окончена авторомъ наша комедія, неизвѣстно. Въ рукописи заключаются только слѣдующія данныя, которыя позволяютъ приблизительно опредѣлить, сколько времени писалъ Островскій первоначальный текстъ своего произведенія. На стран. 10-й нашей рукописи противъ реплики Аграфены Платоновны: «Читай; только изъ рукъ не выпущу. Мы вашего брата знаемъ», т.-е. тамъ, гдѣ кончается приблизительно первая треть 8-го явленія I-го дѣйствія, находится замѣтка: «4-й вечеръ». На стран. 14-й на оборотѣ, въ концѣ страницы, противъ начала 4-го явленія II-го дѣйствія такая же замѣтка: «6-й вечеръ». На основаніи этихъ данныхъ можно, я думаю, допустить, что текстъ комедіи по нашей рукописи былъ оконченъ авторомъ приблизительно самое большее недѣли въ полторы, т.-е. числу къ 6-му или 7-му августа.

Много перемѣнъ было сдѣлано въ именахъ дѣйствующихъ лицъ. Эти лица были слѣдующія:

Петръ Ивановичъ Ивановъ, чиновникъ, учитель. Потомъ имя Петръ зачеркнуто, и сверху другими, болѣе яркими, намъ уже извѣстными чернилами написано «Сократъ», но потомъ также зачеркнуто. Отчество «Ивановичъ» передѣлано на «Иванъ», и сверху написано новое отчество «Сократычъ».

Анна Петровна, дочь его. (Сначала было написано «сестра», но потомъ зачеркнуто и сверху надписано «дочь».) Слово «Анна» зачеркнуто карандашомъ, и сверху карандашомъ же написано «Елизавета». Надъ отчествомъ «Петровна» болѣе яркими чернилами надписано «Ивановна». Какъ увидимъ ниже, имена обоихъ названныхъ

дѣйствующихъ лицъ установились окончательно во время писанія текста комедіи.

Аграфена Пантелеевна, ихъ тетка. Потомъ слова «ихъ тетка» зачеркнуты, надписано «сестра Иванова», но затѣмъ и они зачеркнуты, и сбоку яркими чернилами прибавлено: «хозяйка квартиры, занимаемой Ивановыми». Отчество этого лица также установилось во время писанія текста комедіи.

Ѳома Поликарпычъ Брусковъ, купецъ. Имя и отчество его потомъ были зачеркнуты и тѣми же чернилами сверху написано «Титъ Титычъ».

Андрей Ѳомичъ, его сынъ. Отчество «Ѳомичъ» потомъ исправлено на «Титычъ».

Далѣе указаны Анастасья (сначала было «Анфиса») Панкратьевна, жена Брускова, Ненила Сидоровна, сосѣдка Брусковыхъ и Ивановыхъ, и молодецъ. Но потомъ всѣ эти лица зачеркнуты, очевидно потому, что относятся ко 2-му дѣйствію.

Обозначено мѣсто дѣйствія: «бѣдная комната въ квартирѣ Ивановыхъ». Затѣмъ позднѣе, другими чернилами, сдѣлано замѣчаніе: «бѣдность непокрытая».

Самый текстъ комедіи, какъ уже сказано, писанъ совершенно другими чернилами: очевидно, онъ начатъ не 28-го іюля, а позднѣе, хотя возможно, что и на другой день. Первоначально карандашомъ было написано: «Петръ Ив. (выходитъ, размахивая руками, за нимъ Агр(афена) Пангелевна. Петръ Ив(ановичъ)». Затѣмъ имя Петра Ивановича зачеркнуто и чернилами исправлено на «Сократъ», потомъ и это зачеркнуто, и написано Иванъ Ксен(офонтовичъ) въ обоихъ случаяхъ, хотя въ слѣдующій разъ было такое чередованіе именъ: П(етръ) И(вановичъ). Сократъ. Ив(анъ) Пант(елеичъ), а далѣе на всемъ протяженіи комедіи данное лицо носитъ имя: «С(ократъ) И(вановичъ). Другое же лицо, Лизавета Ивановна, уже послѣ того какъ была написана приблизительно третья часть 4-го явленія I-го дѣйствія, получаетъ это свое имя, раньше ея имя было Л(изавета) С(ократовна).

Перехожу къ первому дѣйствію. Я не буду отмѣчать всѣхъ перемѣнъ, сдѣланныхъ въ текстѣ: я полагаю, что

это излишне, такъ какъ подчасъ эти измѣненія носятъ только стилистическій характеръ. Конечно, всѣ они, написанныя то на поляхъ, то сверхъ строчки, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ тщательно обрабатывалъ Островскій текстъ своего произведенія и какъ сравнительно нелегко давался ему языкъ нѣкоторыхъ изъ его персонажей. Такъ, наприм., въ репликѣ Ивана Ксенофонтыча: «А коли вы, сударыня, посторонняя женщина» и т. д. нѣтъ словъ: «Оставьте меня». Въ репликѣ Аграфены Платоновны: «Что ваша пенсія, что ваши уроки!» нѣтъ дальнѣйшихъ словъ: «Развѣ это приданое?» Отсутствіе въ обоихъ случаяхъ отмѣченныхъ словъ въ нашей рукописи свидѣтельствуетъ еще и о томъ, что текстъ нашей комедіи еще разъ подвергался пересмотру и передѣлкамъ, надо полагать въ той рукописи, которая послужила бѣловой. Мы не разъ еще убѣдимся въ этомъ.

Реплика Аграфены Платоновны: «А я вижу. Вотъ напримѣръ, Андрей Титычъ» и т. д., вначалѣ была иной. Вотъ какъ читалось это мѣсто:

Агр. Пант. «А я вижу, народъ-то темный, какъ хочешь, такъ и сдѣлаемъ: честно, такъ честно, а то и на штуку поймаемъ. Такъ запугаемъ, что хоть плачь, а жени сына на Л. И.

С(ократъ) И(вановичъ). Что я слышу! Громы небесные! И вы не разразите эту женщину.

Агр. Пант. Какіе тутъ громы, тутъ милліоны. Вотъ напримѣръ Андрей Титычъ, что къ вамъ за книгами ходитъ, чѣмъ не женихъ. И молодъ и богатъ и изъ себя красавецъ».

Затѣмъ, очевидно полагая, что такое начало разговора о женихахъ лишаетъ возможности продолжать его, такъ какъ человѣкъ, подобный Ивану Ксенофонтычу, оставаясь самимъ собой, долженъ былъ бы бросить его, авторъ все это начало разговора перенесъ въ конецъ его, и послѣ словъ Аграфены Платоновны (въ рукописи Агр. Пант.) поставилъ значокъ, показывающій, что послѣ нихъ должны итти слова: «Вотъ напримѣръ Андрей Титычъ, что къ вамъ за книгами ходитъ, чѣмъ не женихъ» и т. д.

Любопытны также перемѣны, внесенныя въ реплику

Ивана Ксенофонтовича: «Что? Да какъ же онъ смѣлъ, скажите вы мнѣ?» и т. д. Вначалѣ она читалась такъ: «Что! Да какъ же онъ смѣетъ, скажите вы мнѣ. Кто ему позволилъ! [Я живу съ дочерью смирно, ихъ не трогаемъ. Я самъ смотрю на дочь свою съ благоговѣніемъ, на это сокровище], а онъ безграмотный смѣлъ влюбиться». Затѣмъ слова, поставленныя въ скобки, были зачеркнуты и сверху надписано: «Это чертъ знаетъ что такое! Это просто житья нѣтъ! Лиза моя, вѣдь это сокровище, это совершенство». Затѣмъ были добавлены слова: «Мужикъ! Невѣжа!» и по почерку можно полагать, что эти слова добавлены также во время указаннаго исправленія: почеркъ этихъ добавленій мельче того, которымъ писанъ основной текстъ. На мой взглядъ, отмѣченная подробность въ переработкѣ реплики чрезвычайно интересна, такъ какъ выясняетъ характеръ Ивана Ксенофонтыча, какъ его понималъ самъ авторъ. Послѣдняго, очевидно. не удовлетворяетъ сравнительно простой, обыкновенный тонъ первой изъ поставленныхъ нами въ скобки фразъ, принадлежащихъ названному дѣйствующему лицу, и эта фраза оказывается выпущенной. Слѣдующая передѣлана такъ, что, передавая ту же самую мысль, она выражаетъ ее болѣе восторженно. Въ концѣ реплики прибавлены два слова, придающія ей книжный характеръ. Вставленная же ранѣе фраза: «Это чертъ знаетъ что такое!» выпущена потомъ: такимъ языкомъ, надо полагать, не могъ говорить такой «книжный» человѣкъ, какъ нашъ учитель. Вотъ, мнѣ думается, этотъ характеръ «книжнаго человѣка» особенно и разъясняетъ перемѣна, сдѣланная въ разбираемой репликѣ. Очевидно, по мысли автора, Иванъ Ксенофонтычъ и долженъ былъ говорить такимъ книжнымъ языкомъ, потому что представлялъ собою не просто учителя, а человѣка, всецѣло ушедшаго отъ жизни въ свои книги и совершенно не понимающаго этой жизни, если хотите, идеалиста, живущаго своей собственной жизнью.

Въ связи съ сказаннымъ я теперь же остановлюсь на перемѣнѣ, внесенной въ реплику того же Ивана Ксенофонтовича, но только уже во 2-мъ явленіи. Когда Лизавета Ивановна предлагаетъ своему отцу отдохнуть, онъ

отвѣчаетъ ей: «Нельзя Лиза, нельзя, меня ждутъ. Молодые люди хотятъ учиться. А ты знаешь, какъ это рѣдко, какъ дорого! Нужно цѣнить, Лиза, такихъ молодцовъ. Они намъ, бѣднякамъ, хлѣбъ даютъ, да и сами людьми будутъ. Я ихъ помаленьку приготовлю въ университетъ; ну а тамъ ужъ не мое дѣло. Коли захотятъ учиться, такъ толкъ будетъ. Достань-ка мнѣ Горація, да подсыпь табачку, весь вышелъ. (Лиза достаетъ ему книгу и подсыпаетъ табаку.) Ну прощай! Чай пить не дожидайтесь, можетъ быть затолкуюсь съ ребятами». Въ рукописи эта реплика, правда, не совсѣмъ обработанная, значительно длиннѣе, а именно вотъ она: «Нельзя, Лиза, нельзя; меня ждутъ. Молодые люди хотятъ учиться. А ты знаешь, какъ это рѣдко нынче, какъ дорого. (Сколько нынче болвановъ, которые не хотятъ учиться) [1]..... [2]) готовъ бѣгать по улицамъ, ловить людей, кланяться, давайте я васъ буду учить даромъ. А эти сами хотятъ учиться. Нужно цѣнить такихъ молодцовъ. Да еще намъ съ тобой бѣднякамъ деньги даютъ. Хоть небольшія, всетаки деньги. За большія они бы большого учителя взяли, а я маленькій учитель, только горячій къ наукѣ. Я ихъ приготовлю въ университетъ, больше я не умѣю. Потомъ они кончатъ курсъ, будутъ сами учить другихъ. Наука будетъ расти, крѣпнуть у насъ на Руси, невѣжество будетъ изчезать отъ лица ея, они будутъ профессорами! (помолчавъ). О, какъ бы я желалъ хоть одного своего ученика видѣть профессоромъ! Я бы пришелъ къ нему и сказалъ: ты теперь ученѣе, умнѣе меня, а кто [тебя на ноги поставилъ, кто заставилъ тебя полюбить науку, кто]... [3]) (молчаніе).

Дальше шла реплика Лизаветы Ивановны (въ рук. Л. С.): «А что же дальше, папа, я тебя слушаю», и отвѣтъ Ивана Ксен. (въ рук. С. И.): «А потомъ кинулся бы ему на

---

[1]) На поляхъ противъ всѣхъ этихъ начальныхъ строкъ замѣчено: „Я ужъ тебя очень хорошо воспиталъ. Гдѣ взять такого, чтобы стоилъ твоей любви“. Слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты.

[2]) Цѣлая строка точекъ въ рукоп. Противъ нея замѣтка: „Ученье мнѣ не трудъ—наслажденіе“.

[3]) Слова, поставленныя въ скобки, написаны потомъ. Первоначально вмѣсто нихъ было: „вложилъ въ тебя этотъ задоръ, эту влюбчивость въ науку, а кто...“.

шею и заплакалъ. Достань мнѣ Горація, ... и Ювенала, я нынче въ такомъ настроеніи духа. (Л. С. достаетъ изъ шкапа и подаетъ ему.) Ну прощай! Чай пить не дожидайтесь. [Можетъ быть затолкуюсь съ своими ребятами.]»

Эта длинная реплика, съ такимъ вѣрнымъ чутьемъ сокращенная Островскимъ [1]), тѣмъ не менѣе очень интересна: правда она обрисовываетъ уже извѣстныя намъ черты Иванова, его идеализмъ, его «горячность къ наукѣ», но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ и ту особенность, на которую указывалъ рецензентъ «Русскаго Вѣстника», говоря о первомъ представленіи комедіи, а именно, что въ Ивановѣ «больше книжнаго, чѣмъ живого, дѣйствительнаго». Вѣдь въ самомъ дѣлѣ кажутся неестественными заявленія нашего неутомимаго труженика на поприщѣ просвѣщенія, что онъ «готовъ бѣгать по улицамъ, ловить людей, кланяться, давайте я васъ буду учить даромъ», или же просьба къ дочери достать Горація и Ювенала, потому что онъ «нынче въ такомъ настроеніи духа». Правда, авторъ выбросилъ эти подробности, но въ этой репликѣ есть одна очень любопытная мелочь, вошедшая и въ окончательный текстъ комедіи, именно заключительныя слова, поставленныя мною въ квадратныя скобки. Эти слова: «можетъ быть затолкуюсь съ своими ребятами», написаны потомъ, первоначально же было: «Не близко вѣдь, на Пречистенку итти». Прозаическое замѣчаніе о дальности разстоянія не удовлетворяетъ Островскаго, и онъ замѣняетъ его инымъ, болѣе идеалистическимъ и очевидно, ярче выражающимъ, по мнѣнію автора, «горячность къ наукѣ» нашего учителя.

Отмѣченныя мною перемѣны въ репликахъ Ивана Ксенофонтыча даютъ право, по моему мнѣнію, внести нѣкоторую поправку въ отзывъ о названномъ лицѣ упомянутаго выше рецензента «Русскаго Вѣстника», отзывъ по существу правильный. Вотъ эта рецензія въ той ея части, которая сюда относится: «Пріятно было видѣть Шумскаго въ роли учителя Иванова. Какъ тотчасъ видно умнаго

[1]) Эта реплика, какъ увидимъ, была сокращена еще разъ, уже послѣ того какъ комедія была напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

артиста! Какъ умѣетъ онъ обдѣлать, обчистить и даже сдѣлать занимательною очень незначительную и мало благодарную роль! Потому что вѣдь Иванову не только не дано много мѣста въ піесѣ: онъ не надѣленъ въ достаточномъ количествѣ даже тѣмъ, что̀ называютъ въ искусствѣ плоть и кровь. Ивановъ взятъ больше отвлеченно, чѣмъ списанъ съ дѣйствительности. Въ Ивановѣ, какъ и въ его дочери, не столько типическаго, сколько наскоро придуманнаго изъ нѣсколькихъ общихъ представленій объ людяхъ этого рода. Другими словами, въ Ивановѣ больше книжнаго, чѣмъ живого, дѣйствительнаго. Онъ и входитъ на сцену со словами «невѣжество, невѣжество», и какъ ни мала его роль, находитъ однако въ ней мѣсто латинскимъ фразамъ и обращенію къ древнимъ писателямъ. Опытъ былъ бы тутъ не въ помощь артисту: на опытѣ большею частію не бываетъ того, что̀ онъ встрѣтилъ въ своей роли. Ее необходимо было дополнить на сценѣ съ помощію воображенія; надобно было придумать артисту и приличный видъ и особенную манеру держать себя, чтобы нѣкоторыя рѣчи его не казались неумѣстными и чтобы истиной отзывались въ слухѣ зрителей тѣ слова, въ которыхъ выражаются благородныя движенія его души. Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ представить себѣ неподкупную честность и истинное благородство души въ образованномъ человѣкѣ, но какъ-то трудно соединить ихъ въ одномъ лицѣ съ привычкою выражаться, напримѣръ, такъ: громы небесные, и вы не поразите эту женщину и проч. Въ игрѣ Шумскаго нашли мы все, чего желали отъ роли. Исполненная имъ, она была для насъ даже пріятною нечаянностью, потому что, зная ее въ чтеніи, мы не ожидали отъ нея столько. И благородная простота Иванова, и чувство своего достоинства, и мягкая кротость въ задушевномъ разговорѣ съ дочерью, все это было у г. Шумскаго Мы бы только не хотѣли, чтобы онъ, хотя бы движимый и прекраснымъ чувствомъ, бросился на колѣни передъ Брусковымъ. Или, впрочемъ виноваты, это уже не его дѣло, а самого Иванова, котораго роль онъ только исполняетъ на сценѣ» [1]).

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1856 г., т. I. Учено-литерат. обозр., стр. 108—109.

Вполнѣ соглашаясь съ выраженною здѣсь мыслью, что «Ивановъ взятъ больше отвлеченно, чѣмъ списанъ съ дѣйствительности», что въ немъ, какъ и въ его дочери, «не столько типическаго, сколько наскоро придуманнаго изъ нѣсколькихъ общихъ представленій объ людяхъ этого рода», нельзя не пожалѣть, что авторъ рецензіи не высказалъ точно, какихъ «людей этого рода» онъ имѣетъ въ виду. Вѣдь «неподкупная честность», «истинное благородство души», «чувство своего достоинства и мягкая кротость въ задушевномъ разговорѣ съ дочерью» не составляютъ всѣхъ чертъ характера даннаго лица. Что же касается «благородной простоты» Иванова, то въ ней, по моему мнѣнію, послѣ всего сказаннаго можно сильно сомнѣваться. Нѣтъ, восторженность, крайнее отчужденіе отъ окружающей жизни и вслѣдствіе того полное непониманіе ея, вотъ черты Иванова, на которыя авторъ рецензіи не обратилъ вниманія. Можетъ быть, онъ считаетъ подобныя черты «взятыми болѣе отвлеченно, чѣмъ списанными съ дѣйствительности», но судя по тѣмъ даннымъ, которыя заключаются въ нашей рукописи, приходишь къ мысли, что эти черты входили въ замыселъ автора комедіи. Пожалуй, можно согласиться съ тѣмъ, что послѣдній не совсѣмъ удачно справился съ своей задачей.

Возвращаюсь снова къ 1-му явленію, а именно къ концу его. Послѣдняя реплика Ивана Ксенофонтыча: «Я бѣденъ, да честенъ, бѣднымъ и останусь. Не хочу я знаться съ твоими богатыми», не оканчивалась тутъ, а продолжалась далѣе: «Лиза! Лиза! подай шляпу». За этими словами шелъ отвѣтъ Лизаветы Ивановны (за сценой):

«Сей часъ папа».

Слѣдующая же затѣмъ реплика Аграфены Платоновны, заканчивающая явленіе, начиналась прямо словами: «Какъ хочешь ты» и т. д. Начальной же фразы: «А нынче такъ жить-то нельзя (Отходитъ отъ стола)», въ нашей рукописи нѣтъ.

Второе явленіе открывалось вопросомъ Лизаветы Ивановны: «Куда ты, папаша, куда?» Дальше слѣдовалъ отвѣтъ ея отца: «На урокъ. Мы съ тобой люди дѣятельные. Подай мнѣ шляпу». Но потомъ заключительныя

слова Ивана Ксенофонтыча въ его послѣдней репликѣ въ 1-мъ явленіи и отвѣтъ на нихъ Лизаветы Ивановны зачеркнуты, и начало 2-го явленія передѣлано въ такомъ видѣ:

«С. И. (Ив. Кс.) Откуда ты, Лиза?

Л. С. (Лиз. Ив.) Съ урока, папаша.

С. И. (Ив. Кс.) Я на урокъ. Мы съ тобой люди дѣятельные. Подай мнѣ шляпу».

Въ такомъ видѣ это мѣсто вошло въ печатный текстъ комедіи въ I-мъ ея изданіи, т.-е. «Русскомъ Вѣстникѣ». Впослѣдствіи, какъ увидимъ, оно было еще разъ переработано. Настоящая же передѣлка, судя по внѣшнему виду рукописи, сдѣлана была уже послѣ того, какъ былъ написанъ первоначальный текстъ комедіи: первая фраза С. И. написана сбоку, также потомъ прибавлено продолженіе слѣдующей его реплики: «Мы съ тобой» и т. д. Затѣмъ уже не въ нашей рукописи, можетъ быть, въ бѣловой, внесена была ремарка автора въ томъ ея видѣ, въ какомъ она вошла въ текстъ «Русскаго Вѣстника», потому что, какъ увидимъ, и она была впослѣдствіи дополнена.

Передѣлывая такъ начало 2-го явленія, Островскій, очевидно, имѣлъ въ виду достичь извѣстнаго сценическаго эффекта, подобнаго тому, какой достигается классической сценой встрѣчи Счастливцева и Несчастливцева и ихъ репликами: «Изъ Керчи въ Вологду», «а я изъ Вологды въ Керчь», но нужно, конечно, признать, что авторъ въ данномъ случаѣ такого эффекта не достигъ; даже можно сказать, что здѣсь совсѣмъ не получается никакого эффекта, и впослѣдствіи Островскій это понялъ и уже снова передѣлалъ начало 2-го явленія, при чемъ это бьющее на эффектъ замѣчаніе было совершенно выброшено.

Далѣе въ томъ же 2-мъ явленіи обращаетъ на себя вниманіе реплика Лизаветы Ивановны, вызванная просьбой отца сказать ему, если она влюбится въ кого. Въ рукописи она значительно длиннѣе, чѣмъ въ печатномъ текстѣ. «Ахъ папаша! Если бъ я полюбила кого, я бъ тебѣ сказала... Нѣтъ еще, папаша, никого... Этотъ молодой человѣкъ, Андрей Титычъ, котораго хозяйка наша Андрю-

шей зоветъ, хорошъ собой, съ русской широкой душой, только совсѣмъ безъ воспитанія и съ такими странными привычками, что едва ли можно ихъ исправить. Я ему даю книги читать, толкую съ нимъ. Я его жалѣю, а не люблю. И ты, папаша, могъ подумать». Какъ видно изъ сравненія рукописнаго и печатнаго текстовъ, эта реплика, уже не въ нашей рукописи [1]), подверглась значительной переработкѣ, которая коснулась обоихъ лицъ. Выброшены замѣчанія, свидѣтельствующія о стремленіи Лизаветы Ивановны «развивать» Андрея Титыча, и, конечно, это вышло къ лучшему: и безъ того въ Лизаветѣ Ивановнѣ много книжнаго. Собственно говоря, и перемѣны, коснувшіяся другого лица, также сдѣланы къ лучшему: замѣчаніе объ Андрюшѣ, что онъ «хорошъ собой», замѣненное въ печатномъ текстѣ выраженіемъ «такъ себѣ», отзываетъ старинной манерой выставлять симпатичныхъ автору лицъ въ возможно лучшемъ видѣ, замѣчаніе же о «русской широкой душѣ», кромѣ того, звучитъ довольно фальшиво и вноситъ диссонансъ въ личность Андрюши, роль котораго извѣстный намъ рецензентъ «Русскаго Вѣстника» называетъ хорошей и выдержанной въ піесѣ. По его словамъ, «на Андрюшѣ авторъ хотѣлъ показать комическую сторону въ положеніи купеческихъ сынковъ, которыхъ, ничему не выучивъ порядочно и едва давши имъ вырасти, женятъ насильно, женятъ на жирныхъ капиталахъ съ придачею «дѣвки пудовъ въ пятнадцать вѣсу», и мы прибавимъ, что онъ вполнѣ достигъ своей цѣли: Андрюша смѣшонъ и жалокъ вмѣстѣ, потому что, несмотря на сознаніе своего невѣжества, онъ чувствуетъ, что не въ состояніи бороться съ нимъ, и хотя съ отвращеніемъ, однако покоряется его грубымъ приговорамъ по чувству своего внутренняго безсилія». Можно добавить теперь лишь

---

1) Также не въ нашей рукописи внесена поправка въ монологъ Лизаветы Ивановны въ 3-мъ явленіи. Послѣ начальныхъ словъ: „Тяжела жизнь бѣднаго человѣка!“ въ нашей рукописи шло: „Какъ ни утѣшай себя различными добродѣтелями, строгимъ исполненіемъ долга; а все въ душѣ остается непріятное чувство, не зависть, нѣтъ, а что-то обидное“, а далѣе, какъ въ печати. Но потомъ приведенныя слова были зачеркнуты и возстановлены, надо полагать, при новомъ пересмотрѣ текста.

одно замѣчаніе, что Островскому не сразу далась выдержанность роли Андрюши: онъ хотѣлъ сначала его сдѣлать чуть ли не красавцемъ и надѣлить «широкой русской душой».

Не сразу давалась автору и рѣчь Андрюши. Такъ, въ разговорѣ его съ Лизаветой Ивановной о невѣстѣ, которую ему нашли, вмѣсто выраженія: «еще не знамши ничего этого» сначала стояло: «я еще тогда не зналъ (что она моя невѣста будетъ)»; затѣмъ слова, поставленныя мною въ скобки, зачеркнуты и сверху надписано: «этого дѣла не пронюхалъ». Вмѣсто «я сейчасъ съ политичнымъ разговоромъ» въ рукописи стоитъ: «я сейчасъ началъ политичный разговоръ».

Въ слѣдующей репликѣ Андрюши сдѣланы, уже не въ нашей рукописи, не только стилистическія измѣненія, но и добавлено замѣчаніе объ отдачѣ въ солдаты: «А коли скажешь, что, молъ, тятенька, эта невѣста не нравится: я, говоритъ, въ солдаты отдамъ». Фразы «словно угорѣлый хожу по землѣ» также нѣтъ въ нашей рукописи. О выборѣ невѣсты говорится въ рукописи въ первомъ лицѣ: «Не то чтобы я имѣлъ волю, значитъ выбрать себѣ дѣвушку по душѣ, какъ слѣдуетъ; этого и заикнуться не смѣй; я и въ другомъ-то въ чемъ воли не имѣю» и т. д.; въ печатномъ текстѣ уже вообще говорится: «у насъ такъ не водится, чтобы сынъ смѣлъ выбрать дѣвушку по душѣ»...

Въ разговорѣ объ игрѣ на скрипкѣ [1]) въ рукописи помѣщенъ разсказъ Андрюши о посѣщеніи концерта Вьетана. «Вотъ теперь пятый годъ учусь... на чердакѣ въ чуланѣ. Бѣда, какъ узнаетъ. Вотъ пріѣзжалъ этотъ Вьетанъ, концертъ давалъ, по газетамъ-то намъ видно, (такъ я былъ въ театрѣ-съ.

Л. И. Ну что же?

А. Т.) [2]) ужъ очинно натурально играетъ, сейчасъ умереть! Ужъ я думалъ, думалъ, чего-то мнѣ въ голову не лезло, всю дорогу-то шелъ плакалъ. А пришелъ домой

---

[1]) Предшествующая реплика Л. И. въ рук. читается: „Ну, неужели?“ Въ печатномъ: „Ну такъ чтожъ?“ Реплика Андрюши начинается такъ: „Да, я-съ. Вотъ теперь пятый годъ учусь“..... и т. д.

[2]) Слова, поставленныя въ скобки, надписаны сверху.

что братъ было! У насъ все равно, что ты загулялъ, что ты въ театрѣ былъ, да коли не пришелъ въ девятомъ часу (махнувъ рукой) ну и бѣда». Въ печатномъ текстѣ выброшено все о концертѣ Вьетана [1]), зато развита мысль «бѣда, какъ узнаетъ», внесены подробности о трудности для Андрюши отпроситься въ театръ и прибавлено объясненіе: «ту причину пригоняютъ, что у насъ одинъ братъ помѣшанный отъ театру; а онъ совсѣмъ не отъ театру, такъ малоумный». Любопытно, что въ нашей рукописи на поляхъ, послѣ приведенной выше реплики, сдѣлана, очевидно потомъ, замѣтка: «о братѣ». Такимъ образомъ и реплика переработана, и внесена подробность о братѣ уже не въ нашей рукописи.

Точно также не въ нашей рукописи была измѣнена реплика Андрюши: «Да что со мной дуракомъ толковать-съ», которая въ рукописи гораздо короче. Между прочимъ въ ней нѣтъ упоминанія объ извозчикѣ. Но впрочемъ на поляхъ, надо полагать, при пересмотрѣ текста, замѣчено: «извощика нанялъ, лихача»...

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ А. Н. Островскій не помѣщалъ словъ того или другого лица, но оставлялъ для нихъ мѣсто. Такъ, напр., въ нашей рукописи нѣтъ реплики Лизаветы Ивановны: «Какъ вы можете такъ говорить» и т. д. (4 явл.), нѣтъ словъ Аграфены Платоновны Андрюшѣ: «Плохо твое дѣло» (5 явл.), въ обоихъ случаяхъ оставленъ пробѣлъ, и очевидно, самыя реплики внесены при новомъ пересмотрѣ текста [2]).

Въ явленіи 6-мъ I-го дѣйствія въ репликѣ Лизаветы Ивановны: «Неужели вы, Аграфена Платоновна, до сихъ поръ не замѣтили, что я горда?»... и т. д. въ нашей рукописи нѣтъ какъ разъ приведенной начальной фразы. Но зато противъ болѣе ранней реплики той-же Лизаветы Ивановны, притомъ реплики въ рукописи болѣе длинной,

---

[1]) Послѣдніе концерты Вьетана были 9 и 14 марта 1852 г., передъ его окончательнымъ отъѣздомъ за границу

[2]) Точно также во II-мъ дѣйствіи въ концѣ перваго явленія нѣтъ театральнаго монолога Капитона Титыча, для него оставлено мѣсто, а на поляхъ замѣтка, состоящая изъ двухъ словъ: „монологъ“ — (второе слово не разобрано).

чѣмъ въ печатномъ текстѣ, а именно: «Какой онъ женихъ А. П. онъ еще своей воли не имѣетъ, да, признаться вамъ сказать, ему еще поучиться нужно, онъ ни ходить ни говорить не умѣетъ», на поляхъ находится поставленная въ скобки замѣтка: «Знаете ли А. П., я горда. Развить». Эту мысль о гордости Лизаветы Ивановны авторъ и внесъ въ текстъ при новомъ его пересмотрѣ, но уже не въ нашей рукописи, притомъ оставивъ ее безъ всякаго развитія, но только измѣнивъ стилистически. Въ такомъ видѣ она и вошла въ печатный текстъ комедіи въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Самая реплика Лизаветы Ивановны подверглась при этомъ пересмотрѣ также нѣкоторымъ стилистическимъ передѣлкамъ. При новомъ пересмотрѣ текста указанная начальная фраза реплики была снова авторомъ выпущена.

Привлекшая наше вниманіе замѣтка невольно заставляетъ остановиться и на другихъ подобнаго рода сдѣланныхъ на поляхъ замѣткахъ, которыя до извѣстной степени характеризуютъ манеру творчества Островскаго. Вотъ напримѣръ въ 8-мъ явленіи въ первой репликѣ Аграфены Платоновны слова «Кричи поди у себя дома, а здѣсь языкъ—(то прикусишь, я такъ разкассирую...)», какъ будто, внесены при первомъ пересмотрѣ текста, такъ какъ часть ихъ, поставленная мною въ скобки, написана на поляхъ. Но любопытно вотъ что отмѣтить. Данное явленіе начато на второй половинѣ 9-й страницы на оборотѣ, а на оборотѣ 3-й страницы на поляхъ находимъ такую потомъ перечеркнутую замѣтку: «Ты что орешь-то? Ты куда, въ кабакъ чтоли зашелъ? Кричи поди у себя, въ благородномъ домѣ тебѣ не позволятъ. Языкъ-то у меня прикусишь. Такъ разкассирую». Эта замѣтка въ очень мало переработанномъ видѣ почти цѣликомъ вошла въ текстъ комедіи, въ одинъ или въ два пріема, что впрочемъ не важно. Интересно, когда она была сдѣлана? Надо полагать, конечно, до написанія текста. Очевидно, передъ тѣмъ какъ писать, авторъ обдумывалъ и дѣлалъ наброски, гдѣ придется: этимъ объясняется, почему такъ далеко отстоитъ эта замѣтка отъ самаго текста. Такого рода замѣтками испещрены почти всѣ поля на-

шей рукописи. Ясно, что это была постоянная манера Островскаго.

Выше, когда была рѣчь о длинной репликѣ Иванова, я отмѣтилъ, что авторъ выбросилъ замѣчаніе о дальности предстоящаго нашему педагогу разстоянія и названіе мѣстности (Пречистенка), куда ему приходилось итти. Но все-таки въ комедіи есть указаніе, въ какой мѣстности происходитъ дѣйствіе. Въ 8-мъ явленіи Аграфена Платоновна между прочимъ заявляетъ расходившемуся Титу Титычу: «Я караулъ-то на всю Зацѣпу закричу». Замѣтимъ, что въ рукописи сначала стояло: «на всю Рогожскую».

Что касается самого Тита Титыча, то уже I-е дѣйствіе показываетъ, что рѣчь и черты характера этого лица опять-таки не сразу давались нашему драматургу. Такъ, напр., въ 7-мъ явленіи въ нашей рукописи въ первой репликѣ Брускова нѣтъ угрозы: «а то искать примусь». Во второй репликѣ, судя по расположенію строкъ, слова: «у меня слово законъ» добавлены потомъ, а словъ: «я шутить не люблю» совсѣмъ нѣтъ. Далѣе въ 9-мъ явленіи реплики: «Обобрали, а теперь гоните»... и т. д. состояла только изъ одной этой фразы: «обобрали, а теперь гонятъ». Все остальное добавлено потомъ на поляхъ. Также вставлено потомъ и его характерное обращеніе къ Ивану Ксенофонтовичу: «Поѣдемъ ко мнѣ, выпьемъ вмѣстѣ, пріятели будемъ. Что ссориться-то!»

Чтобы покончить съ I-мъ дѣйствіемъ, остановлюсь на одной перемѣнѣ, сдѣланной въ концѣ 8-го явленія. Послѣдняя въ немъ реплика Аграфены Платоновны была коротенькая: «Ну ступай, ступай!» Ей предшествовали слова Лизаветы Ивановны, выходящей изъ своей комнаты: «Папаша идетъ, я сейчасъ видѣла въ окно (уходитъ въ середнюю дверь)». Впослѣдствіи, уже не въ нашей рукописи, эти слова были выброшены и замѣнены ремаркой автора: «Лизавета Ивановна проходитъ изъ боковой двери въ середнюю», а реплика Аграфены Платоновны дополнена, и между прочимъ въ нее вошло въ видѣ предположенія указаніе на приходъ Ивана Ксенофонтовича. Несомнѣнно, отъ такой перемѣны сцена выиграла въ реальности.

Переходя ко II-му дѣйствію комедіи, прежде всего отмѣтимъ, что въ помѣщенномъ на поляхъ спискѣ дѣйствующихъ лицъ этого дѣйствія значится между прочимъ «Захаръ Захарычъ Звѣробоевъ, стряпчій, отставной чиновникъ», который подъ этой же фамиліей фигурируетъ и въ 6-мъ явленіи.

А. Н. Островскій началъ было II-е дѣйствіе съ теперешняго 2-го явленія, но перечислилъ только дѣйствующихъ лицъ этого явленія и тотчасъ же зачеркнулъ ихъ списокъ и написалъ теперешнее 1-е явленіе.

Первое явленіе сначала было гораздо короче, такъ какъ вторая реплика Капитоши состояла только изъ двухъ предложеній: «Какъ тутъ хорошо, просторно; а въ кухнѣ сегодня угарно». Дальше шла прямо реплика Луши: «Купидонъ Титычъ, представь что-нибудь изъ театральнаго». Все остальное между этими двумя гранями было вставлено потомъ, уже не въ нашей рукописи. Явленіе заключалось уходомъ обоихъ лицъ.

2-е явленіе начиналось прямо съ реплики Настасьи Панкратьевны: «Видно, матушка Ненила Сидоровна».... и т. д. Все предшествующее ей въ данномъ явленіи было вставлено опять-таки не въ нашей рукописи. Тамъ же очевидно измѣненъ и конецъ 1-го явленія, такъ что теперь уходитъ только Капитонъ Титычъ, а Луша остается, и во 2-мъ явленіи такимъ образомъ сначала три дѣйствующихъ лица, и Луша уходитъ, уже когда Настасья Панкратьевна посылаетъ ее за вареньемъ.

Вообще въ разбираемомъ явленіи въ нашей рукописи не мало дополненій на поляхъ, еще болѣе того исправленій при новомъ пересмотрѣ текста, уже не въ нашей рукописи. Отмѣчу нѣкоторыя изъ тѣхъ и другихъ. Написанъ на поляхъ, наприм., конецъ длинной реплики Настасьи Панкратьевны о «Купидошѣ»: «Вотъ иногда скучно, позовешь его...» и т. д. Также помѣщена на поляхъ вся, очевидно, позднѣйшая вставка въ ея же реплику въ 5-мъ явленіи: «За сценой смѣхъ (въ рук.: За сценой хи-хи-хи). Что́ ты тамъ съ молодцами все играешь! Нѣтъ на васъ времени. (Луша за сценой): Я ничего-съ». Опять-таки на поляхъ сдѣлана вставка въ слова Тита Титыча:

«а то деньгами заплачу...» и т. д., кончая его же словомъ «молчи!» Также впослѣдствіи вставлена на поляхъ въ явленіи 8-мъ реплика Андрюши: «Тятенька, что-жъ вы мнѣ говорили...» и т. д. и характерный для Брускова отвѣтъ: «Молчи, не дыши!» Притомъ должно замѣтить, что реплика Андрюши сначала была такая: «Тятенька, что вы со мной сдѣлали? А я, дуракъ, повѣрилъ!» Прибавлена потомъ вторая половина реплики Тита Титыча (явл. 10-е): «Если онъ не отдастъ за тебя, ты лучше мнѣ и на глаза не показывайся».

Не въ нашей рукописи сдѣланы слѣдующія вставки. Во 2-мъ явленіи въ 5-й репликѣ Настасьи Панкратьевны замѣчанія объ Андрюшѣ: а) «проворный, до всего понятливый, такъ сударыня моя», б) «На что ему много-то знать». г) Въ ея же 7-й репликѣ: «весь околотокъ въ трубы трубитъ». з) Въ репликѣ Ненилы Сидоровны: «Помогаетъ. То-то вотъ хитрые они, анъ хитрѣй ихъ есть» вставлены всѣ дальнѣйшія слова о приворотныхъ средствахъ. 4) Въ 4-мъ явленіи нѣтъ въ нашей рукописи слѣдующихъ словъ Настасьи Панкратьевны: «что, ты умнѣй отца съ матерью хочешь быть». Остальная часть этой реплики входила въ третью ея-же реплику послѣ словъ: «Ужъ отъ своей судьбы не уйдешь». 5) Вставлены слова Андрюши: «Маменька, да вѣдь мнѣ съ ней жить-то будетъ». 6) Замѣчаніе Настасьи Панкратьевны: «Какъ ты можешь грубить!» 7) Ея же реплика о кражѣ поддевки у кучера. 8) Ея-же слова о самой себѣ: «Я, признаться вамъ сказать, сама-то не изъ дальнихъ, вѣдь ужъ не скроешь; такъ мнѣ лестно позаняться отъ умныхъ-то». 9) Въ 5-мъ явленіи нѣтъ начальныхъ словъ Тита Титыча: «Фу ты, чортъ возьми! Въ первой отъ роду со мной такая бѣда!» Также не въ нашей рукописи вставлены его слова: «меня! Брускова!» 10) Вставленъ весь разговоръ его съ Иваномъ Ксенофонтычемъ по поводу того, что послѣдній не зналъ о продѣлкѣ Аграфены Платоновны. 11) Наконецъ отмѣтимъ, что реплики Андрюши: «Да они никакихъ денегъ не возьмутъ» и отвѣта Тита Титыча: «Молчи» въ нашей рукописи также нѣтъ.

Мнѣ остается сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній по

поводу текста нашей комедіи. Прежде всего остановлюсь на репликѣ Андрюши въ 4-мъ явленіи II-го дѣйствія: «Говорите, что угодно, мнѣ равно-съ. Ей моей женой не быть»... и т. д. Въ нашей рукописи этой реплики нѣтъ. Вмѣсто нея читаемъ:

«А. Т. Нельзя вамъ объ этомъ разсуждать-съ, потому вы не знаете ни старика, ни этой дѣвушки, и нельзя никакими судьбами вамъ знать-съ.

К. Т. Она бѣлый [1]) голубь (машинально кладетъ руку на плечо къ брату).

А. Т. (помолчавъ) Маменька, уговорите тятеньку, чтобъ онъ меня не женилъ; я когда нибудь вамъ разтолкую, что это за дѣвушка. Вы сами ее полюбите.

А. П. (Наст. Панкр.). Да, голубчикъ, нельзя. Вотъ скрывать отъ отца, сколько можно, я, пожалуй, тебя буду».

Дальше шли, какъ и въ печатномъ текстѣ реплики Ненилы Сидоровны и Настасьи Панкратьевны. А слѣдовавшая за ними реплика Андрюши состояла всего изъ одной послѣдней фразы: «А то ужъ жените меня поскорѣй, чтобъ я и не мучился». Все остальное въ ней вставлено потомъ, уже не въ нашей рукописи, гдѣ передѣланъ, очевидно, и вышеприведенный разговоръ. Нужно признать, что передѣлка только улучшила сцену.

Слѣдуетъ обратить вниманіе также на вторую реплику того же Андрюши въ 7-мъ явленіи. Сначала она была написана такъ: «Тятенька, я все молчалъ, во всю жизнь свою вамъ ни въ одномъ словѣ не перечилъ?» Послѣ этихъ словъ шло замѣчаніе Тита Титыча: «еще бъ ты смѣлъ?» Затѣмъ все исправлено, какъ въ печатномъ. Но любопытно, что на оборотѣ 2-й страницы рукописи находится слѣдующая замѣтка: «въ 2-мъ дѣйствіи большой монологъ сына, начинающійся словами: тятенька я все молчалъ...— Отецъ. Ну ты кончилъ... Вотъ оно къ чему ведетъ ихъ ученье-то. Сынъ—чему вѣрить?» Такимъ образомъ, очевидно, въ общихъ чертахъ настоящее явленіе было задумано еще прежде, чѣмъ авторъ приступилъ къ самой комедіи.

---

[1]) Сначала было „чистый“.

Наконецъ остановимся на 9-мъ явленіи, состоящемъ изъ краткаго монолога Брускова, который въ рукописи гораздо длиннѣе:

«Т. Т. (одинъ, сидитъ молча, потомъ ударяетъ по столу). Меня обидѣть! (ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ). Онъ должно быть чудакъ! (молча ходитъ). Какой задорный старичишка!... Вотъ ты и смотри на людей-то.... Хоть и обругалъ, а видно, что хорошій человѣкъ. Должно быть честный... Какъ мало хорошаго-то народу. Все больше мошенники кругомъ насъ вьются... вотъ этакіе Захарычи... Что мнѣ въ голову пришло!... Такъ тому и быть! Мое слово законъ. Жена! Андрей. Подите сюда». Но потомъ до словъ «такъ тому и быть» все перечеркнуто. Добавленій же сравнительно съ печатнымъ текстомъ въ нашей рукописи нѣтъ: очевидно, они внесены потомъ, при новомъ пересмотрѣ текста.

Настоящее явленіе вызвало упрекъ по адресу автора со стороны рецензента «Русскаго Вѣстника». Выяснивъ сущность характера Брускова, его самодурство, рецензентъ замѣчаетъ: «Нельзя пропустить еще одного замѣчанія относительно той же роли и ея исполненія. Развязка, какъ всякій можетъ видѣть изъ самой піесы, происходитъ вовсе неожиданно и совершается почти безъ словъ, вслѣдствіе одного только своевременнаго поворота воли въ Брусковѣ. Поворотъ выходитъ такъ рѣзокъ и крутъ и такъ мало оправданъ всѣмъ предшествующимъ, что мысль не успѣваетъ слѣдить за нимъ и нѣсколько упрямится и отказывается вѣрить его возможности. Потому именно, что Брусковъ слишкомъ самодуръ, какъ-то не вѣрится, чтобы великодушное рѣшеніе мгновенно созрѣло въ немъ и покорило его себѣ. Брусковъ можетъ, пожалуй, рѣшиться вдругъ на какой-нибудь поступокъ, не имѣющій продолжительнаго значенія; но сомнѣваемся мы, чтобы онъ, подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія, рѣшился за себя и за свою семью выйти изъ постоянныхъ условій своего быта. Вѣдь дѣло идетъ о женитьбѣ его сына, о родственныхъ связяхъ съ бѣднымъ семействомъ, съ которымъ у него ровно нѣтъ ничего общаго. Или авторъ слишкомъ положился на силу перваго впечатлѣнія, кото-

рое герой его піесы долженъ производить на зрителей, и не считалъ за нужное развить болѣе послѣдній переходъ, или онъ много разсчитывалъ на артиста, на игру его тѣлодвиженій, которыя яснѣе словъ могли бы показать зрителямъ, что̀ въ данную минуту происходитъ въ душѣ дѣйствующаго лица. Мы хотимъ больше вѣрить послѣднему предположенію».

Какъ теперь оказывается, А. Н. Островскій сначала хотѣлъ болѣе обстоятельно объяснить происшедшій въ душѣ Брускова переворотъ, влагалъ ему въ уста замѣчаніе о честности учителя Иванова, о безчестности окружающихъ Брускова людей, въ родѣ Захара Захарыча, и только уже потомъ указывалъ на появленіе у Тита Титыча мысли о женитьбѣ сына; такимъ образомъ эта мысль является у него какъ будто вполнѣ естественно, но врядъ ли можно съ этимъ согласиться, врядъ-ли можно теперь считать болѣе обоснованнымъ переворотъ, происшедшій въ душѣ самодура. На мой взглядъ, все дѣло здѣсь не въ этомъ обоснованіи и объясненіи, которое несомнѣнно было, но у такихъ лицъ, какъ Брусковъ, должно было происходить, такъ сказать, внутри самого субъекта, въ его душѣ и, я склоненъ полагать, даже могло не выражаться отдѣльными, хотя бы отрывочными замѣчаніями. А. Н. Островскій, думается мнѣ, именно такъ и понялъ дѣло, что вся эта работа должна была происходить въ душѣ: онъ заставилъ Тита Титыча «довольно долго сидѣть молча», и только слова послѣдняго о тлѣнности всего земного показываютъ, что въ его душѣ что-то происходило, а что именно, рѣшить это драматургъ предоставилъ самому зрителю или читателю. Автору даже не нужно было «слишкомъ полагаться на силу перваго впечатлѣнія, которое герой его піесы долженъ производить на зрителей»: это первое впечатлѣніе тутъ совершенно не при чемъ. Авторъ, дѣйствительно, «не считалъ за нужное развить болѣе послѣдній переходъ», но дѣлалъ это въ силу особыхъ соображеній, полагая, что весь этотъ переходъ долженъ совершаться, такъ сказать, незримо, что зрители могутъ о немъ лишь догадываться. Что же касается другого предположенія рецензента, что авторъ

«много разсчитывалъ на артиста, на игру его тѣлодвиженій, которыя яснѣе словъ могли бы показать зрителямъ, что въ данную минуту происходитъ въ душѣ дѣйствующаго лица», то это предположеніе можетъ быть очень правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе что А. Н. Островскій имѣлъ въ виду всегда выдающихся артистовъ императорской сцены, но, мнѣ думается, это обстоятельство опять-таки играло сравнительно второстепенную роль. Разсчитывалъ ли авторъ на артиста или нѣтъ, на какого бы артиста онъ ни разсчитывалъ, онъ все-таки, думаю я, поступилъ бы такъ, какъ поступилъ, т.-е. не сталъ бы болѣе подробно объяснять переворота, происшедшаго въ душѣ одного изъ его дѣйствующихъ лицъ.

Какъ мы знаемъ, А. Н. Островскій снова пересматривалъ текстъ своей комедіи уже послѣ того, какъ она была впервые напечатана. Цитированная нами рецензія «Русскаго Вѣстника» врядъ ли осталась ему неизвѣстна. И однако при новомъ пересмотрѣ текста онъ опять-таки «не счелъ за нужное развить болѣе послѣдній переходъ».

Мнѣ уже не разъ приходилось упоминать объ этомъ новомъ пересмотрѣ текста. Онъ былъ сдѣланъ для перваго по времени собранія сочиненій А. Н. Островскаго, изданнаго гр. Кушелевымъ-Безбородко въ 1859 году (цензорское разрѣшеніе—17 октября 1858 г.). Поэтому я считаю не лишнимъ перечислить всѣ тѣ измѣненія, которыя на этотъ разъ были внесены въ комедію.

Текстъ „Русскаго Вѣстника“.	*Новый текстъ.*
„1) Ив. Ксен. Она? Она куда пойдетъ? Въ институтѣ воспитывалась, въ университетѣ экзаменъ держала. А вы спрашиваете, куда пойдетъ. Она будетъ дѣтей учить. Будетъ заниматься, сударыня, тѣмъ благороднымъ дѣломъ, которому отецъ честно служилъ всю жизнь“ (Дѣйст. I, явл. 1).	„Она куда пойдетъ? Она будетъ дѣтей учить. Будетъ заниматься, сударыня, тѣмъ благороднымъ дѣломъ, которымъ отецъ занимался всю свою жизнь“.

2) Ремарка автора въ концѣ I-го явленія: «Уходитъ въ свою комнату. Въ середнюю дверь входитъ Лизавета Ивановна, скидаетъ шляпу и кладетъ на столъ», дополнена такими словами: «Иванъ Ксенофонтычъ, не замѣчая ее, читаетъ съ жаромъ и размахиваетъ руками». Это дополненіе чрезвычайно интересно: оно опять подчеркиваетъ восторженность упомянутаго лица, его увлеченіе своими книгами.

3) Значительно передѣлано начало II-го явленія, а именно выброшено бьющее на эффектъ замѣчаніе, о которомъ была рѣчь выше, и сильно сокращена длинная реплика Ивана Ксенофонтовича.

„Ив. Кс. Откуда ты, Лиза?

Лиз. Ив. Съ урока, папа.

Ив. Кс. А я на урокъ. Мы съ тобой люди дѣятельные. Подай мнѣ шляпу.

Лиз. Ив. Не ходи, папаша; ты и такъ много трудишься.

Ив. Кс. Нельзя, Лиза, нельзя, меня ждутъ. Молодые люди хотятъ учиться. А ты знаешь, какъ это рѣдко, какъ дорого! Нужно цѣнить, Лиза, такихъ молодцевъ, нужно цѣнить. Они намъ, бѣднякамъ хлѣбъ даютъ, да и сами людьми будутъ. Я ихъ помаленьку приготовлю въ университетъ; ну а тамъ ужъ не мое дѣло. Коли захотятъ учиться, такъ толкъ будетъ. Достань-ка мнѣ Горація, да подсыпь табачку, весь вышелъ. (Лиза достаетъ ему книгу и насыпаетъ табаку). Ну, прощай! Чай пить не дожидайтесь, можетъ быть затолкуюсь съ ребятами“.

„Лиз. Ив. Здравствуй, папа!

Ив. Кс. А, здравствуй! Подай мнѣ шляпу.

Лиз. Ив. Куда ты, папа? Отдохни немного! Ты и такъ много трудишься.

Ив. Кс. Нельзя, Лиза, нельзя! Отдыхать некогда. Молодымъ людямъ учиться надобно, и такъ, Лиза, у насъ мало учатся, мало. Достань-ка мнѣ Горація, да подсыпь табачку, весь вышелъ. (Лиза достаетъ ему книгу и насыпаетъ табаку). Ну, прощай! Чай пить не дожидайтесь, можетъ быть, затолкуюсь съ ребятами“.

Сравненіе двухъ текстовъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что передѣлка внесла въ текстъ значительное улучшеніе.

4) Третье явленіе, состоящее изъ одного монолога Лизаветы Ивановны, очень дополнено. Эти дополненія чрезвычайно интересны, какъ это опять-таки видно изъ сопоставленія текстовъ.

„Лиз. Ив. (Подходитъ къ столу, садится и беретъ работу. Молчаніе). Тяжела жизнь бѣднаго человѣка! Какъ ни утѣшай себя строгимъ исполненіемъ долга, а все въ душѣ остается непріятное чувство. Трудись постоянно безъ отдыха для того только, чтобъ имѣть средства къ существованію. Ужасно! Бѣдный папаша! мнѣ жаль его! Онъ такъ меня любитъ, хотѣлъ бы доставить мнѣ всѣ удовольствія, а средства не позволяютъ. Я очень хорошо вижу, какъ это его безпокоитъ, мучитъ.... Влюбись, говоритъ. (Улыбаясь) Да въ кого! Кого я здѣсь вижу? Да, и образованіе имѣетъ свои невыгоды: ужъ слишкомъ разборчива дѣлаешься. (Андрей Титычъ входитъ)“.

„Лиз. Ив. (одна) (Подходитъ къ столу, садится и беретъ работу. Молчаніе). Нѣтъ, ужъ мы очень много трудимся! Что ни говори, какъ себя не утѣшай, а тяжело, право, тяжело! Ужъ я не говорю о деньгахъ, не говорю о томъ, что за наши труды намъ платятъ мало; хоть-бы уваженіе-то намъ за нашъ честный трудъ оказывали, такъ и этого нѣтъ. На что ужъ наша хозяйка, и та смотритъ на насъ съ какимъ-то сожалѣніемъ! А всего мнѣ обиднѣе, что смѣются надъ папашей. Онъ, точно, немного страненъ, да, вѣдь, онъ всю жизнь провелъ за книгами, его можно извинить. И что въ этомъ смѣшного, что человѣкъ ходитъ въ старой шинели, въ старой шляпѣ? А у насъ такая сторона, чуть не въ глаза хохочутъ. Конечно, это невѣжество, съ образованіемъ это пройдетъ; а все-таки тяжело. Вотъ вчера, какъ я шла изъ церкви, какіе-то молодые купчики вслухъ смѣялись надъ моимъ салопомъ. Гдѣ же я лучше возьму? Ты же приносишь людямъ пользу почти безкорыстно, тебя же презираютъ. (Подноситъ платокъ къ глазамъ. Андрей Титычъ входитъ)“.

Можно, пожалуй, согласиться съ тѣмъ, что въ новой передѣлкѣ монологъ Лизаветы Ивановны нѣсколько длиноватъ. Но какъ бы то ни было, слѣдуетъ отмѣтить, во-первыхъ, внесеніе нѣкоторыхъ бытовыхъ подробностей, а затѣмъ упоминаніе вновь о томъ, что Иванъ Ксенофонтычъ «всю жизнь провелъ за книгами».

5) Въ явленіи 4-мъ къ репликѣ Лизаветы Ивановны: «Бросьте эту привычку, не хорошо», дополнены слова: «Зачѣмъ обижать!»

6) Въ томъ же явленіи обращаетъ вниманіе такая мелочь въ репликѣ Андрюши о выборѣ невѣсты. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» стоитъ: «А коли скажешь, что, молъ, тятенька, эта невѣста не нравится: я, говоритъ, въ солдаты отдамъ». Между тѣмъ въ новомъ текстѣ читаемъ: «А коли скажешь, что, молъ, тятенька эта невѣста не нравится: а, говоритъ въ солдаты отдамъ!» Не опечатка ли а вмѣсто я?

7) Въ репликѣ Андрюши въ замѣчаніи о братѣ: «Ту причину пригоняютъ, что у насъ одинъ братъ помѣшанный отъ театру; а онъ совсѣмъ не отъ театру, такъ малоумный», послѣднія два слова замѣнены цѣлой фразой: «такъ, съ малолѣтства заколотили очень».

8) „Лиз. Ив. Полноте вздоръ болтать, скучно слушать.	„Лиз. Ив. Полноте вздоръ говорить!
9) Лиз. Ив. Какъ вы можете такъ говорить! Почему вы знаете женщинъ? Вы говорите, можетъ быть, не подумавши, а между тѣмъ это очень обидно. Неужели вы думаете, что мы принимаемъ и ласкаемъ васъ за ваше платье?	Лиз. Ив. Я вамъ откровенно скажу, Андрей Титычъ, съ вами очень мудрено разговаривать. Вы, не подумавши, говорите такія вещи, которыя могутъ показаться обидными. Неужели вы думаете..... и т. д.
10) Лиз. Ив. Ну зачѣмъ же это? Неужели вы не понимаете, что это дурно?“	Лиз. Ив. Ну зачѣмъ же это? Развѣ вы не знаете, что это дурно?“

11) Въ явленіи 6-мъ реплика Лизаветы Ивановны: «Какой еще онъ женихъ, ему поучиться надобно», дополнена словами: «гдѣ-нибудь въ школѣ».

12) Тамъ же реплика Лизаветы Ивановны: «Мнѣ смѣшно васъ слушать, Аграфена Платоновна. Ну разсудите вы сами, какая же мнѣ неволя итти въ такую семью», дополнена словами: «сынъ необразованъ, а отецъ дуракъ».

„13) Лиз. Ив. Неужели вы, Аграфена Платоновна, до сихъ поръ не замѣтили, что я горда. Я ни за какія сокровища не захочу терпѣть униженія...“ и т. д.

„Лиз. Ив. Неужели вы, Аграфена Платоновна, до сихъ поръ меня не знаете? Я ни за какія сокровища не захочу терпѣть униженія...“ и т. д.

14) Въ явленіи 8-мъ реплика Тита Титыча: «Не ваша печаль, это наше дѣло», дополнена словами: «за безобразіе заплатимъ».

„15) Аграфен. Плат. За что? За твое нравство! не ходи по лавкѣ. .“ и. т. д.

„Агр. Плат. За что? За твое нравство!..“ и т. д.

16) Реплика Тита Титыча: «Нѣтъ погоди, дай хоть поругаться-то за свои деньги»... и т. д. Въ концѣ ея прибавлено: «обольстить человѣка!»

17) Въ концѣ I-го дѣйствія произведена такая перемѣна:

„Ив. Кс. Пойду выкупать наше безчестье. Прощай, Лиза!

Лиз. Ив. Прощай, папаша. (Обнимаетъ его. Идутъ къ двери)“.

„Ив. Кс. Прощай, Лиза!

Лиз. Ив. Прощай, папаша. (Обнимаетъ его. Идутъ къ двери). Поди, выкупай наше безчестье“.

18) Во II-мъ дѣйствіи въ 1-мъ явленіи къ репликѣ Капитона Титыча: «Прочь съ дороги! Посторонитесь! Левъ ушелъ изъ клѣтки. Быкъ съ бойни сорвался. Посторонитесь!» прибавлено: «(Разгорячившись). Давай теперь сюда, кто меня дуракомъ сдѣлалъ, убью съ разу».

19) 4-е явл. „Наст. Панкр. Полно орать-то! надоѣлъ до смерти!“

„Наст. Панкр. Полно орать-то! Ишь затрубилъ“.

20) Явл. 8-е. Ив. Ксен. „Будьте вы прокляты! Неужели земля не разверзнется и не поглотитъ васъ! Неужели эти стѣны не обвалятся на васъ! Дочь моя! Сокровище мое!“

„Ив. Кс. Будьте вы прокляты! Какъ это васъ земля-то терпитъ! Какъ эти стѣны не обвалятся на васъ! Дочь моя! Сокровище мое!“

21) Въ послѣдней репликѣ Тита Титыча (явл. 10-е): «Вы со мной не смѣйте разговаривать! Вы еще скажите спасибо, что такъ хорошо кончилось».... и т. д., выпущена вторая изъ приведенныхъ фразъ.

Резюмируемъ теперь вкратцѣ добытыя нами данныя. 12 іюля 1855 г. А. Н. Островскій задумываетъ драму въ 2-хъ дѣйств.: «Воспитанница», но 13-го же іюля оставляетъ мысль о ней. Изъ дѣйствующихъ лицъ, предположенныхъ для этой драмы, двое (Захаръ Захарычъ и Брусковъ) вошли въ комедію: «Въ чужомъ пиру похмѣлье». Эту комедію авторъ задумываетъ 23 іюля 1855 г. и сначала даетъ ей названіе: «Ученье свѣтъ, а неученье тьма». Очевидно, комедія предполагалась въ одномъ дѣйствіи, только потомъ уже авторъ пришелъ къ мысли о двухъ дѣйствіяхъ. Начата комедія 28 іюля, и тогда было приписано настоящее ея заглавіе: «Въ чужомъ пиру похмѣлье». Прежде чѣмъ авторъ приступилъ къ самой комедіи, у него уже въ общихъ чертахъ между прочимъ было намѣчено одно изъ явленій (теперь 7-е) II-го дѣйствія, куда долженъ былъ войти «большой монологъ сына, начинающійся словами: «тятенька, я все молчалъ»... Можно предполагать, что первоначальный текстъ комедіи былъ конченъ авторомъ къ числу 6-му или 7-му августа. Затѣмъ текстъ былъ пересмотрѣнъ, и въ него внесены поправки. Новый пересмотръ былъ произведенъ уже не въ нашей рукописи, а должно быть въ той, съ которой печатался текстъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Впослѣдствіи текстъ былъ снова пересмотрѣнъ, и опять внесены въ него поправки, послѣ чего онъ устанавливается окончательно.

Много потрудился авторъ надъ именами дѣйствующихъ лицъ, не сразу давалась ему рѣчь ихъ, да и самые образы нѣкоторыхъ изъ нихъ не сразу отлились въ окончательную форму. Такъ, драматургъ думалъ было сначала надѣлить «широкой русской душой» Андрюшу, который вышелъ у него въ концѣ-концовъ «жалкимъ и смѣшнымъ». Въ лицѣ Иванова онъ, очевидно, изображаетъ не просто учителя, интеллигента, а человѣка, всецѣло преданнаго своимъ книгамъ, восторженнаго идеалиста, совершенно не понимающаго жизни, человѣка «книжнаго». Наконецъ переворотъ, происшедшій въ душѣ Брускова и возбудившій сомнѣніе въ возможности такого перелома, авторомъ сознательно оставленъ безъ объясненія: по одной только фразѣ названнаго лица предоставлено зрителю догадываться о томъ, что происходитъ въ его душѣ. Этотъ переворотъ, по замыслу автора, долженъ подготавливаться въ душѣ и выразиться уже окончательнымъ рѣшеніемъ.

VIII.

„Не сошлись характерами!“ [1]).

Картины московской жизни.

Названное произведеніе А. Н. Островскаго сохранилось въ двухъ рукописяхъ Румянцевскаго музея: 1) № 3097 на 18 л. (пожертвована М. В. Островской) и 2) № 3241 (пожертвована П. И. Шаповаловымъ).

Первая рукопись заключаетъ первоначальную редакцію пьесы. Въ отчетѣ Румянцевскаго музея за 1886—1888 гг. объ этой рукописи не совсѣмъ точно сказано: «сначала I-я картина въ драматическомъ изложеніи, отличномъ отъ печатнаго; затѣмъ идетъ изложеніе сюжета и плана въ формѣ повѣсти». Неточность заключается въ томъ,

[1]) Этотъ этюдъ былъ напечатанъ въ „Изв. отд. р. я. и сл.“. 1908 г. кн. II, стр. 410—437.

что не упомянутъ отрывокъ изъ картины III-й, которая здѣсь названа еще «Сцена II-я», а именно сцена въ кабинетѣ Поля (имя его здѣсь еще Леонидъ Николаевичъ), при чемъ первымъ явленіемъ было теперешнее второе, т.-е. разговоръ между супругами. Продолженіе этой сцены, разговоръ Поля съ матерью, совершенно не вошедшій въ печатный текстъ, надо полагать, случайно попалъ въ другую рукопись, а именно въ тетрадь съ комедіей: «Въ чужомъ пиру похмѣлье», рукопись № 3239.

Затѣмъ неточнымъ мнѣ представляется выраженіе: «изложеніе сюжета и плана въ формѣ повѣсти». Можно подумать, что Островскій, начавъ писать комедію, не кончилъ ея обработку и остальное содержаніе изложилъ для краткости въ повѣствовательной формѣ. Нѣтъ, какъ можно видѣть изъ помѣщеннаго далѣе текста, это была начата настоящая повѣсть, но она также не была окончена, а именно изъ нея написаны только 3 главы. Весь вопросъ такимъ образомъ сводится къ тому, что раньше начато: повѣсть или драматическое произведеніе.

Предварительно должно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Во второй рукописи (№ 3241) сдѣланы такія помѣтки: «Задумана въ февралѣ [1]) 1856 года, начата 13 ноября 1857 г., окончена 29 ноября 1857 г.». Такимъ образомъ наша первая рукопись и представляетъ результатъ работы надъ даннымъ произведеніемъ, начиная съ февраля 1856 года. Когда была оставлена эта работа, по рукописи неизвѣстно.

Въ силу нѣкоторыхъ соображеній я остановлюсь предварительно на повѣсти, хотя спѣшу оговориться, что врядъ ли повѣсть была начата раньше: какъ увидимъ, скорѣе можно думать, что раньше была начата драматическая обработка сюжета. Въ этой части нашей рукописи, гдѣ находится повѣсть, сначала идетъ глава III, при чемъ на верху страницы заглавіе: «Не сошлись характерами». Повѣсть. Затѣмъ слово «повѣсть» было зачеркнуто, подъ нимъ подписано «Очеркъ». Далѣе идетъ. «Расположеніе: Гл. I-ая у Серафимы [2]) Мазанцевой. Гл. II-ая—Нель-

---

[1]) Сначала было написано: „въ мартѣ“, но потомъ исправлено.
[2]) Это слово написано сверху.

скихъ». Потомъ уже идетъ самый текстъ III-ей главы. Потомъ все это начало до главы III перечеркнуто.

Въ главѣ II листы перепутаны, т.-е. они при сшиваніи тетради были неправильно сложены, и потому читать надо въ такомъ порядкѣ: листы 13, 14, 12, 11.

На листахъ 15—18 помѣщена I-ая глава, передъ которой помѣщено заглавіе: «Не сошлись характерами. (Очеркъ)».

Которая изъ этихъ главъ была написана раньше? Очень возможно, что и III-я: иначе не зачѣмъ было бы Островскому помѣщать передъ ней заглавіе и расположеніе главы. Началъ онъ съ нея, вѣроятно, потому, что по своему содержанію она легче ему давалась.

Отмѣчу еще, что фамилія Софьи Ивановны въ началѣ III-й главы—Нелькина (выше было написано Нельскіе), но потомъ она зачеркнута и написано «Прежневыхъ». Сыну имя въ этой главѣ «Левъ Павлычъ», между тѣмъ какъ во II-й главѣ—Поль, а въ I-й—«Левъ Андреичъ». Какъ видно, авторъ сильно затруднялся въ выборѣ именъ, особенно для сына. Давая ему имя Левъ, не думалъ ли онъ тѣмъ самымъ намекнуть на характеръ этого лица. Это очень возможно, и у Островскаго уже наблюдался подобный случай. Но очевидно, впослѣдствіи художественное чутье взяло верхъ, и драматургъ остановился на характерномъ имени «Поль».

Должно упомянуть наконецъ и о томъ, что текстъ повѣсти (см. прил. III) подвергался пересмотру, и въ него внесены были нѣкоторыя дополненія (см. примѣчанія къ тексту).

Переходя къ I-й драматической редакціи нашего произведенія, замѣтимъ, что оно сначала носило названіе: «Приданое. Семейныя сцены». Въ этой редакціи пьеса состоитъ изъ двухъ сценъ. I-ая сцена въ трехъ явленіяхъ почти та же, что I-ая картина въ печатномъ текстѣ. Разницу отмѣчу далѣе. Сцена II-ая соотвѣтствуетъ III-й картинѣ печатнаго текста: дѣйствіе происходитъ въ кабинетѣ и состоитъ изъ трехъ картинъ. Дѣйствующія лица для I-й сцены слѣдующія: Софья Ивановна—пожилая дама, вдова;

Левъ Николаевичъ, молодой человѣкъ, ея сынъ; Устинья Филимоновна (раньше стояло Ненила Устиновна) Перешивкина, пожилая женщина, въ родѣ приживалки. Лакей. Для II-й сцены: изъ прежнихъ лицъ—Левъ Николаевичъ и его мать. Новыя: Пелагея Петровна, его жена. Горничная дѣвушка.

Что касается различія 1-й редакціи первой сцены отъ 2-й, то она, какъ можно судить уже по перечню дѣйствующихъ лицъ, заключалась въ томъ, что Софья Ивановна была уже вдова, и слѣдовательно ея мужа не было въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, а потому не было въ текстѣ и его словъ, обращенныхъ къ Полю, о томъ, давно ли онъ былъ въ театрѣ и кто теперь играетъ маркизовъ и т. д. Въ этомъ случаѣ данная 1-ая редакція совпадаетъ съ повѣстью.

Далѣе длинный (первый) монологъ Прежневой, которымъ начинается пьеса, въ 1-й редакціи значительно короче, чѣмъ въ печатномъ текстѣ, т.-е. во 2-й редакціи (драматической), да и содержаніе его совершенно иное. Вотъ этотъ монологъ по рукописи № 3097:

«С. И. (одна. Читаетъ книгу, потомъ кладетъ ее на столъ). Какая прекрасная, трогательная исторія! Бѣдный, молодой человѣкъ женится на богатой дѣвушкѣ изъ лучшаго общества, на красавицѣ, потомъ находитъ свою мать и всѣ живутъ счастливо. А мой Leon! Нѣтъ ему счастья! Ахъ, дѣти, дѣти. (Нюхаетъ спиртъ, потомъ звонитъ»).

Этотъ монологъ даетъ право утверждать, что драматическая обработка сюжета была начата раньше, чѣмъ повѣствовательная, такъ какъ коротенькій монологъ Прежневой во 2-й редакціи былъ замѣненъ длиннымъ, все содержаніе котораго уже дано въ повѣсти, какъ это можно видѣть изъ сравненія текстовъ.

Во второй картинѣ I-й сцены нѣтъ жалобъ Поля на судъ. На вопросъ Софьи Ивановны Левъ Николаевичъ (Поль) отвѣчаетъ: «Былъ въ судѣ, потомъ завтракалъ съ Сержемъ». Далѣе идетъ такой діалогъ:

С. И. «Новаго чего не слыхалъ ли?

Л. Н. Сержъ говорилъ что-то. Да! Полина Кисточкина съ мужемъ разошлась, тамъ онъ переписку что ли какую

то нашелъ. Сержъ что то много говорилъ, да мнѣ право не до того было, чтобъ слушать.

С. И. Ты все скучаешь, Leon?

Л. Н. Признаюсь, maman, въ моемъ положеніи мудрено быть веселымъ.

С. И. Я тебѣ вѣрю, мой другъ.

Л. Н. Maman, послушайте меня. По рожденію»... и т. д. (какъ въ печатномъ текстѣ).

Впослѣдствіи, во 2-й редакціи, этотъ діалогъ былъ замѣненъ другимъ, рисующимъ положеніе Прежневыхъ въ болѣе мрачныхъ краскахъ, замѣненъ, очевидно, потому, что недостаточно ярко изображаетъ печальное положеніе Поля и его матери да и не затрогиваетъ, собственно говоря, взаимныхъ отношеній названныхъ лицъ. Во второй редакціи, уже въ самомъ началѣ данной сцены, какъ будто чувствуется невольное сознаніе Прежневой въ своей виновности передъ сыномъ, и она робко замѣчаетъ: «Чтожъ дѣлать, Поль?» Ничего подобнаго нѣтъ въ приведенномъ діалогѣ.

Въ виду этого характерно и слѣдующее обстоятельство: далѣе во 2-й сценѣ нѣтъ упрека, брошеннаго сыномъ матери, что она промотала имѣніе, нѣтъ также упоминанія и о monsieur Пеше.

Наоборотъ, вмѣсто краткой реплики Поля: «Нѣтъ, maman, это драма», шла въ 1-й редакціи слѣдующая довольно длинная его реплика: «Вѣдь достаются же деньги людямъ, которые не имѣютъ никакого понятія о жизни. А я знаю жизнь, какъ нельзя лучше, имѣю самый тонкій вкусъ; одѣться ли, убрать ли квартиру едвали кто съумѣетъ такъ, какъ я. И вотъ у меня то и нѣтъ денегъ. Какъ вамъ это покажется?»

Дальше въ этомъ явленіи крупныхъ отличій отъ печатнаго текста нѣтъ. Нужно только отмѣтить, что съ реплики Софьи Ивановны: «Да это вопросъ. Я знаю тебя»... и т. д. въ рукописи имена дѣйствующихъ лицъ исправлены карандашомъ: вмѣсто С. И. написано Прежнева, вмѣсто Л. Н.—Поль. Такого же рода карандашныя исправленія именъ, а также и дополненія въ самомъ текстѣ сдѣланы и въ 3-мъ явленіи I-й сцены. Отмѣчу здѣсь, что

всѣ эти исправленія сдѣланы уже впослѣдствіи, когда авторъ работалъ надъ 2-й редакціей пьесы. Доказательствомъ служитъ слѣдующее обстоятельство. Въ рукописи № 3241, на стрн. 7-й, послѣ реплики Поля: «Чтожъ, я не прочь жениться, да на комъ?» поставленъ значокъ = и на поляхъ сдѣлана замѣтка, потомъ зачеркнутая: «см. 3». Такой же значокъ = находится и въ рукописи № 3097 послѣ соотвѣтствующей реплики Л. Н. (Поля). А какъ разъ съ слѣдующей затѣмъ репликой С. И. и идутъ въ этой рукописи карандашныя поправки. Очевидно, всѣ эти поправки были внесены, когда писался текстъ комедіи въ рук. № 3241, т.-е. когда авторъ работалъ надъ 2-й редакціей пьесы.

Что касается 3-го явленія 1-й сцены, то молодой вдовѣ въ текстѣ сначала было дано имя Ольга, а потомъ Пелагея Петровна: это имя сохранено и во II-й сценѣ. Но впослѣдствіи въ 3-мъ явленіи оно было исправлено карандашомъ на теперешнее ея имя: «Серафима Карповна». Также исправлены имена и другихъ лицъ.

Въ текстѣ были сдѣланы слѣдующія поправки и дополненія. Въ реплику Перешивкиной внесено названіе «дюми-терьмо» вмѣсто ранѣе стоявшаго «миткаль». Добавлены ея же реплика съ предшествующей ей ремаркой автора: «(Поль хохочетъ). Ничего, смѣйся, батюшка, смѣйся надо мной старухой». Ея же слова: «онъ мнѣ дешево отдаетъ», поставлены вмѣсто «хорошо и дешево». Дальнѣйшій вопросъ того же лица: «прикажете принести», раньше былъ предложенъ въ такой формѣ: «не угодно ли принесу».

Первому мужу Серафимы Карповны фамиліи сначала не было дано, просто сказано: «только была за генераломъ», потомъ «генераломъ» зачеркнуто и карандашомъ исправлено: «Г. Мазаневичевымъ (?) чиновнымъ человѣкомъ». Въ послѣдней репликѣ Прежневой въ этомъ явленіи Серафима Карповна названа «мадамъ Мазуневичъ».

Начиная съ словъ Перешивкиной: «Онъ, матушка, одинъ разъ генераломъ былъ», и кончая ея же словами: «Это истинно я вамъ говорю», все это вставлено карандашомъ въ нашей рукописи, на свободныхъ мѣстахъ листа.

Измѣнена въ двухъ мѣстахъ, въ репликахъ Перешивки-

ной и Поля, цифра денегъ Серафимы Карповны. Сначала было, какъ и въ повѣсти, «однихъ денегъ четыреста тысячъ»; потомъ «четыреста» исправлено на «полтораста».

Вставлена карандашомъ реплика Прежневой: «Да что-жъ тутъ удивительнаго? Еще бы въ него-то не влюбиться!» Какъ видно, эта реплика была дополнена впослѣдствіи. Внесены также и слѣдующая затѣмъ реплика Перешивкиной, начальныя слова аріи: «La donna e mobile» и наконецъ слова той же Перешивкиной: «я такъ и ахнула».

Какъ показываетъ упомянутая реплика Прежневой, были и впослѣдствіи внесены нѣкоторыя дополненія въ текстъ. Такъ, напр., въ нашей рукописи нѣтъ словъ Перешивкиной: «Онъ ужъ такой шутникъ», реплики Поля: «Ну, ври, ври», далѣе не было словъ перваго изъ названныхъ двухъ лицъ: «Любовь любовью, а деньги деньгами»; зато стояло: «не такое дѣло, чтобъ безъ оглядки дѣлать».

Перехожу ко II-й сценѣ (въ печатномъ текстѣ картина III). Она начинается съ теперешняго 2-го явленія. Сцены между Полемъ и неизвѣстнымъ въ нашей рукописи нѣтъ. Вверху страницы, въ правомъ углу, помѣщенъ слѣдующій набросокъ плана: «Л. Н. (Поль) и П. П. (Пелагея Петровна=Серафима Карповна)—потомъ горничная—Л. Н. одинъ. Л. Н. и мать пот(омъ)—П. П.—Л. Н. и мать. Л. Н., П. П. и мать (затѣмъ П. П. зачеркнуто). Л. Н. и мать, пот(омъ) горничная.—Л. Н. и мать».

2-е явленіе состоитъ изъ того монолога Поля, которымъ начинается въ печатномъ текстѣ (конечно, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями) 3-е явленіе III-й картины.

3-е явленіе представляетъ разговоръ Поля съ матерью объ его семейномъ счастьи. Вотъ этотъ впослѣдствіи выброшенный разговоръ:

Поль. «Bonjour maman.

С. И. Здравствуй Поль! Я сейчасъ была у жены твоей; она тамъ съ модисткой занимается; а я и рада, мнѣ нужно поговорить съ тобой.

П. Поговоримте, maman. (Садится подлѣ нея).

С. И. Скажи мнѣ, Поль, откровенно, доволенъ ты своей женитьбой.

П. Даже больше чѣмъ доволенъ.

С. И. Она любитъ тебя?

П. До безумія.

С. И. Ну, да что же объ этомъ и спрашивать, это понятно? А долги ты всѣ заплатилъ?

П. Я еще почти никому и не отдавалъ; да объ этомъ теперь и думать нечего, можно заплатить хоть сегодня.

С. И. Однако всего лучше развязаться. Ты попроси у нея, да и отдай.

П. Это можно сейчасъ сдѣлать. Она давеча такъ расчувствовалась, говоритъ: что хочешь, Поль, все на свѣтѣ для тебя сдѣлаю.

С. И. Благородная женщина.

П. Вотъ посмотрите на наше семейное счастье. Поля!

П. П. (за сценой). Сію минуту, Поль.

С. И. Я очень рада, Поль, что ты такъ счастливъ. Я чувствовала, что ты будешь счастливъ, материнское сердце не обманываетъ».

Приведенные набросокъ плана и разговоръ Поля съ матерью свидѣтельствуютъ о томъ, что у автора планъ II-й сцены былъ составленъ еще въ 1856 году, хотя въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и нѣсколько иной, но въ главномъ тотъ же, что и планъ теперешней III-й картины. Слѣдуетъ также отмѣтить и то, что личность Поля не сразу далась Островскому: его предложеніе матери посмотрѣть на ихъ семейное счастіе какъ-то не вяжется съ тѣмъ, какъ онъ раньше отзывался вообще по этому вопросу.

Внесенныя въ текстъ поправки и дополненія, при всей своей подчасъ незначительности, показываютъ однако, въ какомъ направленіи шла дальше работа надъ пьесой: эта работа прежде всего, конечно, сводилась къ усиленію правдоподобія въ рѣчахъ, т.-е. соотвѣтствія ихъ характеру лицъ, а съ другой стороны къ болѣе обстоятельному изображенію купеческой жизни, что привело впослѣдствіи, какъ увидимъ, къ внесенію въ пьесу цѣлой картины.

Неизвѣстно почему, быть можетъ потому, что дѣйствующія лица (главныя) не вполнѣ ясно представлялись Островскому, какъ бы то ни было онъ бросаетъ работу надъ своей пьесой, хотя планъ ея въ общихъ чертахъ

былъ уже составленъ. Послѣ этого, какъ мы раньше видѣли, авторъ принимается за обработку своего сюжета въ формѣ повѣсти.

Что новаго дала эта работа? Если принять мое предположеніе, на мой взглядъ вполнѣ вѣроятное, что сначала была написана третья глава повѣсти, изображающая, какъ видно изъ текста, картинку изъ купеческой жизни, то это обстоятельство подтверждаетъ сдѣланное выше замѣчаніе о направленіи, въ какомъ шла работа надъ даннымъ сюжетомъ, что въ дальнѣйшемъ авторъ обращаетъ болѣе вниманія на изображеніе купеческой жизни. Эта третья глава уже намѣчаетъ содержаніе второй картины пьесы по второй ея редакціи: Карпъ Карпычъ Толстогораздовъ, «всей роднѣ благодѣтель», его жена и облагодѣтельствованная имъ Матрена уже намѣчены, а первый — почти совсѣмъ созданъ: оставалось только вложить въ уста этихъ лицъ болѣе обширныя рѣчи.

Точно такъ же подвинулась значительно впередъ разработка личности Прежневой: во второй главѣ повѣсти мы находимъ ея полную характеристику, знакомимся со всѣмъ ея «нравственнымъ кодексомъ». Впослѣдствіи въ эту характеристику не было внесено ничего новаго, измѣнено лишь общественное положеніе Прежневой: она не вдова, мужъ ея еще живъ. Вторая глава повѣсти дала, какъ мы видѣли, все содержаніе перваго монолога Софьи Ивановны, которымъ начинается пьеса. Здѣсь характеризуется и «развращенный до ногтей» гувернеръ Поля, которымъ Поль во второй редакціи пьесы упрекаетъ свою мать.

Но вотъ что касается Серафимы Карповны, то въ разработкѣ ея личности дѣло не только не пошло впередъ, но скорѣе, пожалуй, отодвинулось нѣсколько назадъ. Дѣло въ томъ, что въ первой главѣ повѣсти характеръ названнаго лица отличается въ значительной степени двойственностью. Островскому не удалось слить въ одинъ яркій образъ положительныхъ и отрицательныхъ качествъ своей героини и, вѣроятно, не удовлетворенный этимъ, онъ и бросилъ работу надъ своимъ произведеніемъ. Очевидно, драматурга затрудняло всего больше это лицо, его характеръ дался ему далеко не сразу, и, можетъ быть, по-

этому первую главу повѣсти (изъ трехъ) онъ написалъ послѣдней.

Оставивъ свою повѣсть, Островскій, надо полагать, долго не возвращался къ данному труду, но, разъ возвратившись къ нему, онъ быстро, въ двѣ съ половиной недѣли, началъ и кончилъ его (13—29 ноября 1857 г.).

Теперь уже текстъ I-й картины (въ рук. № 3241) точь въ точь какъ печатный. Отличій только два: вмѣсто «monsieur Пеше» въ рукописи «monsieur Flori», да Серафимѣ Карповнѣ сначала была дана фамилія Осламевичъ, потомъ исправленная на Асламевичъ [1]).

Вторая картина, внесенная въ пьесу только въ этой 2-й редакціи, конечно, была написана не сразу: на поляхъ находимъ вставки. Такъ, напр., на поляхъ написана подробная ремарка автора о Серафимѣ Карповнѣ и Матренѣ. Далѣе, во 2-мъ явленіи, начиная съ реплики Улиты Никитишны: «А говорятъ въ какихъ-то земляхъ изъ женщинъ полки есть», и кончая репликой Карпа Карпыча: «Все-таки молчи. Ума у тебя нѣтъ, а разговаривать любишь. Ну и молчи! (Молч.)», все это мѣсто написано на поляхъ. Вставка эта позднѣйшая, потому что на поляхъ послѣ словъ Карпа Карпыча: «А ты пей во-время», идетъ написанная раньше ремарка автора: «Вбѣгаетъ Матрена», а уже послѣ нея идутъ слова Улиты Никитишны: «Нѣтъ все-таки», и послѣдняя реплика ея мужа. Точно такъ же потомъ внесена и сцена «На дворѣ». Явленіе 5-е состояло только изъ начальной реплики Матрены да изъ прощанія кучеровъ, при чемъ вмѣсто «Эй вы, гужеѣды!» раньше

---

1) Въ репликѣ Поля: „И чего же мнѣ недостаетъ? Вѣдь это срамъ, позоръ! Мнѣ недостаетъ состоянія. Да и кому нужно знать, что у меня нѣтъ состояній? Я все-таки долженъ жить такъ, какъ они, и вести себя такъ, какъ они. Чтожъ, въ мѣщане что-ли мнѣ приписаться?...“ и т. д. обращаетъ на себя вниманіе мѣстоименіе они: „кто это они“? Правда, въ предшествующей репликѣ Поль говоритъ:... „я принадлежу къ лучшему обществу...“ Но и при этомъ сопоставленіи согласованіе кажется нѣсколько страннымъ. Разъясняетъ дѣло наша рукопись; въ ней послѣ словъ: „Да и кому нужно знать, что у меня нѣтъ состоянія?“ шло: „Никто не приметъ этого ни въ уваженіе, ни въ оправданіе. Я все-таки долженъ жить такъ, какъ всѣ изъ нашего круга. Я долженъ и одѣваться такъ, какъ они, и вести себя такъ, какъ они. Чтожъ (я скажу извините у меня нѣтъ состоянія...) въ мѣщане чтоль мнѣ приписаться“... и т. д. Слова въ скобкахъ въ рукописи зачеркнуты.

стояло: «Кучеръ, кучеръ». Вся эта сцена добавлена потомъ на поляхъ, очевидно, при новомъ пересмотрѣ текста, хотя чернила одни и тѣ же, во всякомъ случаѣ уже послѣ того, какъ было написано 6-е явленіе.

Названная выше сцена «На дворѣ» по рукописи входитъ въ 3-е явленіе, которое начинается съ прихода Матрены. Такъ было и въ текстѣ «Современника», гдѣ впервые напечатана наша пьеса, такъ же и въ первомъ (гр. Кушелева-Безбородка) и во второмъ (Д. Е. Кожанчикова) изданіи сочиненій А. Н. Островскаго [1]).

Въ нашей рукописи (№ 3241) въ монологѣ Карпа Карпыча сначала было нѣсколько болѣе «славянщины». Такъ вмѣсто «научаютъ» стояло «наущаютъ». Конецъ монолога первоначально читался такъ: «Молодой человѣкъ, который и неопытный, можетъ польститься на ихъ прелесть, а человѣкъ старый, который (все испыталъ, для того ихъ прелесть мерзость есть)». Затѣмъ слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты и сверху написано, какъ въ печатномъ текстѣ. Что же касается слова «наущаютъ», то оно осталось и въ печатномъ текстѣ только что выше названныхъ изданій [2]).

Перехожу къ III-й картинѣ. Судя по тому, какъ написанъ списокъ дѣйствующихъ лицъ для этой картины, можно думать, что А. Н. Островскій хотѣлъ начать ее такъ же, какъ въ рукописи № 3097, т.-е. разговоромъ Поля съ женой, но тутъ же ему пришла мысль внести сцену съ лакеемъ. Дѣло въ томъ, что лакей и неизвѣстный внесены въ списокъ дѣйствующихъ лицъ впослѣдствіи. Когда этотъ списокъ былъ написанъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, то авторъ отдѣлилъ его черточкой отъ ремарки «Богато убранный кабинетъ». Когда же онъ рѣшилъ внести новую сцену съ лакеемъ, то въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ

---

1) Въ третьемъ изданіи сочиненій А. Н. Островскаго въ эту сцену внесена поправка, а именно приходъ Матрены и монологъ Карпа Карпыча отнесены ко 2-му явленію, а сцена „На дворѣ“ выдѣлена въ особое явленіе.

2) Также въ 3-мъ изданіи „наущаютъ“ замѣнено словомъ „научаютъ“. Очевидно, къ этому изданію А. Н. снова просмотрѣлъ текстъ комедіи и внесъ въ него двѣ поправки, изъ которыхъ послѣдняя заслуживаетъ, конечно, вниманія.

слово «лакей» пришлось написать немного ниже указанной черты, такъ какъ выше ея не было мѣста: очевидное доказательство, что лакей внесенъ впослѣдствіи. Да и чернила, которыми написано это слово, какъ будто нѣсколько свѣжѣе. Что же касается неизвѣстнаго, то онъ введенъ въ комедію, вѣроятно, еще позднѣе, потому что сначала хотя и была написана сцена съ лакеемъ, но сцены съ неизвѣстнымъ совсѣмъ не было и она написана карандашомъ на отдѣльномъ листѣ, вплетенномъ въ рукопись. Затѣмъ значительную часть ремарки автора о неизвѣстномъ пришлось дописать на поляхъ, чего не нужно было бы дѣлать, если бы эта ремарка писалась своевременно.

Обратимъ вниманіе еще вотъ на что. Первоначально послѣ реплики Поля: «Такъ неужели-жъ мнѣ самому съ ними разговаривать?...» и т. д. была реплика лакея: «Слушаю-съ (уходитъ)», потомъ зачеркнутая, когда авторъ ввелъ новую сцену съ неизвѣстнымъ. Послѣ этой реплики лакея шла реплика Поля, которой кончается теперь въ печати 2-е явленіе, при чемъ конецъ этой реплики: «Еще даже лучше, если у меня»... и т. д. добавленъ потомъ, написанъ болѣе свѣжими чернилами, такими же, какъ въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ неизвѣстный и лакей. Такими же чернилами сдѣланы и нѣкоторыя другія поправки и дополненія въ текстѣ, напр.: «я бы, кажется, тебя еще больше любить стала», «я въ пансіонѣ воспитывалась» и друг. Это обстоятельство, конечно, доказываетъ, что текстъ еще разъ подвергался пересмотру.

Другое доказательство этого положенія заключается въ слѣдующемъ. Во второмъ явеніи реплика Серафимы: «Оттого и не берутъ, что не любятъ насъ»... и т. д. вначалѣ была написана почти такъ же, какъ въ рук. № 3097, съ небольшимъ только измѣненіемъ въ концѣ: очевидно, нашъ драматургъ, работая надъ 2-й редакціей, пользовался рукописью № 3097. Другое дополненіе въ эту реплику внесено впослѣдствіи, написано болѣе свѣжими чернилами, надо полагать, во время новаго пересмотра текста.

Что касается вообще III-й картины, то текстъ ея по рукописи въ концѣ-концовъ оказывается сходнымъ съ печатнымъ. Но, конечно, слѣдуетъ отмѣтить то, что онъ

складывался, такъ сказать, постепенно, что въ него были внесены вставки и измѣненія. Эти вставки дѣлались въ различное время: однѣ—когда писался основной текстъ пьесы, другія—во время пересмотра текста. Къ перваго рода вставкамъ относятся, напр., замѣтка Серафимы о томъ, что у нихъ могутъ быть дѣти, и отвѣтъ Поля, а также его замѣтка въ послѣднемъ монологѣ: «При такомъ воспитаніи нужно имѣть деньги, чтобы играть значительную роль въ нашемъ обществѣ». Всѣ эти вставки написаны на поляхъ, но тѣми же чернилами и почеркомъ, что и основной текстъ. Другія же вставки и поправки писаны другими, болѣе яркими чернилами и другимъ почеркомъ: очевидно, онѣ сдѣланы впослѣдствіи при пересмотрѣ текста. Такъ, напр., слова Поля: «что ты съ ума что ли сошла?» написаны сверху строки, другими чернилами; раньше стояло: «Вотъ вздоръ!» Также впослѣдствіи внесены слова Серафимы: «Никакого въ этомъ сумасшествія нѣтъ». Реплика ея: «Ахъ, Поль, ты остался со мной; мнѣ теперь, право, ни о чемъ другомъ думать не хочется», раньше читалась такъ: «Ахъ, Поль, ты остался со мной, у меня теперь совсѣмъ не то въ головѣ». Наконецъ въ репликѣ Поля, начинающей 4-е явленіе, вмѣсто словъ: «Чего она испугалась?» въ рукописи сначала стояло: «Это чортъ знаетъ, что такое?» Послѣ словъ: «Я ужъ и не пойму», шло: «И любитъ и денегъ не даетъ». Эти слова зачеркнуты, и дальнѣйшая фраза: «Не думаетъ ли она, что я всю жизнь буду только одной любовью пробавляться?» читалась раньше такъ: «Не думаетъ ли она, что я по любви на ней женился».

Обратите вниманіе на всѣ эти вставки и исправленія: однѣ изъ нихъ вносятъ ту или другую подробность въ характеристику дѣйствующихъ лицъ, ту или другую бытовую подробность, другія свидѣтельствуютъ о томъ, какъ тщательно заботился А. Н. Островскій о характерѣ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, чтобы эта рѣчь болѣе соотвѣтствовала характеру самихъ персонажей. Конечно, тѣ и другія поправки только усиливали реализмъ пьесы.

Наконецъ, намъ слѣдуетъ остановиться еще на одной подробности, показывающей, что по всѣмъ вѣроятіямъ

наша пьеса не ускользнула отъ когтей цензуры. Дѣло въ томъ, что въ послѣднемъ монологѣ Поля фраза: «Вы любовались, когда мы съ моимъ гувернеромъ, вашимъ любимцемъ, скакали по нашимъ наслѣдственнымъ полямъ», въ рукописи читается такъ: «Вы любовались, когда мы съ моимъ (развратнымъ) гувернеромъ, вашимъ любимцемъ, скакали по нашимъ наслѣдственнымъ полямъ, (и хлестали своими хлыстами по глазамъ мужиковъ, которые не сворачиваютъ съ дороги)». Не выброшены ли цензурою слова, поставленныя мною въ скобки и отличающія рукописный текстъ отъ печатнаго? Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Подведемъ итоги.

Въ февралѣ 1856 года А. Н. Островскій задумываетъ пьесу «Приданое. Семейныя сцены». Въ первой редакціи она состоитъ изъ двухъ сценъ, соотвѣтствующихъ теперешнимъ первой и третьей картинамъ. Имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ были иныя, а нѣкоторыхъ лицъ и совсѣмъ не было, какъ, напр., старика Прежнева, неизвѣстнаго. Личность сына еще не далась автору вполнѣ. Не говорю уже о томъ, что не было многихъ подробностей. Хотя пьеса не была окончена, но судя по наброску плана, можно думать, что она кончалась такъ же, какъ и теперь.

Неизвѣстно почему авторъ оставилъ драматическую обработку сюжета и принялся за повѣствовательную. Онъ начинаетъ повѣсть, которой даетъ заглавіе: «Не сошлись характерами» и работа надъ которой ограничилась тремя главами, писанными какъ будто въ обратномъ порядкѣ, т.-е. сначала третья, а потомъ вторая и первая главы. Повѣсть во многомъ подвинула разработку сюжета. Внесена сцена въ семьѣ купца Толстогораздова, при чемъ нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ уже намѣчены, а самъ Толстогораздовъ почти совсѣмъ созданъ: оставалось только вложить въ уста этихъ лицъ болѣе обширныя рѣчи. Также значительно подвинулась впередъ разработка личности Софьи Ивановны, въ характеристику которой впослѣдствіи не было внесено ничего новаго. Здѣсь же мы находимъ и замѣчаніе о гувернерѣ. Личность Серафимы въ повѣсти

не удалась автору: характеръ этого лица здѣсь въ значительной степени отличается двойственностью.

Повѣсть также осталась неоконченной, и повидимому авторъ долго не возвращался къ своему труду. Но разъ возвратившись къ нему, онъ быстро, приблизительно въ двѣ съ половиной недѣли, началъ и кончилъ его (13—29 ноября 1857 года). При работѣ надъ второй редакціей пьесы, которой заглавіе дано уже не «Приданое», а «Не сошлись характерами», драматургъ пользовался первой ея редакціей въ рук. № 3097, главнымъ образомъ для 1-й картины. Конечно, въ нее внесены были поправки и дополненія. Вторая картина теперь только написана, при чемъ матеріалъ для нея подготовленъ третьей главой повѣсти и текстъ ея создался не сразу: нѣкоторыя подробности внесены были впослѣдствіи, хотя еще въ то время, когда писался основной текстъ пьесы. Точно такъ же текстъ и другихъ картинъ создался не сразу. Теперь лишь окончательно былъ созданъ образъ Серафимы Карповны. Въ рукописи обращаетъ на себя вниманіе присутствіе «славянщины» въ монологѣ Карпа Карповича, вошедшее и въ печатный текстъ и исчезнувшее только потомъ, въ одномъ изъ послѣдующихъ изданій. Также слѣдуетъ отмѣтить въ послѣднемъ монологѣ Поля его слова о томъ, какъ они съ гувернеромъ хлестали мужиковъ, что было, вѣроятно, вычеркнуто цензурой.

Послѣ того, какъ текстъ былъ написанъ, авторъ вновь пересмотрѣлъ его и внесъ въ него нѣкоторыя поправки, которыя еще болѣе усиливали реализмъ пьесы. Въ такомъ видѣ пьеса была напечатана въ январской книжкѣ «Современника» за 1857 годъ и перепечатывалась въ двухъ первыхъ изданіяхъ сочиненій нашего драматурга. Приготовляя 3-е изданіе своихъ сочиненій, А. Н. Островскій снова просмотрѣлъ текстъ комедіи и внесъ въ него двѣ поправки, изъ которыхъ одна заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

IX.

„Воспитанница“.

(Сцены изъ деревенской жизни въ 4-хъ картинахъ.)

I.

Напечатанная впервые въ январской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» за 1859 годъ, «Воспитанница» сохранилась въ рукописи Румянцевскаго музея № 3243, гдѣ она озаглавлена: «Кошкѣ игрушки, мышкѣ слезки», и кромѣ того имѣетъ подзаглавіе: «Картины деревенской жизни».

На поляхъ рукописи находимъ такую, правда зачеркнутую замѣтку: «Задумана 15 апрѣля, начата 14 августа». Въ концѣ рукописи дата: «7 декабря 1858 г.», Надо полагать, что и предыдущія двѣ даты—того же 1858 г. Выше во II-й главѣ я писалъ, что «Воспитанница» собственно впервые задумана 12 іюля 1855 г., но 13 іюля авторъ бросилъ мысль о ней.

Уланбекову первоначально звали «Княгиня Нимфодора Исаевна Асланъ-Уланова» (въ наброскѣ 1855 г. Сосипатра Даниловна Усланова), но потомъ, вѣроятно, при пересмотрѣ текста (чернила другія), это зачеркнуто и надписано «Уланбекова». Также при пересмотрѣ текста (тѣми же чернилами) добавлено: «вся въ черномъ. Помѣщица 2000 душъ».

Леонидъ Давыдычъ (отчество зачеркнуто), ея сынъ, сначала былъ названъ просто «молодой человѣкъ»; потомъ эти слова зачеркнуты и надписано: «18 лѣтъ». Точно также написано: «учится», тогда какъ раньше стояло «служитъ». Въ наброскѣ 1855 г.—«Алексѣй Ивановичъ, молодой человѣкъ, племянникъ Усланової, кандидатъ Моск. университета, чиновн. по особ. порученіямъ».

О Василисѣ Перегриновнѣ еще замѣчено: «ходитъ точно крадется».

О Потапычѣ добавлено: «но въ рѣчахъ и поступкахъ безтолковъ».

О Надѣ сначала было сказано, что она «дочь его», т.-е. Потапыча, но потомъ это зачеркнуто. Далѣе говорилось, что она «любимая горничная княгини», но потомъ слова «горничная княгини» зачеркнуты и сверху надписано: «воспитанница Уланбековой». Поправка, судя по цвѣту чернилъ (темнѣе), позднѣйшая, т.-е. сдѣлана при пересмотрѣ текста. Въ наброскѣ 1855 г. вмѣсто Нади была Анна Захаровна, дочь отставного чиновника Зах. Зах. Звѣробоева, который также фигурируетъ въ спискѣ лицъ.

О Гришѣ добавлено, что онъ «любимецъ барыни» (въ наброскѣ 1855 г. этого лица не было).

Болѣе никакихъ дѣйствующихъ лицъ указано не было, и шла такая замѣтка: «Сцена представляетъ комнату въ деревенскомъ домѣ, прямо дверь въ садъ, съ права и съ лѣва двери, посрединѣ круглый столъ». Но потомъ эта ремарка зачеркнута и на поляхъ добавлены другія лица: «Неглигентовъ [1]), приказный изъ семинаристовъ, очень грязный молодой человѣкъ, Лиза (маленькій пунцовый платочекъ). Молодая деревенская дѣвка, одѣтая по праздничному».

Потомъ шла ремарка, что «дѣйствіе происходитъ весной въ подгородной слободѣ», но затѣмъ слово «слободѣ» зачеркнуто и замѣнено словами «усадьбѣ Уланбековой».

Что касается I-ой картины, то явленіе 1-е и начало 2-го, кончая словами Леонида: «А что, какъ я буду вицъ-губернаторомъ, ты меня», написаны вновь. Дальше послѣ этихъ словъ страница 4-я, гдѣ они помѣщены, до конца остается совершенно чистой, а слова Леонида «будешь бояться» находятся уже на стран. 5-ой, но цифра 5 исправлена изъ 3, да и чернила, которыми написаны страницы 2—4, гораздо темнѣе, чѣмъ на стран. 5. Такими болѣе блѣдными чернилами написано, кончая словами Потапыча: «Онѣ даже и у знакомыхъ, у кого если увидятъ»... Дальше писано другими чернилами, болѣе темными, и этими же чернилами на поляхъ сдѣлана замѣтка «6 октября». Очевидно, начавъ въ августѣ комедію,

---

[1]) Эта фамилія, какъ увидимъ дальше, вставлена значительно позднѣе.

Островскій опять оставилъ ее и снова началъ только съ 6 октября.

На стран. 6 (исправлено изъ 4) опять-таки дата: «7 октября».

Страницы 7, 8 и 9 (цифры эти не исправлены), надо полагать, написаны вновь; нѣтъ почти никакихъ поправокъ, да опять-таки приблизительно треть страницы осталась пустой, и къ тому же чернила темнѣе, чѣмъ на стрн. 10-й, гдѣ идетъ продолженіе текста. Цифра 10, думается мнѣ, исправлена изъ 7, равно какъ цифры 11—15, нѣкоторыя исправлены, нѣкоторыя написаны вновь, когда зачеркнуты старыя цифры 8—12 [1]). Остальныя цифры 16—34 безъ поправокъ; одна послѣдная страница ненумерованная. Такимъ образомъ первоначально было написано 12 стрн. такста, но потомъ были внесены поправки и дополненія, увеличившія количество страницъ до 15, а затѣмъ, очевидно, шла уже безпрерывная работа надъ пьесой, такъ какъ цифры идутъ безъ поправокъ.

Въ самомъ текстѣ 1-го и 2-го явленій, хотя они написаны заново, всетаки встрѣчаются поправки. Такъ, въ разсказѣ Нади о поѣздкѣ въ Петергофъ слова «мы ѣздили на пароходѣ» надписаны сверху строки. Наоборотъ, въ слѣдующей репликѣ Нади послѣ начальныхъ ея словъ: «Ужъ такъ прелестно, что и словами нельзя сказать!» шла такая теперь зачеркнутся фраза: «Ну, разумѣется, глядя на все это, стараешься и сама себя облагородить», вошедшая въ одну изъ слѣдующихъ репликъ Нади.

Четвертая ея реплика начиналась такъ: «Ну разумѣется объ кавалерахъ все больше объ гвардейцахъ»..., при чемъ исправлено, какъ въ печатномъ: «Ну, разумѣется, все больше про благородное обращеніе, объ кавалерахъ тамъ, да объ гвардейцахъ».

Въ репликѣ Лизы: «Да къ чему-же намъ себя облагораживать-то?..» въ нашей рукописи нѣтъ заключительныхъ ея словъ: «Кому это нужно?»

Начало слѣдующей реплики Нади было такое: «Какъ

---

[1]) Цифра 9 напр., исправлена на 12, 10—на 13, 11—на 14, цифра 12 зачеркнута и вновь написано 15.

къ чему? Барыня обѣщали меня выдать замужъ, а теперь меня никому нестыдно взять. Ты знаешь, какія жены у нашихъ чиновниковъ, чѣмъ же я хуже ихъ понимаю жизнь и обращеніе...» Послѣ исправленій, сдѣланныхъ въ нашей рукописи, реплика все-таки не приняла своего окончательнаго вида: нѣтъ еще словъ «ну, на что это похоже?», вставленныхъ, какъ и раньше «кому это нужно», очевидно, не въ нашей рукописи, т.-е. иными словами уже быть можетъ при перепискѣ набѣло текстъ еще разъ подвергался пересмотру.

Въ слѣдующей репликѣ Лизы: «Дай тебѣ Богъ!...» какъ разъ эти начальныя слова, выражающія пожеланіе, вставлены потомъ, сверху строки.

Въ репликѣ Нади: «Напрасно онъ ухаживаетъ... только отъ меня ему ничего не дождаться; потому что я совсѣмъ не такихъ правилъ и, *напротивъ того*, теперь всячески стараюсь, чтобы про меня *какого-нибудь* [1]) дурного разговору не было...», слова, напечатанныя курсивомъ, вставлены потомъ сверху строки. Точно также сдѣланы вставки и въ слѣдующей ея репликѣ (напечатаны у насъ курсивомъ): «Что-жь мнѣ за радость идти за такого!.. А *вотъ* барыня это [2]) *такъ* напрасно *это* дѣлаютъ, что насъ въ такой строгости держатъ, и безпрестанный присмотръ за нами имѣютъ. *Мнѣ даже обидно!* Я такая дѣвушка...»

Двѣ послѣднія реплики Нади и Лизы въ нашей рукописи соединены еще въ одну реплику Лизы: «Кажется, баринъ идетъ; пойдемъ!».

Во 2-мъ явленіи отмѣтимъ слѣдующіе варіанты: 1) первая реплика Леонида читалась первоначально такъ: «Вотъ и убѣжали. Никакъ ихъ не (удержи) [3]) (поймаешь) [4]), сейчасъ и убѣгутъ»

2) Реплика Леонида: «Я ужъ тогда, Потапычъ, служить не стану...» предварительно начиналась такъ: «Я тогда и служить не стану...»

---

[1]) Въ печатномъ текстѣ изданія „Просвѣщенія“ здѣсь стоитъ слово „никакого“.

[2]) Это слово зачеркнуто.

[3]) Это слово зачеркнуто.

[4]) Это слово надписано сверху.

3) Слѣдующая его реплика въ рукописи читается нѣсколько иначе: «Ну да, какъ же! Тамъ еще писать заставятъ, дѣло дѣлать. Нужно мнѣ очень».

4) Въ слѣдующей же репликѣ Потапыча: «Нѣтъ, сударь, зачѣмъ-же...» въ рукописи первоначально стояло: «а вы будете начальникомъ», а потомъ исправлено какъ въ печатномъ текстѣ: «а вы будете надъ ними надо всѣми начальникомъ...»

5) Вмѣсто реплики Леонида: «Развѣ вицъ-губернаторомъ сдѣлаютъ, либо въ предворители выберутъ!» первоначально стояла такая реплика: «Такъ-то бы хорошо. Мнѣ бы, Потапычъ, хотѣлось быть вицъ-губернаторомъ». Потомъ она приняла такой видъ: «Такъ-то бы хорошо. Знаешь что, Потапычъ, мнѣ хочется быть вицъ-губернаторомъ», но окончательно замѣнена она новой репликой уже не въ нашей рукописи.

6) Въ репликѣ Потапыча: «Чего же мнѣ бояться?...» вмѣсто слова «раболѣпствоваться» первоначально стояло опять-таки: «бояться».

7) Дальнѣйшая реплика Леонида сначала читалась такъ: «Да это твоя правда. А что есть тутъ хорошенькія дѣвушки?» Ремарки «не слушая» сначала не было.

8) Въ длинной репликѣ Потапыча: «Вотъ видите-ли, сударь,...» наблюдаются двоякаго рода вставки: однѣ, сдѣланныя во время самаго писанія текста (чернила и текста и вставокъ одни и тѣ же), другія, сдѣланныя уже потомъ другими чернилами. Перваго рода вставки слѣдующія: а) «которыхъ любятъ», б) «У насъ всегда двѣ или три воспитанницы не переводятся», в) «безъ всякаго разговору» (вставлено слово «всякаго»). Позднѣйшія вставки такія: а) «возьмите то», б) «небольшое—этого нельзя сказать», в) «Да, сударь, да!» и г) еще разъ вставлено слово «сударь»: «сударь, бѣда!»

9) Также вставлена и слѣдующая реплика Леонида: «А что?»

10) Въ репликѣ Потапыча: «Ужъ очень строго...» и т. д. впослѣдствіи сдѣланы нѣкоторыя вставки, чрезвычайно характерныя для рѣчи этого дѣйствующаго лица, очевидно, не сразу удавшейся автору. Эти вставки печа-

таются здѣсь курсивомъ: «Ужъ очень строго. Скажутъ: я тебѣ нашла жениха, и *вотъ скажутъ*, тогда-то свадьба, ну и конецъ, тутъ ужъ разговаривать *ни одна* не смѣй! За кого прикажутъ, за того и ступай. Потому что, сударь, *я разсуждаю такъ*, кому-же пріятно, давши воспитаніе, да видѣть непокорность. А бываетъ, сударь, и такъ, что и женихъ невѣстѣ не нравятся, и невѣста жениху: такъ ужъ тутъ очень гнѣваются. *Такъ даже изъ себя выходятъ*. Пожелали онѣ одну воспитанницу отдать за лавочника въ городъ, а онъ, человѣкъ неполированный, вздумалъ было сопротивляться. Мнѣ, говоритъ, невѣста не нравится, да я и жениться-*то* не хочу *еще*. Такъ въ тѣ поры и городничему жаловались и отцу протопопу: ну, и уломали *дурака*».

11) Слѣдующая реплика Леонида: «Вотъ какъ», и отвѣтное «Да-съ» Потапыча также вставлены впослѣдствіи: написаны на поляхъ. Эта реплика Леонида, равно какъ и его же предшествующая: «А что?» вставлены, очевидно, затѣмъ, чтобы раздѣлить на нѣсколько частей длинный монологъ Потапыча и внести нѣкоторое оживленіе въ разговоръ.

12) Въ репликѣ Потапыча: «Да-съ. Онѣ даже у знакомыхъ»... также сдѣланы вставки, печатаемыя у насъ опять-таки курсивомъ. «Да-съ. Онѣ даже и у знакомыхъ у кого, если увидятъ дѣвушку, такъ сейчасъ и ищутъ ей жениха. Наша барыня такъ разсуждаютъ, что онѣ глупы; если *теперича* надъ ними попеченія не имѣть, такъ онѣ, зря, и проживутъ безъ всякаго порядка. *Точно такъ, сударь*. Нѣкоторые даже по своей глупости [и необразованію] [1]) прячутъ дѣвокъ - *то* отъ барыни, [*чтобы она какъ-нибудь на глаза не попалась; потому тутъ ужъ ей и конецъ*] [2]).

Въ слѣдующей его-же репликѣ, кончавшейся словами: «Пускай, говорятъ, смотрятъ всѣ», нѣтъ въ нашей рукописи дальнѣйшихъ заключительныхъ словъ: «какъ у меня живутъ воспитанницы; хочу, говорятъ, чтобъ всѣ имъ завидовали».

---

1) Эти два слова зачеркнуты.

2) Напечатанное курсивомъ и поставленное въ скобки добавлено потомъ на свободномъ мѣстѣ: чернила другія.

Также есть вставки и въ слѣдующей его репликѣ, которая, кромѣ того, въ рукописи оканчивается нѣсколько иначе, чѣмъ въ печатномъ текстѣ: «И какое трогательное поученіе даютъ [1]), когда замужъ отдаютъ! Вы, говорятъ... И позабудь, говорятъ, какъ ты у меня жила, *потому что не для тебя я это дѣлала*; я себя только тѣшила, а ты не должна *никогда* объ такой жизни мечтать [2]) *и думать*, потому что ты не изъ такого званія. [*И всегда ты помни (какого ты званія)* [3]) *свое ничтожество и унижайся передо всякимъ*] [4]).

Какъ видите, въ этихъ репликахъ Потапыча вставлены не только характерныя для его рѣчи слова, но и нѣкоторыя очень любопытныя бытовыя подробности, чрезвычайно ярко характеризующія помѣщицу Уланбекову.

13) Реплика Потапыча: «Не знаю какъ сказать», читалась предварительно нѣсколько иначе: «Не знаю какъ сказать *сударь* [вы больше знаете, потому наукамъ учитесь.] Какъ-то все скучаютъ замужемъ-то потомъ, сохнутъ больше». Слово «сударь» вписано сверху, а поставленное въ скобки зачеркнуто.

Точно также дальнѣйшая реплика Леонида читалась предварительно иначе, а именно: «Такъ это не хорошо, что они скучаютъ. Объ чемъ же они скучаютъ». Но потомъ она вся зачеркнута и надписана вновь сверху строки, какъ въ печатномъ текстѣ: «Отчего жъ Потапычъ сохнутъ?»

Дальнѣйшій текстъ первоначально былъ иной, чѣмъ теперь. Послѣ только что приведенныхъ словъ Леонида шла такая реплика Потапыча: «Вамъ лучше знать, потому вы наукамъ учитесь, вы значитъ по наукѣ можете обо всемъ говорить. И вотъ, ваше сіятельство, почему женихи льстятся на нашихъ воспитанницъ, что княгиня сейчасъ протекцію оказываютъ. Они точно денегъ не даютъ, а протекція у нихъ большая. Теперь если какого приказнаго выгнать

---

[1]) Въ печатномъ текстѣ „дѣлаютъ“.
[2]) Это слово зачеркнуто.
[3]) Эти три слова зачеркнуты.
[4]) Напечатанное курсивомъ и поставленное въ скобки написано на поляхъ: позднѣйшая вставка.

хотятъ изъ суда или и вовсе выгнали, онъ сейчасъ къ княгинѣ и начинаетъ свататься и ужъ тогда они за него горой, даже самого губернатора...»

Начиная съ словъ «самого губернатора» писано на стр. 7, а я уже выше замѣтилъ, что по всей вѣроятности стрн. 7, 8 и 9 переписаны вновь, а потому нельзя установить, какимъ передѣлкамъ подвергался первоначальный текстъ этихъ страницъ.

Предшествующая же реплика Потапыча подверглась переработкѣ и приняла такой видъ:

«Пот. *Какъ отчего!* Вамъ *это, сударь*, лучше знать, потому вы наукамъ учитесь, вы, значитъ, по наукѣ можете обо всемъ говорить.

[*Л. Нѣтъ это странно! Отъ чего жъ они сохнутъ?*

П. Не умѣю вамъ сказать. А вотъ это я, сударь, знаю, что всѣ льстятся] [1]) на нашихъ воспитанницъ, *потому* что *барыня* сейчасъ *свою* протекцію оказываютъ. [*Теперь которыхъ отдали за приказныхъ, такъ ужъ мужьямъ очень хорошо.*] *Потому если его* выгнать хотятъ изъ суда или вовсе выгнали, онъ сейчасъ къ *барынѣ къ нашей съ жалобой и* они *ужъ* за него горой, даже...» и т. д. какъ въ печатномъ текстѣ. Чего въ этой передѣлкѣ нѣтъ сравнительно съ первоначальнымъ текстомъ, то зачеркнуто. Вставка: «Теперь которыхъ... очень хорошо», повидимому, во время писанія текста была сдѣлана на поляхъ въ видѣ замѣтки, которой авторъ предполагалъ впослѣдствіи воспользоваться и, какъ мы видимъ, дѣйствительно воспользовался.

На страницѣ 9-й (на оборотѣ) текстъ кончается словами Лизы: «Потому стыдно. Однако», т.-е. доведенъ почти до конца 4-го явленія. Продолженіе его находится почти на срединѣ страницы 10-й, а все предшествующее этому продолженію на 10-й стрн. зачеркнуто. Зачеркнуто слѣдующее:

«Лиза. [Какъ же не любить! Да вѣдь и т.] [2]) Развѣ вы не видите?

---

[1]) Напечатанное курсивомъ и поставленное въ скобки написано на поляхъ.

[2]) Поставленное въ скобки зачеркнуто горизонтальной чертой.

Леон. Что же она такъ неласкова со мной?

Лиза. Сами посудите: вы теперь здѣсь на короткое время, какой же разсчетъ? Вы уѣдете, а она должна будетъ мучиться. Кабы вы подольше здѣсь побыли, ну тогда другое дѣло. По крайней мѣрѣ бы знала, за что муку терпѣть, что любила такого красавца. (Освобождается отъ него). Пустите-ко баринъ. *(Освобождается).* Вонъ нинфато идетъ».

Все до словъ: «Пустите-ко баринъ», перечеркнуто крестъ-на-крестъ, а только что приведенныя слова «Пустите-ко баринъ...» и т. д. сдѣланы продолженіемъ реплики Лизы.

Зачеркнутое мѣсто любопытно въ томъ отношеніи, что до нѣкоторой степени проливаетъ свѣтъ на созданіе предшествующаго текста. Очевидно, авторъ раньше уже съ самаго начала комедіи изобразилъ Надю влюбленной въ Леонида, но потомъ измѣнилъ это.

Въ концѣ этого явленія сдѣланы слѣдующія вставки, напечатанныя у насъ курсивомъ:

Лиза. «Ишь вы какіе *проворные!*

Лиза. *Ну ужъ* тамъ видно...

Леонидъ. *Хорошо, сейчасъ!»*

Въ явленіи 5-мъ цифра 5 исправлена изъ какой-то другой, только трудно разобрать, можетъ быть изъ 3. Здѣсь сдѣланы такія перемѣны:

«Леонидъ. Ну что-жь, что видѣли? Жаловаться, что-ли станете? Такъ я скажу, что вы лжете. (уходитъ) [1]) *Кому больше повѣрятъ-то: вамъ или мнѣ? (Дѣлаетъ гримасу и уходитъ).*

Вас. Перегр. Вотъ всѣ-то такъ со мной. Моченьки моей нѣту! Все сердце изболѣло. Мученица я на этомъ свѣтѣ. (Срываетъ съ сердцемъ цвѣтокъ и обрываетъ листики). *Кажется, кабы моя власть,* вотъ такъ-бы васъ всѣхъ! Такъ-бы васъ всѣхъ! Такъ-бы васъ всѣхъ! Погоди-жь ты, мальчишка. Ужъ я тебя *поймаю.* [А ей косу обрѣжутъ! Ужъ я сдѣлаю, что обрѣжутъ] [2]). Кипитъ мое сердце, кипитъ, *ключемъ кипитъ,* (а поди) [3]). А вотъ теперь, иди,

---

[1]) Это слово зачеркнуто.

[2]) Поставленное въ квадр. скобки зачеркнуто.

[3]) Эти слова зачеркнуты.

улыбайся передъ барыней, точно дура какая! Эка жизнь! Эка жизнь! *Грѣшники въ аду не мучатся, какъ я въ этомъ домѣ мучусь...*»

II.

Переходя къ II-й сценѣ, предварительно замѣчу, что первоначально, повидимому, авторъ предполагалъ начать прямо съ теперешняго 2-го явленія или по крайней мѣрѣ слить 1-е и 2-е явленія вмѣстѣ, потому что въ числѣ дѣйствующихъ лицъ упоминается Асланъ-Уланова, выходящая теперь на сцену во 2-мъ явленіи. Въ ремаркѣ въ концѣ 1-го явленія фамилія Асл.-Ул. исправлена такъ: Асл. зачеркнуто, а изъ Ул. сдѣлано Уланбекова. Дальше однако опять идетъ Асл., а потомъ Ул. или Улан., на стрн. 15 упоминается Уланова, а слѣдовательно поправка на Уланбекова сдѣлана по окончаніи всего текста, т.-е. при его пересмотрѣ.

Въ текстѣ 1-го явленія II-ой сцены сдѣланы такія перемѣны. (Напечатанное курсивомъ означаетъ вставку, напечатанное курсивомъ и поставленное въ квадратныя скобки означаетъ, что это въ рукописи зачеркнуто.)

1) «Гавриловна. Крѣпкій-то чай *вамъ нездорово пить, онъ* [1]) [*грудь сушитъ*], сударыня». Такимъ образомъ эта реплика первоначально читалась такъ: «крѣпкій-то чай грудь сушитъ, сударыня», потомъ сдѣлана вставка: «вамъ нездорово пить, онъ» и наконецъ «онъ грудь сушитъ» зачеркнуто.

2) «Гаврил. Обидишь васъ! Вы сами всѣхъ обижаете. [*Я васъ не трогала, вы къ чему пристали*], *точно васъ что поджигаетъ*».

3) Въ репликѣ Вас. Перегр. «Не смѣешь ты такъ...» и т. д. вмѣсто «у меня такія-то, какъ ты, пикнуть не смѣли», первоначально читалось: «у меня такія-то, какъ ты [въ услуженіи были] пикнуть не смѣли»; потомъ поставленное въ скобки зачеркнуто.

4) Въ слѣдующей ея-же репликѣ вмѣсто «скорую мою

---

[1]) Слово „онъ“ зачеркнуто.

кончину» читалось: «скорую свою кончину»; потомъ «свою» зачеркнуто, а сверху надписано «мою».

5) Конецъ явленія былъ нѣсколько иной, а именно оно заканчивалось слѣдующими репликами и ремаркой:

«Гавр. Лучше бы вы въ чужіе-то не мѣшались [1]).

Вас. [*Нѣ смѣешь ты мнѣ этого сказать!*] *Точно я въ омутъ*» [2]).

(Входятъ: *съ лѣвой стороны* [*Асл.*] *Уланбекова*, Надя, Гриша и [*горничн.*] *Лиза*. Злобная улыбка въ лицѣ В. П. превращается въ заискивающую.)»

При пересмотрѣ текста, что доказывается цвѣтомъ чернилъ, была сдѣлана слѣдующая вставка, продолженіе реплики Гавриловны: «Лучше бы вы чужихъ-то не трогали», приведенной мною въ исправленномъ видѣ: «[*Да конечно*]. *А то* умирать собираетесь, а чужіе грѣхи...» и т. д. до конца явленія.

Второе явленіе. Начало его было предварительно такое.

«Вас. Пер. Помолиться, матушка, изволили.

Ас.-Ул. Къ отцу Онуфрію [къ Медіокритскому] [3]) заѣзжала въ Пустую улицу. Просилъ меня о племянникѣ своемъ, крестникъ онъ мнѣ доводится. Жаль этихъ людей! Безъ меня они бы гибли, какъ мухи.

В. П. Ужъ вы матушка всѣмъ благодѣтельница. Всѣмъ таки всѣмъ: [которые взгляду-то вашего не стоятъ, вы и тѣмъ благодѣтельствуете] [4]).

Асл.-Ул. Нельзя же душа моя! Нужно дѣлать добро ближнимъ [5]).

Вас. Пер. Говорятъ непутный племянникъ-то у отца Онуфрія.

Асл. [*Что-жъ изъ этого?*] *Мнѣ все равно*. Я не для нихъ

---

[1]) Эта реплика исправлена такъ: „Лучше бы вы чужихъ-то не трогали!“

[2]) Слова „точно я въ омутѣ“ надписаны были сверху строки, но потомъ опять-таки зачеркнуты.

[3]) Эти слова подписаны снизу подъ словами: „отцу Онуфрію“.

[4]) Поставленное въ скобки добавлено, очевидно, во время писанія самаго текста.

[5]) Вторая половина реплика сначала читалась такъ: „Добро нужно дѣлать ближнимъ“.

дѣлаю, а для себя, для своей души. Заѣзжала потомъ къ исправнику, просила, чтобъ Медіокритскаго племянника столоначальникомъ сдѣлалъ».

Прежде чѣмъ итти дальше, остановимся на этой части текста, такъ какъ въ то время, какъ писался текстъ, были уже внесены и поправки. Такъ на поляхъ написаны:

1) Реплика Уланбековой «Да, къ вечернѣ ѣздила въ городъ, праздникъ нынче тамъ».

2) Раньше написанная ея же реплика: «Къ отцу Онуфрію...» дополнена слѣдующими словами также на поляхъ: «что бы они были безъ протекціи! Меня имъ Богъ послалъ».

3) Реплика Василисы Перегриновны: «Чувствуютъ-ли они ваши благодѣянія? Могутъ-ли они чувствовать? Понимаютъ-ли они скоты, сколько вашего для нихъ снисхожденія? Могутъ-ли они оцѣнить? Хоть благодарность-то чувствуютъ-ли они?»

4) Вторая реплика Вас. Перегр.: «Много благодѣяній разсыпали нестоющимъ людямъ?»

Послѣ того, какъ была написана послѣдняя вставка, была измѣнена и вторая реплика Уланбековой, которая приняла такой видъ: «*Нынѣ только* заѣзжала въ Пустую улицу къ Медіокритскому. Просилъ меня...» и т. д. какъ раньше.

Это, конечно, не окончательная отдѣлка. Окончательно обработанъ былъ текстъ этихъ репликъ, очевидно, при слѣдующемъ пересмотрѣ, который былъ произведенъ, надо полагать, когда былъ конченъ весь текстъ; чернила этихъ послѣднихъ поправокъ, по моему мнѣнію, одного цвѣта.

Переходимъ къ дальнѣйшему тексту.

Реплика Вас. Перегр. предварительно читалась такъ: «Да [матушка В. С.]», потомъ поставленное въ скобки было зачеркнуто и сверху надписано: «благодѣтельница, стоютъ-ли...»

Слѣдующая за этимъ реплика Уланбековой: «Не перебивай! Странный человѣкъ...» и т. д. кончалась предварительно словами: «Я ему говорю: вы [*поймите*], кажется, не понимаете». Эта реплика исправлена, повидимому, въ то время, какъ писался текстъ.

Идущая затѣмъ реплика Вас. Пер., исправленная при

окончательномъ пересмотрѣ текста и принявшая видъ, тождественный съ ея печатнымъ текстомъ, первоначально читалась: «Какъ это у него языкъ-то повернулся отказать вамъ. Да не стоитъ Медіокритскій-то того, чтобы для него у хорошаго человѣка мѣсто отняли, по жизни-то онъ своей не стоитъ».

Также подверглась маленькому измѣненію и слѣдующая реплика Уланбековой: «Ты не забывай, что онъ [*мнѣ*] *мой* крестникъ.

Слѣдующая же реплика Василисы Перегриновны не разъ была передѣлана, но и то въ концѣ-концовъ есть въ ней разница, хотя и незначительная, сравнительно съ печатнымъ текстомъ. Первоначально она читалась такъ: «Да безпутный вѣдь онъ совсѣмъ; дядя его въ судъ опредѣлилъ, а онъ оттуда скрывается, цѣлую недѣлю пропадалъ, говорятъ, гдѣ-то версты за четыре рыбу ловилъ, да пьянствуетъ не по лѣтамъ». Въ то время, какъ писался текстъ, были внесены поправки, и реплика приняла такой видъ: «Мало-ли, что говорятъ. Вонъ говорятъ, что онъ безпутный совсѣмъ, что дядя его въ судъ опредѣлилъ, а онъ оттуда скрывается, цѣлую недѣлю пропадалъ, говорятъ, гдѣ-то версты за четыре рыбу ловилъ, да что пьянствуетъ не по лѣтамъ. [*Да кому жъ какое дѣло до всего до этого! Коли вы за него просите, значитъ онъ стоитъ того*»] [1]). Послѣ окончательнаго пересмотра текста реплика приняла такой видъ: «*Я про то вамъ и докладываю, благодѣтельница; крестникъ онъ* [*вамъ, ну и кончено дѣло, онъ никакихъ разговоровъ не долженъ слушать. А то*] [2]) мало ли что говорятъ. Вонъ говорятъ, что онъ безпутный совсѣмъ, что дядя его въ судъ опредѣлилъ, а онъ оттуда скрывается, цѣлую недѣлю пропадалъ, говорятъ, гдѣ то версты за четыре *на большой дорогѣ, подлѣ кабака* рыбу ловилъ, да что пьянствуетъ не по лѣтамъ. Да кому жъ какое дѣло до всего до этого! [*Кто смѣетъ обращать вниманіе*] [3]). Коли вы за него просите, значитъ онъ стоитъ того».

---

[1]) Поставленное въ скобки написано на поляхъ.
[2]) Поставленное въ скобки написано на поляхъ.
[3]) Поставленное въ скобки надписано сверху, но потомъ зачеркнуто.

Идущая затѣмъ реплика Уланбековой читалась первоначально такъ: «Ничего этого я знать не хочу, я его пьянымъ не видала. Я знаю одно, что онъ мой крестникъ, потому я и просила за него исправника, а случися такъ и губернатора буду просить». Впослѣдствіи эта реплика была исправлена, какъ въ печатномъ текстѣ, только словъ: «Я ему вмѣсто матери», въ нашей рукописи нѣтъ.

Реплика Вас. Перегр.: «Знаю, благодѣтельница, знаю», имѣетъ въ рукописи такой видъ: «Знаю, [*матушка*] *благодѣтельница*, знаю; всѣ это знаютъ, что вы, если захотите, такъ можете изъ грязи человѣкомъ сдѣлать; а не захотите, такъ будь хоть семи пядей во лбу, [*все*] такъ въ ничтожествѣ [*останется*] и пропадетъ. [*Значитъ тотъ*] самъ виноватъ; отъ чего не умѣлъ вамъ заслужить».

Слѣдующая реплика той же Василисы Перегриновны подверглась неоднократнымъ передѣлкамъ. Первоначально она читалась такъ: «Какое же зло! Да вы по своему ангельскому сердцу мухи не обидите! Конечно, всѣ мы люди не безъ грѣха; у васъ же столько дѣлъ, что нельзя вамъ за всѣмъ усмотрѣть; можетъ есть и довольно такихъ, которые и на васъ плачутся. Ну да ужъ такъ какъ вы другимъ-то много благодѣяній дѣлаете, такъ вамъ (нашей благодѣтельницѣ) [1]) Богъ проститъ». Затѣмъ во время писанія текста были сдѣланы поправки и вставки (на поляхъ), и это мѣсто получило такой видъ: «Какое же зло! Да вы по своему ангельскому сердцу мухи не обидите! Оно [2]) конечно всѣ мы люди не безъ грѣха; дѣлъ же у васъ много; столько дѣлъ, что нельзя вамъ за всѣмъ усмотрѣть; довольно таки народу и на васъ плачутся. [Да [3]) (А хоть и плачутся) что на нихъ смотрѣть-то, стоютъ-ли они того!] [4]) Другимъ-то вы ужъ много благодѣяній дѣлаете, такъ вамъ, нашей благодѣтельницѣ, Богъ проститъ».

Потомъ на поляхъ послѣ слова «плачутся» была сдѣлана такая вставка:

---

[1]) Поставленное въ скобки надписано сверху.

[2]) Это слово, равно какъ и всѣ дополненія сравнительно съ первымъ наброскомъ надписаны сверху строкъ.

[3]) Это слово зачеркнуто.

[4]) Все поставленное въ квадратныя скобки написано на поляхъ.

«Уланб. Кто же на меня плачется? Что ты врешь!

Вас. Пер. Вамъ, благодѣтельница наша, всего знать нельзя. Да и не стоитъ вамъ, по вашей барственности, о всякой дряни безпокоить себя. А хоть и плачутся, что на нихъ смотрѣть-то, стоютъ-ли они того!» Ужъ только при пересмотрѣ всего текста это мѣсто получило свой окончательный видъ.

Послѣ только что приведенной реплики Василисы Перегриновны шла слѣдующая реплика Уланбековой (Аслановой): «Сколько у меня дѣлъ-то, такъ тутъ и мужскаго ума не хватитъ, а я, милая, женщина. Притомъ же мнѣ посовѣтоваться не съ кѣмъ. У тебя что-ли я совѣта спрошу! Впрочемъ въ трудныхъ дѣлахъ, когда мнѣ нужно рѣшить что-нибудь важное, я всегда поступаю осторожно. Если я чего не могу сообразить, я сейчасъ раскладываю одинъ граппасьянсъ, которому я вѣрю.—Если сойдется, я дѣлаю, что задумала, а если не сойдется, я оставляю. Въ рекруты ли кого отдать или за кого дѣвку замужъ выдать, я всегда граппасьянсъ раскладываю. Ужъ лучше положиться на судьбу, чѣмъ на свой разсудокъ. Нашъ умъ очень ограниченъ, моя милая! Давайте чаю». Послѣ поправокъ, сдѣланныхъ въ этой репликѣ, она приняла такой видъ: «У меня, милая, столько дѣлъ-то, что и мужскаго ума не всякаго хватитъ, а я женщина. Притомъ же мнѣ посовѣтоваться не съ кѣмъ, ты сама знаешь. У тебя что-ли я совѣта спрошу! А я не зла и никого обидѣть не хочу. Въ трудныхъ дѣлахъ или въ важныхъ какихъ-нибудь я всегда поступаю очень осторожно. Если я сама чего не могу сообразить, я всегда полагаюсь на судьбу: перекрещусь три раза и разложу граппасьянсъ, у меня есть одинъ, которому я во всемъ вѣрю. Если сойдется, я дѣлаю, что задумала, а если не сойдется, я оставляю. Ужъ это, кажется, вѣрное дѣло! Ни въ рекруты, ни дѣвку замужъ я никогда не отдаю, не разложивши граппасьянсъ. Ужъ лучше положиться на судьбу, чѣмъ на свой разсудокъ. Нашъ умъ очень ограниченъ, моя милая. Очень очень ограниченъ! Давайте чаю».

Въ печатномъ текстѣ этой реплики, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ словъ, совсѣмъ нѣтъ, хотя она въ ру-

кописи не зачеркнута. Однако надо полагать, что авторъ только не зачеркнулъ ея, а исключилъ ее еще въ то время, какъ писалъ комедію, потому что послѣ вышеприведенной реплики Василисы Перегриновны поставленъ особый условный знакъ, которому соотвѣтствуетъ такой же знакъ передъ слѣдующими репликами Уланбековой и Василисы Перегриновны, вставленными на поляхъ. Эта вставка на поляхъ имѣла такой видъ:

«Ул. (строго). Я все-таки желаю знать, (кто на меня плачется) [1]) (кого я обидѣла) [2]).

В. П. Я [3]) никого [4]) благодѣтельница, [отъ роду не видала, чтобы кто на васъ плакался; а] [5]) никого! [6]) Это я такъ сказала потому [7]) что, [вѣдь, какъ же не быть] [8]). Сами знаете, какой нынче народъ.

Ул. [Я тебя знаю: ты] [9]) это ты сказала для того, чтобы сдѣлать мнѣ какую-нибудь непріятность.

В. П. Лопни глаза мои!

У. Я тебя знаю. Будь ты, пожалуйста, осторожнѣй, а то ты меня можешь вывести изъ терпѣнія. (Молчаніе). У меня точно (?) дѣлъ много».

Очевидно, эта вставка должна была занять мѣсто между репликой Василисы Перегриновны: «Вамъ, благодѣтельница наша, всего знать нельзя...» и т. д. и вышеприведеннымъ монологомъ Уланбековой: «У меня дѣлъ-то, что и мужского ума не всякаго хватитъ...» и т. д., т.-е. монологомъ, который въ печатномъ текстѣ выпущенъ и изъ котораго взяты только заключительныя слова: «Давайте чаю». Нечего и говорить о томъ, что вставка подверглась кой-какимъ перемѣнамъ.

Три смежныя реплики Гриши, Гавриловны и Уланбековой имѣли въ рукописи такой видъ:

---

[1]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.
[2]) Поставленное въ скобки надписано сверху.
[3]) Это слово зачеркнуто.
[4]) Это слово надписано сверху.
[5]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.
[6]) Это слово надписано сверху.
[7]) Это слово надписано сверху.
[8]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.
[9]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

«Гриша. Что-жъ молока-*то* мало *налила! Жаль тебѣ что-ли!*

Гавриловна (подливаетъ *молока*). *И такъ тебя какъ теленка ужъ отпоили.*

Ул. Я думаю (испр. «думала») *вотъ* Надю за [Медіокритскаго] *Неглигентова* отдать *съ приличнымъ вознагражденіемъ разумѣется.* Ты говоришь, что онъ дурную жизнь ведетъ, такъ надо [это поскорѣй сдѣлать]-*бно будетъ свадьбой поторопиться.* Она *у меня* дѣвушка хорошихъ правилъ, будетъ его удерживать, а то онъ отъ холостой жизни совсѣмъ избалуется [Холостая жизнь ужасно портитъ молодыхъ людей].»

Все напечатанное здѣсь курсивомъ надписано сверху, а поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто, за исключеніемъ послѣдней фразы, которая добавлена впослѣдствіи на свободномъ мѣстѣ.

Дальнѣйшія реплики Нади и Лизы написаны на поляхъ, но очевидно въ то время, когда еще писался основной текстъ: чернила и почеркъ одни и тѣ же, при чемъ первоначально стояло такъ:

«Надя (Лизѣ). Вотъ и слушай, а говорить нельзя.»

Потомъ слова «Надя (Лизѣ)» были зачеркнуты, а подъ ними подписано «Лиза», т.-е. иными словами реплика, раньше вложенная въ уста Нади, теперь передана Лизѣ. Реплика же Нади надписана выше, при чемъ первоначально читалась такъ: «Боже мой! Что же это!» Затѣмъ при пересмотрѣ текста исправлено, какъ въ печатномъ, т.-е. добавлены слова: «Слышишь, Лиза!» и сдѣлана перестановка въ написанномъ. Очень возможно, что вся эта переработка произведена при пересмотрѣ текста, т.-е. и первыя слова Нади: «Боже мой! Что же это!» добавлены также при пересмотрѣ текста, такъ какъ цвѣтъ чернилъ подходитъ къ цвѣту тѣхъ чернилъ, которыми сдѣланы поправки въ основномъ текстѣ. Въ данномъ отрывкѣ обращаетъ вниманіе указанная перемѣна, произведенная съ репликой Нади, т.-е передача ея словъ Лизѣ. Въ одной изъ критическихъ статей, вызванныхъ пьесами А. Н. Островскаго, именно «Мининымъ» [1]), высказанъ былъ

[1]) Статья Н. Омеги въ „Библіот. для чтенія“ 1862 г., іюль.

упрекъ по адресу нашего драматурга, что «въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ много обоюднаго: монологъ, напримѣръ, Аксенова иногда могъ бы быть въ устахъ Минина и наоборотъ. Въ самомъ пошибѣ языка и складѣ рѣчи одного какого-либо лица нѣтъ ничего отличающаго его отъ другого, и вы это не замѣтите; можете легко переставлять разговоры лицъ, и драма не перепутается». Любопытно, что въ черновой рукописи «Минина» такія перестановки встрѣчаются. Аналогичный же примѣръ встрѣтился намъ и здѣсь, почему я и остановился на немъ нѣсколько подробнѣе. Если въ другихъ случаяхъ упрекъ такого рода можно, предположимъ, признать справедливымъ, то въ данномъ врядъ ли возможно. Какъ-то чувствуется, что указанныя слова не совсѣмъ подходятъ къ Надѣ: въ нихъ слышится какая-то рѣзкость и вмѣстѣ съ тѣмъ рабская покорность говорящаго, а этихъ то чертъ и нѣтъ въ Надѣ. Не соотвѣтствовали бы ея характеру слова: «а говорить нельзя», потому что какъ разъ она и рѣшилась говорить. Быть можетъ, это соображеніе о дальнѣйшемъ содержаніи ея репликъ и побудило Островскаго вложить въ уста Лизы тѣ слова, которыя прежде предназначались Надѣ.

Беремъ теперь слѣдующій отрывокъ реплики Гавриловны. Въ рукописи онъ представляетъ такой видъ:

«Вас. Пер. Давно, матушка, пора *отдать ее*, что ей болтаться-то! Теперь-же сынокъ-то вашъ, нашъ ангельчикъ сюда пріѣхалъ.

Уланб. [Такъ что-жъ]. *Ахъ перестань!* Что ты еще выдумываешь? Онъ ребенокъ совсѣмъ.

В. П. [Что ужъ, матушка, говорить.] *Ужъ нечего сказать, благодѣтельница.* Далъ вамъ Богъ сына на радость, да на утѣшеніе. И мы-то всѣ на него не нарадуемся. *Словно солнце какое у насъ показалось.*

Ул Врешь ты, мнѣ кажется. [Гдѣ] ему дѣвушекъ *и* видѣть *негдѣ*, онѣ весь день на своей половинѣ, да и не ходятъ никуда.

В. П. Ахъ, благодѣтельница, да дѣвку никакими замками не удержишь, коли она что сдѣлать задумаетъ.

Ул. Слышишь, Гавриловна! Ты у меня смотри за дѣвками. Ты знаешь, я разврата не терплю».

Напечатанное курсивомъ въ этомъ отрывкѣ надписано сверху, поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто. Что же касается послѣдней реплики Уланбековой, то на поляхъ прибавленъ слѣдующій конецъ ея, какъ въ печатномъ: «Скажи [всѣмъ, что если я услышу что-нибудь, я со свѣту сживу] *это всѣмъ строго на строго.* (В. П.) Да нѣтъ, этого быть не можетъ. Ты [врешь, моя милая!] меня только разстраиваешь своими глупостями. Экая ты скверная на языкъ! Очень нужно тебѣ было болтать! Теперь у меня [это] изъ головы не выдетъ. Смотри же, Гавриловна!» Какъ видите, и тутъ текстъ сложился не сразу: опять-таки поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто, а напечатанное курсивомъ надписано сверху.

Слѣдующія три реплики Гавриловны, Василисы Перегриновны и Уланбековой выработались такъ:

«Гавриловна. Что вы, сударыня, ее слушаете!

Вас. Пер. Да что жъ матушка [1]) *благодѣтельница*, развѣ я что дурное говорю.

Смѣю-ли я подумать-то про него, про ангельчика. Конечно, еще ребенокъ, поиграть ему хочется; а здѣсь товарищей ему нѣтъ: онъ съ дѣвушками и играетъ.

Ул. *Ядъ у тебя на языкѣ. (Задумывается).* А Надю все таки нужно замужъ отдать. (Потапычъ принимаетъ чашки)».

Помимо напечатанныхъ курсивомъ вставокъ сверху строкъ должно отмѣтить, что ремарка автора состояла первоначально изъ одной фразы. Остальное добавлено впослѣдствіи, такъ что слова «Гавриловна наливаетъ, Потапычъ подаетъ» [2]) написаны рядомъ съ только что упомянутымъ началомъ реплики, а дальнѣйшая замѣтка о Гришѣ: «Гриша приходитъ изъ саду, толкаетъ Гавриловну и дѣлаетъ знакъ головой, чтобы налила еще. Гавриловна наливаетъ. Гриша уходитъ», написана въ концѣ страницы на свободномъ мѣстѣ: очевидно, помѣстить рядомъ съ

---

[1]) Это слово было надписано сверху, но потомъ зачеркнуто.

[2]) Въ печатномъ текстѣ: „Гавриловна наливаетъ и подаетъ“. Очевидно, позднѣйшее исправленіе.

вышеприведеннымъ не было мѣста. Ясное доказательство, что вся эта поправка сдѣлана впослѣдствіи при пересмотрѣ текста.

Конецъ явленія представляется въ такомъ видѣ:

Надя (почти плача). *(Я вами такъ была обласкана, что и выразить не могу. Извините меня, что я смѣю теперь вамъ говорить: но, по вашему ко мнѣ расположенію, я отъ васъ совсѣмъ не такой милости ждала).* Чѣмъ-же я вамъ *теперь*, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за пьяницу отдать.

Ул. Ты, милая, объ этомъ разсуждать не[должна] [1] *можешь*, ты дѣвушка. Ты должна во всемъ положиться на меня, *на свою благодѣтельницу*. Я тебя воспитала, я тебя и пристроить обязана. Опять-же ты и того не должна забывать, что онъ мой крестникъ. *Ты бы за честь должна* [*считать*]*была благодарить*. Да и вотъ еще я тебѣ скажу одинъ разъ на всегда: я не люблю, когда разсуждаютъ, *(просто не люблю, да и все тутъ)*. *Я не строга, я и такъ* [2] *многое вамъ позволяю*; а этого [ужъ] я не могу позволить никому. Я [ужъ] смолоду привыкла, чтобъ каждаго моего слова слушались; тебѣ пора это знать! И мнѣ очень странно, моя милая, что ты осмѣливаешься возражать мнѣ. *(Я вижу, что избаловала тебя; а вы вѣдь сейчасъ зазнаетесь).*

Васил. Перегр. [Матушка] *Благодѣтельница*, чувство нужно человѣку имѣть, чувство. А какое-же въ нихъ можетъ быть чувство, окромя неблагодарности?

Ул. (В. П.) Не съ тобой говорятъ. (Надѣ). Ты спроси у кого-нибудь было ли хоть разъ, чтобъ я не сдѣлала того, что мнѣ захочется. *Нѣтъ душа моя* я готова половину состоянія отдать, *сто верстъ пѣшкомъ пройду, понимаешь ты это, три дни пѣсть не буду,* [только бы] а ужъ поставлю [3] на своемъ, *чтобъ было по моему*. Тамъ

---

[1]) Поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто, напечатанное курсивомъ надписано сверху строки, а напечатанное курсивомъ и поставленное въ круглыя скобки написано на поляхъ.

[2]) Слова „и такъ“ опять-таки добавлены потомъ: надписано сверху вставки.

[3]) „Поставлю“ исправлено изъ „поставить“.

дурно ли оно. хорошо ли, да я такъ хочу. [Мягче]. *Садится.* Это я къ тому говорю, моя милая, чтобы ты и впередъ знала, что упрямство *твое* ни къ чему не поведетъ; только *ты* разсердишь меня [1]).

Надя (плача). Ваша воля, сударыня. Вы меня, сироту, воспитали, смѣю ли я говорить противъ васъ. [2]

Ул. [Да] *Еще бы! Разумѣется, моя воля*, потому что я тебя воспитала. Это все равно, что я тебѣ жизнь дала». [3]

Конецъ явленія опять-таки свидѣтельствуетъ о томъ, какъ постепенно слагалась рѣчь дѣйствующихъ лицъ. Даже болѣе, не только рѣчь, но и самые образы дѣйствующихъ лицъ слагались постепенно; тѣ или другія подробности, мелочи, внесенная потомъ, ярче освѣщали характеръ персонажей: напр., гордость Уланбековой, властность, мысль, что она не строга, многое позволяетъ, а воспитанницы способны зазнаться.

Перехожу къ 3-му явленію.

«Леонидъ [(проходя мимо Нади). Твой женихъ здѣсь, я его напоилъ пьянымъ]. Здравствуйте, мамаша.

Ул. *Не жалѣешь ты матери; ну*, съ твоимъ-ли здоровьемъ, мой другъ, на охоту ходить! [Смотри не захворай.] *Захвораешь еще, сохрани Господи, тогда* ты меня просто убьешь! Ахъ [В. П.] *моя милая* [4]), Боже мой, сколько я страдала съ этимъ ребенкомъ!»

Ремарка: «(Задумывается)» и слѣдующія реплики Гавриловны и Леонида: «Баринъ, угодно чаю?»—«Нѣтъ, не хочу», вставлены на поляхъ, и только что приведенная

---

1) Затѣмъ эта реплика Уланбековой была такъ исправлена: „Не съ тобой говорятъ. *Что ты все мѣшаешься во всѣ дѣла!* (Надѣ строго). *Это что за новости.* Ты [и] плакать [не смѣй] *еще*! Чтобы этихъ слезъ не было! (Надя плачетъ). Я тебѣ говорю. (Привстаетъ). Для меня ваши слезы ничего не значатъ! (Садится). И впередъ знай, что упрямство твое ни къ чему не поведетъ; только ты разсердишь меня". Часть этой реплики, отъ ремарки „Надѣ строго" и до словъ „слезы ничего не значатъ", все это написано на поляхъ. Въ концѣ, концовъ настоящая реплика въ нашей рукописи еще не получила своего окончательнаго вида.

2) Эта реплика Нади исправлена, какъ въ печатномъ текстѣ.

3) Заключительныя слова реплики: „Это все равно"... и т. д., судя по почерку и характеру письма, добавлены впослѣдствіи на свободномъ мѣстѣ.

4) Слова „моя милая" сначала были надписаны сверху строки, но потомъ зачеркнуты.

реплика Уланбековой сливалась съ слѣдующимъ ея монологомъ:

«Когда я родила его, *я* была *очень* долго больна, потомъ онъ все хворалъ, *такъ и росъ все хворый* [1]). Наконецъ самый большой для меня ударъ былъ, когда отецъ [его] по болѣзни *его* долженъ былъ опредѣлить въ штатскую школу. Чего мнѣ стоило, *моя милая*, отказаться отъ мысли, что онъ будетъ военный, *(я и представить себѣ не могу.)* Я полгода больна была. *Тогда* мнѣ кажется легче бы было, еслибы онъ умеръ, чѣмъ его отдать въ эту школу.

(Леонидъ. Ну а теперь, маменька, ужъ вы привыкли.

Уланова. Нѣтъ, мой другъ, признаюсь тебѣ, я бы тебя гораздо больше любила, еслибы ты былъ въ военномъ мундирѣ. (В. П.) [2])

Представь моя милая, когда онъ кончитъ курсъ, ему дадутъ такой-же чинъ, какой даютъ приказнымъ изъ поповичей! На что это похоже! Въ военной службѣ, особенно въ кавалеріи, всѣ чины благородны; даже юнкеръ, ужъ сейчасъ видно, что изъ дворянъ. А что такое губернскій секретарь или титулярный совѣтникъ? Всякій можетъ быть Титулярнымъ Совѣтникомъ, и купецъ, и семинаристъ, и мѣщанинъ, пожалуй. Только стоитъ поучиться, да послужить. Другой изъ мѣщанъ способенъ къ ученью-то, такъ онъ еще пожалуй чиномъ-то обгонитъ. Какъ это заведено! *Какъ это заведено! Ну ужъ! (Махнувъ рукой, отворачивается).* [Право.] Не люблю я [никогда] *ничего* [хулить] *осуждать*, что отъ высшаго начальства установлено, [когда и другіе говорятъ, я не слушаю] [3], а ужъ этого не похвалю. Всегда буду вслухъ говорить, что это несправедливо, *(несправедливо)*.

---

[1]) Послѣ этого на поляхъ сдѣлана такая вставка: „[да больной; я видѣла, что онъ] будетъ не высокъ ростомъ, [это меня ужасно мучило]. *Я ужъ тогда же видѣла, что онъ* будетъ не высокъ ростомъ. *Сколько я надъ нимъ слезъ пролила!* Бывало гляжу на него, а у самой такъ слезы и катятся; нѣтъ не гвардеецъ мой Леонидъ“.

[2]) Все въ этомъ отрывкѣ напечатанное курсивомъ и поставленное въ скобки написано на поляхъ: позднѣйшая вставка.

[3]) Поставленная въ квадратныя скобки фраза переправлена такъ: „и другимъ не позволяю“.

[Гавр. Баринъ, вамъ чаю не угодно ли.

Леон. Налей. (Идетъ самъ за стаканомъ. Тихо Надѣ.) Твой женихъ пришелъ, я его напоилъ. (Садится подлѣ Г. Ас.]

Леонидъ. Отъ чего это у Нади глаза заплаканы.

Вас. Пер. Не бита давно.

Ул. *Не съ тобой говорятъ.* Это, мой другъ, [не твое дѣло] *до тебя не касается.* Надя поди отсюда, тебѣ нечего здѣсь дѣлать. (Н. уходитъ).»

Помимо исправленій отдѣльныхъ словъ въ приведенномъ отрывкѣ обращаетъ на себя вниманіе то, что выкинуто замѣчаніе о пристрастіи Уланбековой къ военному мундиру и двѣ реплики Гавриловны и Леонида, какъ уже намъ извѣстно, перенесены въ другое мѣсто, а слова, сказанныя Надѣ, совсѣмъ выкинуты. Послѣдняя подробность показываетъ, что раньше у автора въ этомъ случаѣ замыселъ былъ иной, да и личность Леонида благодаря этой подробности представлялась нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. Наконецъ заключительныя слова Уланбековой: «Надя, поди»... и т. д., надо полагать, добавлены, впослѣдствіи; по крайней мѣрѣ, начиная съ словъ: «тебѣ нечего здѣсь дѣлать», это ясно видно: строка не прямая, а идетъ вкось, потому что нужно было обогнуть слово «Леонидъ», которое уже было написано. За репликой Уланбековой шла реплика Леонида, и явленіе продолжалось въ такомъ видѣ:

«Леонидъ. А я знаю объ чемъ: вы ее замужъ хотите выдать.

Ул. Отдаю я ее замужъ или нѣтъ, это, мой другъ, ужъ мое дѣло. [Ты этого и знать не долженъ да и понимать не можешь еще по своимъ лѣтамъ.] Да я и не люблю, кто въ мои распоряженія вмѣшивается [1].

В. П. Какой вы у насъ умный, во все-то вы входите [2].

Леон. Ахъ, мамаша, я и не вмѣшиваюсь въ ваши распоряженія. *Онъ пьяница.*

---

[1]) Поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто, а идущая затѣмъ заключительная фраза добавлена вспослѣдствіи.

[2]) Исправлено, какъ въ печатномъ: „Какой вы у насъ умный, все-то знаете, во все-то входите!“

(*Ул. Опять таки это не твое дѣло! Предоставь объ этомъ судить матери.*

Леон.) Мнѣ только, мам., всегда очень жаль, кто плачетъ.

[В. П. Это значитъ, что вы имѣете добрую душу.]

Ул. Все это прекрасно, мой другъ; но желала бы я знать, отъ кого ты слышалъ, что я выдаю Надю замужъ. Если изъ дворни кто-нибудь...

Л. Нѣтъ, мамаша, нѣтъ. [Я вамъ скажу сейчасъ, какъ я узналъ.]

Улан. [Не] откуда *жъ* тебѣ знать иначе. (*Когда это передать успѣли.*) (Гавриловнѣ). Узнать непремѣнно, [кто изъ людей смѣетъ разсуждать о моихъ дѣлахъ и передавать молодому барину. Слышишь! Я этого въ домѣ не потерплю.] [1]

Л. [Мнѣ ее женихъ сказывалъ.] Да нѣтъ, мамаша! Мнѣ самъ женихъ ее сказывалъ.

Ул. Какой женихъ?

Л. Я не знаю какой! Онъ говоритъ, что чиновникъ— такая мудреная фамилія: [Елевонскій] *Неглигентовъ*. Какой онъ смѣшной! [Что онъ мнѣ разсказывалъ]. Онъ говорилъ, что [вы обѣщали выдать за него свою воспитанницу] *вамъ крестникъ и никого не боится*. Теперь пьяный пляшетъ въ саду [отъ радости].

Ул. Пьяный, въ моемъ домѣ!

Л. Хотите, я его позову. Потапычъ, позови [Елевонскаго] *Неглигентова!* (П. уходитъ.) Онъ говоритъ, что вы нынче были у его дяди и обѣщали отдать за него [свою воспитанницу] *Надю*. Онъ теперь *ужъ* заранѣе разсчитываетъ, сколько доходовъ будетъ получать *въ Судѣ* или халтуры, какъ онъ говоритъ. [(Элеон. и Пот. входятъ).] [*(Какой онъ смѣшной! Онъ мнѣ представлялъ, какъ его учили въ училищѣ. Хотите, я при васъ его заставлю? (Неглигентовъ и Потапычъ входятъ).*]».

---

[1]) Поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто. Но, повидимому, все это позднѣйшая вставка, потому что начиная съ словъ „дѣлахъ“ и до конца написано на поляхъ. Очевидно, Островскій находилъ недостаточными слова Уланбековой: „Узнать непремѣнно“, и дополнилъ ихъ, но потомъ снова зачеркнулъ дополненіе, не безъ основанія предпочтя первоначальное краткое, но выразительное замѣчаніе.

Весь этотъ отрывокъ еще разъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ постепенно вырабатывался текстъ, т.-е. рѣчь дѣйствующихъ лицъ, которая, какъ легко можно видѣть, трудно давалась автору. Впрочемъ, нѣкоторыя подробности вносятъ болѣе яркое освѣщеніе и самыхъ дѣйствующихъ лицъ, именно Неглигентова и Уланбекова. О первомъ прибавлено, что онъ никого не боится, такъ какъ онъ крестникъ Уланбековой, чѣмъ характеризуется и сама Уланбекова. Послѣднее замѣчаніе о томъ, что онъ представлялъ, какъ его учили, прекрасно подготовляетъ дальнѣйшую сцену. Затѣмъ нужно замѣтить, что поправки сдѣланы, вѣроятно, не одновременно, а именно нѣкоторыя въ то время, какъ писался текстъ, другія же во время его пересмотра. Такъ, напр., замѣчаніе Леонида: «вы обѣщали выдать за него свою воспитанницу», въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно употреблено впервые, зачеркнуто, надо полагать, во время писанія текста, потому что иначе его не зачѣмъ было бы повторять черезъ нѣсколько строкъ; а если оно употреблено, то очевидно авторъ въ это же время зачеркнулъ его въ первомъ случаѣ. Слова же: «Какой онъ смѣшной! Онъ мнѣ представлялъ, какъ его учили въ училищѣ. Хотите, я при васъ его заставлю? (Неглигентовъ и Потапычъ входятъ)», несомнѣнно, вставлены при пересмотрѣ текста, потому что фамилія жениха уже Неглигентовъ, а не Елевонскій, какъ она встрѣчается и дальше въ 4-мъ явленіи. Итакъ, текстъ послѣ того, какъ былъ написанъ, подвергался пересмотру, но сколько разъ, одинъ или больше, этого, конечно, сказать невозможно.

Переходимъ теперь къ IV-му явленію.

Въ этомъ явленіи фамилія жениха въ текстѣ вездѣ, какъ только что было сказано, Елевонскій, потомъ исправленная на Неглигентовъ. Во вставкѣ на поляхъ фамилія уже Неглигентовъ, т.-е. вставки эти сдѣланы во время пересмотра текста.

Въ самомъ началѣ явленія уже встрѣчаются варіанты. Такъ, реплика Елевонскаго-Неглигентова: «Посланъ отъ дяди возблагодарить за щедроты ваши», сначала читалась: «Посланъ отъ дяди принести благодареніе»; въ слѣдующей затѣмъ репликѣ Леонида: «Онъ говоритъ, *мамаша*,

что его *много* учили»... и т. д., слова, напечатанныя курсивомъ, вставлены потомъ, надписаны сверху; въ дальнѣйшей репликѣ Елевонскаго: «Невозможно, отъ рожденія не имѣлъ способностей»... и т. д. было сказано: «не имѣлъ никакихъ способностей», потомъ слово «никакихъ» зачеркнуто. Но дальше, послѣ только что приведенной реплики, первоначальный рукописный текстъ значительно разнился отъ печатнаго, а потому я привожу его цѣликомъ.

«Л. Ну а что латинскій учитель съ тобой дѣлалъ.

Элев. (хохочетъ). Смѣха достойно! Учился я по латынѣ turpissime, за что однажды послѣ жестокаго истязанія приказалъ двумъ ученикамъ привязать меня за шею кушакомъ и водить по базару для посмѣянія.

Улан. Какъ же тебя на службу-то приняли, когда ты ничему не выучился.

Элев. Аттестатъ я имѣю хорошій.

Леон. За что же тебѣ дали хорошій аттестатъ?

Элев. По прозьбѣ родителя. Нашъ ректоръ любилъ приношенія и даже передъ экзаменами за недѣлю разсылалъ насъ всѣхъ по родителямъ, съ назначеніемъ подарковъ или денегъ, каковыя мы долженствовали принести ему. По качеству и количеству сихъ подарковъ мы и переводились въ высшіе классы, по тому же глядя намъ и аттестаты получали. А такъ какъ я въ продолженіе ученія и истязаній возросъ болѣе всѣхъ своихъ сверстниковъ, то и получилъ свидѣтельство, въ которомъ значится, что я исключенъ за великовозрастіе.

Улан. Что это такое! Боже мой! Поди вонъ, любезный, поди вонъ!

Леон. Ахъ, мамаша, онъ очень смѣшонъ, погодите его гнать. Элев., попляши.

Элев. (пляшетъ и поетъ):

Я пойду, пойду косить
Во зеленый лугъ.

Ул. Не надо, не надо. Поди вонъ и не смѣй никогда ко мнѣ показываться.

Эл. Дядя говоритъ, что я впалъ въ развратъ отъ хо-

лостой жизни, и что я могу погрязнуть въ ономъ, если вы меня не [жените] облагодѣтельствуете.

Ул. Нѣтъ, нѣтъ, никогда.

Элев. Слезно умоляю васъ, потому что я человѣкъ потерянный...» и т. д. до конца явленія сходно съ печатнымъ текстомъ.

Затѣмъ все это явленіе было передѣлано. Еще въ то время, какъ писался текстъ, на поляхъ были вставлены: 1) реплика Леонида: «Ахъ, мамаша, какъ онъ смѣшно разсказывалъ [1]) про свое ученье! Вотъ послушайте. Ну а какъ ты по латынѣ учился?» и 2) отвѣтъ Елевонскаго: «Турписсиме». Очевидно, тогда же были зачеркнуты слова Елевонскаго: «Учился я по латынѣ turpissime». Всѣ же остальныя поправки сдѣланы при пересмотрѣ текста, и въ концѣ-концовъ рукописный текстъ принялъ свой окончательный видъ, хотя, впрочемъ, сравнительно съ печатнымъ есть разница въ одномъ мѣстѣ. Въ репликѣ Уланбековой: «Поди вонъ и не смѣй никогда ко мнѣ являться», въ самомъ началѣ стоитъ еще: «Ахъ, какой противный!» Помимо выработки самой рѣчи дѣйствующихъ лицъ здѣсь приходится отмѣтить замѣчаніе о прозвищѣ, данномъ Неглигентову, который самъ охотно его носитъ. Возможно, что подобнаго рода подробность драматургъ могъ слышать впослѣдствіи и потомъ внесъ ее въ свой текстъ при его пересмотрѣ.

Перехожу къ V-му явленію, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что цифры въ рукописномъ текстѣ не поставлено. И въ этомъ явленіи фамилія жениха Элевонскій.

Вторая половина первой реплики Уланбековой выработалась такимъ образомъ. Послѣ словъ: «Ужъ если онъ подверженъ этой слабости, такъ, по крайней мѣрѣ, старался бы скрывать ее отъ меня», дальше въ рукописи шло: «[Тогда видно было бы, что въ немъ есть стыдъ и что онъ можетъ со временемъ исправиться.] Какое невѣжество! Какая дерзость! Кого же онъ побоится, если не боится меня». Затѣмъ послѣ словъ «исправиться» на поляхъ была сдѣлана слѣдующая вставка: «Хоть бы до

---

[1]) Слово „разсказывалъ“ исправлено на „разсказываетъ“.

меня стороной и доходили слухи, что онъ пьетъ, я все-таки могла бы хлопотать объ немъ, потому что сама никогда его пьянымъ не видала. И я бы съ большимъ удовольствіемъ взялась хлопотать за него». Но потомъ эта вставка была зачеркнута. Зачеркнуты также слова, поставленныя выше въ квадратныя скобки, и между строкъ, а отчасти на поляхъ послѣ вставки и въ концѣ страницы написано: «Пей онъ тамъ гдѣ хочетъ, да чтобъ я-то не видала! Я бы тогда видѣла, что значитъ мальчикъ меня уважаетъ, когда при другихъ онъ позволяетъ себѣ все, а [ко] *при* мнѣ не смѣетъ [явиться пьяный. А теперь] *И вдругъ* [1]). Однако и послѣ этой передѣлки настоящая реплика еще не приняла своего окончательнаго вида.

Слѣдующая за ней реплика Леонида въ рукописи имѣетъ такой видъ: «Ахъ, какой онъ смѣшной! Вы на меня, мамаша, не сердитесь! [за то, что я вамъ давеча сказалъ]. *Когда я узналъ, что вы хотите отдать за него Надю, мнѣ стало ее жалко.* Вы у насъ такая добрая (цѣлуетъ у ней руку), мнѣ не хотѣлось, чтобы вы дѣлали несправедливость». Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на вставку, напечатанную у насъ курсивомъ. Предварительно, какъ намъ уже извѣстно, авторъ заставлялъ Леонида нарочно напоить Неглигентова пьянымъ, чтобы выставить его въ плохомъ видѣ передъ Уланбековой, потомъ въ началѣ 3-го явленія эти слова были зачеркнуты и перенесены въ средину этого явленія. Но, очевидно, потомъ, при пересмотрѣ текста, они были зачеркнуты и во второмъ случаѣ, и въ 5-мъ явленіи внесено въ реплику извѣстное намъ замѣчаніе, въ которомъ уже нѣтъ рѣчи о какомъ-либо умышленномъ спаиваніи Неглигентова.

Реплика Уланбековой: «Съ этимъ народомъ не согрѣша согрѣшишь...» и т. д. читалась такъ: «Благодарю тебя, мой другъ (цѣл. его), что ты такъ заботишься о матери (цѣл. его). Съ этимъ народомъ не согрѣша—согрѣшишь. (В. П.) Вотъ, моя милая, я всегда вѣрила, что иногда

[1]) Эти послѣднія слова сначала были надписаны сверху (очевидно, позднѣйшая вставка), но потомъ зачеркнуты.

самъ Богъ говоритъ устами младенцевъ. Лиза, поди скажи...» и т. д., какъ въ печатномъ текстѣ. Затѣмъ послѣ второй ремарки: «(цѣл. его)», была сдѣлана сверху строкъ слѣдующая вставка: «Прекрасную душу ты имѣешь, мой другъ! Я этому очень рада!» Потомъ надъ этой вставкой поставлена цифра 2, надъ слѣдующей фразой: «Съ этимъ народомъ, не согрѣша—согрѣшишь!»—цифра 1, а начальная фраза реплики: «Благодарю тебя, мой другъ (цѣл. его), что ты такъ заботишься о матери (цѣл. его)», зачеркнута, и такимъ образомъ выработался текстъ настоящей реплики. Слѣдуетъ, впрочемъ, еще добавить, что авторъ одно время колебался и хотѣлъ исключить изъ текста слѣдующія слова Уланбековой: «Вотъ, моя милая, я всегда вѣрила, что иногда самъ Богъ говоритъ устами младенцевъ». Онъ сначала зачеркнулъ эту фразу, но потомъ снова подчеркнулъ въ знакъ того, что должна быть оставлена въ текстѣ, какъ это теперь и есть въ дѣйствительности. Наконецъ должно отмѣтить, что извѣстная намъ вставка въ данной репликѣ сдѣлана, вѣроятно, одновременно съ тѣмъ, какъ были зачеркнуты слова Василисы Перегриновны въ 3-мъ явленіи: «Это значитъ, что вы имѣете добрую душу», т.-е. при пересмотрѣ текста. Здѣсь мы опять имѣемъ случай того, какъ Островскій рѣчи одного лица передавалъ другому. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ переработка дала благопріятный результатъ.

Въ репликѣ Уланбековой: «Говорю тебѣ, что незачѣмъ. На этихъ гуляньяхъ только нравственность портится. *Тамъ всякихъ мерзостей наслушаешься! Ты еще мальчикъ, нечего тебѣ тамъ дѣлать!*» напечатанное курсивомъ надписано сверху: позднѣйшая вставка.

Наконецъ въ репликѣ Гриши: «Мнѣ очень хочется на гулянку то, *ужъ позвольте-съ!*» напечатанное курсивомъ также представляетъ позднѣйшую вставку, а раньше вмѣсто этого было «пустите-съ!»

Въ остальномъ рукописный текстъ 5-го явленія совершенно сходенъ съ печатнымъ.

Въ явленіи 6-мъ цифра 6 въ рукописи опять-таки не поставлена.

Переработкѣ подверглось главнымъ образомъ первая половина явленія, первыя четыре реплики. Въ рукописи это начало имѣетъ такой видъ:

«Леон. [Что отдѣлала васъ мамаша-то. И подѣломъ! А то вы во всѣ дѣла мѣшаетесь.] *Что дождались! Ну и подѣломъ!*

В. П. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. (Лиза входитъ).

Лиза. Надя велѣла *вамъ* сказать, что мы ужо прійдемъ въ садъ.

Леон. [(прыгаетъ отъ радости.) Вотъ и прекрасно.] Поцѣлуй ее отъ меня».

Поставленное въ квадратныя скобки здѣсь зачеркнуто, а напечатанное курсивомъ надписано сверху. Какъ можно видѣть, ни одной реплики не осталось безъ измѣненія.

Въ явленіи 7-мъ (цифры 7 опять-таки въ рукописи нѣтъ) первая реплика Василисы Перегриновны въ теперешнемъ своемъ видѣ цѣликомъ написана на поляхъ. Первоначально же въ основномъ текстѣ она читалась иначе, а именно: «Всѣ меня здѣсь обижаютъ, всѣ, рѣшительно таки всѣ. Точно я имъ бѣльмо на глазу. Только ты одинъ, другъ мой, не похожъ на другихъ; съ тобой только и можно поговорить, душу отвести».

Въ первой репликѣ Потапыча: «Я что-жъ!.. Мнѣ человѣка обидѣть—что-жъ!» послѣ только что приведеннаго ея начала шла такая потомъ зачеркнутая фраза: «За что я его обижу!»

Помимо маленькой вставки словъ: «У, ты», въ послѣдней репликѣ Василисы Перегриновны должно отмѣтить болѣе важную переработку ея второй реплики, которая въ рукописи имѣетъ такой видъ: «[Поговоримъ съ тобой, мой другъ, поговоримъ.] Видишь ты, что въ домѣ то дѣлается? Видишь? [Понимаешь, я думаю]. *Понятно* [1]) *тебѣ или нѣтъ.* Какъ я давеча стала про Гришу-то говорить, слышалъ, какъ сама-то зарычала? Слышалъ, какъ зашипѣла? [Чтобъ ее лопнуло.]». Въ этой репликѣ обра-

[1]) Слово „понятно“ исправлено изъ „понимаешь“.

щаетъ на себя вниманіе не столько вставка напечатаннаго курсивомъ, сколько исключеніе поставленнаго въ скобки. Когда это было зачеркнуто? Надо полагать, что одновременно съ тѣмъ, какъ была зачеркнута первая реплика Василисы Перегриновны и вновь написана на поляхъ. Сдѣлано же это было, когда писался конецъ даннаго явленія, потому что заключительныя слова Василисы Перегриновны какъ разъ идутъ вразрѣзъ съ тѣмъ, что зачеркнуто. А такъ какъ они не представляютъ собой позднѣйшей вставки, но написаны въ основномъ текстѣ, то очевидно, что авторъ долженъ былъ предварительно исключить все, что имъ противорѣчило. Итакъ, онъ хотѣлъ сначала сдѣлать Василису Перегриновну и Потапыча друзьями, но потомъ отказался отъ этой мысли.

III.

Картина III-я написана была нѣсколько въ иномъ, чѣмъ въ печатномъ текстѣ, порядкѣ явленій.

Сначала было написано теперешнее 3-е явленіе, т.-е. сцена Потапыча съ Гавриловной; въ рукописи оно было обозначено, повидимому, I-мъ, а затѣмъ 1 исправлена на 2, и потомъ уже карандашомъ сверху надписано 3, а 2 зачеркнуто. 2-е явленіе соотвѣтствуетъ теперешнему 1-му, т.-е. сценѣ Нади съ Лизой, только оно начиналось монологомъ Леонида, который потомъ былъ зачеркнутъ. Также зачеркнуты слова: «явленіе 2-е», и передъ именами «Надя и Лиза» (уходятъ) сбоку написано «явленіе 1-ое», при чемъ эти слова подчеркнуты карандашомъ, очевидно, впослѣдствіи. Явленіе 3-е рукописное соотвѣтствуетъ печатному 2-му, т.-е. сценѣ Нади съ Леонидомъ, причемъ опять-таки цифра 3 карандашомъ исправлена на 2.

Послѣ этого явленія карандашомъ сбоку поставлено «=яв. 3». Посрединѣ же страницы написано «(1-ое явл.)». Затѣмъ идетъ монологъ Лизы, составляющій теперь 4 е явленіе.

Дальше идетъ 4-е явленіе, соотвѣтствующее теперешнему 5-му, т.-е. сценѣ Лизы съ Василисой Перегринов-

ной, при чемъ цифра 4 поставлена карандашомъ. Очевидно, всѣ эти карандашныя поправки сдѣланы, когда текстъ этой картины былъ написанъ весь.

Не совсѣмъ понятно, почему передъ упомянутымъ монологомъ Лизы стоитъ «1-е явл.», слова, поставленныя въ скобку. Не предполагалъ ли авторъ написать вновь 1-е явленіе и потомъ, передумавъ, сдѣлалъ измѣненія въ написанномъ, а именно зачеркнулъ слова «явленіе 2» и написалъ послѣ зачеркнутаго монолога Леонида: «явленіе 1-е». Впослѣдствіи же, написавъ послѣднее явленіе, онъ и поставилъ карандашомъ цифры, обозначающія порядокъ явленій, при чемъ явленій было только 5, а не 6, какъ въ печатномъ текстѣ, потому что монологъ Лизы, надо полагать, былъ отнесенъ къ 3-му явленію.

Перехожу теперь къ тексту. Начинаю съ теперешняго 3-го явленія, въ рукописи 1-го.

Въ ремаркѣ автора «немного подъ хмѣлькомъ» надписаны слова сверху. Эта вставка любопытна въ связи съ первой репликой Потапыча. Эта реплика предварительно читалась такъ: «Барыня у насъ добрая. Вотъ попросились на гулянье, ну и пустила». Затѣмъ было такъ дополнено: «*Нѣтъ, Гавриловна, ты что не говори*, а барыня у насъ добрая! Вотъ попросились на гулянье, ну и пустила. *А что про нее говорятъ... это я не знаю, не мое дѣло, ну я и не знаю* [1])». Наконецъ текстъ реплики еще разъ подвергся передѣлкѣ и получилъ (въ нашей рукописи) свой настоящій видъ. Если сравнить окончательный текстъ реплики съ первоначальнымъ, то замѣчается разница: въ окончательномъ своемъ видѣ эта реплика представляетъ рѣчь человѣка «немного подъ хмѣлькомъ», тогда какъ въ первоначальномъ нѣтъ ничего подобнаго. Такимъ образомъ, передѣлывая данную реплику, авторъ внесъ новую черту, представилъ Потапыча «немного подъ хмѣлькомъ». Вотъ почему эти слова были вставлены и въ ремарку.

---

[1]) Слова: „А что про нее говорятъ“, написаны тѣмъ же почеркомъ, что и первое дополненіе: „Нѣтъ, Гавриловна, ты что не говори“, и все это надписано сверху, а все остальное: „это я не знаю, не мое дѣло, ну я и не знаю“, написано на поляхъ.

Первая реплика Гавриловны имѣетъ въ рукописи такой видъ: «Еще-бъ *насъ-то* не пустить[-то], Потапычъ! [Чтожъ ей насъ не пустить-то?] Мы съ тобой не молоденькіе, не избалуемся», при чемъ напечатанное курсивомъ надписано сверху, т.-е. представляетъ позднѣйшую вставку, а поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто.

Точно такъ же и во второй репликѣ Потапыча: «*Молодыхъ нельзя, потому* на все, Гавриловна, примѣры... Какіе человѣкъ [видитъ] *передъ собой имѣетъ*, [такъ онъ и живетъ] *такъ и онъ все можетъ... подобно какъ...*»

Третья реплика Гавриловны сначала въ рукописи значительно отличалась отъ печатной, такъ какъ въ ней были слиты теперешняя третья и четвертая реплики. Вотъ ея текстъ: «То-то вотъ, ты говоришь, примѣры-то! Лучше бы она сама хорошій примѣръ показывала! А то только кричитъ: *смотри да* смотри за дѣвками! А что за ними смотрѣть-то: *малолѣтныя онѣ что-ли?* [Всякій человѣкъ — живая тварь. У нихъ, чай, тоже душа, а не паръ. Жизнь-то наша тоже желтенькая! Много-ли дѣвка въ жизнь-то радости видитъ! *Ну а разсуди ты самъ.* Ну пришло ея время, увидала счастливыя деньки, потомъ опять всю жизнь майся. Все на дѣвокъ, да на дѣвокъ, точно они и не люди. Когда *у насъ* имъ житье-то получше будетъ. Видно ужъ имъ бѣднымъ не дождаться.]» [1]).

Послѣ этого шла прямо реплика Потапыча: «Вѣдь нельзя же...»

Впослѣдствіи только что приведенная реплика Гавриловны была исправлена, какъ теперь въ печатномъ текстѣ, при чемъ слова: «У всякаго человѣка свой умъ въ головѣ. Пущай всякій самъ о себѣ подумаетъ. Смотрятъ то только за пятилѣтними, чтобъ не сбаловали чего», надписаны сверху строки, а все остальное до реплики Потапыча: «Вѣдь нельзя же»—на поляхъ: ясное доказательство, что реплика подверглась переработкѣ уже послѣ того, какъ былъ написанъ дальнѣйшій текстъ.

Пятая реплика Гавриловны первоначально читалась такъ: «Чего нельзя-то? Ты привыкъ чужія слова повто-

[1]) Напечатанное курсивомъ надписано сверху строки, а поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто.

рять». Потомъ она исправлена, какъ къ печатномъ текстѣ, при чемъ слова: «Все можно. Полно ты, Потапычъ! Ты», написаны на поляхъ, т.-е. реплика исправлена при пересмотрѣ текста.

Слѣдующая реплика ея же предварительно читалась такъ: «Гдѣ больше строгости, тамъ и грѣха больше. По человѣчеству надо судить. У насъ какой разумъ-то? Свой, дешевый; да и то мы разсуждаемъ. А они ученые, у нихъ разумъ-то купленый, имъ грѣхъ не разсуждать! Про меня грѣхъ сказать, чтобы я была потатчица, я сама пожилая женщина, пустяковъ-то у меня въ головѣ нѣтъ, а кабы моя воля была, я бы вотъ какъ разсудила. На словахъ бы я строго на строго приказала, а на дѣлѣ не всякаго виноватаго казни, а иного и прости. Иное дѣло баловство, а иное дѣло любовь. Знать нелегка эта любовь, когда отъ нея въ прорубь бросаются». Потомъ исправлено, какъ въ печатномъ текстѣ. Стоитъ только сравнить послѣднюю фразу реплики съ печатнымъ ея текстомъ: «Иное дѣло бываетъ отъ баловства, а иной бѣдѣ и самъ не радъ», чтобы видѣть, насколько передѣлка вышла къ лучшему и какъ не сразу давался Островскому тонъ рѣчи его дѣйствующихъ лицъ.

Вмѣсто трехъ дальнѣйшихъ репликъ (двѣ—Потапыча, одна—Гавриловны) сначала была только одна реплика Потапыча: «А я не знаю..., ничего не знаю», потомъ эти слова зачеркнуты и сверху строки и на поляхъ написано: «*Теперь если меня спросить, такъ что я на это* [1] [*отвѣчать могу! Ну что я тебѣ отвѣчу!*

Гавр. *Ну, что?*

Пот. *А вотъ что: я этого не знаю, потому это не мое дѣло... Это дѣло барское!*]».

Къ послѣдней ремаркѣ «Уходятъ» потомъ было добавлено: «Надя и Лиза (входятъ тихо)».

Итакъ, рукописный текстъ даннаго явленія свидѣтельствуетъ, что автору далеко не сразу удалась рѣчь Гаври-

---

[1] Все это начало надписано сверху строки, а вся остальная часть отрывка, поставленная въ квадратныя скобки, написана на поляхъ. Ясно, что все это—позднѣйшая вставка.

ловны и что Потапыча онъ сначала не думалъ изображать «немного подъ хмѣлькомъ».

Явленіе 2-ое (теперешнее 1-ое) начиналось, какъ выше упомянуто, монологомъ Леонида. Вотъ этотъ монологъ:

«Леон. (одинъ выходитъ и оглядыв. по сторонамъ). Обманетъ она меня! Должно быть обманетъ. *Не придетъ она, право не придетъ!* Какъ это можно [притти] ночью одной! Да и побоится, ну какъ узнаетъ маменька! Что тогда дѣлать? Тогда Надя просто погибла, да и мнѣ нехорошо. А какъ бы я радъ былъ, кабы она пришла: вѣдь это еще первое свиданіе въ моей жизни. Конечно она не барышня! [Да это и лучше я] *А всетаки хорошо, я по крайней мѣрѣ привыкну* [1]), послѣ опытнѣй буду».

Дальше идетъ продолженіе этого явленія, теперь явленіе 1-ое. Въ немъ слѣдующія разночтенія сравнительно съ печатнымъ текстомъ.

Лиза. «Ахъ, Надя, что это мы *съ тобою только* дѣлаемъ!..» и т. д. какъ въ печатномъ.

Лиза. «Нѣтъ, ужъ я [съ тобой останусь] подожду тебя...» и т. д. какъ въ печатномъ.

Реплика Нади: «Наладила одно! Волка бояться—такъ въ лѣсъ не ходить», первоначально составляла одно цѣлое съ ея же слѣдующей репликой, часть которой, какъ и реплика Лизы: «Да что это съ тобой сдѣлалось?..» и т. д. написаны на поляхъ. Изъ реплики Нади на поляхъ написано слѣдующее: «Да, прежде бѣгала *отъ него*, а теперь не хочу. (Стоитъ задумавшись). [Будь житье другое, не пошла бы я ночью въ садъ.]».

Въ основномъ текстѣ эта реплика читалась такъ: «[*Да, правда твоя!* Долго я бѣгала [отъ Леонида] молодого барина, ужъ какъ я отъ него не пряталась, чтобы только не встрѣтиться съ нимъ. Можетъ быть, кабы житье-то было получше, мнѣ бы ничего и на умъ не пришло. А то ты] *Теперь я и* сама [посуди] *не знаю*, что со мной *вдругъ* сдѣлалось! *Въ одну минуту совсѣмъ другая стала.* Какъ *только* барыня давеча сказала, чтобъ не смѣла я

---

[1]) Поставленное въ скобки зачеркнуто, напечатанное курсивомъ—написано сверху строки.

азговаривать, а шла за кого прикажутъ, такъ у меня все ердце перевернулось. Что, я подумала, за жизнь моя, *Господи! (плачетъ)*. Что въ томъ проку-то, что живу я честно, что берегу себя не только отъ слова какого, а и отъ взгляду-то! Такъ ажно меня зло взяло на себя [1]). Для чего, я думаю, мнѣ беречь-то себя. [Охъ ужъ, какъ мнѣ горько было, какъ бы ты знала.] Вотъ не хочу-жъ, *не хочу. А у самой такъ сердце замерло*; [*кажется, еще немножко, я бъ умерла на мѣстѣ*]». Окончательно обработана реплика была не въ нашей рукописи.

Слѣдующія двѣ реплики Нади, а также и Лизы, представляются въ рукописи въ такомъ видѣ:

«Надя [(передъ этимъ слезы)]

Какія шутки! [Вѣдь у меня тоже душа есть; вѣдь и иногда тоже думается о чемъ-нибудь. Развѣ тебѣ] [*Эхъ, Лиза, будь жизнь получше не пошла-бъ я ночью въ садъ. Помнишь, бывало, какъ я объ себѣ раздумывала, да и тебѣ самой чай*] также въ голову [не] приходило [2]) [иногда], что вотъ ты дѣвушка честная, живешь ты себѣ какъ птичка какая, вдругъ тебѣ понравился [какой-нибудь] *нѣкоторый* человѣкъ, начинаетъ онъ за тебя свататься [3]), [все это идетъ поряд] ходитъ къ тебѣ [женихъ] часто! *Цѣлуетъ тебя*, тебѣ и стыдно-то его, и рада-то ты ему. Все это идетъ порядкомъ. Хоть и не богато, хоть, можетъ быть, сидишь ты съ женихомъ въ людской, а словно ты княжна какая, словно у тебя каждый день праздникъ. Потомъ обвѣнчаютъ, всѣ тебя поздравляютъ. [Хоть можетъ быть.] *Ну тамъ хоть* и трудно будетъ замужемъ жить, *можетъ быть* работы много будетъ, да [первое-то время] зато какъ въ раю живешь ты. [Мужъ веселъ, передъ всѣми точ] *слов*но [какъ] *ты* гордишься *чѣмъ!* [а тебѣ на него-то весело, потому что онъ милый для тебя человѣкъ.]

Лиза. Какъ, дѣвушка, не думаться, думается [4]).

---

[1]) Потомъ эта фраза переправлена какъ въ печатномъ текстѣ: „Такъ меня зло даже взяло на себя“.

[2]) „Приходило“ исправлено изъ „приходитъ“.

[3]) Въ послѣднемъ изданіи: „онъ за тебя сватается“.

[4]) Эта реплика Лизы исправлена потомъ, какъ въ печатномъ текстѣ. Какъ и дальше все, поставленное въ квадратныя скобки, зачеркнуто.

Надя. А какъ тебѣ скажутъ: ступай [за немилаго, за противнаго, да] за пьянаго, да еще и разговаривать не смѣй, и поплакать то [вдоволь] не смѣй [объ своей дѣвичьей красотѣ] *о себѣ. Ахъ, Лиза!* Да какъ подумаешь, что станетъ этотъ безобразный человѣкъ издѣваться надъ тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубитъ онъ твой вѣкъ такъ ни за что! Не живя ты за нимъ, состарѣшься. [Ахъ, Лиза] (*плачетъ*). *Говорить то только сердце свое надрывать!* (*Махнувъ рукой*). Такъ ужъ право молодой баринъ лучше.

Лиза. *Ахъ, Надя!* Не ты бъ [это, Надя,] говорила, не я бъ *тебя* слушала».

Послѣ этого шла реплика Нади: «А я тебѣ вотъ что, Лиза, хотѣла сказать...» и т. д. Ея же реплика: «Полно, Лиза! что ты предо мною скромничаешь...» и т. д., затѣмъ отвѣтная реплика Лизы: «Да, какъ знать!...» и т. д. и начальныя слова слѣдующей реплики Нади вмѣстѣ съ репликой автора: «То-то вотъ. (Молчаніе)»—все это написано на поляхъ.

Только что приведенныя слова Нади: «Полно, Лиза! Что ты передо мной-то скромничаешь», добавлены впослѣдствіи, хотя все-таки въ нашей рукописи. Первоначально же эта реплика читалась такъ: «Ну а [ты] *сама* что, кабы тебя баринъ полюбилъ?»

Затѣмъ послѣ ремарки автора «молчаніе» написано и зачеркнуто слѣдующее продолженіе реплики Нади и реплика Лизы:

«Чтобы было, чѣмъ свою молодость вспомнить.

Лиза. Да ты то какъ же? Ты у насъ такая скромница была. Про меня то ужъ что говорить. А ты то какже? Я бы право, кажись, никому и не повѣрила, кабы не ты сама говорила».

Отмѣтимъ теперь особенности дальнѣйшихъ репликъ въ данномъ явленіи. Реплика Нади: «То-то вотъ!... (Молчаніе)», т.-е., точнѣе говоря, ея продолженіе, а именно слѣдующая за ремаркой фраза сложилась такъ:

«А [вотъ что] *я тебѣ вотъ что*, Лиза, [я] хотѣла [тебѣ] сказать, вотъ [что] какая премудрость *со мной* сдѣлалась...» и т. д. какъ въ печатномъ текстѣ; только въ концѣ ре-

плики вмѣсто «когда онъ ухаживалъ за мной» сначала было: «когда онъ бѣгалъ за мной».

Слѣдующая реплика Нади представляется въ рукописи въ такомъ видѣ: «И такой во мнѣ духъ сдѣлался; ничего я не боюсь! Кажется, вотъ рѣжь меня на части, я все-таки на своемъ поставлю. *И отчего это такъ, не знаю. А какъ про него вздумаю* [1]), *такъ* кажется, на крыльяхъ бы къ нему полетѣла. То одно держу въ умѣ, что не даромъ [прошла моя молодость, что] *я по крайней мѣрѣ собой хороша*, будетъ чѣмъ [ее] вспомнить *молодость*. (Задумчиво). *Думаю себѣ*: молодой такой, да хорошій! Еще стою-ли я, *дура*, чтобъ...» и т. д. какъ въ печатномъ текстѣ.

Наконецъ, послѣдняя реплика Нади въ этомъ явленіи сложилась такъ: «Да и то не въ себѣ. Пока [я] *она баловала меня да ласкала, такъ я* [2]) думала, что я такой-же человѣкъ, какъ и всѣ люди, [такъ] и мысли у меня *совсѣмъ* другія были объ жизни; да какъ увидала я, что никакой мнѣ воли ни защиты нѣтъ, *а какъ начала она мною командовать*, [что со мной] какъ [съ] куклой [3]), [что хотятъ, то и дѣлаютъ] такая [4]) отчаянность на меня, *Лиза*, напала. *Куда страхъ, куда стыдъ дѣвался, и не знаю* [5]). Хоть день, да мой, *думаю*, а тамъ, что будетъ, то будетъ, ничего я и знать не хочу! Хоть меня замужъ отдавай *за пастуха*, хоть въ какой замокъ за тридесять замковъ запри,—мнѣ всѣ равно».

Заключительная въ этомъ явленіи реплика Лизы добавлена впослѣдствіи: почеркъ иной, да и строка писана не прямо, а въ обходъ словъ: «явл. 3».

Итакъ, въ этомъ явленіи подверглись переработкѣ главнымъ образомъ реплики Нади. Передѣлка касается

---

[1]) Въ изд. подъ ред. Писарева: ...„И отъ чего это такъ, не знаю. (Молчаніе). Жду и не дождусь ночи-то! Такъ, кажется, на крыльяхъ-бы...“ и т. д.

[2]) Въ печатномъ текстѣ: „такъ и я“.

[3]) Въ печатномъ текстѣ: „А какъ начала она мной командовать, какъ куклой; да какъ увидѣла я, что никакой мнѣ воли, ни защиты нѣтъ“. Исправлено въ нашей рукописи.

[4]) Въ печатномъ текстѣ: „такъ отчаянность...“

[5]) Эта фраза написана на поляхъ.

преимущественно стилистики. Можно отмѣтить лишь внесеніе такихъ подробностей, что барыня «баловала да ласкала» воспитанницу, а потомъ «начала командовать ей, какъ куклой». Но, собственно говоря, это не внесло ничего новаго въ характеристику Уланбековой и Нади, лишь только ярче подчеркнуло ихъ отношенія.

Перехожу къ явленію 2-му, прежде бывшему явленію 3-му: сначала было написано чернилами 3, а потомъ карандашомъ—2.

Третья реплика Леонида (пятая реплика въ этомъ явленіи): «Что ты, Надя», первоначально читалась: «Что ты говоришь», и потомъ только, впослѣдствіи исправлена, какъ въ печатномъ. Ремарка: «въ испугѣ отнимаетъ руку», вставлена потомъ, сначала читалось «испугавшись». Въ ремаркѣ Нади: «Любите? [Ну что-жь], вы-бы такъ...» слова, поставленныя въ скобки, вставлены потомъ, надписаны сверху.

Маленькій отрывокъ, разговоръ Леонида съ Лизой, написанъ на поляхъ, т.-е. представляетъ позднѣйшую вставку, да и тамъ были сдѣланы предварительно двѣ поправки. Слова Лизы: «Ну ужъ, не хитрите», сначала читались: «Ну ужъ не говорите пожалуйста» [1]). Да Леонидъ, прежде чѣмъ сказать: «Такъ ты мнѣ позволишь поцѣловать тебя?» дѣлалъ о Лизѣ замѣчаніе, впослѣдствіи зачеркнутое: «Ахъ какая!» Конецъ этой реплики Леонида: «Да нѣтъ, дай мнѣ руку поцаловать», въ рукописи имѣетъ такой видъ: «[Нѣтъ мнѣ *право Надя*] А всетаки, *Надя мнѣ* хотѣлось *бы* у тебя руку поцѣловать» [2]). Въ слѣдующей репликѣ Леонида: «Отчего-же? *Знаешь-ли ты это*: ты...» напечатанное курсивомъ надписано сверху, только вмѣсто «это» въ нашей рукописи стоитъ «что».

Реплика Нади: «Не обманываете вы?» имѣетъ въ рукописи такое зачеркнутое начало: «Нѣтъ право, право никто».

Вмѣсто четырехъ репликъ Леонида и Нади: «Л. Что ты такъ дрожишь?—Н. А развѣ я дрожу?—Л. Дрожишь.—

[1]) Исправлены въ нашей рукописи.

[2]) Напечатанное курсивомъ надписано сверху, поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто.

Н. Такъ, должно-быть, озябла немножко», въ рукописи находимъ только двѣ: «Леон. Что ты такъ дрожишь? Надя (улыбаясь). Озябла немножко».

Реплика Нади: «Ну, вотъ и давайте такъ сидѣть да разговаривать», имѣетъ въ рукописи такое потомъ зачеркнутое продолженіе: «Вотъ всегда такъ и будетъ. Я каждую ночь буду приходить и будемъ здѣсь сидѣть да разговаривать». Въ ея же репликѣ: «*Что-жъ это вы!* А вы сидите смирно, какъ уговоръ былъ», напечатанное курсивомъ надписано сверху.

Дальнѣйшій разговоръ о пѣніи соловья: «Вотъ слышите, въ рощѣ соловей поетъ? А вы сидите, да слушайте. Какъ хорошо такъ слушать.—Л. Какъ такъ?—Н. Да вотъ такъ, какъ мы съ вами сидимъ. Кажется, всю жизнь такъ бы сидѣла, да слушала. Ужъ чего еще лучше, чего еще надобно...» представляетъ собою позднѣйшую вставку: написанъ на поляхъ.

Реплика Леонида: «Надя, ты такая добрая, такая миленькая, что мнѣ кажется, я заплачу, глядя на тебя», читалась предварительно такъ: «Какая ты добрая, какая ты миленькая. Мнѣ кажется, что я заплачу! Плакать хочется, самъ не знаю о чемъ, а заплачу». Но потомъ этотъ текстъ зачеркнутъ, и сверху написанъ новый, совершенно сходный съ печатнымъ. Обращеніе Леонида къ Лизѣ и предостереженіе этой послѣдней также вставлено на поляхъ. Кончалось явленіе такъ же, какъ и теперь: «Идетъ кто-то! (Смотритъ). Ну, ничего; это наши старики съ гулянья. (Прячется). Очевидно, когда авторъ заканчивалъ настоящее явленіе, ему и пришла въ голову мысль явленіе 1-ое, т.-е. бесѣду Потапыча и Гавриловны, сдѣлать 3-мъ явленіемъ. Въ противномъ случаѣ невозможны были бы слова: «это наши старики съ гулянья».

О третьемъ явленіи у насъ ужъ была рѣчь. Монологъ Лизы, составляющій теперь 4-ое явленіе, повидимому, былъ отнесенъ въ рукописи къ 3-му явленію. А потому перехожу теперъ къ явленію 5-му, которое въ рукописи обозначено 4-мъ. Въ немъ подверглась постепенной переработкѣ и дополненіямъ рѣчь Василисы Перегриновны. Такъ добавлены потомъ сверху строки ея слова: «Что,

что! Какъ кикимора!» Вмѣсто: «Ужь теперь раскипѣлось мое сердце, такъ хоть ты мнѣ въ ноги кланяйся, а я тебѣ не прощу этого» раньше читалось просто: «Ужь теперь раскипѣлось». Послѣдняя ея реплика была значительно короче и читалась такъ: «А, вотъ оно что! Вотъ какую штуку придумала! Въ лодкѣ! Обнявшись! Вотъ это хорошо! Вотъ прекрасно! Тьфу ты мерзость! Смотрѣть противно [1]). Ну, милые мои, будете вы меня помнить! Теперь разговаривать съ вами нечего. Завтра я съ вами поговорю».

Также переработана рѣчь Нади въ слѣдующемъ послѣднемъ явленіи III-й картины. Въ обоихъ этихъ случаяхъ рѣчь дѣйствующихъ лицъ пріобрѣтала особенную колоритность сообразно съ характеромъ каждаго изъ этихъ лицъ.

Перехожу къ IV-ой картинѣ. Переработка опять-таки сводится къ внесенію мелкихъ подробностей. Такъ, напр., въ 1-мъ явленіи внесена впослѣдствіи ремарка автора, что Потапычъ «становится у приголки и держится за голову». Изъ начальныхъ четырехъ репликъ Василисы Перегриновны и Потапыча:

«В. П. Со вчерашняго должно быть, другъ мой?

Пот. Чего-съ?

В. П. Голова-то болитъ.

Пот. Вы што-ль мнѣ денегъ-то дали?»

вторая и третья реплики также вставлены потомъ, что придало діалогу чрезвычайную живость.

Насколько требователенъ былъ Островскій въ обработкѣ рѣчи и какихъ результатовъ добивался онъ въ концѣ ея, доказательствомъ можетъ служить хотя бы такой примѣръ. Реплика Василисы Перегриновны: «Жаль мнѣ васъ, благодѣтельница! Не дождетесь вы себѣ въ жизни отрады! Вы всѣмъ благодѣянія разсыпаете, а чѣмъ вамъ платятъ за это? Міръ-то полонъ разврата», предварительно была написана въ такомъ видѣ: «Жаль мнѣ васъ, благодѣтельница! Не дождетесь вы себѣ въ этой жизни отрады! Вы

[1]) Первоначально было: „смотрѣть теперь мнѣ больше нечего“. Но такъ какъ дальше почти вся эта фраза, за исключеніемъ перваго слова, повторяется, то въ данномъ случаѣ авторъ и зачеркнулъ сходную часть фразы и надписалъ сверху: „противно“.

всѣмъ благодѣянія разсыпаете, а они вамъ развратомъ и мерзостью платятъ за это!» Какъ будто разница между этими двумя варіантами одной и той же реплики незначительная, а между тѣмъ ясно, почему драматургъ не удовлетворился первоначальнымъ текстомъ и внесъ въ него правда маленькое, но характерное измѣненіе. Василиса Перегриновна съ присущей ей чертою не прямо наговаривать на другихъ, а сначала говорить намеками, чтобы подзадорить любопытство слушателя, не могла сразу такъ рѣзко обвинить окружающихъ Уланбекову, что они за ея благодѣянія платятъ ей «развратомъ и мерзостью», и вотъ Островскій, вычеркнувъ эти слова, употребляетъ форму вопроса, но, чтобы все-таки намекнуть на то, чѣмъ платятъ Уланбековой, добавляетъ: «Міръ-то полонъ разврата». Такимъ образомъ Василиса Перегриновна добивается своего, но посмотрите, какою художественностью отличается ея рѣчь. Въ слѣдующей ея же репликѣ: «Слезами я заливаюсь, глядя на васъ! *Сердце мое кровью обливается, что васъ благодѣтельницу, не уважаютъ, дому вашего не уважаютъ!* Въ вашемъ-ли честномъ домѣ, въ этакихъ мѣстахъ благочестивыхъ, такія дѣла дѣлать!» все, напечатанное курсивомъ, вставлено впослѣдствіи. Опять-таки получается то, что можно охарактеризовать словами Островскаго въ письмѣ къ Бурдину по поводу пьесы: «Не все коту масляница»: «здѣсь языкъ доведенный до точки.»

Передѣлка вносила новое не только въ рѣчь, но и въ самые характеры, хотя въ данной пьесѣ это замѣчается, правда, рѣдко. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая вставка:

«Уланбекова. Если въ твоихъ словахъ есть хоть капля правды, такъ ужъ и этого довольно.

Вас. Перегр. Все правда, благодѣтельница.

Уланб. Вздоръ! не можетъ быть, чтобы все! Ты всегда больше половины сочиняешь».

Такимъ образомъ авторъ надѣляетъ Уланбекову новой чертой, увѣренностью, что ея приживалка лжетъ больше, чѣмъ наполовину. Правда, и до этой вставки былъ уже вопросъ Уланбековой: «А если ты врешь», на что Василиса Перегриновна отвѣчала: «Четверить себя позволю,

благодѣтельница». Но вѣдь этотъ вопросъ выражалъ только сомнѣніе Уланбековой, но не увѣренность въ лживости своей приживалки.

Въ третьемъ явленіи слѣдуетъ отмѣтить такую вставку, сдѣланную на поляхъ, которая однако въ печатный текстъ не попала, хотя въ рукописи она все-таки не зачеркнута. Въ репликѣ Уланбековой: «Ахъ, ты, мерзкій мальчишка! Онъ еще запирается! [Это ужасно! это ужасно!] Ну, говори сейчасъ, гдѣ былъ?» словъ, поставленныхъ въ скобки, первоначально не было: они написаны на поляхъ. Но прежде чѣмъ они появились, на поляхъ же была сдѣлана слѣдующая вставка къ данному мѣсту:

«[Да ты подумай], сколько тебѣ лѣтъ-то.

Гриша. Мнѣ то-съ? Мнѣ 17 годовъ.

Ул. Въ 17 лѣтъ пьянствовать! На что это похоже! Это ужасно. Ну».

Точно также на поляхъ написаны слѣдующія реплики Уланбековой и Гриши:

«Ул. Боже мой! Приказные! Понимаешь-ли ты, что это за народъ.

Гр. Кто-съ? Приказные-то. Чтожъ ихъ понимать-то?»

Большаго вниманія заслуживаетъ слѣдующая поправка. Реплика Уланбековой: «Это наказаніе! Я просто больна сдѣлаюсь! Я уже чувствую, что у меня спазмы начинаются! Какой негодяй мальчишка! Ушелъ, точно ему и нужды, нѣтъ! И никакого раскаянія не видно», первоначально читалась такъ: «Я просто больна сдѣлаюсь! Я уже чувствую, что у меня спазмы начинаются! Что это за народъ! Съ ними никакъ нельзя ласково обращаться; они этого не чувствуютъ. Вѣдь вотъ Гришутку надобно бы наказать хорошенько». Человѣкъ, вчитавшійся въ Островскаго, легко подмѣтитъ, что слово «Гришутка» здѣсь звучитъ какъ-то фальшиво, осооенно для Островскаго, и поэтому вполнѣ понятно, что нашъ драматургъ передѣлалъ стоящую реплику, при чемъ послѣ словъ: «И никакого раскаянія не видно», которыми теперь она кончается, было еще добавлено: «Я занемогу. Надобно послать за докторомъ». Но потомъ это дополненіе зачеркнуто.

Дальнѣйшій діалогъ Василисы Перегриновны и Улан-

бековой сложился не сразу и первоначально былъ значительно короче. Для наглядности приведу параллельно оба текста цѣликомъ почти до самаго конца явленія:

Печатный текстъ:

„В. П. Ахъ, благодѣтельница; вѣдь онъ еще ребенокъ, больше по глупости.

У л. Нѣтъ, его надо бы хорошенько.

В. П. И, что вы, благодѣтельница? Еще совсѣмъ глупъ мальчишка! Что съ него и требовать-то! Вотъ поумнѣе будетъ, тогда другое дѣло.

У л. Больше всего меня оскорбляетъ неблагодарность! Кажется, онъ долженъ-бы чувствовать, что я для него дѣлаю. Я больна совсѣмъ. Пошли за докторомъ!

В. П. Успокойтесь, благодѣтельница. Стоютъ-ли они того, чтобы вы изъ-за всякой дряни себя разстраивали!

У л. Подай мнѣ спиртъ.

В. П. (подаетъ). Плюнуть на нихъ, да и все тутъ. Хотьбы теперь эти дѣвки...

У л. Ахъ, вотъ еще наказанье-то! Я теперь и съ мыслями не соберусь, совершенно разстроена, а она тутъ съ дѣвками. Я, того и гляди, въ постель слягу.

В. П. Ужъ и разврату-то,

Рукописный текстъ:

„В. П. Ну чтоблагодѣтельница; вѣдь онъ еще ребенокъ.

У л. Да, конечно.

В. П. А вотъ дѣвокъ-то (надо бы) [1]) я бъ на вашемъ мѣстѣ благодѣтельница, приструнила.

У л. Ахъ, да! Я и забыла было! (Звонитъ.) [Вход. Пот.] [2]) Позови Надежду и самъ приходи! (Потапычъ уходитъ.) Вотъ что значитъ женщина-то! Будь я мужчина, развѣбы посмѣли это дѣлать“.

---

1) Слова, поставленныя въ скобки, зачеркнуты, очевидно, во время самаго письма.

2) Поставленное въ квадратн. скобки надписано потомъ сверху.

благодѣтельница, терпѣть мочи нѣтъ.

Ул. Нѣтъ, ужь они-то не жди отъ меня милости. А то одного прости, другаго прости, такъ весь народъ перебалуешь. (Звонитъ, входитъ Потапычъ.) Позови Надежду и самъ приходи! (Потапычъ уходитъ.) Вотъ что значитъ женщина-то? Будь я мужчина, развѣ-бы посмѣли такъ вольничать?“

Какъ можно видѣть, разница между обоими текстами громадная. Первоначально діалогъ былъ не только короче, но и проще въ психологическомъ отношеніи. Только потомъ драматургу удалось великолѣпно обрисовать то ехидство Василисы Перегриновны, съ которымъ она постепенно и съ удивительнымъ искусствомъ настраиваетъ Уланбекову противъ дѣвушекъ, напоминая ей о нихъ именно въ тотъ моментъ, когда, казалось, она уже совсѣмъ забывала о ихъ существованіи.

Когда было сдѣлано отмѣченное дополненіе? Полагаю, что еще тогда, когда писался самый текстъ, такъ какъ чернила совершенно одинаковыя. Возможно, оно сдѣлано, когда было окончено 3-е явленіе, но 4-е еще не было начато, потому что дополненіе написано на поляхъ и внизу страницы, и начало 4-го явленія, помѣщенное на этой же страницѣ, обрывается на полусловѣ, которое продолжается на другой страницѣ: ясно, что написанное внизу написано раньше. Вѣдь если бы 4-е явленіе было начато раньше, чѣмъ сдѣлано это дополненіе, то текстъ его былъ бы писанъ до конца страницы, а не былъ бы оборванъ на полусловѣ, когда страница еще не была дописана.

Въ 4-мъ явленіи въ первой репликѣ Уланбековой первоначально не было словъ: «Прогнать мнѣ тебя, чтобы ты шлялась вездѣ, я не могу: это на моей совѣсти останется. Я должна тебя отдать замужъ». Все это добавлено

потомъ и написано совершенно на другой страницѣ на поляхъ: очевидно, когда уже была пьеса вся окончена. Точно такъ же впослѣдствіи добавлены ея же слова: «Что за сцены отвратительныя».

Равнымъ образомъ частью въ текстѣ, частью на поляхъ вставлена вторая половина реплики Потапыча и слѣдующая за ней реплика Нади: «Пот.... На то есть законъ и, при всемъ томъ, какъ она вамъ теперича противится, такъ я и для васъ долженъ это удовольствіе сдѣлать [1]). Надя (плача). Сударыня! Не губите меня».

Затѣмъ вставлены впослѣдствіи реплики Гавриловны: «Улеглась въ постель и на свѣтъ не глядитъ» и Потапыча: «Антошка! Антошка! Фалеторъ! Сѣдлай лошадь, поѣзжай въ городъ за докторомъ. Ахъ ты, Господи!»

Наконецъ въ 5-хъ явленіи есть два мѣста, которыя свидѣтельствуютъ, что текстъ пьесы, уже не въ нашей рукописи, а при перепискѣ набѣло, подвергался еще разъ пересмотру. Такъ, реплика Нади: «Не жалѣйте, пожалуйста! Я сама, какъ сумасшедшая, на бѣду лѣзла, не спросясь ума-разума», этими словами не оканчивалась, какъ теперь въ печатномъ текстѣ, а имѣла такое продолженіе: «И что только со мной сдѣлалось». Далѣе, въ другой ея же репликѣ за словами: «За тѣмъ, что вы мальчикъ еще!..» шло: «а мнѣ вотъ женою приходится быть, хозяйкой», чего опять въ печатномъ текстѣ нѣтъ.

Итакъ, 12 іюля 1855 г. А. Н. Островскій задумалъ драму въ 2-хъ дѣйствіяхъ «Воспитанница», но уже 13 іюля бросилъ мысль о ней. Среди персонажей этой драмы, кромѣ помѣщицы Услановой, ея племянника, кандидата Моск. универс. и чиновника особыхъ порученій, и воспитанницы, были также отецъ этой воспитанницы чиновникъ Захаръ Захарычъ Звѣробоевъ, купецъ Савва Трифонычъ Брусковъ и «разныя лица».

---

[1]) Должно отмѣтить, что начало этой вставки въ нашемъ текстѣ читается такъ: „Я и по закону долженъ—да и какъ она вамъ...“ и т. д. Слѣдовательно, текстъ еще разъ подвергался пересмотру, должно быть, при перепискѣ на бѣло.

15 апрѣля 1858 г. драматургъ снова возвратился къ мысли о своей пьесѣ и 14 августа этого года уже приступилъ къ работѣ, а 7 декабря 1858 г. имъ была окончена пьеса подъ заглавіемъ: «Кошкѣ игрушки, мышкѣ слезки (Картины деревенской жизни)». Изъ дѣйствующихъ лицъ драмы остались Асланова, теперь Уланбекова, ея воспитанница и молодой человѣкъ, раньше племянникъ, теперь сынъ, учащійся въ Петербургѣ. Вмѣсто неопредѣленной рубрики «разныя лица» теперь явился цѣлый антуражъ, состоящій изъ приживалки, любимца (иными словами любовника) барыни Гриши, мальчика лѣтъ 19-ти, приказнаго Неглигентова и прислуги.

Всѣ дѣйствующія лица пьесы, повидимому, уже къ началу работы, сложились у автора окончательно въ главныхъ своихъ чертахъ, и во время писанія текста вносились или выбрасывались только нѣкоторыя мелкія детали. Такъ, напр., внесена увѣренность Уланбековой въ томъ, что Василиса Перегриновна по крайней мѣрѣ наполовину лжетъ. Выброшена влюбленность Нади въ Леонида уже съ самаго начала пьесы. Гораздо труднѣе давалась автору рѣчь его персонажей, которая подвергалась многократной передѣлкѣ, въ результатѣ чего достигла поразительной степени художественности, когда ни одно слово не рѣжетъ ухо читателя своей неумѣстностью.

Сохранившаяся рукопись «Воспитанницы» не даетъ однако полнаго представленія о ходѣ работы, такъ какъ нѣкоторыя явленія, напр., 1-ое начало 2-го первой сцены переписаны вновь, а первоначальный текстъ ихъ не сохранился. Точно также вновь написаны конецъ 2-го явленія, 3-е и почти все 4-е явленіе 1-ой сцены. Вторая сцена, повидимому, начиналась теперешнимъ 2-мъ явленіемъ. Третья сцена написана была нѣсколько въ иномъ, чѣмъ въ печатномъ текстѣ, порядкѣ явленій. Сначала было написано теперешнее 3-е явленіе, т.-е. сцена Потапыча съ Гавриловной; въ рукописи оно была обозначено, повидимому, 1-мъ. Явленіе 2-е соотвѣтствуетъ теперешнему 1-му, т.-е. сценѣ Нади съ Лизой. Точно также явленіе 3-е рукописное соотвѣтствуетъ печатному 2-му т.-е. сценѣ Нади съ Леонидомъ. Послѣ него идетъ монологъ Лизы,

составляющій теперь 4-е явленіе. Дальше идетъ 4-е явленіе, соотвѣтствующее теперешнему 5-му, т.-е. сценѣ Лизы съ Василисой Перегриновной. Всего въ этой сценѣ было 5 явленій, такъ какъ монологъ Лизы въ рукописи, не составлялъ отдѣльнаго явленія и, очевидно былъ отнесенъ къ явленію 3-му. Сцена 4-я писана въ томъ же порядкѣ явленій, какъ и въ печатномъ текстѣ.

Текстъ подвергался передѣлкѣ во время самаго его писанія, затѣмъ послѣ окончанія отдѣльныхъ явленій, затѣмъ послѣ окончанія всей пьесы, когда, повидимому, была установлена фамилія Уланбековой. Наконецъ, онъ былъ еще разъ подвергнутъ пересмотру при перепискѣ набѣло, когда заглавіе: «Кошкѣ игрушки, мышкѣ слезки» было замѣнено заглавіемъ первоначально задуманной драмы «Воспитанницы».

X.

„Гроза“.

(Драма въ пяти дѣйствіяхъ).

Мнѣ нечего распространяться о томъ глубокомъ интересѣ, который возбуждаетъ рукопись «Грозы» при спеціальномъ изученіи произведеній Островскаго. Являясь кульминаціоннымъ пунктомъ его дѣятельности, эта пьеса въ то же время, какъ извѣстно, составила эпоху въ исторіи русской драмы. Конечно, и послѣ нея появлялись въ русской литературѣ драматическія произведенія, которыя могутъ служить украшеніемъ любой сцены, и самъ Островскій создавалъ потомъ шедевры, но «Гроза» навсегда сохранитъ свою особую прелесть.

Въ Румянцевскомъ музеѣ находятся двѣ рукописи этой драмы, №№ 3242 и 3097, хотя вторая, собственно говоря, представляетъ собою только семь отдѣльныхъ первоначальныхъ листовъ, которые въ рук. № 3242 замѣнены новыми пятью (1—5) листами. Что это такъ, ясно видно изъ слѣдующаго. Листъ 6-й первоначально былъ

8-мъ, такъ какъ цифра 8 зачеркнута, и вмѣсто нея поставлено 6, равно какъ дальше на слѣдующихъ мѣстахъ также зачеркнуты цифры 9, 10 [1]), 11 и 12 и соотвѣтственно поставлены 7, 8, 9 и 10. Изъ этого можно заключить, что рук. № 3242 первоначальная и что могъ быть только еще бѣловой экземпляръ, съ котораго печатали драму. Очевидно самимъ авторомъ, листы были запечатаны сургучомъ и приложена именная печать. На оберткѣ дата: 14 октября 1859 года.

Остановимся на листахъ рук. № 3097. Прежде всего отмѣтимъ, что первоначально Островскій назвалъ «Грозу»—комедіей въ 5 дѣйствіяхъ, а потомъ уже зачеркнулъ слово «комедія» и написалъ «драма».

Дѣйствующія лица здѣсь указаны слѣдующія:

«Савелъ (Петровичъ) [2]) Прокофьичъ Дикой—купецъ.

Борисъ Григорьичъ, племянникъ его».

Судя по почерку, а также на томъ основаніи, что Дикой еще упоминается ниже, надо полагать, что эти лица добавлены потомъ. Сначала же первыми были написаны слѣдующія два имени, правда, потомъ тщательно зачеркнутыя.

«Іулій Петровичъ Ладовъ, помѣщикъ.

Карпъ, слуга Ладова».

Далѣе идутъ:

«Шапкинъ—пріятель Бориса [3]).

Марѳа Игнатьевна Кабаниха, вдова, купчиха.

Тихонъ Иванычъ, ея сынъ.

Варвара (Ивановна, ея дочь) [4]), племянница Кабанихи.

Катерина, жена Тихона.

Мардарій Лукичъ (Дикой) [4]) Кулигинъ, мѣщанинъ.

Ксанѳиппа Дуловна, помѣщица, барыня старуха.

Ваня Кудряшъ—молодецъ.

(Народъ) [4]). Глаша, дѣвка въ домѣ Кабанихи.

---

[1]) Цифра 10 даже и не зачеркнута.

[2]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

[3]) Судя по почерку, это лицо внесено потомъ, а первоначально оно не было указано.

[4]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

(Граждане)[1]. Мѣщане обоего пола и дѣти. Приказные[2]. Дѣйствіе происходитъ въ (уѣздномъ)[1] городѣ Калиновѣ, на берегу Волги, лѣтомъ».

Какъ видно изъ этого перечня, особенно большихъ перемѣнъ въ составѣ дѣйствующихъ лицъ не произошло. Вотъ только помѣщикъ Ладовъ со своимъ слугой обращаютъ на себя вниманіе, но само собою разумѣется, невозможно ничего сказать, какую роль играли бы эти лица въ драмѣ.

Дальше идетъ планъ всѣхъ четырехъ дѣйствій. Этотъ планъ до извѣстной степени отличается отъ теперешняго плана драмы и потому его слѣдуетъ привести цѣликомъ.

Предварительно только сдѣлаю одно замѣчаніе. Въ трехъ мѣстахъ этого плана поставлены даты: 13 іюля, 28 іюля, 29 іюля. На 2-мъ листѣ, гдѣ помѣщена сцена Кулигина съ Дикимъ, находимъ дату 24 іюля. Такимъ образомъ «Гроза» была начата въ іюлѣ (надо полагать, 1859 года), хотя задумана можетъ быть и раньше, а окончена, какъ свидѣтельствуетъ дата рук. № 3242, 9 октября 1859 года.

Вотъ этотъ планъ.

«ДѢЙСТВІЕ 1-ое

19 іюля. (Сцена представляетъ общественный садъ на берегу Волги, за Волгой сельскій видъ). 3[3]. Двѣ старухи, одна прохожая, другая городская;—разсказъ о городѣ, о семействѣ Кабановой.

28 іюля. 1. Кулигинъ и толпа народу, (о громоотводахъ)[4]. 2. Кулигинъ и Борисъ. 4. Кул. Бор. и Дикой. 5. Кулигинъ и народъ. Кабановы. Мать, сынъ, жена и

---

[1]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

[2]) Судя по почерку и расположенію строкъ, первоначально стояло такъ: „Ксанѳиппа Дуловна, помѣщица. Народъ“, а все остальное добавлено потомъ.

[3]) Въ планѣ 1-го дѣйствія цифры надписаны надъ текстомъ, т.-е. добавлены потомъ, а въ остальныхъ дѣствіяхъ онѣ поставлены передъ соотвѣтствующей сценой.

[4]) Поставленное въ скобки добавлено потомъ, надписано сверху.

сестра. 6. Катерина, Варвара и Кулигинъ [1]). 7. Кат. и Варвара. 9. Тѣ же и Ксант. 9. Тѣ же безъ нея. 10. Варвара одна [2]) и Борисъ.

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

1-ое. [Кабаниха и гости] [3]). (Комната въ домѣ Каб.). 29 іюля. 1-ое. Варв. и Кат. 2-ое. Мать, сынъ и тѣ же. 3). Кат. и мужъ. 4) Всѣ. 5) Кабан. и Варв. 6) Варв. и Кат. 7.) Катер. одна.

Затѣмъ между строками надписано и потомъ зачеркнуто: «Садъ. 2) Варвара и Кат. 1) Глаша и 3 Катерина одна. Послѣднія 3 явленія (5, 6 и 7) также зачеркнуты.

ДѢЙСТВІЕ 3-е.

Улица. 1-ое. Разныя лица. 2) Кабаниха и Дикой (пьяный). 3) Кулигинъ и Борисъ. 4) Варвара и Ваня. 5) Варвара и Борисъ. (Берегъ Волги). 1. Варвара, Глаша [4]) и Катерина. 2) Вар. и Ваня. 3. Борисъ и Катерина. 4. Варвара и Ваня.

ДѢЙСТВІЕ 4-е.

(Арка собора, видъ за рѣкой). 2). Народъ и Кулигинъ. [1. Борисъ.] [3]) 1-е. Варвара одна [5]). 2-е (Катерина) [3]). Борисъ и Варвара [6]). 2-ое. Борисъ и [Катер.] [3]) и Варв. [4]). [3. Тѣ же и Варвара] [3]). 4. Народъ и Кулигинъ и Дикой [4]). 5.) Кабанова съ сыномъ. 6-ое) Тѣ же безъ народу. 7. Ксантиппа. 8) Безъ Кабановыхъ.

ДѢЙСТВІЕ 5-е.

(Декор. 1-го дѣйст.). 1) Кулигинъ и Каб. 2) Тѣ же и Глаша. 3) Катерина. 4) Кат. и Борисъ. 5) Катерина.

---

[1]) Это лицо потомъ вычеркнуто.

[2]) Тутъ сдѣлана сноска внизу страницы: „разсказываетъ, какъ полюбила“.

[3]) Поставленное въ квадр. скобки зачеркнуто.

[4]) Это имя вставлено потомъ, надписано сверху.

[5]) Слова „Варвара одна“ написаны выше словъ „Дѣйствіе 4-е“ съ правой стороны на свободномъ мѣстѣ.

[6]) Къ этому явленію сдѣлана сноска: „Варвара разсказываетъ, что Катерина боится грозы. А самыя имена внесены впослѣдствіи, одно написано сверху зачеркнутаго, а другое внизу.

6) Катер. и Ксант. 7-ое) Кабановъ. Кабанова. Дикой. Борисъ. 8) Тѣ же безъ Бориса и Кабанова. 9) Всѣ.

КОНЕЦЪ».

Если сравнить этотъ планъ съ печатнымъ текстомъ драмы, то увидимъ, что въ этомъ планѣ нѣтъ теперешняго перваго явленія I-го дѣйствія, которое посвящено разговорамъ Кулигина, Кудряша и Шапкина, главнымъ образомъ о Дикомъ, къ появленію котораго на сценѣ оно и подготовляетъ зрителя. Разсказъ о городѣ, о семействѣ Кабановой авторъ первоначально хотѣлъ вложить въ уста двухъ старухъ, и только, повидимому, послѣ девятидневнаго перерыва (19—28 іюля) онъ вводитъ Кулигина, который играетъ, собственно говоря, роль стариннаго резонера и сообщаетъ Борису, а черезъ него и зрителю всѣ необходимыя свѣдѣнія о Калиновѣ вообще и въ частности о Кабановыхъ. Нужно только удивляться тому, какъ мастерски сумѣлъ Островскій въ эту старую драматическую форму влить новое содержаніе и изъ резонера создать живое лицо, кстати сказать, навѣянное механикомъ-самоучкою Кулибинымъ, на что указываетъ и сходство фамилій и сходство занятій. Слѣдуетъ однако замѣтить то, что, введя Кулигина, авторъ все-таки оставлялъ разговоръ двухъ старухъ, но только дѣлалъ его третьимъ явленіемъ I-го дѣйствія, и только уже потомъ, очевидно, почувствовавъ, что этотъ разговоръ нарушаетъ правильное и логическое развитіе дѣйствія, онъ выбрасываетъ эту сцену и поручаетъ Кулигину эту освѣдомительную роль. Далѣе авторъ имѣлъ ввиду начать дѣйствіе разговоромъ Кулигина о громоотводахъ, при чемъ изъ плана не видно, былъ ли при этомъ разговорѣ Дикой, можно думать даже, что нѣтъ, такъ какъ въ планѣ онъ упоминается дальше только въ 3-мъ явленіи, а между тѣмъ на листѣ 2-мъ и началѣ 3-го какъ разъ и помѣщенъ этотъ разговоръ Кулигина съ Дикимъ, который теперь составляетъ явленіе 2-ое дѣйствія IV-го, а первоначально авторъ хотѣлъ было помѣстить его въ «Дѣйствіе I-е, явл. 1-е», но потомъ зачеркнулъ слова: «Дѣйствіе 1-е», ремарку о томъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе, и послѣ словъ

«явл. 1-е» приписалъ: «въ 4-е дѣйствіе». Кстати отмѣчу, что рукописный текстъ этого явленія очень близокъ къ печатному, хотя почти наполовину короче, такъ какъ оканчивается словами Дикого: «Какіе такіе громовые отводы?» и собственно разговора о громоотводахъ не заключаетъ. Затѣмъ въ планѣ вторично встрѣчается сцена: «Кулигинъ и народъ», которой ни въ печатномъ, ни въ рукописномъ текстѣ нѣтъ. Остальныя явленія почти тѣ же, что и въ печатномъ текстѣ, только 4-е явленіе стало 2-мъ, а второе—третьимъ, при чемъ, кромѣ упомянутыхъ въ планѣ лицъ, т.-е. Кулигина, Бориса и Дикого, вошли еще Кудряшъ и Шапкинъ. Затѣмъ явленіе 10-е въ печатномъ текстѣ слилось съ 9-мъ, и, кромѣ того, вмѣсто Бориса появляется Кабановъ.

Что касается теперешняго перваго явленія I-го дѣйствія, то о немъ я скажу немного ниже, а предварительно замѣчу слѣдующее. Тотъ второй листъ, на которомъ помѣщено 2-е явленіе IV-го дѣйствія (печатнаго текста), любопытенъ еще вотъ въ какомъ отношеніи. Какъ извѣстно, Островскій всегда на поляхъ своихъ рукописей дѣлалъ наброски, которые потомъ, иногда въ измѣненномъ видѣ, входили въ текстъ. На данномъ 2-мъ листѣ есть между прочимъ такого рода любопытныя замѣчанія: «1) Кн. Вяз. различаетъ комедію нравовъ отъ бытовой.—Оживленіе сцены. 2) А мнѣ лукавый-то шепчетъ такимъ ласковымъ голосомъ и представляетъ мнѣ,—то и то.—Прежде, когда я жила у маменьки, да и здѣсь сначала, представлялись мнѣ (рай въ суздальскомъ вкусѣ) и снится то же или птицей летаю. 3) Слышалъ отъ Л. П. про такой же сонъ въ тотъ же день. (Зап.) [1]) Гора Синай» [2]).

На листѣ 3-мъ, какъ только кончилась указанная выше сцена, т.-е. 2-е явленіе IV-го дѣйствія, идутъ первыя строки 1-го явленія I-го дѣйствія: «Кулигинъ (сидитъ на лавочкѣ и смотритъ за рѣку и поетъ, нѣсколько лицъ проходятъ по бульвару.)

---

[1]) Это слово зачеркнуто.

[2]) Третье замѣчаніе составляетъ какъ бы сноску къ второму, такъ какъ послѣ слова „летаю“ поставленъ крестъ, и такой же крестикъ находится передъ словомъ „слышалъ“.

Кулигинъ (поетъ:)

Среди долины ровныя,
На гладкой высотѣ и проч.“.

Дальше (листъ 3—7) идетъ первоначальный текстъ перваго явленія I-го дѣйствія, а также 2 и 3-е явленія этого же дѣйствія, въ сильной степени отличающіяся отъ печатнаго, а потому я его помѣщаю цѣликомъ въ приложеніи. Должно имѣть въ виду, что этотъ первоначальный текстъ 1-го явленія соотвѣтствуетъ первой половинѣ теперешняго 3-го явленія I-го дѣйствія. Далѣе, слѣдующее явленіе 2-е, хотя цифра 2 не поставлена, заключающее въ себѣ разговоръ двухъ старухъ о благолѣпіи, разговоръ Бориса и Кулигина о нравахъ города и краткое замѣчаніе Бориса и Шапкина о Катеринѣ, потомъ зачеркнутое, составляетъ вторую половину печатнаго 3-го явленія. Дальнѣйшее 3-е явленіе (цифра 3 опять-таки не поставлена), заключающее всего только 3 реплики Шапкина и Бориса, не находитъ себѣ соотвѣтствія въ печатномъ текстѣ. Такимъ образомъ, теперешнихъ 1 и 2-го явленій I-го дѣйствія въ рук. № 3097 нѣтъ. Затѣмъ Кудряша здѣсь совсѣмъ нѣтъ: все время фигурируетъ Шапкинъ. Наконецъ, что самое главное, рукописный текстъ значительно слабѣе печатнаго: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ напоминаетъ старинную мелодраму. Кромѣ того лица не совсѣмъ еще опредѣлились: многое изъ того, что говоритъ Борисъ, въ печатномъ текстѣ отнесено къ Кудряшу, лицу совершенно другого характера. Борисъ уже знаетъ, что семейство Кабановыхъ «считается самымъ благочестивымъ въ городѣ». Монологъ Кулигина о жестокихъ нравахъ города въ рукописи нѣсколько длиннѣе печатнаго. Уже только впослѣдствіи въ рук. № 3242 текстъ первыхъ трехъ явленій I-го дѣйствія принялъ теперешній свой видъ, да и то не сразу.

О рукописи № 3097 должно сдѣлать еще одно замѣчаніе, чтобы покончить съ ней. Послѣ отмѣченныхъ нами трехъ явленій I-го дѣйствія на листѣ 7-мъ идетъ начало 5-го явленія этого же дѣйствія, продолженіе котораго уже въ рук. № 3242. Текстъ этотъ сходенъ съ печат-

нымъ, только реплика Варвары: «Не уважишь тебя, какъ же!» первоначально была вложена въ уста Катерины, но потомъ слово «Катерина» зачеркнуто и сверху надписано «Варвара».

Перехожу теперь къ рукописи № 3242.

Въ первомъ явленіи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія поправки. Вмѣсто трехъ начальныхъ репликъ Кулигина и Кудряша въ рук. находимъ одну только реплику Кулигина. Приведу ихъ для ясности параллельно.

„Кулигинъ (поетъ): „Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ...“ (Перестаетъ пѣть). Чудеса, истинно надобно сказать, чудеса! Кудряшъ! Вотъ, братецъ ты мой, пятьдесятъ лѣтъ я каждый день гляжу за Волгу и все наглядѣться не могу.

Кудряшъ. А что?

Кулигинъ. Видъ необыкновенный! Красота! Душа радуется.“

„Кулигинъ (поетъ.) „Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ... (перестаетъ). Пятьдесятъ лѣтъ я каждый день гляжу на этотъ видъ и все наглядѣться не могу. [Куда хорошо] [1]). (Какой видъ безподобный)“ [2]).

Первая реплика Кулигина исправлена, но все-таки еще не приняла своего окончательнаго вида; такъ читается: «чудеса, истинно чудеса!» Опять примѣръ того, какъ постепенно вырабатывалъ авторъ рѣчь своихъ дѣйствующихъ лицъ. Другой примѣръ подобнаго же рода—замѣна одной реплики Кудряша рукописнаго текста опять-таки тремя репликами Кудряша и Шапкина.

„Кудряшъ. Постращали бы хорошенько.

Шапкинъ. Какъ это?

Кудряшъ. Вчетверомъ этакъ, впятеромъ, въ переулкѣ гдѣ-нибудь поговорили-

„Кудряшъ. Постращали бы хорошенько, вечеромъ въ переулкѣ гдѣ-нибудь, такъ онъ бы шелковый сдѣлался, да никому бы еще и не сказалъ про это.“

[1]) Поставленное въ квадратныя скобки зачеркнуто.

[2]) Поставленное въ круглыя скобки надписано сверху, но потомъ зачеркнуто.

бы съ нимъ съ глазу на глазъ такъ онъ-бы шелковый сдѣлался. А про нашу науку-то и не пикнулъ-бы никому, только-бы ходилъ да оглядывался."

Въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ обратить вниманіе также на замѣну монолога, хотя бы и краткаго, діалогомъ.

Далѣе очень характерна вставка слова «дышать» въ репликѣ Кудряша: «Какъ не ругать! Онъ безъ этого дышать не можетъ...»

Но есть и другого рода вставки. Такъ, написаны на поляхъ рукописи, т.-е. вставлены потомъ, слѣдующія двѣ реплики:

«Шапкинъ. Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряшъ. Ну, да та хоть, по крайности, все подъ видомъ благочестія, а этотъ какъ съ цѣпи сорвался».

Добавивъ эти реплики, авторъ уже знакомитъ зрителя съ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ и такимъ образомъ подготовляетъ его къ появленію этого лица на сценѣ.

Наконецъ также написана на поляхъ характерная реплика Шапкина: «Отойдемъ къ сторонкѣ: еще привяжется, пожалуй».

Во второмъ явленіи вставлено потомъ слово: «дармоѣдъ».

Въ третьемъ явленіи реплика Бориса: «Кабы я одинъ, такъ-бы ничего! Я-бы бросилъ все, да уѣхалъ. А то сестру жаль. Онъ было и ее выписывалъ, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова-бы ей здѣсь жизнь была — и представить страшно», эта реплика въ первоначальномъ чтеніи была значительно короче: «Кабы я одинъ, такъ бы ничего! Я бы бросилъ все, да и уѣхалъ. А то сестру жаль». Все остальное добавлено потомъ, частью на свободномъ мѣстѣ, частью на поляхъ, причемъ послѣдняя фраза реплики читалась такъ: «Какова бы ей здѣсь жизнь была, я и представить не могу». А кромѣ того находимъ еще такую фразу, которой нѣтъ

въ печатномъ текстѣ: «Для нея то я и рѣшился терпѣть все, что бы онъ со мной ни дѣлалъ».

Зато въ рукописи совершенно нѣтъ реплики Кудряша: «Ужъ само собой. Нешто они обращеніе понимаютъ». Ясное доказательство, что текстъ драмы, послѣ того, какъ она была окончена, пересматривался авторомъ еще разъ.

Добавлены потомъ частью на свободномъ мѣстѣ, частью на поляхъ заключительныя слова реплики того же Кудряша: «А бѣда, какъ его по утру кто-нибудь разсердитъ! Цѣлый день ко всѣмъ придирается». Тутъ уже поправка иного рода: здѣсь не исправленіе рѣчи, а снова внесеніемъ мелкой подробности пополняется характеристика одного изъ дѣйствующихъ лицъ. Такое жа значеніе имѣетъ вставка слѣдующихъ репликъ Бориса и Кулигина:

«Борисъ. А вы умѣете стихами.

Кулигинъ. По старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова, Державина... Мудрецъ былъ Ломоносовъ, испытатель природы... А, вѣдь, тоже изъ нашего, изъ простого званія».

Обращаетъ на себя вниманіе также слѣдующая реплика Бориса: «Эхъ, Кулигинъ, больно трудно мнѣ здѣсь, безъ привычки-то! Всѣ на меня какъ-то дико смотрятъ, точно я здѣсь лишній, точно мѣшаю имъ. Обычаевъ я здѣшнихъ не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки, не привыкну никакъ». Первоначально видъ ея былъ такой: «Трудно мнѣ безъ привычки-то! Все для меня ново. Обычаевъ я здѣшнихъ не знаю. Точно я здѣсь лишній». Такимъ образомъ добавлены заключительныя слова реплики, характеризующія Бориса и обрисовывающія его отчужденное положеніе въ окружающей средѣ, отчужденное потому, что въ силу своего воспитанія и образованія онъ стоитъ все-таки выше этой среды.

Явленіе 4-е состоитъ изъ одного монолога Бориса, который я привожу цѣликомъ, такъ какъ его первоначальный рукописный текстъ сильно отличается отъ печатнаго.

«Борисъ (одинъ). Жаль его разочаровывать! Мысль, что онъ разбогатѣетъ когда-нибудь, по крайней мѣрѣ утѣшаетъ его въ его горькомъ положеніи, [не допускаетъ его до отчаянія] [1]). Я найду ли себѣ здѣсь какое-нибудь утѣшеніе? Неужели утѣшаться только тѣмъ, что я исполнилъ долгъ свой, что я для сестры закабалилъ себя человѣку, въ которомъ нѣтъ ни стыда ни совѣсти! А молодость-то! Ужли такъ пройдетъ, безъ радости, безъ просвѣту! Страшно подумать! (Молчаніе). Сердце хочетъ любви и любитъ ужъ. Но между мной и этой женщиной такая бездна, столько препятствій, что мнѣ и думать-то о ней сумасшествіе. Смѣшно и мечтать о томъ, что никогда не можетъ осуществиться; это то же, что мечты Кулигина. Да у меня и воображеніе не такъ сильно; мнѣ хоть бы немного счастья, да въ дѣйствительности. Нѣтъ, я поглупѣлъ здѣсь въ городѣ! Какъ влюбиться въ женщину, съ которой даже и поговорить никогда не удается. [Не смѣть подойти! Не смѣть поговорить!] [2]). Нѣтъ, эта таинственность, которая здѣсь покрываетъ семейную жизнь, это заключеніе, молчаніе женщинъ, страстные взгляды, которые онѣ бросаютъ на мужчинъ, меня такъ настроили. (Молчаніе). А все-таки я ее люблю. Хоть это также глупо, какъ влюбиться въ луну или въ султаншу какую-нибудь; а я ее люблю. Конечно, люблю, когда видѣть ее хоть изъ дали, хоть одинъ разъ въ недѣлю для меня уже счастіе. Вотъ она! Идетъ съ мужемъ и съ свекровью. (Схватившись за сердце). Нѣтъ, это любовь! Настоящая любовь! (Вздохнувъ). Ну, довольно! (Уходитъ. Съ противуположной стороны входятъ: Кабанова, Кабановъ, Катерина и Варвара)».

Если сопоставить рукописный текстъ монолога съ печатнымъ, то разница между ними легко бросается въ глаза. Въ послѣднемъ нѣтъ этой совершенно не идущей къ Борису фразы объ исполненіи долга, нѣтъ вообще этой напыщенности выраженій, которая замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ рукописномъ текстѣ и роднитъ

---

[1]) Поставленное въ квадратныя скобки добавлено потомъ.
[2]) Тоже.

его съ блаженной памяти мелодрамой. Но Островскій сумѣлъ освободиться отъ нея и найти вѣрный тонъ для выраженія переживаемыхъ Борисомъ чувствъ. Однако исправленъ былъ этотъ монологъ уже не въ нашей рукописи.

Въ 5-мъ явленіи, не останавливаясь на мелкихъ поправкахъ, касающихся языка, отмѣчу слѣдующую крупную вставку, написанную на поляхъ.

«Катерина. Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что̀ при людяхъ, что̀ безъ людей, я все одна, ничего изъ себя не доказываю.

Кабанова. Да я объ тебѣ и говорить не хотѣла; а такъ, къ слову пришлось.

Катерина. Да хоть и къ слову, за что̀-жъ ты меня обижаешь?

Кабанова. Экая важная птица! Ужъ и обидѣлась сейчасъ.

Катерина. Напраслину-то терпѣть кому-жъ пріятно».

Не говоря уже о томъ, что эта вставка прекрасно дополняетъ характеристику Катерины и Кабановой, она оживляетъ сцену, такъ какъ этотъ діалогъ, состоящій изъ короткихъ фразъ, вставленъ между двумя болѣе продолжительными репликами Кабановой, которыя такимъ образомъ отдалены одна отъ другой и не утомляютъ слушателя.

Въ 6-мъ явленіи, наоборотъ, обращаетъ на себя вниманіе не вставка, а то, что зачеркнуто. Такъ, между репликой Кабанова: «То все приставала: «женись, да женись, я хоть бы поглядѣла на тебя, на женатаго». А теперь по̀ѣдомъ ѣстъ, проходу не даетъ—все за тебя», и репликой Варвары: «Такъ нешто она виновата! Мать на нее нападаетъ, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мнѣ глядѣть-то на тебя», въ рукописи зачеркнуты еще слѣдующія реплики:

«Катерина. Съ роду я, Тиша, такая несчастная, да вотъ должно быть и къ вамъ несчастье принесла.

Варвара. Ты слушай его, что онъ городитъ! И до тебя у насъ тоже было.

Кабановъ. Все прежде легче было».

Замѣчаніе Катерины о томъ, что она съ роду такая несчастная, не вяжется съ той картиной жизни въ родительскомъ домѣ, которая обрисовывается потомъ изъ словъ самой же Катерины, и вполнѣ естественно, что Островскій, чувствуя это противорѣчіе, зачеркнулъ этотъ коротенькій діалогъ.

Въ 7-мъ же явленіи зачеркнуто еще больше, чѣмъ въ 6-мъ. Такъ, въ самомъ началѣ явленія были слѣдующія реплики Катерины и Варвары, потомъ зачеркнутыя:

«Катерина. Жаль мнѣ его.

Варв. Что его жалѣть-то, онъ самъ виноватъ. Тебя такъ вотъ жалко. Ты за что терпишь?

Кат. [Нечего дѣлать—свекровь не родная мать.] [1]). Кто-жъ на своемъ вѣку отъ свекрови не терпѣлъ и тебѣ тоже придется, такая ужъ наша доля.

Варв. Ужъ не говори, пожалуйста! Не повѣрю я никому, чтобы была еще гдѣ-нибудь такая жизнь. Это не жизнь, а слезы. Не досыта развѣ ты еще наплакалась».

Весь этотъ, хотя и краткій, разговоръ совершенно излишенъ, такъ какъ авторъ и безъ разсужденій сумѣлъ показать тяжесть жизни у Кабановыхъ.

Дальше идутъ четыре теперь начальныя реплики Катерины и Варвары, и послѣ реплики Варвары: «За что-жъ мнѣ тебя не любить-то?» шло такое продолженіе разговора названныхъ двухъ лицъ:

«Катер. Ну, спасибо тебѣ! Точно, Варенька, правда твоя, тяжеленько мнѣ на свѣтѣ жить, словечка даже перемолвить не съ кѣмъ.

Варв. А есть что перемолвить-то?

Катер. Какъ не быть! Наше дѣло женское, поговоришь съ кѣмъ-нибудь, словно и полегче станетъ.

Варв. Говори со мной.

Катер. Такая ли я была! *Я у васъ завяла совсѣмъ! Я жила, ни объ чемъ не думала* [2]), *тужила* [3]), *точно птичка на волѣ. Маменька во мнѣ души не ча-*

[1]) Поставленное въ скобки надписано сверху.
[2]) Слово „думалаа“ зачеркнуто.
[3]) Слово „тужила“ надписано сверху: позднѣйшая поправка.

яла, наряжала меня, какъ куклу, работать не принуждала, что хочу, бывало, то и дѣлаю.

Варв. Рано тебя замужъ-то выдали; погулять-то тебѣ въ дѣвушкахъ не пришлось.

Катер. Какъ только годы вышли, такъ и отдали.

Варв. Ну, а парни на тебя поглядывали?

Кат. Какъ не поглядывать?

Варв. А тебѣ никто не нравился?

Катер. Нѣтъ.

Варв. Неужли не любила никого?

Катер. И не понимала, что такое любовь. У меня одно было занятіе. Встану бывало рано, коли лѣтомъ...» и т. д.

За исключеніемъ того, что напечатано курсивомъ и цѣликомъ вошло въ печатный текстъ, все остальное авторомъ зачеркнуто, хотя оно авторомъ использовано и вошло въ 3-е явленіе II-го дѣйствія печатнаго текста. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что было вставлено вмѣсто выброшеннаго; появился этотъ удивительный вопросъ Катерины: «отчего люди не летаютъ?» и дальнѣйшее его разъясненіе. Любопытно и то, что встрѣчающіяся дальше ея же слова о самой себѣ: «А то, будто я летаю, такъ и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да рѣдко, да и не то», также оказываются позднѣйшей вставкой. Точно также вставлены впослѣдствіи слѣдующія реплики:

«Кат. (помолчавъ). Я умру скоро.

Варв. Полно, что ты!»

и въ другомъ мѣстѣ:

«Варвара. Что съ тобой? Здорова-ли ты?

Катер. Лучше бы я больна была, а то не хорошо».

Обѣ вставки написаны на поляхъ. Равнымъ образомъ на поляхъ находимъ слѣдующую вставку:

«Варвара. Говори, нужды нѣтъ.

Катерина. Сдѣлается мнѣ такъ душно, такъ душно дома, что бѣжала-бы. И такая мысль придетъ на меня, что кабы моя воля, каталась-бы я теперь по Волгѣ, на лодкѣ, съ пѣснями, либо на тройкѣ на хорошей, обнявшись...

Варвара. Только не съ мужемъ.

Катерина. А ты почемъ знаешь?

Варвара. Еще-бы не знать?»

Вмѣсто этого въ основномъ рукописномъ текстѣ шелъ такой діалогъ, потомъ зачеркнутый:

«Катерина. Ну чтожъ мнѣ говорить? [Я все тебѣ сказала.] [1]).

Варв. Нѣтъ не все! Ты Тихона не любишь.

Катер. Нѣтъ, какъ не любить! Только онъ мнѣ какъ-то жалокъ.

Варв. Нѣтъ, не любишь! Коли жалко, такъ не любишь. Ты кого-то другого любишь, только развѣ не скажешь.

Катер. Кого же мнѣ любить?

В. Мало ли кого. Да я и знаю кого.

К. Почемъ же ты знаешь.

В. Я не меньше тебя на свѣтѣ-то живу. Да вотъ тебѣ вѣрная примѣта: какъ ты увидишь его, вся въ лицѣ перемѣнишься. (Катер. потуп. глаза.) Маленькій догадается.

К. Ну кого же.

В. Да вѣдь ты сама знаешь, что называть-то!

К. Нѣтъ, назови!

В. Бориса Григорьича.

К. Ну да его. Только ты, Варенька....

В. Ну вотъ еще! Ты сама-то не проговорись какъ-нибудь.

К. То-то и бѣда моя, что я скрыть ничего не могу.

Варв. [Такъ нешто такъ можно.] [2]). [Ты вспомни, гдѣ ты живешь.] [3]). Ну у насъ нельзя безъ этого, весь домъ на этомъ держится. Я и сама прежде не умѣла, да выучилась, когда нужно стало.

Кат. [Ахъ, Варя, грѣхъ у меня на умѣ.] [4]). Сколько я, бѣдная...» и т. д.

---

[1]) Вторая половина этой реплики зачеркнута, и сверху написано: „стыдно мнѣ“. Въ такомъ исправленномъ видѣ эта реплика вошла въ печатный текстъ, а все остальное зачеркнуто.

[2]) Эта фраза зачеркнута.

[3]) Эта фраза написана на поляхъ: позднѣйшая вставка.

[4]) Эта фраза зачеркнута.

За исключеніемъ послѣдней фразы, какъ видите, исправленной, все остальное зачеркнуто, но слѣдуетъ замѣтить, что впослѣдствіи въ исправленномъ видѣ разговоръ этотъ вошелъ въ упомянутое уже нами выше 2-ое явленіе II-го дѣйствія.

Что касается двухъ послѣднихъ явленій I-го дѣйствія, то о нихъ должно сказать слѣдующее. Въ 8-мъ явленіи барыня была названа сначала по имени, но потомъ ея имя «Ксант. Дулов.» зачеркнуто и сверху надписано просто «барыня». А въ 9-мъ явленіи входилъ не Кабановъ, какъ теперь въ печатномъ текстѣ, а Борисъ.

Перехожу ко 2-му дѣйствію.

Первоначально 1-ое явленіе этого дѣйствія начиналось съ того разговора Катерины и Варвары о Тихонѣ, который теперь составляетъ конецъ 2-го явленія. Послѣ заключительной теперь реплики Варвары: «Да, какъ же, связанный!..» шла зачеркнутая теперь реплика Катерины: «Безъ него то будетъ еще скучнѣй», а потомъ реплика Варвары: «[Знаешь что, Катя! Какъ Тихонъ уѣдетъ, такъ] [1] (безъ него) [2] давай въ саду спать въ бесѣдкѣ...» и т. д., какъ теперь въ печатномъ текстѣ, кончая репликой Варвары: «Извѣстно шучу, а то неужто въ самомъ дѣлѣ».

Но затѣмъ было снова начато явленіе 1-ое, какъ теперь въ печатномъ текстѣ, т.-е. разговоръ Глаши съ Феклушей; конечно, окончательный текстъ написанъ не сразу, а съ нѣкоторыми поправками. Такъ, напр., послѣдняя реплика Глаши состояла первоначально изъ одного только слова «Прощай», а вся остальная часть реплики, замѣчаніе о томъ, какія чудеса бываютъ на свѣтѣ, какъ, не будь добрыхъ людей, они мало бы знали объ этихъ чудесахъ, все это, включая и авторскую ремарку, добавлено потомъ, частью даже на поляхъ.

Послѣ этого снова шелъ разговоръ Катерины и Варвары, входящій теперь въ составъ 2-го явленія I-го дѣйствія и начинающійся словами послѣдней: «Я вчера гуляла, такъ Бориса видѣла. Кат. Ну такъ чтожъ...» и т. д., кончая слѣдующими репликами нашихъ собесѣдницъ:

---

[1] Поставленное въ квадратныя скобки надписано сверху.
[2] Поставленное въ скобки зачеркнуто.

«Кат. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь.—Ужъ коль не захочу здѣсь жить, такъ не стану, хоть ты меня рѣжь.

[Варв. Молода ты замужъ вышла, еще сердце у тебя не уходилось.

Кат. Да и не уходится никогда.]» [1]).

Дальше идетъ 3-е явленіе. Но мы пока остановимся на второмъ. Собственно говоря, его можно раздѣлить на нѣсколько частей, смотря по сюжету разговора. Сначала разговоръ касается характера Катерины, ея нелюбви къ мужу и любви къ Борису (1-я часть); далѣе упоминаніе Варвары о встрѣчѣ съ Борисомъ, нежеланіе Катерины слушать о немъ, ея готовность терпѣть и рѣшимость уйти изъ дому, если тяжело будетъ жить (2-я часть); предложеніе Варвары спать въ саду въ бесѣдкѣ (3-я часть) и разговоръ о Тихонѣ (4-я часть). Всѣ эти части, какъ можно видѣть, писались не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ размѣщены теперь въ печатномъ текстѣ. Вторая половина первой части, какъ было уже выше упомянуто, первоначально входила въ 7-ое явленіе I-го дѣйствія. Затѣмъ былъ написанъ разговоръ о Тихонѣ, т.-е. теперешняя 4-я часть 2-го явл., за которой непосредственно слѣдовала теперешняя 3-я часть 2-го явл. Потомъ только, когда авторъ уже написалъ бесѣду Глаши и Феклуши, онъ пишетъ 2-ю часть 2-го явленія. Но и это еще не все. Не хватало немного начала второго явленія. Вотъ это начало 2-го явленія съ его продолженіемъ, а именно всю 1-ую часть даннаго явленія мы находимъ написанной на отдѣльномъ листѣ, гдѣ вслѣдъ за нимъ помѣщено начало 4-го явленія. Когда было написано это начало 2-го явленія? Въ виду того, что цифра 3 (явл. 3.) неисправлена, надо допустить, что окончательный текстъ 2-го явленія былъ написанъ до начала 3-го, т.-е. до начала этого 3-го явленія были сдѣланы всѣ основныя перемѣны въ написанномъ текстѣ и первыхъ двухъ явленій и тогда же было написано дополненіе ко 2-му явленію, т.-е. его начало на отдѣльномъ листѣ.

---

[1]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

Впрочемъ, здѣсь важно главнымъ образомъ то, что данное 2-ое явленіе, которое представляется теперь единымъ цѣлымъ, части котораго такъ тѣсно связаны между собой, какъ будто вытекая одна изъ другой, это явленіе, какъ оказывается, создавалось по частямъ въ разбивку, причемъ самое начало было написано послѣ всего.

Что касается самаго текста, то отмѣчу слѣдующее. Слова Катерины: «Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять врагъ смущалъ», оказываются позднѣйшей вставкой, написанной частью между строкъ, частью на поляхъ. А послѣ дальнѣйшихъ ея словъ: «Вѣдь я было изъ дому ушла», шелъ вопросъ Варвары: «Что съ тобой сдѣлалось?» и отвѣтъ на него Катерины: «Да ничего. Вдругъ закипѣло что-то во мнѣ; очень ужъ мнѣ душно здѣсь показалось, очень на волю захотѣлось. Съ мыслями-то никакъ не сберусь! Одно въ головѣ: бѣжать, да и все тутъ. Ужъ какъ боюсь я своего характеру!» И вопросъ, и отвѣтъ зачеркнуты. За этимъ отвѣтомъ слѣдуетъ реплика Варвары: «Ты какая-то мудреная...» и т. д. А въ слѣдующей репликѣ Катерины слова: «Не хочу я такъ», опять оказываются позднѣйшей вставкой, надписанными сверху строки. А первоначально вмѣсто нихъ было: «Я не умѣю такъ-то». Любопытный нюансъ, по моему мнѣнію.

Третье явленіе II-го дѣйствія начиналось съ словъ Кабановой: «Лошади пріѣхали, проститься тебѣ только, да и съ Богомъ». Между тѣмъ въ печатномъ текстѣ предшествуетъ еще слѣдующее начало:

«Кабанова. Ну, ты помнишь все, что я тебѣ сказала? Смотри-жь, помни! На носу себѣ заруби!

Кабановъ. Помню, маменька.

Кабанова. Ну, теперь все готово. Лошади пріѣхали...» и т. д. Все это дополненіе написано на поляхъ. Приведенная мною вставка прекрасно связываетъ дальнѣйшую сцену съ тѣмъ, что происходило за сценой, получается цѣльная правдивая реальная картинка жизни.

Въ 3-мъ явленіи обращаетъ на себя вниманіе еще одна подробность чисто діалектологическаго характера: дважды встрѣчается тамъ слово «окны». Художественное чутье, мнѣ думается, правильно подсказало автору, что языкъ

драмы нисколько не выигрываетъ отъ употребленія такой формы даннаго слова вмѣсто обычной: поизведенія нашего драматурга не этнографическія картинки быта той или другой мѣстности Россіи, языкъ ихъ—обще-русскій, а не той или другой мѣстности, и потому, конечно, діалектологическія подробности совершенно излишни. Островскій это прекрасно понималъ, и въ печатномъ текстѣ формы «окны» мы не находимъ. Въ послѣднемъ изданіи соч. А. Н. Островскаго подъ редакціей Писарева въ 7-мъ явленіи I-го дѣйствія какъ разъ находимъ одно слово, которое какъ будто подтверждаетъ противоположное. Въ разсказѣ Катерины о собственной жизни у матери читаемъ между прочимъ: «Встану я, бывало, рано; коли лѣтомъ, такъ схожу на ключо́къ, умоюсь...» Но въ первомъ изданіи «Грозы», именно въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1860, янв., стр. 18), и въ нашей рукописи находимъ обычное «ключикъ», а не «ключо́къ». Но въ изданіи 1874 г. какъ разъ эта послѣдняя форма «ключокъ», а въ изд. 9 и 10-мъ опять-таки «ключикъ». Точно также въ дѣйствіи III, сценѣ II-ой, явленіи 3-мъ мы читаемъ: «За рѣкою, за быстрою мой Ваня гуляетъ» (поетъ Варвара). Но если мы обратимся къ тексту «Библіотеки для Чтенія», то этого ударенія надъ словомъ «быстрою» тамъ не найдемъ. Впрочемъ, въ 5-мъ дѣйствіи въ 6-мъ явленіи въ заключительной репликѣ встрѣчается форма: «ребяты» (говоритъ кто-то изъ горожанъ).

Точно также и въ 4-мъ явлевіи начальныя пять репликъ добавлены потомъ, а раньше оно начиналось прямо съ обращенной къ мужу просьбы Катерины не уѣзжать. Теперь добавлены смущенный вопросъ сконфуженнаго Тихона, не сердится ли на него жена, просьба простить его и совѣтъ не обращать вниманія на слова матери. Опять-таки отъ такого добавленія драма только выигрывала въ полнотѣ изображенія жизни и въ полнотѣ характеристики дѣйствующихъ лицъ.

Затѣмъ на просьбу жены взять ее съ собой Тихонъ въ первоначальномъ чтеніи отвѣчалъ: «И радъ бы, да никакъ не возможно; маменька не велитъ». Только уже потомъ отвѣтъ былъ зачеркнутъ и явился въ тепереш-

немъ своемъ видѣ: «Куда какъ весело съ тобой ѣхать...» и т. д. Репликъ Кабанова: «Да нельзя», и Катерины: «Отчего-же Тиша, нельзя?» въ первоначальномъ текстѣ нѣтъ. На поляхъ онѣ впослѣдствіи добавлены, хотя реплика Катерины совершенно иная: «Нельзя, такъ и не нужно».

Вмѣсто дальнѣйшаго вопроса Катерины: «Да неужели-же ты разлюбилъ меня?» первоначально читалось: «Ты боишься, что я тебя свяжу дорогой; а ты обо мнѣ-то подумай! Какъ ты меня одну оставляешь!» Но потомъ это было зачеркнуто и сверху надписано: «[Что ты? Али] [1] ужъ ты разлюбилъ меня! Ну поѣзжай, поѣзжай».

Слѣдующій отвѣтъ Кабанова: «Да не разлюбилъ; а съ этакой-то неволи...» и т. д., также сложился далеко не сразу, хотя варіанты не представляютъ ничего особенно важнаго. Вызванныхъ этимъ отвѣтомъ словъ Катерины: «Какъ-же мнѣ любить-то тебя, когда ты такія слова говоришь?» въ нашей рукописи нѣтъ, а вмѣсто нихъ первоначально было: «А ты обо мнѣ и не подумаешь, что ты меня одну оставляешь». Потомъ они были зачеркнуты, и другимъ почеркомъ было добавлено: «Тебѣ не до жены, такъ и мнѣ до тебя дѣла нѣтъ». Точно такъ же нѣтъ въ рукописи начала реплики Кабанова: «Слова, какъ слова! Какія-же мнѣ еще слова говорить! Кто тебя знаетъ, чего ты боишься!» а есть только конецъ: «(Да вѣдь) [2] ты не одна, ты [2] съ маменькой, (съ сестрой) [3] остаешься». Дальнѣйшая реплика Катерины: «Не говори ты мнѣ объ ней, не тирань ты моего сердца! Ахъ, бѣда моя, бѣда! (Плачетъ.) Куда мнѣ, бѣдной, дѣться? За кого мнѣ ухватиться? *Батюшки мои, погибаю я*!» и замѣчаніе Кабанова: «Да полно ты!» написаны на поляхъ, только напечатаннаго у насъ курсивомъ, этого страшнаго вопля, вырвавшагося у Катерины, въ нашей рукописи нѣтъ. Новое доказательство того, что по окончаніи драмы, быть можетъ при перепискѣ ея набѣло, снова внесены были

---

[1]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.
[2]) Надписано сверху.
[3]) Зачеркнуто.

нѣкоторыя поправки и дополненія, какъ можно заключить по данному случаю, чрезвычайно удачныя.

Вмѣсто реплики Катерины: «Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть бѣдѣ безъ тебя! Быть бѣдѣ» первоначально читалось: «Тиша, я боюсь! Мое сердце чувствуетъ, что безъ тебя со мной какая-то бѣда случится». Но потомъ это было зачеркнуто и сверху надписано, какъ въ печатномъ текстѣ. Есть поправки и дальше въ 4-мъ явленіи, но ничего особенно существеннаго онѣ не представляютъ. Вообще же можно одно сказать, что данное 4-ое явленіе стоило автору большого труда.

Въ 5-мъ явленіи вмѣсто строго повелительнаго: «Садитесь всѣ!» такъ идущаго къ Кабановой, первоначально было болѣе мягкое: «Присядемте», а послѣдней реплики ея: «Прощай! Дальніе проводы — лишнія слезы», опять-таки очень характерной въ устахъ Кабановой, и совсѣмъ не было: она добавлена потомъ на поляхъ.

Явленіе 6-ое состоитъ изъ монолога Кабановой, который первоначально былъ короче приблизительно на одну треть, кончался словами: «смѣхъ да и только!» А дальнѣйшее: «Такъ-то вотъ старина-то и выводится. Въ другой домъ и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, такъ плюнешь, да вонъ скорѣе. Что̀ будетъ, какъ старики перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ и не знаю. Ну, да ужъ хоть то хорошо, что не увижу ничего», все это написано на поляхъ.

Точно такъ же написаны на поляхъ заключительныя слова Кабановой въ явленіи 7-омъ, обращенныя къ Варварѣ: «Гуляй, пока твоя пора придетъ. Еще насидишься!»

Въ 8-мъ явленіи, состоящемъ изъ монолога Катерины, вмѣсто начальныхъ строкъ: «Ну, теперь тишина у насъ въ домѣ воцарится. Ахъ, какая скука! Хоть бы дѣти чьи-нибудь!» читалось такъ: «Вотъ я теперь покойна: точно кругомъ меня тишина какая воцарится», и не было замѣчанія о скукѣ, а шло прямо сожалѣніе Катерины о томъ, что у нея нѣтъ дѣтей. Но что самое главное, въ первоначальномъ наброскѣ не хватаетъ вотъ какого мѣста изъ даннаго монолога: «Кабы я маленькая умерла, лучше-бы было. Глядѣла-бы я съ неба на землю, да ра-

довалась всему. А то полетѣла-бы невидимо, куда захотѣла. Вылетѣла-бы въ поле и летала-бы съ василька на василекъ по вѣтру, какъ бабочка». Все это написано на поляхъ, т.-е. представляетъ позднѣйшую вставку. Припомнимъ, что и въ седьмомъ явленіи I-го дѣйствія вопросъ Катерины: «отчего люди не летаютъ?» и дальнѣйшее его разъясненіе, а также разсказъ ея о томъ, что ей снится иногда, будто она летаетъ, также оказываются вставленными впослѣдствіи. Такимъ образомъ этотъ своего рода мистицизмъ, столь характерный для Катерины, этотъ неопредѣленный порывъ куда-то, если и былъ намѣченъ Островскимъ въ самомъ началѣ созданія образа своей героини, то во всякомъ случаѣ не такъ ярко выраженъ. Въ двухъ послѣднихъ явленіяхъ II-го дѣйствія, т.-е. въ 9-мъ и 10-мъ, существенныхъ поправокъ нѣтъ.

Я ничего не сказалъ по поводу плана II-го дѣйствія. Какъ можно теперь легко видѣть, въ существенныхъ своихъ чертахъ первоначальный планъ этого акта остался тотъ же, хотя перемѣны нѣкоторыя въ него и внесены. Такъ, уже при составленіи самаго плана Островскій оставилъ мысль о сценѣ: «Кабаниха и гости», и началъ актъ прямо со сцены: «Варвара и Катерина». Но потомъ ему пришлось ввести новую сцену: «Глаша и Ѳеклуша», которая и стала 1-мъ явленіемъ, а бывшая имъ первая сцена стала 2-мъ явленіемъ. Соотвѣтственно съ этимъ измѣнилась только нумерація слѣдующихъ трехъ явленій (самыя сцены остались тѣ же). А вмѣсто трехъ дальнѣйшихъ явленій первоначальнаго плана въ текстѣ драмы находимъ пять явленій, хотя новыхъ дѣйствующихъ лицъ въ нихъ не введено, и такимъ образомъ увеличеніе числа явленій обусловливается логическимъ развитіемъ дѣйствія.

Перехожу теперь къ III-му акту, который состоитъ, какъ извѣстно, изъ двухъ сценъ.

Въ первомъ явленіи I-й сцены, не останавливаясь на поправкахъ отдѣльныхъ словъ, отмѣчу слѣдующія болѣе крупныя добавленія. Во второй репликѣ Ѳеклуши написана на поляхъ слѣдующая вставка: «Суетный народъ, матушка, Марѳа Игнатьевна, вотъ онъ и бѣгаетъ. Ему представляется, что онъ за дѣломъ бѣжитъ, торопится,

бѣдный, людей не узнаетъ, ему мерещится, что его манитъ нѣкто; а придетъ на мѣсто-то, анъ пусто, нѣтъ ничего, мечта одна. И пойдетъ въ тоскѣ. А другому мерещится, что будто онъ догоняетъ кого-то знакомаго. Со стороны-то свѣжій человѣкъ сейчасъ видитъ, что никого нѣтъ; а тому-то все кажется отъ суеты, что онъ догняетъ. Вѣдь она суета-то, на подобіе туману бываетъ [1]). *И женщины-то, матушка Марѳа Игнатьевна, всѣ такія худыя, да какъ будто что они потеряли, либо чего-нибудь ищутъ, въ лицѣ такая печаль, даже жалко*». Дальше уже въ основномъ текстѣ: «Вотъ у васъ въ этакой прекрасный вечеръ...» и т. д., какъ въ печатномъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что напечатанное у насъ курсивомъ въ печатный текстъ не вошло.

Равнымъ образомъ на поляхъ находимъ слѣдующую вставку:

«Ѳеклуша... Ужъ и время-то стало въ умаленіе приходить.

Кабанова. Какъ такъ, милая, въ умаленіе?

Ѳеклуша. Конечно, не мы, гдѣ намъ замѣтить въ суетѣ-то!»

Обѣ вставки болѣе подробно развиваютъ то, что уже было намѣчено раньше въ основномъ текстѣ.

Во 2-мъ явленіи характерная реплика Кабановой: «Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебѣ дорога! Ступай своей дорогой, куда шелъ. Пойдемъ, Ѳеклуша, домой» получила свой окончательный видъ послѣ двукратной поправки. Сначала она читалась такъ: «Ну и ступай своей дорогой. Пойдемъ, Ѳеклуша, домой». Затѣмъ она была исправлена: «Ну, у меня, прошу не горланить! Я дорога тебѣ! Ступай своей дорогой. Пойдемъ, Ѳеклуша, домой». Наконецъ она еще разъ подверглась переработкѣ и приняла тотъ видъ, какъ теперь въ печатномъ текстѣ.

Слѣдующая реплика Дикого: «Постой, кума, постой! Не сердись. Еще успѣешь...» первоначально читалась: «Постой! Еще успѣешь...» А идущая затѣмъ реплика

[1]) Въ печатномъ: „Суета-то, вѣдь, она въ родѣ тумана бываетъ“.

Кабановой: «Коли ты за дѣломъ, такъ не ори, а говори толкомъ», въ первоначальномъ своемъ видѣ тоже была нѣсколько иной, не столь опять-таки характерной: «Коли ты за дѣломъ, такъ пойдемъ ко мнѣ». Такого рода мелкія поправки свидѣтельствуютъ, какъ постепенно вырабатывалась эта въ высокой степени художественная рѣчь дѣйствующихъ лицъ нашей драмы.

Отмѣчу еще два дополненія на поляхъ:

1) «Дикой. А коли я не хочу домой-то?

Каб. Отъ чего же это, позволь тебя спросить?»

2) «Кабанова. А зачѣмъ ты нарочно-то себя въ сердце приводишь? Это, кумъ не хорошо.

Дикой. Какъ такъ нарочно.

Каб. Я видала, я знаю. Ты коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотятъ, ты возьмешь, да нарочно изъ своихъ на кого-нибудь и накинешься, чтобы разсердиться; потому что ты знаешь, что къ тебѣ сердитому никто ужъ не подойдетъ. Вотъ что, кумъ!»

А дальнѣйшей реплики Дикого: «Ну что-жь такое? Кому своего добра не жалко!» въ нашей рукописи совсѣмъ нѣтъ.

Въ явленіи 3-мъ приведу для наглядности параллельно рукописный и печатный текстъ монолога Бориса:

Рукописный текстъ.

„[Хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть на нее! Нельзя![1]) войти нельзя; здѣсь незваные неходятъ... Сегодня Вторникъ. .Середа, Четвергъ, Пятница, Суббота... еще четыре дня ждать до Воскресенья. Боже мой?][2]). Живешь въ одномъ городѣ, почти рядомъ, а увидишь разъ въ недѣлю и то только въ церкви; либо до-

Печатный текстъ.

„Ахъ ты, Господи! Хоть-бы однимъ глазкомъ взглянуть на нее! Въ домъ войти нельзя; здѣсь незваные не ходятъ. Вотъ жизнь-то! Живемъ въ одномъ городѣ, почти рядомъ, а увидишься разъ въ недѣлю и то въ церкви, либо на дорогѣ, вотъ и все! Здѣсь что̀ вышла замужъ, что схоронили—все равно. (Молча-

[1]) Слово „нельзя“ зачеркнуто, а сверху надписано: „въ домъ“.

[2]) Все поставленное въ квадрат. скобки—позднѣйшая вставка: написано на поляхъ.

жидайся [1]) на дорогѣ, посмотри, какъ пройдетъ, вотъ и все! (Какой ужасный обычай:) [2]) вышла замужъ, точно [3]) схоронили, все равно. (Ужасный обычай!) [4]) (молчаніе) [5]). Ужъ совсѣмъ бы мнѣ ее не видать легче было бы! чѣмъ [6]) видишь урывками, да еще при людяхъ, во сто глазъ на тебя смотрятъ! (Ека бѣда) [7]) со мной случилась! Бывало понравится [8]) [женщина] [9]), да какъ-то все [это скоро] [9]) и пройдетъ, а она изъ головы нейдетъ, на минуту забыть не могу. Пойдешь гулять, а очутишься всегда здѣсь у (ихнихъ) [10]) воротъ. И за чѣмъ я хожу сюда! Видѣть ее никогда нельзя; а еще пожалуй разговоръ какой выдетъ, ее-то въ бѣду введешь. (Ехъ, жизнь!) [10]. (Ну, городокъ!) [11]). (Идетъ ему навстрѣчу Кулигинъ)".

ніе.) Ужъ совсѣмъ бы мнѣ ее не видать: легче-бы было! А то видишь урывками, да еще при людяхъ, во сто глазъ на тебя смотрятъ. Только сердце надрывается. Да и съ собой-то не сладишь никакъ. Пойдешь гулять, а очутишься всегда здѣсь у воротъ. И зачѣмъ я хожу сюда? Видѣть ее никогда нельзя, а еще, пожалуй, разговоръ какой выдетъ, ее-то въ бѣду введешь. Ну, попалъ я въ городокъ! (Идетъ ему навстрѣчу Кулигинъ.)"

Далѣе отмѣчу, что приведенная еще въ предшествующей репликѣ Кулигина цитата изъ Ломоносова въ рукописи состояла изъ шести строкъ, изъ которыхъ оставлено только двѣ, а четыре зачеркнуто.

---

[1]) Слово „дожидайся" зачеркнуто, а сверху надписано: „жди".
[2]) Поставленное въ скобки зачеркнуто, а сверху надписано: „здѣсь что".
[3]) Слово „точно" зачеркнуто, а сверху надписано; „что".
[4]) Поставленное въ скобки зачеркнуто, но предварительно было надписано сверху: „какой странный".
[5]) Ремарка надписана сверху.
[6]) Слово „чѣмъ" зачеркнуто, а сверху надписано: „А то".
[7]) Поставленное въ скобки зачеркнуто, а сверху надписано: „Ну неждалъ я, что такая бѣда".
[8]) „По" зачеркнуто.
[9]) Поставленное въ квадр. скобки надписано сверху.
[10]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.
[11]) Поставленное въ скобки надписано сверху.

Изъ монолога же Кулигина приведу только тѣ мѣста, которыя подверглись переработкѣ. Вотъ они:

Рукоп.	*Печат.*
„Бѣднымъ гулять, сударь, некогда, у нихъ день и ночь работа (изъ-за куска насущнаго хлѣба)“.	„Бѣднымъ гулять, сударь, некогда, у нихъ день и ночь работа. И спятъ-то три часа въ сутки“.

Фразы: «Ну чтобы, кажется, имъ не гулять, не дышать свѣжимъ воздухомъ? Такъ нѣтъ», этой фразы въ рукописи совсѣмъ нѣтъ.

Рукоп.	*Печат.*
„А то сударь за этими запорами часто пьянство да развратъ темный скрывается!“	„И что, сударь, за этими замками разврату темнаго, да пьянства!“
„Такъ они всѣ хороши, сударь; а посмотрѣть ихъ въ семьѣ! Вотъ гдѣ человѣкъ-то узнается. Такъ нѣтъ, говоритъ, шалишь, въ семьѣ то ты меня никогда не увидишь; на это, говоритъ, у меня есть замки...“	„Ты, говоритъ, смотри въ людяхъ меня да на улицѣ; а до семьи моей тебѣ дѣла нѣтъ; на это, говоритъ, у меня есть замки...“

Всѣ эти мѣста по исправленіи получили тотъ видъ, какъ теперь въ печатномъ текстѣ, а слѣдующій отрывокъ, дополняющій характеристику купеческаго быта, написанъ на поляхъ: «Да и что за секретъ? Кто его не знаетъ! Ограбить сиротъ, родственниковъ, племянниковъ, заколотить домашнихъ такъ, чтобы ни объ чемъ, что онъ тамъ творитъ, пикнуть не смѣли. Вотъ и весь секретъ!»

Точно такъ же оказываются позднѣйшей вставкой, написанными на поляхъ двѣ заключительныя реплики: «Борисъ. Цѣлуются. Кулигинъ. Это у насъ нужды нѣтъ».

Равнымъ образомъ и въ 4-мъ явленіи первоначально не было теперешнихъ двухъ первыхъ репликъ, а начиналось прямо съ реплики Варвары: «Знаешь оврагъ за Кабановымъ садомъ?» Первыя же двѣ реплики добавлены

впослѣдствіи на поляхъ, при чемъ первая изъ нихъ (Кулигина): «Я, сударь, на бульваръ пойду. Что вамъ мѣшать-то? Тамъ и подожду», первоначально имѣла такой видъ: «Я васъ, сударь, на бульварѣ подожду».

Всѣ эти хотя и мелкія сравнительно поправки имѣютъ одно существенное значеніе: безъ нихъ явленіе начиналось какъ-то вдругъ, ex abrupto; теперь оно неразрывно связывается съ предшествующимъ. Вотъ, напр., и дальше можно наблюдать то же самое. 1-е явленіе II-й сцены третьяго дѣйствія начинается репликой Кудряша, которая въ рукописи первоначально читалась такъ: «Посидимъ да подождемъ (садится). Да со скуки пѣсенку споемъ! (поетъ)». Сравните съ этимъ печатный текстъ: «Нѣтъ никого. Что-жъ это она тамъ! Ну—посидимъ да подождемъ (садится на камень). Да со скуки пѣсенку споемъ (поетъ)». Ясно, что преимущество на сторонѣ печатнаго текста, какъ болѣе цѣльнаго и законченнаго. Нужно замѣтить, что между первоначальнымъ рукописнымъ текстомъ реплики и ея печатнымъ текстомъ былъ еще одинъ ея набросокъ: «Никакъ я рано? Да и то рано. Ну чтожъ! посидимъ...» и т. д. Потомъ это было вновь исправлено, и только ужъ послѣ этой вторичной поправки реплика приняла свой окончательный видъ.

Примѣръ такой же медленной и постепенной обработки представляетъ ну хотя бы реплика Бориса въ слѣдующемъ 2-мъ явленіи II-ой сцены III д. Вотъ эта реплика: «Вотъ что, Кудряшъ: мнѣ бы нужно здѣсь остаться, а тебѣ, вѣдь, я думаю, все равно, ты можешь идти и въ другое мѣсто». А вотъ ея первоначальный видъ и его поправки: 1) «Я никуда больше не пойду; я здѣсь останусь; а тебѣ вѣдь все равно, ты шелъ бы куда въ другое мѣсто». 2) «Кудряшъ, мнѣ здѣсь нужно быть. Я никуда больше не пойду, а тебѣ вѣдь, я думаю, все равно, ты можешь идти и въ другое мѣсто». 3) «Вотъ что, Кудряшъ, мнѣ нужно здѣсь остаться, а тебѣ вѣдь, я думаю... и т. д. И наконецъ была еще послѣдняя поправка, дополнена характерная для рѣчи Бориса частица «бы»: «мнѣ бы нужно здѣсь остаться», и тогда только получилась реплика Бориса, которую теперь нельзя и предста-

вить себѣ въ другомъ видѣ: до того ярко отражаетъ она характеръ Бориса и до того тѣсно слилась она съ его личностью.

Другой такой же примѣръ, въ томъ же явленіи и опять-таки съ рѣчью Бориса: 1) «Послушай, Кудряшъ. Можно съ тобой говорить? Мнѣ давно нужно поговорить съ кѣмъ-нибудь объ одномъ дѣлѣ, да боюсь, чтобъ какъ не разболтали» (первоначальный набросокъ). 2) «Послушай, Кудряшъ, я съ тобой буду говорить откровенно. Можно съ тобой говорить, ты не разболтаешь?» (исправлено). 3) «Послушай, Кудряшъ. Можно съ тобой поговорить по душѣ, ты не разболтаешь?» (печатный текстъ).

Въ репликѣ того же Бориса: «Легко сказать—бросить! *Тебѣ это, можетъ быть, все равно; ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого!* ужъ я коли полюбилъ...» все напечатанное курсивомъ написано на поляхъ, а послѣднихъ словъ: «ужъ я коли полюбилъ», въ нашей рукописи нѣтъ.

Наконецъ, не останавливаясь на мелкихъ поправкахъ и вставкахъ отдѣльныхъ словъ, приведу параллельно рукописный и печатный текстъ еще одной реплики Бориса въ разбираемомъ явленіи.

(Рукоп.) „Я одинъ разъ только и былъ у нихъ съ дядей, въ церкви вижу, на бульварѣ встрѣчаемся. Ахъ, какъ она молится. Какая у ней на лицѣ улыбка ангельская. А слезы такъ и бѣгутъ по лицу. А глаза такъ и блестятъ! Плачетъ! Горе-ли у нея, радость-ли и не разберешь; и плачетъ и улыбается, а отъ лица какъ будто свѣтится".

(Печат.) „Я одинъ разъ только и былъ у нихъ съ дядей. А то въ церкви вижу, на бульварѣ встрѣчаемся. Ахъ, Кудряшъ, какъ она молится, кабы ты посмотрѣлъ! Какая у ней на лицѣ улыбка ангельская, а отъ лица-то какъ будто свѣтится".

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, рѣчь Бориса не легко давалась автору, но зато его трудъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Также 3-е явленіе представляетъ массу поправокъ. Начало его въ печатномъ текстѣ такое:

«Варвара (у калитки поетъ):

„За рѣкою, за быстрою мой Ваня гуляетъ,
Тамъ мой Ванюшка гуляетъ...

Кудряшъ (продолжаетъ).

Товаръ закупаетъ. (Свищетъ.)“.

Въ рукописи первоначально оно было гораздо проще: «Варв. Ваня. Кудр. Здѣсь! Варв. Поди сюда. (Кудряшъ подходитъ). Подожди [1]). (Кудряшу). Пойдемъ на Волгу». Потомъ уже начало было исправлено, какъ въ печатномъ.

Реплика Кудряша: «Ты что-жъ такъ долго? Ждать васъ еще! Знаешь, что не люблю!» и ремарка автора: «(Варвара обнимаетъ его одной рукой и уходятъ)», написаны на поляхъ, очевидно позднѣйшая вставка, сдѣланная, надо полагать, одновременно съ поправкой первой реплики того же Кудряша въ 1-мъ явленіи II-й сцены III-го дѣйствія (см. выше), такъ какъ поправки и тутъ и тамъ одного и того же характера.

Отмѣчу теперь дополненія въ репликахъ, главнымъ образомъ Катерины.

1) «Поди отъ меня! поди прочь, *окаянный человѣкъ!* Ты знаешь-ли: вѣдь мнѣ не замолить этого грѣха, *не замолить никогда.* Вѣдь, онъ камнемъ ляжетъ на душу, камнемъ».

2) «*Зачѣмъ ты пришелъ? Зачѣмъ ты пришелъ, погубитель мой?* Вѣдь я замужемъ, вѣдь мнѣ съ мужемъ жить до гробовой доски...»

3) «Пойми ты это: до гробовой доски» (рукоп.) «Да пойми ты меня, врагъ ты мой: вѣдь до гробовой доски».

Все напечатанное курсивомъ надписано сверху, а вотъ вставки на поляхъ:

1) «Катерина. Зачѣмъ ты моей погибели хочешь?

Борисъ. Какъ же могу хотѣть вашей погибели,

---

[1]) Это слово, очевидно, обращено къ Борису, хотя такой ремарки въ рукописи нѣтъ.

когда я люблю васъ больше всего на свѣтѣ, больше самого себя!»

2) «Бор. Никто и не узнаетъ про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалѣю!

Кат. Э! Что меня жалѣть! (Коли я) [1]) на то пошла. Не жалѣй, губи меня! Пусть всѣ знаютъ, пусть всѣ видятъ, что я дѣлаю! (Обнимаетъ Бориса.) Коли я для тебя грѣха не побоялась, побоюсь ли я людского суда? Говорятъ, даже легче бываетъ, когда за какой-нибудь грѣхъ здѣсь, на землѣ натерпишься».

3) «Кат. И то! (Еще успѣю) [2]) надуматься-то да наплакаться-то еще успѣю на досугѣ».

Въ явленіи 4-мъ написаны на поляхъ слова Варвары: «Завтра мы пораньше выдемъ, такъ побольше погуляемъ».

Въ явленіи 5 мъ также позднѣйшую вставку представляютъ слова Катерины: «Что во снѣ увидишь, скажи!» (надписаны сверху строки) и отвѣтъ Бориса: «Непремѣнно» написанъ на поляхъ.

Что касается первоначальнаго плана III-го дѣйствія, то въ общихъ чертахъ онъ остался тотъ же: было уже намѣчено, что онъ состоитъ изъ двухъ сценъ. Но нѣкоторыя явленія были потомъ исключены, какъ, напр., въ I-й сценѣ предполагалось 4-е явленіе: Варвара и Ваня, во II-й сценѣ 1-ео явл.: Варвара, Глаша и Катерина. Теперь этихъ явленій нѣтъ. Но зато введены такія, которыя раньше не намѣчались, какъ, напр., явл. 1-е: Кудряшъ одинъ, явл. 2-е: Кудряшъ и Борисъ. Предполагавшіяся 2-е явл.: Варвара и Ваня, и 3-е: Борисъ и Катерина, слиты въ одно, и, наконецъ, прибавлено еще одно явленіе, гдѣ опять фигурируютъ всѣ названныя лица.

Въ IV-мъ дѣйствіи 1-е явленіе написано почти безъ поправокъ: только двѣ мелкихъ. Во 2-мъ явленіи въ нѣсколькихъ случаяхъ вмѣсто словъ: «ваше степенство», было «сударь», да кромѣ того находимъ такія поправки:

---

[1]) Поставленное въ скобки зачеркнуто и сверху надписано: „не кто виноватъ—сама“.

[2]) Поставленное въ скобки зачеркуто.

Реплика Кулигина: «Нечего дѣлать, надо покориться! А вотъ когда будетъ у меня милліонъ, тогда я поговорю. (Махнувъ рукой уходитъ)», написана на поляхъ. Отвѣтная реплика Дикого: «Что-жъ ты, украдешь, что-ли, у кого? Держите его! Этакой фальшивый мужиченко! Съ этимъ народомъ какому надо быть человѣку? Я ужъ не знаю. (Обращаясь къ народу.) Да вы, проклятые, хоть кого въ грѣхъ введете! Вотъ не хотѣлъ нынче сердиться, а онъ, какъ нарочно, разсердилъ-таки. Чтобъ ему провалиться! (Сердито). Пересталъ, что-ль, дождикъ-то?» эта реплика въ рукописи первоначально имѣла такой видъ: «Самый фальшивый мужиченко! Не хотѣлъ нынче сердиться, а онъ, какъ нарочно, разсердилъ-таки. (Сердито.) Пересталъ, что-ль, дождикъ-то?»

Въ явленіи 3-мъ въ первоначальномъ текстѣ Борисъ уже зналъ о неожиданномъ возвращеніи Кабанова. Вмѣсто словъ Варвары: «Мужъ пріѣхалъ, ты знаешь ли это? И не ждали его, а онъ пріѣхалъ» сначала въ рукописи читалось: «Мужъ пріѣхалъ, ты вѣдь знаешь, ну просто сама не своя сдѣлалась», и отвѣта Бориса: «Нѣтъ, я не зналъ», первоначально не было: онъ потомъ уже добавленъ на поляхъ. Отмѣчу еще послѣднюю реплику Варвары:

(Рукоп.) „Сейчасъ съ мужемъ на бульваръ пошли и маменька съ ними. (Издали удары грома.) Никакъ гроза? (Выглядываетъ.) Да и дождикъ, и народъ снова идетъ. Станемъ по разнымъ угламъ, а то, пожалуй, подумаютъ что“.

(Печатн.) „Сейчасъ съ мужемъ на бульваръ пошли, и маменька съ ними. Пройди и ты, коли хочешь. Да нѣтъ, лучше не ходи, а то она, пожалуй, и вовсе растеряется. (Вдали ударъ грома.) Никакъ гроза? (Выглядываетъ.) Да и дождикъ. А вотъ и народъ повалилъ. Спрячься тамъ, гдѣ-нибудь, а я тутъ на виду стану, чтобы не подумали чего“.

О явленіяхъ четвертомъ и пятомъ мнѣ придется говорить вмѣстѣ, потому что первоначально они, повидимому, составляли одно явленіе.

Предварительно только отмѣчу слѣдующія реплики Катерины и Варвары, написанныя на поляхъ (какъ въ печатномъ текстѣ):

«Катерина. Смерть моя.

Варвара. Да ты одумайся! Соберись съ мыслями.

Катерина. Нѣтъ! Не могу. Ничего не могу. У меня ужъ очень сердце болитъ».

Послѣ реплики Кабановой: «А ты почемъ знаешь? Чужая душа—потемки», теперь идетъ разговоръ Тихона съ матерью о Катеринѣ, шутливое предложеніе Тихона женѣ покаяться, затѣмъ появленіе Бориса, страхъ Катерины, замѣчаніе Варвары съ цѣлью удалить Бориса, монологъ Кулигина о грозѣ и явленіе заканчивается репликой Бориса, уходящаго вмѣстѣ съ Кулигинымъ. Пятое явленіе начинается репликой Кабанихи по поводу словъ Кулибина, затѣмъ идутъ замѣчанія о грозѣ женщины и двухъ неизвѣстныхъ, къ словамъ которыхъ прислушивается Катерина. Далѣе слѣдуетъ разговоръ Тихона съ женой, въ который вставлены реплики Кабановой и Варвары. Между тѣмъ, въ рукописи послѣ приведенной выше реплики Кабановой написаны прямо замѣчанія о грозѣ женщины и двухъ неизвѣстныхъ, а того, что теперь читаемъ между этими двумя предѣлами, въ первоначальномъ наброскѣ не было и вмѣсто того читалось такъ:

«Кабанова. А ты почемъ знаешь, чужая душа потемки.

Женщина. Ну, все небо обложило. Ровно шапкой, такъ и накрыло.

1-й. Эко, братецъ ты мой, точно клубкомъ туча-то вьется, ровно что въ ней тамъ ворочается. А такъ на насъ и ползетъ, такъ и ползетъ, какъ живая.

2-й. Ужъ эта гроза даромъ не пройдетъ! Вотъ посмотри! Я это вѣрно знаю. Либо убьетъ кого-нибудь, либо домъ сгоритъ; потому, видишь, какой цвѣтъ необнакновенный.

Катерина (прислушиваясь.) (Меня убьетъ) [1] Что они говорятъ? Они говорятъ, что убьетъ кого-нибудь.

---

[1] Поставленное въ скобки зачеркнуто.

Каб—ъ. Такъ городятъ, зря, что въ голову придетъ.

Кат. (смотритъ на мужа. Варварѣ)[1] (мужу). Нѣтъ[2]. Тиша[3], я знаю, кого убьетъ. (Двоихъ убьетъ)[4].

Варв. (Катеринѣ тихо). Ты ужъ хоть молчи-то!»

Но потомъ авторомъ были внесены дополненія, а именно прибавлены разговоръ Тихона съ матерью о Катеринѣ, шутливое предложеніе Тихона женѣ покаяться, появленіе Бориса, страхъ Катерины, знакъ, сдѣланный Варварой съ цѣлью удалить Бориса и реплика Кулигина о грозѣ, но значительно короче монолога въ печатномъ текстѣ: «Каждый цвѣтокъ теперь, каждая травка радуются такой благодати; а мы-то прячемся, боимся, плачемъ[5] точно напасти какой! Развѣ это зло? Кабы гроза была зло, вся природа не радовалась бы».

Послѣ этой реплики идутъ сначала реплика Варвары, которая теперь въ печатномъ текстѣ какъ разъ предшествуетъ монологу Кулигина о грозѣ, при чемъ текстъ ея совершенно сходенъ съ печатнымъ, затѣмъ двѣ реплики Тихона и Катерины, которыми теперь заканчивается 5-е явленіе. Послѣ этого читаемъ: «Явл. 6. Тѣ же и Барыня». Цифра 6 поставлена, вѣроятно, впослѣдствіи: она написана нѣсколько не въ строчку съ словомъ «явл.», а выше. Такъ какъ слова «явленіе 5» помѣщены на поляхъ, гдѣ сдѣланы новыя дополненія къ уже написанному тексту 4-го явленія, то можно думать, что 6-е явленіе было написано раньше, чѣмъ сдѣланы эти дополненія, а цифра поставлена потомъ.

Итакъ, сначала, повидимому, вмѣсто двухъ явленій, 4-го и 5-го, было одно, и возможно, что еще въ это время, т.-е. до раздѣленія этого одного явленія на два, были добавлены на поляхъ слѣдующія двѣ реплики, вошедшія въ печатный текстъ, хотя и въ разныхъ мѣстахъ:

1) «Кабанова. Ты не осуждай постарше себя. Они

---

[1]) Слово „Варварѣ“ надписано сверху, но потомъ все поставленное въ скобки зачеркнуто.

[2]) Это слово зачеркнуто.

[3]) Это слово надписано сверху.

[4]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

[5]) Зачеркнуто.

больше твоего знаютъ. У старыхъ людей на все примѣты есть. Старый человѣкъ на вѣтеръ слова не скажетъ».

2) «Катерина. Онъ то еще зачѣмъ, или ему мало, что онъ погубилъ меня совсѣмъ». [1]).

Затѣмъ были сдѣланы и остальныя дополненія, и прежде всего вмѣсто краткой реплики Кулигина о грозѣ на поляхъ помѣщенъ его длинный монологъ, при чемъ въ рукописи нѣтъ начальныхъ словъ этого монолога, которыя мы находимъ въ печатномъ текстѣ: «Ну, чего вы боитесь, скажите на милость», а поправки въ немъ были сдѣланы очень незначительныя.

Потомъ читаемъ: «Явл. 5. Тѣ же безъ Бориса и Кулигина». Такимъ образомъ послѣ этихъ дополненій текстъ разбираемаго нами явленія былъ раздѣленъ на два, 4-е и 5-е, и слѣдующее, послѣднее въ этомъ актѣ явленіе стало 6-мъ, въ которомъ нѣтъ существенныхъ перемѣнъ, хотя, правда, были сдѣланы кое-какія перестановки въ монологѣ барыни, но незначительныя, а потому я на нихъ и не останавливаюсь.

Первоначальный планъ 4-го дѣйствія подвергся значительнымъ передѣлкамъ. Нѣкоторыя явленія, конечно, вошли въ окончательный текстъ, напр., 2) Борисъ и Варвара, 4) народъ и Кулигинъ, 7) Ксантиппа, но нѣкоторыя были исключены, и, наоборотъ, введены новыя. Такъ, напр., введено 1-е явленіе подъ арками, гдѣ происходитъ между прочимъ разговоръ о Литвѣ.

Намъ осталось разсмотрѣть V-е дѣйствіе.

Въ этомъ дѣйствіи въ первомъ явленіи послѣ разсказа Тихона о томъ, какъ онъ побилъ жену, больше потому, что маменька приказала, какъ таетъ Катерина точно воскъ, и какъ онъ самъ убивается, глядя на нее, послѣ этого шелъ прямо вопросъ Кулигина: «Ну, а Борисъ-то Григорьичъ, сударь, что?» Такимъ образомъ все увѣщаніе Кулигинымъ Тихона сдѣлать дѣло ладкомъ, простить жену, замѣчаніе, что пора ему жить своимъ разумомъ, а

---

[1]) Эта реплика, очевидно, замѣнила прежнюю реплику: „Я умру, если онъ не уйдетъ“, а эта послѣдняя помѣщалась передъ ремаркой: „Варвара дѣлаетъ знакъ Борису, тотъ скрывается“, а за ней шла реплика Кулигина огрозѣ.

не подчиняться во всемъ матери, все это представляетъ позднѣйшую вставку: написана на поляхъ на оборотѣ слѣдующаго 2-го листа V-го дѣйствія.

Помимо другихъ мелкихъ дополненій отмѣчу еще вставку словъ Тихона (написаны сверху строки): «Ужъ такъ тоскуетъ, такъ тоскуетъ, что ахъ! На нее-то глядя, сердце рвется. Чего-жъ вы смотрѣли-то? Давно-ль она ушла-то?»

Монологъ Катерины, составляющій 2-е явленіе, написанъ почти безъ поправокъ. Вставки только въ двухъ мѣстахъ (и тутъ и тамъ надписано сверху строки): 1) «Зачѣмъ такъ сдѣлали?» и 2) «Ничего мнѣ не надо, ничего мнѣ не мило, и свѣтъ Божій не милъ!»

Въ 3-мъ явленіи написаны на поляхъ слѣдующія реплики:

«Катерина. Ты не забылъ меня.

Борисъ. Какъ забыть, что ты!

Кат. Ахъ, нѣтъ, не то, не то! Ты не сердишься?

Бор. За что мнѣ сердиться?»

Отмѣчу еще реплику Бориса: «Ну, Богъ съ тобой! Только одного и надо у Бога просить, чтобъ она умерла поскорѣе, чтобы ей не мучиться долго! Прощай!» Первоначально вмѣсто этого читаемъ: «Ну, Богъ съ тобой! Терпи Катя! Коли живы будемъ, такъ увидимся. Я ужъ рѣшился терпѣть и буду терпѣть! Стерпится—слюбится. Потерпи и ты. Коли кто отсюда поѣдетъ, присылай поклонъ. Написалъ бы я тебѣ письмо оттуда, да недойдетъ къ тебѣ. Ну прощай». Потомъ это было зачеркнуто и на поляхъ написано вновь: «Ну, Богъ съ тобой! (Рыдая.) Будь эта женщина въ другомъ мѣстѣ и въ другой обстановкѣ, ей бы цѣны не знали!.. ...А теперь только [1]) одного (желать надо) [2]), чтобы она умерла поскорѣе, чтобы ей не мучиться долго! Прощай!»

Въ 4-мъ явленіи (предсмертный монологъ Катерины) существенныхъ поправокъ нѣтъ. Въ 5-мъ—тоже. Въ 6-мъ явленіи въ заключительной репликѣ: «Гдѣ ужъ жива! Высоко бросилась-то, тутъ обрывъ, да должно быть на якорь попала, ушиблась бѣдная! *А точно, ребяты, какъ живая! Только на вискѣ маленькая ранка и одна только,*

какъ есть одна, капелька крови» все напечатанное курсивомъ добавлено впослѣдствіи, написано на поляхъ. Въ послѣднемъ 7-мъ явленіи остановлюсь на заключительной репликѣ Тихона: «Хорошо тебѣ, Катя! А я-то зачѣмъ остался жить на свѣтѣ, да мучиться! (Падаетъ на трупъ жены.)». Первоначально она читалась такъ: «(Падая на трупъ жены.) А мнѣ, бѣдному, еще жить, еще мучиться!» Затѣмъ отмѣчу, что эта реплика добавлена впослѣдствіи, такъ какъ она написана сбоку отъ слова «Конецъ», и такимъ образомъ оказывается, что первоначально драма оканчивалась репликой Кабанихи: «Ну, я съ тобой дома поговорю. (Низко кланяется народу.) Спасибо вамъ, люди добрые, за вашу услугу. (Всѣ кланяются.)».

Итакъ, V-ое дѣйствіе драмы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дополненій, существеннымъ передѣлкамъ не подвергалось. Первоначальный планъ однако потерпѣлъ измѣненія. Первыя пять явленій плана вполнѣ соотвѣтствуютъ первымъ четыремъ явленіямъ драмы, такъ какъ 1-ое и 2-ое явленія плана въ драмѣ слиты въ одно. Далѣе предполагалась сцена Катерины и Ксантиппы, ея теперь нѣтъ. За ней должна была идти сцена: Кабановъ, Кабанова, Дикой и Борисъ. Теперь вмѣсто двухъ послѣднихъ лицъ— одно: Кулигинъ. Въ предпослѣднее явленіе по первоначальному плану входили тѣ же лица безъ Бориса и Кабанова, въ драмѣ тѣ же безъ Кулигина. Наконецъ въ послѣднемъ явленіи должны были сойтись всѣ, какъ и теперь.

Подведемъ итоги. Названная сначала комедіей, драма «Гроза» была начата въ іюлѣ (надо полагать 1859 г.), хотя задумана была, можетъ быть, и раньше, а окончена 9 октября 1859 г. Первоначальный планъ ея, сохранившійся въ рукописи № 3097, впослѣдствіи подвергся измѣненіямъ въ своихъ подробностяхъ. Согласно этому плану, драма должна была начаться съ разговора Кулигина о громоотводахъ, который какъ разъ и помѣщенъ на первыхъ страницахъ названной рукописи. Измѣнивъ этотъ планъ, авторъ пишетъ вновь 1-ое явленіе I-го дѣйствія, но, повидимому оставшись недоволенъ написаннымъ, ни-

шетъ его снова. Однако и этотъ текстъ его вполнѣ не удовлетворилъ, хотя онъ написалъ еще два слѣдующихъ явленія. Начавъ новое (ставшее теперь 5-мъ) явленіе, авторъ прерываетъ работу и пишетъ опять 1-ое явленіе I-го дѣйствія, и теперь уже работа продолжается безъ такого рода перерывовъ. Текстъ, конечно, подвергается передѣлкамъ, которыя имѣютъ цѣлью то обработать рѣчь дѣйствующихъ лицъ, то дополнить ихъ характеристику, то внести тѣ или другія подробности для болѣе полнаго изображенія жизни или для того, чтобы связать изображенное на сценѣ съ тѣмъ, что происходитъ за сценой. Въ общемъ должно сказать, что, когда авторъ приступилъ къ письму, у него характеръ его персонажей уже опредѣлился, и если онъ что дополнялъ потомъ, такъ только затѣмъ, чтобы ярче подчеркнуть тѣ или другія черты ихъ характера, которыя уже были намѣчены (мистицизмъ Катерины, ея неопредѣленный порывъ куда-то и желаніе летѣть).

Извѣстно, что Островскій часто писалъ свои произведенія по сценамъ и потомъ уже ихъ комбинировалъ. Рукопись «Грозы» между прочимъ свидѣтельствуетъ, что даже одно явленіе писалось имъ иногда по частямъ, которыя по первоначальному плану и не должны были составлять одного цѣлаго, и несмотря на это въ концѣ-концовъ цѣльность все-таки достигалась (2-е явл. II-го акта).

Послѣ того какъ драма была закончена (въ рукописи № 3242), авторъ снова пересмотрѣлъ ея текстъ, и въ результатѣ получилось нѣсколько мелкихъ поправокъ, которыя, повидимому, были внесены уже въ бѣловую рукопись, съ которой драма печаталась.

Вообще, какъ можно видѣть, «Гроза» далась автору сравнительно не легко, но зато онъ создалъ поистинѣ шедевръ, окончательно и безповоротно упрочившій его славу творца русской драмы.

XI.

„Старый другъ лучше новыхъ двухъ“.

Выше въ главѣ 1-ой я уже говорилъ, что въ отчетѣ Румянцевскаго музея за 1886—1887 гг. среди рукописей А. Н. Островскаго подъ № 3097 значится между прочимъ комедія «Старый другъ лучше новыхъ двухъ». Въ дѣйствительности же въ данной рукописи къ ней относится только одинъ листъ, на которомъ помѣщенъ планъ комедіи, да отрывочныя замѣчанія и наброски, нѣкоторые, повидимому изъ другой пьесы.

На этомъ листѣ мы и остановимъ теперь свое вниманіе.

Сначала названы слѣдующія дѣйствующія лица упомянутаго произведенія: Крупицынъ, при чемъ его имя зачеркнуто, Густомѣсовъ [сверху подписано куп(ецъ)], Крутолобовъ, Куропаткинъ. Такимъ образомъ одна только фамилія Густомѣсова вошла въ печатный текстъ.

Далѣе справа отъ дѣйствующихъ лицъ помѣщенъ слѣдующій набросокъ плана, правда, зачеркнутый:

«АКТЪ V [1]).

Сцена 1-ая. Олинька 1 и мать 2 и Гущина 3. Гущина и мать 4. Олинька и старикъ.

Сцена 2-ая. Нѣт. и Гущ(ина), потомъ сынъ, пот. Нѣт. 2) Гущ(ина) и Нѣт.—Старикъ—чиновн.

Сцена 3-я.» (Объ этой сценѣ ничего не сказано.)

Дальше идетъ такой планъ:

«ДѢЙСТВІЕ 1-е.

Яв. 1-ое. Куропатк(ина). 2. Кур(опаткина) и Гущ(ина). 3. Кур(опаткина), Гущ(ина) и сынъ. 4. Кур(опаткина) и сынъ. 5. Куропат(кина), сынъ и просит(ели). (Сначала было написано отецъ, но потомъ слово «отецъ» зачеркнуто и сверху надписано «просители»). 6. Тѣже и отецъ.

[1]) Слова „Актъ V“ вставлены, повидимому, впослѣдствіи.

«ДѢИСТВ(іе) 2-е.

1. Олинька. 2. Олинька и Т(атьяна) Ник(оновна). 3. Тѣ же и Гущина. 4. Олинька и Т(атьяна) Ник(оновна) 5. Олин(ька), Т(атьяна) Ник(оновна) и Куропат(кинъ).

ДѢЙСТВ(іе) 3-е.

1. От(ецъ) и сынъ. 2. От(ецъ) од(инъ). 3. От(ецъ) и Куропатк. (эта фамилія зачеркнута, и сверху подписано «Гвоздаревъ»). 4. От(ецъ), мать и сынъ. 5. (Тѣ-же и просит) [1]. 6. От(ецъ), м(ать). 7. От(ецъ), м(ать) и Гущин.

ДѢЙСТВ(іе) 4-е.

Сначала идутъ полторы строчки зачеркнутыя, такъ что не все можно разобрать.

[1. Олинька (одно слово не разобрано). 2. Олинька и Гущина. 3. Тѣже и мать. 4. Олин. (?) и Тат. (?)] [2]. 1. Мать. 2. М(ать) и Олинька. 3. Тѣ же и Куропат. и прос. 4. Ол(инька) и мать. 5. Тѣже и Гущ(ина). 6. Олин(ька) и мать. 7. Ол(инька), мать, Кур. и прос. (?).»

Вотъ все, что пока можетъ служить матеріаломъ для знакомства съ тѣмъ, какъ шла работа надъ комедіей: «Старый другъ лучше новыхъ двухъ».

Первоначально, какъ оказывается, авторъ задумалъ комедію въ 3 сценахъ, потомъ рѣшилъ ее сдѣлать въ 4 дѣйствія, даже въ 5, но впослѣдствіи снова возвратился къ мысли о 3-хъ дѣйствіяхъ.

Изъ именъ дѣйствующихъ лицъ вошли въ печатный текстъ Олинька, Гущина и Густомѣсовъ, другія были выброшены или перемѣнены.

Уже во время этой предварительной работы были намѣчены нѣкоторыя сцены, которыя вошли въ окончательный текстъ комедіи; это главнымъ образомъ сцены, происходившія въ квартирѣ Олиньки и ея матери, такъ, напр.,

---

[1]) Слова, поставленныя въ скобки, написаны сверху. Цифра 6 подписана снизу, цифра 7 исправлена изъ 6.

[2]) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

первыя три явленія на сценѣ I (первый планъ) и все 2-е дѣйствіе во второмъ планѣ, которое въ теперешнемъ текстѣ комедіи соотвѣтствуетъ I-му дѣйствію. Затѣмъ въ 4-мъ дѣйствіи (второй планъ), соотвѣтствующемъ печатному III-му дѣйствію, намѣчены слѣдующія сцены: явл. 2 (или 4), т.-е. сцена Олиньки съ матерью (въ печат. явл. 1), явл. 3: «Тѣ же, Куропатк. и прос.» (можетъ быть, въ печатномъ текстѣ явл. 3), явл. 5: «Тѣже и Гущина» (вѣроятно, печатное явленіе 4-е), явл. 7. «Ол(инька), мать, Кур. и прос.» (повидимому, явленіе 5-е дѣйств. III-е).

Всего больше, какъ видно, подверглись передѣлкѣ сцены въ домѣ Куропаткиныхъ (въ печатномъ текстѣ, надо полагать, Васютиныхъ), но и тутъ, оказывается, были намѣчены сцены, вошедшія впослѣдствіи въ окончательный текстъ, какъ, напр., явленіе 2-е: «Куропаткина и Гущина» (печатное явленіе 6-е, дѣйств. II). Передѣлка выразилась главнымъ образомъ въ сокращеніи сценъ, хотя были внесены потомъ такія сцены, какъ явленія 1-е и 2-е дѣйств. III. [1) Орестъ, 2) Орестъ и Анфиса Карповна]. О томъ, почему авторъ сократилъ всѣ эти сцены, можно говорить только предположительно. Быть можетъ, онѣ безъ нужды затягивали дѣйствіе, не прибавляя ничего особенно яркаго къ характеристикѣ изображенной въ этой комедіи чиновничьей семьи. Въ силу этого, вѣроятно, авторъ и выбросилъ многія сцены, сводя характеристику дѣйствующихъ сценъ къ самому необходимому, добавивъ за то двѣ сцены, въ которыя ввелъ новое лицо (Ореста) и которыя какъ разъ дополняли обрисовку бытовой стороны.

ОБЩІЕ ВЫВОДЫ.

«Семейная картина» по первоначальному плану должна была составлять одинъ изъ актовъ комедіи «Исковое прошеніе», которая однако не была закончена, и отдѣльный актъ ея получилъ самостоятельное существованіе.

Комедія «Свои люди—сочтемся», сначала названная «Банкротъ», заключала въ себѣ пять актовъ. Потомъ уже авторъ раздѣлилъ ее на четыре акта, хотя матеріалъ такъ сказать остался тотъ же: онъ только уложилъ его въ другія рамки. Такимъ образомъ первоначальный планъ комедіи былъ переработанъ. Личности двухъ главныхъ персонажей, Подхалюзина и Большова, создались далеко не сразу.

Первый планъ комедіи «Бѣдная невѣста» и ея текстъ, начатый согласно этому плану, но можетъ быть и не законченный, можно считать первой редакціей комедіи. Второй планъ и текстъ рукописи № 3097 въ законченномъ видѣ составляютъ вторую редакцію. Текстъ бѣловой рукописи, а также и печатный «Москвитянина»—третью редакцію, а текстъ изданія гр. Кушелева-Безбородко, вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательно установившійся текстъ комедіи, представляетъ четвертую редакцію комедіи.

Комедія «Не въ свои сани не садись» первоначально носила заглавіе: «Отъ добра добра не ищутъ». Въ руко-

писи встрѣчается много дополненій и поправокъ, сдѣланныхъ между прочимъ и тогда, когда текстъ уже былъ законченъ. Но несмотря на это текстъ еще разъ подвергся пересмотру, и поправки были сдѣланы вѣроятно уже въ бѣловой рукописи. Текстъ «Москвитянина», гдѣ комедія была напечатана, повидимому, не вполнѣ исправный. Дѣйствующія лица данной комедіи сложились у автора сразу.

Комедія «Бѣдность не порокъ» задумана 10 іюля 1853 г., начата 22 авг. того же года, напечатана въ 1854 г. Въ началѣ рукописи (№ 3098) она носила заглавіе: «Гордымъ Богъ противится» и предполагалась въ 2 дѣйствіяхъ, а не въ 3-хъ. Это—первая редакція комедіи. Вторую редакцію составляетъ текстъ рукописи № 3238, онъ же и печатный, хотя нужно замѣтить, что въ текстѣ названной рукописи встрѣчаются различія сравнительно съ печатнымъ текстомъ. Эти различія однако не настолько существенны, чтобы нужно было говорить о новой редакціи комедіи. Лица Гордѣя Карпыча и Мити создались у автора не сразу.

Драма «Не такъ живи, какъ хочется» была начата въ августѣ 1854 г., когда задумана, неизвѣстно. Существуетъ три редакціи драмы. Въ первой редакціи она озаглавлена: «Божье крѣпко, а вражье лѣпко», предполагалась въ 5 актахъ, но написано всего было только 1-ое явленіе да начало 2-го (I-го акта). Дѣйствіе происходитъ въ XVII столѣтіи въ одномъ изъ большихъ городовъ на Волгѣ. Вторая редакція—текстъ «Москвитянина», гдѣ драма была напечатана. Вмѣсто 5 актовъ—всего только 3, дѣйствіе перенесено въ Москву въ концѣ XVIII столѣтія. Третья редакція—это текстъ изданія гр. Кушелева-Безбородко. Отличительная особенность этой редакціи—сцена галлюцинаціи.

23 іюля 1855 г., была задумана комедія подъ названьемъ «Ученье свѣтъ, а неученье тьма». Очевидно, предполагалась она въ одномъ дѣйствіи, только потомъ уже авторъ пришелъ къ мысли о двухъ дѣйствіяхъ. 28 іюля комедія была начата, и тогда было дано ей настоящее ея заглавіе: «Въ чужомъ пиру похмѣлье». Первоначальный текстъ

комедіи былъ конченъ авторомъ, вѣроятно, къ 6-му или 7-му августа. Затѣмъ текстъ былъ пересмотрѣнъ, и въ него внесены поправки. Авторъ не мало потрудился надъ своей комедіей: не сразу далась ему рѣчь его персонажей, да и самые образы ихъ не сразу отлились въ окончательную форму.

Въ февралѣ 1856 г. Островскій задумываетъ пьесу: «Приданое. Семейныя сцены». Въ первой редакціи она состоитъ изъ двухъ сценъ. Неизвѣстно почему авторъ оставилъ драматическую обработку сюжета и принялся за повѣствовательную. Онъ начинаетъ повѣсть, которой даетъ заглавіе: «Не сошлись характерами», и которая осталась неоконченной: работа надъ ней ограничилась тремя главами. Авторъ, повидимому, долго не возвращался къ своему труду. Но разъ возвратившись къ нему, онъ быстро (13—29 ноября 1857 г.) началъ и кончилъ его. Во второй редакціи пьеса носитъ уже заглавіе: «Не сошлись характерами». Теперь лишь окончательно былъ созданъ образъ Серафимы Карповны. Обращаетъ на себя вниманіе въ рукописи присутствіе «славянщины» въ монологѣ Карпа Карпыча.

12 іюля 1855 г. была задумана драма въ 2 дѣйств.: «Воспитанница», но уже 13 іюля мысль о ней была оставлена. Только 15 апр. 1858 г. драматургъ снова возвратился къ мысли о своей пьесѣ и 14 августа того же года онъ уже приступилъ къ работѣ, а 7 декабря 1858 г., имъ была окончена пьеса подъ заглавіемъ: «Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки. (Картины деревенской жизни.)». Всѣ дѣйствующія лица пьесы сложились у автора окончательно, повидимому, уже къ началу работы, во время писанія текста вносились или выбрасывались только нѣкоторыя мелкія детали. Текстъ неоднократно подвергался передѣлкѣ, и во время такого пересмотра при перепискѣ набѣло заглавіе: «Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки» было замѣнено заглавіемъ первоначально задуманной драмы «Воспитанница».

Названная сначала комедіей, драма «Гроза» была начата въ іюлѣ 1859 г., окончена 9 октября того же года. Первоначальный планъ ея, сохранившійся въ рукописи № 3097,

впослѣдствіи подвергся измѣненіямъ. Когда авторъ приступилъ къ писанію текста, у него характеръ его персонажей уже опредѣлился, и если онъ что дополнялъ потомъ, такъ только затѣмъ, чтобы ярче подчеркнуть тѣ или другія черты ихъ характера, которыя уже были намѣчены. Вообще же «Гроза» далась автору сравнительно не легко, но зато онъ создалъ шедевръ, окончательно упрочившій его славу.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

„Исковое прошеніе“.

Комедія.

(По рукописи Рум. музея № 3097.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствующія лица.

Куп. Пузатовъ.
— жена 30. Матр. Савиш.
сестра ея[6] мужа 20. Мар. (Савишна)[6] Ант.[a]
Мать Пузатова.
Сосѣдъ куп. Ширяловъ.
Антипъ. Пар. Пар.

Въ домѣ Пузатовыхъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Матр. Сав. и Мар. Сав.[6] Антип.[a] сидятъ у окна и смотрятъ.

Мар.

Что это Дарья нейдетъ такъ долго.—Ахъ какая *скучная* [1]).

Мат.

Да ты видѣла.

Мар.

Видѣла. Сейчасъ прошли.

а) Буква а обозначаетъ, что это слово, выраженіе или цѣлое предложеніе, поставленныя въ скобки, надписано сверху, буква б, что зачеркнуто.

[1]) Все, напечатанное курсивомъ, писано чернилами или сверху строкъ, или между строкъ, тогда какъ рукопись писана карандашомъ, такъ что текстъ подвергался пересмотру по крайней мѣрѣ дважды.

Мат.

А куда прошли.

Мар.

Сначала (?) [1]) вотъ такъ прошли, а потомъ назадъ, а потомъ опять назадъ[а], да на углу-то за лавочкой у бутки (?) [а]) и остановились. Я сейчасъ же Дарью и послала, да вотъ и нейдетъ.

Матр.

[Что жъ это она въ самомъ дѣлѣ такъ долго][а] . А въ чемъ они?

Мар.

Да ужъ я сестрица[а] не ошибусь. (Михайло Ник.)[б] Чижиковъ въ сѣромъ пальтѣ, а на Зябликовѣ черный альмавива и соломенная шляпа. Что сестрица.

Матр.

Это они.

Мар.

Ахъ[а]! Чтожъ это Дарья-то *(вбѣгаетъ Дарья)*.

Дарья.

Ну мат(ушка) барыня совсѣмъ было самой[а] попалась.

Мар.

Какъ же это ты.

Дар.

Я бѣгу назадъ-то, а она[б] Степ. Трофимов.[а] стоитъ у подъѣзда, что-то дворнику показываетъ. *Ты, говоритъ* куда *это Дарья* ходила: да вѣдь *мат(ушка)—тоже* и я дѣвка-то не промахъ, за шолкомъ молъ въ лавочку бѣгала, (да сама поскорѣй къ вамъ)[б] (*а сама къ вамъ поскорѣй*)[а]. А то вѣдь[б] *(чего добраго)*[а] остановитъ пожалуй. Скажетъ ты за шелкомъ ходила, а ну покажи. Тогда куда дѣваться. Она у насъ такая[б] до всего доходитъ. Вотъ вчерась прикащикъ Петруша...

Мат.

(Чтожъ они-то)[б] (Ахъ Даша, да)[а] они-то чтожъ [2]).

---

[1]) Рукопись писана карандашомъ, кое-что стерлось и трудно или совсѣмъ нельзя разобрать.

[2]) Первоначально эта реплика читалась такъ: „Чтожъ они-то, чтожъ оно-то“. Потомъ первая половина была зачеркнута и сверху надписано: „Ахъ, Даша“, такъ что получилось: „Ахъ, Даша! чтожъ они-то“, потомъ „*да*“ надписано чернилами.

Дар.

Да. Кланяться приказали [(оглядывается кругомъ)[a] *вынимаетъ изъ-за пазухи 2 письма)*][a]. Побольше то вамъ, а вотъ поменьше то вамъ барышня. Да еще приказывали, чтобы непремѣнно говоритъ въ пятницу въ Останкино пріѣзжали,— этакъ къ вечерни, говоритъ[a]. Да ты говоритъ, *Дарья*[a] скажи, чтобы непременно пріѣзжали[a], хоть и дожжикъ будетъ все бы пріѣзжали.

Мар.

Чтожъ сестрица поѣдемте.

Мат.

Ну такъ ты Дарья бѣги опять, да скажи что молъ пріѣдутъ въ пятницу; а отвѣтъ молъ ужо пришлютъ, слышишь.

Дар.

Слушаю-съ—больше ничего.

Мар.

Да скажи, *Даша*[a], что принесите молъ какихъ-нибудь книжекъ—почитать,—бар(ышня?) проситъ.

Дар.

Слушаю-съ—больше ничего.

Мат.

Ничего.

Дар.

Ну такъ я побѣгу *(уходитъ). (Распечатываютъ пис. и читаютъ)*.

Мат.

(Ну-ка, Маша, что они намъ пишутъ)[a].

Мар.

(Ахъ сестр. что этотъ Зябл.) [1]) пишетъ (Богъ его знаетъ).

---

[1]) Эта реплика надписана сверху. Первоначально читалось такъ:

Мар.

„Что она вамъ пишетъ, сестрица.

Мат.

А тебѣ что Маша“.

Мат.

А тебѣ[6] что Маша[6].

Мар.

Да[a] вотъ что[6]. *(Читаетъ).* „Невинный Ангелъ Марья Антиповна. Какъ часто ночью, когда луна, царица ночи, плаваетъ по горизонту, я мечтаю объ васъ обожаемое существо. Когда сердце тоскуетъ, и душа покрыта печалью, я вспоминаю ваши черты и какъ бы въ туманѣ вижу вашъ образъ". Ужъ это я и не знаю, что такое. Да и дальше-то (что-то мудрено)[6]. „Вашъ образъ какъ лучезарное свѣтило въ эфирномъ пространствѣ". [Что это сестрица. (Богъ его знаетъ, что это онъ пишетъ)[a]][6]. Никакъ не поймешь. (Вотъ всякій разъ такъ)[a]. Можетъ быть онъ это на смѣхъ подымаетъ.

Мат.

(Ужъ не знаю что такое) [1]). Маша что ты! (Это онъ ужъ такъ отъ сильнаго чувства [2]).

Мар.

А вотъ и стишки на концѣ.

Матр.

Ну ка прочти.

Мар.

Стонетъ сизый голубочикъ...

Мат.

(Ахъ, Маша,)[a] какія чувствительныя!

Мар. *(смотритъ въ окно).*

Сестрица, душечка, ну а *вамъ* что *Чижиковъ* пишетъ.

Мат. [3]) *(чит. вслухъ).*

Другъ души моей, Мат. Сав., пріѣзжайте въ пят. въ Останк. хотя вы и говорите...

Мар.

Сестрица, сестр. идутъ. *(Обѣ высов. въ окно и кланяются).*

---

[1]) Это предложеніе было написано сбоку на свобсдномъ мѣстѣ.

[2]) Поставленное въ скобки вставлено потомъ.

[3]) Слѣва сбоку написаны другимъ почеркомъ: „Чит. про себя. Мар. смотр. въ окно".

Мар.

Сестрица, оглянулся.

Мат.

Ты Маша[а] не очень высовывайся, а[б] то Пяткины[б] Лопатиха[а] увидятъ; старуха-то ужъ и то замѣчать начинаетъ. Что тогда Маша.

Мар.

Бѣда сестрица.

Мат.

Ахъ Маша какая бѣда-то.

Мар.

Въ переулокъ поворотили (*отходятъ отъ окна, вздыхаетъ*). (Чтожъ сестр. вы давеча читать начали)[б].

Мат.

[Да (чит.)][б] [Ну ка Маша, ты побойчѣе моего читаешь-то. Что это такое вотъ не разберу (*читаетъ*)][а]. Хотя вы и говорите, что мужъ вашъ очень ревнивъ, но неужели онъ такой — такой — вотъ ужъ[б] это (не разберу — посмотри-ка *Маша*)[б] (какое-то нехорошее слово)[а].

Мар. (*читаетъ*)[б].

Что это такое[б] Атилла — нѣтъ Ателла, кажется[а], или Атилла, ужъ право (не разберу)[б] не знаю[а], а вотъ мы сестр. въ пят. спросимъ—что это такое. (Ну а дальше сестрица что)[а].

Мат. (*читаетъ съ разстановкой*).

„Неужели онъ такой Атилла, что васъ не пуститъ въ Останкино. А мнѣ нужно васъ видѣть непремѣнно, вы знаете мое положеніе и какъ мнѣ нужны“... Ну, *Маша*[а], ужъ это наши дѣла. Поди напиши что-нибудь Зябликову-то, (пока А. А. не пріѣхалъ)[а] надо уже послать. (*Уходитъ*).

Матр. (*садится къ столу*).

(Что-то онъ пишетъ)[б]. „Какъ мнѣ нужны“, ну ужъ это знаю. (Да привезите мадеры. Зябликовъ очень любитъ)[а]. Да Зябликовъ говоритъ, что онъ больше не пойдетъ со мной. Мнѣ говоритъ надоѣло таскаться каждый день. Твое, говоритъ, другое дѣло, а я изъ-за чего хожу,—поглядѣть на Мар. Ант. говоритъ[а] не велика благодать. Хоть гов(оритъ)

она пишетъ: „Мой Ангелъ—мое блаженство“,—а какъ сойдемся—такъ только у ней и разговору, какія ея маменька варенья варила, да сколько огурцовъ посолила. [Да говоритъ она должно быть вовсе дура. Вы М. С. этого письма пожалуйста ей не показывайте)[а]. Мало-ли, говоритъ, что они пишутъ—Вонъ она[б] Мар. Ант.[а] во всякомъ письмѣ пишетъ: твоя по гробъ моей жизни, а того гляди, что за какого-нибудь бородача выдетъ замужъ. Это говоритъ они нашего брата только по губамъ мажутъ.—Баловство говоритъ одно, а не любовь. А все отъ того, что имъ дѣлать нечего (въ рук. ничего), Сидятъ разодѣвшись съ утра до вечера у окошка. Такъ это говоритъ они отъ скуки записочками и занимаются. (Конечно твое дѣло другое)[а]“. Вотъ бѣда-то!—ну какъ въ самомъ дѣлѣ онъ не пойдетъ больше—что мнѣ тогда съ Марьей-то дѣлать—она меня просто съѣстъ. [*Такое наказаніе—право, навязалась эта дѣвчонка на шею*)[а]. Хоть бы ее поскорѣй замужъ выдать за кого-нибудь. (*задум., потомъ пишетъ*) Скажите Зябликову, чтобы онъ походилъ *съ вами*[а] еще немножко, можетъ быть молъ за тебя[а] и замужъ отдадутъ—вѣдь у нея 50 т. денегъ. (А то)[б] (А коли не пойдетъ такъ)[а] сыщите кого-нибудь другого. А то и мнѣ нельзя будетъ изъ дому отпроситься ни на минуту—повидаться съ тобой, мое блаженство: она *тогда*[а] все перескажетъ мужу (*пишетъ тихо (?) и потомъ запечатываетъ*).

Мар. (*входитъ, запечатываетъ*).

Послушайте [1]) сестрица, *что* [1]) я написала Зябликову[а]: [что пусть лучше стѣны монастырскія][б].

Дар. (*вбѣгаетъ*).

Самъ пріѣхалъ. Самъ пріѣхалъ (*беретъ у нихъ письма*). Гол(осъ?) Жена, а жена, *Мат. Сав.*

Входитъ.

Мат.

Ну[а] что *тамъ*.

Пуз.

Здравствуй (*ха-ха, а ты думала и Богъ знаетъ что*)?[а] (*цѣлуются*). Поцѣлуй еще (*зашрываетъ*).

---

[1]) Слова: „послушайте“ и „что“, надписанныя сверху чернилами, потомъ зачеркнуты.

Мат.

Полно дурачиться-то (перестань)[а] *(Э, какъ тебѣ не стыдно)*[а].

Куп.

Да поцѣлуй еще.

Мат.

Ахъ отстань ради Бога.

Куп.

Уважь *(цѣлуются)*. Ай да жена, (вотъ люблю)[а], ай да Мат. Сав.—Знаешь-ли что Мат. Савиш.

Мат.

Что еще?

Куп.

Хорошо-бы теперь чайку выпить-съ[а] *(садится на диванъ и отдувается)*.

Мат.

Дарья.

Дар.

Что прикажете?

Мат.

Давай самоваръ, да спроси ключи у Степ. Трофимовны.

Дар.

Сейчасъ (*уход.*).

[Куп. (грозно).

Жена, а жена.

Мат.

Что еще.

Шир.

Поди сюда. Говорятъ тебѣ—поди сюда.

Мат.

Да что ты очумѣлъ што-ли?

Шир.

Что я съ тобой и—сдѣлаю.

Мат.

Да что съ тобой?

Шир.

А испугалась, ха. Нѣтъ Матр. Сав. это я такъ шутки шучу.—Чтожъ чайку-то-съ.

Мат.

Сейчасъ] [1],

(К(упецъ?) *сидитъ, сопитъ и утир. платк.*).

Ст. Тр. *(вход. и Дарья несетъ самоваръ).*

Вотъ[а] пострѣлъ какой[б] прости Госп. (*Ну* что ты)[а] бѣжишь-то[а] сломя голову [(видишь ли ты)[а] чай кушать пожалуйте][б], вѣдь надъ нами не каплетъ, эка угорѣлая дѣвка! Да ужъ и ты то отецъ мой, никакъ съ ума спятилъ. Который ты[а] разъ чай то пить принимаешься—дома два раза пилъ, да чай въ городѣ то нахлебался—*досыта* [2]).

К(упецъ).

(*Т.-е. не то что досыта, а*)[а] пилъ, матушка, пилъ. [Чтожъ, ничего! Что за важность! Не хмѣльное. Вотъ съ Брюховымъ][а] ходили. Ходилъ съ *Савой Савич. Вамъ мат(ушка) Сав. Сав. кланяться приказалъ*[б]. (Отчего съ хор(ошимъ) чел(овѣкомъ) чайку не попить)[а]. (Какъ забрались, такъ съ компаніей ходили человѣкъ 12-ть)[б]. (Да вотъ послѣ обѣда)[а] (ходили на 7 руб. чаю выпили, вдругъ хахаха)[б]. А я матушка нынче Брюхова-то рублевъ на 1000-чку оплелъ.

Ст.

Ужъ гдѣ тебѣ, мое дитятко, самого-то тебя чай кругомъ надуваютъ[б] обманываютъ[а]. У васъ только и дѣло что брюхо наливать. [Грѣшный человѣкъ, сама люблю чайку выпить, а ужъ не по 8-же разъ][а]. Никакого-то, какъ я посмотрю, у васъ порядку нѣту. [Ужъ *вы и меня-то* съ пути сбили][а]. По утру самоваръ со стола не сходитъ до 11-ти часовъ,—сначала молодцовъ напоишь—въ городъ отпустишь, потомъ ты, родимой[а], подымаешься,—тебя-то[а] скоро-ли ублаготворишь, (потомъ барыня-то твоя)[а]. Не то что къ обѣдни сходить,

---

[1]) Все это мѣсто, поставленное въ квадратныя скобки, написано карандашомъ на отдѣльномъ листкѣ.

[2]) Начиная съ словъ „чай нахлебался досыта“ и кончая словами „...брюхо наливаете (пауза). Охъ Никакого-то“..., все это мѣсто написано вновь чернилами на томъ-же отдѣльномъ листкѣ, гдѣ текстъ даннаго мѣста совершенно сходенъ съ печатнымъ.

(*вы и*)[а] лба-*то*[а] перекрестить некогда[б] (*не дадите*)[а]—прости Госп. Какъ бы жилъ ты, *Антипушка*[а] по старинѣ-то, какъ порядочные люди живутъ—всталъ-бы ты въ 4 часа за хозяйствомъ бы посмотрѣлъ, на дворѣ поглядѣлъ бы и все такое, и все какъ слѣственно: къ обѣдни бы сходилъ, *голубчикъ*[а], да и хозяюшку-то свою поднялъ бы: „вставай молъ, полно нѣжиться-то, пора за хозяйство приниматься. (*Да таки и хорошенько* бы)[а]. Что смотришь-то на меня, правду говорю Мат. Сав. правду.

Мат.

Ужъ вы теперь начнете!

Ст.

Ахъ, мать моя—да вѣдь мной только домъ-то и держится! [Васъ не учить, такъ добра не видать][а]. Ужъ не тебѣ ли хозяйкой быть, *сударыня*[а]. Встанешь-то ты, стыдно сказать, а грѣхъ утаить въ 11-мъ часу, а я-то тебя за самоваромъ *изволь*[а] дожидаться, [а я, суд(арыня), постарше тебя—*такъ-то-съ*][а]. Больно барственно, Матр. Сав., (больно барственно)[а]. А[б] ужъ ты какъ не финти, а барыней не бывать, голубушка ты моя!—все-таки купчиха. *Это*[а] разрядится, мантиліи да билиндрясы разныя навѣшаетъ на себя, растопырится—прости Господи; распуститъ хвостъ-то какъ павлинъ; [фу ты, прочь поди, такъ и шумитъ][а]. А ужъ ты, *Мат. Савишна*[а], какъ ни крахмалься,—а все-таки не барыня—тѣхъ-же щей да пожиже влей.

Мат.

Чтожъ не въ платочкѣ-же мнѣ ходить—*и то сказать.*

Ст. Тр.

А ты, сударыня, своимъ званіемъ не гнушайся!

Куп.

Чтожъ отъ чего не рядиться, коли есть во что. Ужъ будто только однѣ бар(ыни) и рядятся. Ничего можно. Да она у меня какъ разр(ядится) такъ лучше всякой барыни, *вальяжнье право.* Вѣдь, *мат(ушка)* все мелочь, *ха-ха* сухія да поджарыя, взглянуть не на что [1]). А она у меня нечего

---

[1]) Начало этой реплики помѣщено здѣсь въ исправленномъ видѣ. Первоначальное его чтеніе было такое: „Что вы матушка, какая она барыня!—Развѣ такія барыни-то бываютъ. Сухія да поджарыя, мелочь такая, что взглянуть не на что, рѣдко которая поосанистѣй выбирается. *Ужъ развъ Генеральша какая.* А она у меня...“ и т. д.

грѣха таить, таки тово; есть таки кое что—этакъ изъ мягкаго, ха-ха-ха.

Мат.

(Ну *ужъ ты*)[а] Антипъ Антипычъ, заврался *кажется*[а].

Мар.

Какъ вамъ братецъ не стыдно такъ конфузить.

Ст. Троф.

Знаю я, голубчикъ, знаю *(Да вотъ)*[а] какъ съ тобой вмѣстѣ-*то* выѣдетъ она куда-нибудь, разодѣнется—*(то знаешь ли)*[а], да перо-то на сажень распуститъ, то-то чай бѣдная думаетъ: „эко дескать *горе мое*[а] мужъ-то у меня пузатый да бородастый какой, а не фертикъ какой-нибудь раздушеной да распомаженой.

Куп.

Чтобъ она меня молодца такова, да промѣняла на кого-нибудь,—красавца-то этакаго, (ха-ха-ха, да она меня сейчасъ поцѣлуетъ, коли на то пошло)[б] *(разлаж. усы)* ну-ка Мат. Сав. поцѣлуй*тесъ*[а]. (А то что вы мат(ушка) говорите тамъ?)[б]. *Мат. Сав. цѣлуетъ съ притворн. нѣж.*

Ст. Троф.

Эхъ дитятко врагъ-то силёнъ.—[Мы съ покойник. жили не вамъ чета, гораздо таки полюбовнѣе, да все-таки онъ меня въ страхѣ держалъ, царст. ему неб. Какъ ни любилъ, какъ ни голубилъ, а въ спальнѣ на гвоздикѣ плетка висѣла на всякій случай] [1]).

Матр.

Ужъ вы, маменька, Богъ знаетъ что выдумаете! Вы (меня до слезъ)[б] доведете, *до того что опять истерика сдѣлается.*

Ст. Троф.

Ты матушка *и*[а] не говори лучше. А то я *и*[а] еще кой-что знаю, мнѣ Лопатиха-*то*[а] сказывала. Да ужъ это я къ случаю берегу все въ кучку коплю. [Я бы и не сказала, мнѣ по-

---

[1]) Поставленное къ квадр. скобки добавлено потомъ. Имя „Матр.“ приходится между словами: „любилъ, какъ ни голубилъ“. Да и строчки помѣщены гораздо тѣснѣе.

жалуй, Богъ съ вами, живите, какъ знаете, свой разумъ есть] [1]).

Куп.

(Полноте, мат., что вы насъ съ женой-то обижаете)[б].

Ст. Троф.

Да вотъ[а] вы у меня и[б] Машутку-то избаловали совсѣмъ.

Куп.

А что Маша, хочешь я тебѣ жениха найду.

Ст.

Давно бы тебѣ пора, *сердешный*[а], хватиться, *а*[а] то (она у насъ ужъ на)[б] *(ты кажется и забылъ, что у тебя сестра дѣвка на)*[а] возрастѣ, (что ей въ дѣвкахъ-то сидѣть)[б].

Мар.

Что вы, маменька, (я еще молода)[б] *все на возрастъ, да на возрастъ. Мнѣ не Богъ знаетъ сколько.*

Степ.

Полно модничать-то, сударыня! Я по четырнадцатому году замужъ вышла, а тебѣ вѣдь, стыдно при людяхъ сказать, 20 годовъ [2]).

Куп.

Хочешь, Маша, Косолапова[а] посватаю.

Мар.

Ахъ, бр(атецъ), да отъ него и въ мясоѣдъ всегда лукомъ пахнетъ, а въ постъ-то такъ просто ужасть.—Такой противный.

Куп.

Ну у[б]. Голопятова.

Мар.

Да вы бр(атецъ) это нарочно мнѣ все урод(овъ) навязываете.

---

[1]) Поставленное въ квадр. ск. добавлено потомъ: отчасти написано между слов. „Куп.“ и зачеркнутой репликой: „Полноте, мат...“.

[2]) Повидимому, эта реплика вставлена впослѣдствіи: написана сбоку.

Куп.

Что-жъ ничего. Хорошіе женихи, Маша, хорошіе, ха-ха-ха. Важные женихи [1]).

Мар.

Да это вы все на смѣхъ [2]).

Ст.

[Да ты *полно* (*А. А.*) *зубы-то скалить, я дѣло говорю, что балясничать-то? А ты, сударыня*][6] не бойся! женихи найдутся, любова выбирай, ты у насъ вѣдь не голь Сарат(овская), невѣста съ прид(анымъ).—Только за благороднаго не отдамъ, ты и не думай и не воображай себѣ.

Куп.

Ужъ будто, мат(ушка), промежду благородныхъ-то и путныхъ нѣтъ совсѣмъ. Нѣтъ, чтожъ.—Бываютъ.

Степ.

Какъ бат(юшка) не быть, во всякомъ сословіи есть. Да ужъ всякому свое.—Отцы-то наши не хуже насъ были, да въ дворяне не лѣзли.

Куп.

[Да тогда, мат(ушка) не то время было. А теперь дворяне то такъ и ищутъ, гдѣ бы купчиху подцѣпить,—не брезгаютъ][6]. [Чтожъ отъ чего за благород(наго) не отдать. Ничего. Можно. Что за важность][a].

Ст.

Хорошій-то, который пос(олиднѣе)[6] тепеннѣе[a]—не возметъ, тому надо мало-мало 100-тню тысячъ, а то 2 либо 3, ну а другіе-то прочіе изъ мѣлкихъ-то такъ хоть бы ихъ и не было совсѣмъ. Только что чванится собой, да благородствомъ-то своимъ похваляется: „я де-благородный, а вы мужики“,—а самъ-то вѣдь голь какая-нибудь, такъ[a] выжега, (прости Господи)[a]. Знаю я ихъ. Вотъ У[6]. Лопатиха[a] за благороднаго отдала, не спросясь добрыхъ-то людей, а я еще тогда самой-то говорила: „Ехъ, Максим(овна), не садись, молъ[a], не въ свои сани, вспомнишь ты меня—да поздно будетъ“. Такъ чтожъ: „я, говоритъ, дѣтищу своему не врагъ,

---

[1]) Эта реплика вставлена впослѣдствіи.
[2]) Тоже.

хочу говоритъ, какъ (лучше сдѣлать)[б] (все къ лучшему)[а] все-таки, говоритъ, благородный, а не купецъ, можетъ и дослужиться и въ чины произойти. Да вотъ теперь близко локоть-то, да *(нѣтъ, сударь)*[а] не укусишь. Деньжонки-то, что дали, которыя пропилъ, которыя въ картишки проигралъ, *сердешный*. Я и на свадьбѣ-то была, банкетъ такой сдѣлали упаси Господи. Покажите говорю жениха-то, чтожъ сударь ты мой вотъ какъ теперь гляжу: маленькой да гнусненькой такой, да фрачишко-то на немъ этотъ натянутъ коротко-хвостый, весь *это*[а] какъ облизаный (сударь ты мой) [1]), да вертится-то[б] прости Господи, какъ бѣсъ какой, на мѣстѣ не посидитъ, совсѣмъ и[а] на жениха-то не похожъ, чужой человѣкъ и не узнаетъ, (право[б] *ей Богу*), не узнаетъ)[а]; только фалдочки трясутся. Тутъ я и подумала, знать, молъ, вы, сердешные, хуже-то не нашли. Да нечего и говорить—всякой знаетъ. Ну положимъ такъ не всѣ же пьяницы попадется и трезвый человѣкъ,—такъ онъ тебя таба(комъ)[б] (чищемъ однимъ)[а] изъ дому выкуритъ, либо грѣшное дѣло, по постамъ скоромное лопаетъ (плюетъ). Фу ты мерзость какая, прости Господи. Тамъ кто ихъ знаетъ, можетъ они по службѣ-то своей у должности-то (то-есть)[а] и хорошіе люди дѣльные, да намъ то, (сударь ты мой)[а] дѣло не подходящее. То ли дѣло, *Маша*[а], купецъ-то *хорошій*[а], (умный попадется, такъ тебѣ же Маша за умнымъ жить хорошо, ну а плохонькой—такъ... [2])][б].

Шир. (вѣроятно описка).

[Знаешь-ли Маша, гладкій да румяный, (вотъ какъ я)[а], ужъ и любитъ-то есть что, не то что стрекулистъ какой-нибудь чахлой][а].

Куп.

[Ехъ, мат(ушка), да ужъ и купц.-то нынче хорошихъ-то маловато, всѣ на перечетъ—а ужъ про молод. и говоритъ нечего][б].

[Чтожъ! и за купца можно, отъ чего не пойти[б] *отдать*[а] дѣло хорошее][а].

Ст.

Нечего грѣха таить—годъ отъ году народъ портится, (а все таки)[б] а все не безъ добрыхъ людей. Вотъ недалеко хо-

---

[1]) Эти слова надписаны сверху, но потомъ зачеркнуты.
[2]) Два или три слова здѣсь не разобраны.

дить, сосѣдъ. Пар. Пар. рѣдк(ій) человѣкъ, примѣрный купецъ [1]).

Куп.

Только ужъ больно плутъ.

Ст.

[*Ахъ, батюшки, да*][a]. [Не такимъ-же рохлей быть какъ ты мой родной][б]. Да и[б] чѣмъ-же онъ плутъ, [*скажи пожалуйста*][a]. Каждый праздникъ онъ въ церковь ходитъ; да придетъ-то онъ[б] раньше всѣхъ, передъ каждымъ образомъ свѣчку поставитъ, изъ церкви пойдетъ всѣхъ нищихъ одѣлитъ. Посты держитъ (*великимъ постомъ*)[a] [первую недѣлю съ масломъ не ѣстъ][б] и чаю не пьетъ [*съ сахаромъ—все съ*

---

[1]) Между строками этой реплики карандашная замѣтка: „перед(ѣлать)“. И на извѣстномъ намъ отдѣльномъ листочкѣ чернилами написано въ дополненіе къ данному мѣсту слѣдующее:

„Такъ то[б] (что-ли)[a], Маша. А...[a].

М.

Да (полноте чт.)[б] перестаньте.

А. А.

Мат. Сав. (такъ что-ли)[б] (вѣдь правду я говорю)[a].

М. С.

Ужъ ты наладилъ одно и то же.

Ст. Т.

Чтожъ М(аша) извѣстное дѣло ужъ[a] и приласкать есть кого.

М. А.

Ахъ, маминька, да что вы ей Богу. Я уйду. Пойдемте сестрица. (уходятъ).

Ст. Т.

Стыдно стало, дѣло дѣвичье,—(подвигается, вполголоса)[a]. А вотъ Ан—шко мнѣ кума Трофимовна[б] Терентьевна[a] сказывала Пар. Пар. жениться задумалъ. Вотъ упускать-то не надо. Чтожъ признаться сказать, онъ хоть и старенекъ и вдовой,—да денегъ-то А. больно много, куры не клюютъ. Ну да и человѣкъ-то степенный, набожный, примѣрный купецъ, въ уваженіи“.

Передъ словами: („подвигается, вполголоса“), поставлены иниціалы А. А.—очевидно, въ этомъ мѣстѣ должно вставить реплику Антипа Антипыча, находящуюся въ основномъ текстѣ, а не на листкѣ: „Чтожъ! и за купца можно, отъ чего не отдать, дѣло хорошее“, какъ это мы и находимъ въ печатномъ текстѣ.

медомъ либо съ изюмомъ. Такъ-то, голубчикъ]а не то что ты. А если и обманетъ кого, такъ что за бѣда, не онъ первый, не онъ послѣдній, человѣкъ коммерческій. Тѣмъ *Антипушка*а и торговля-*то* держится. *(Не даромъ*б помимо)а пословица-*то*б говорится: не обманешь, не продашь.

Куп.

[Эхъ мат(ушка) я не про то]б. Чтоа говорить. Отчего этакъа не надуть пріятеляа, коли рука подойдетъ, да ужъ (вѣдь надо и совѣсть знать)а [мат(ушка) вѣдь иногда и совѣсть зазритъ] [1]. *Право слово и смертный часъ вспомнишь.* Я и самъ коли гдѣ трафится, такъ не хуже его (дѣло-то обдѣлаю)б [мину-то подведу]а, да вѣдь я и скажу потомъ *(право скажу)*б. Вотъ молъ я тебя такъ и такъ помазалъ маненько. Вотъ въ прошломъ году Саву Савича (при рощотѣ)а (тысячки на $1^1/_2$) *(рубликовъ на 500-тъ)*а поддѣлъ. Да вѣдь я послѣ сказалъ ему: „вотъ, молъ, Сав. Сав., промигалъ-ты ($1^1/_2$ тыс. руб.)б *полтысячки*а, да ужъ теперь, братъ, поздно говорюа (мертвыхъ съ погосту не носятъ)б (*а ты молъ не зѣвай*)а. Посердился немножко, да и опять пріятели. (Что за важность. А вотъ недавно)а нѣмца тоже[б] Карла Иваныча рубликовъ на 300 нагрѣлъ. Матр. Сав. тряпья разнаго у него изъ маг(азина) забирала, [да легко-ли сказать 1000-чи на 2 набрала]б, [*а онъ мнѣ щетецъ-то и выписалъ* 1000-чи въ 2]а.

[Мат. Сав.

А тебѣ жалко. Стыдно, Антипъ Антипычъ, я не хуже другихъ]б.

Ст. Тр. *(этихъ инициаловъ въ ркп. нѣтъ).*

Что ты говоришь! какова!

Куп.

[Да не то, дурочка, чтобы мнѣ для тебя жалко было. Такъ ему]б. [*Чтожъ! Ничего! что за важность. Пусть щеголяетъ. А вотъ я думаю (неужели молъ)*а *нѣмцу*]а всѣ деньги иб отдать.—какъ же *молъ*а не такъ, нѣтъ-съ, жирно будетъ. (Да и немного)б [*Вотъ и*]а не додалъ-тоб ему руб. 300 съ небольшимъ, остальные говорю, мусье, *братъ* потомъ. Харашо, говоритъ, харашо, (какъ и путный)а, да (потомъ, сударыня

[1]) Сначала эта фраза была исправлена такъ: „да вѣдь надо не всякого“, а потомъ уже она приняла окончательный видъ.

ты моя)[а] и началъ приставать *(этотъ нѣмецъ*[а]*)*[б]: какъ встрѣтится такъ прямо[б] (только и словъ у него)[а]: а чтожъ деньги, надоѣлъ *(нѣмецъ*[а]*)*[б] до смерти. Какъ-то подъ сердитую руку подвернулся [*этотъ нѣмецъ*][а]: „чтожъ, говоритъ, деньги, какія говорю деньги, я тебѣ *братъ*[а] отдалъ давно и отстань ты отъ меня Христа ради. Какъ[б] (Вотъ и)[а] взбѣленился [1]) мой Нѣмецъ: это, говоритъ, купцу не хорошо, это говоритъ фальшъ. У меня, говоритъ, въ книгѣ записано. А я говорю; да ты чортъ знаетъ что тамъ въ книгѣ-то напишешь, тебѣ все и плати. Такъ, говоритъ, Рускій [2]) купецъ дѣлаетъ, нѣмецъ никогда, я говоритъ въ судъ пойду. [*Вотъ и толкуй съ нимъ*][а]. Поди, я говорю, не много возмешь. Потащилъ въ судъ, чтожъ мат(ушка), отперся, (право отперся)[а], говорю знать не знаю, я ему заплатилъ [чтожъ такое, что за важность][а]. [А вѣдь послѣ какъ вышли изъ Суда-то, я ему говорю, я вѣдь мусье помню знаю, что я тебѣ не отдалъ; такъ что-же, говоритъ, ты Судей-то[б] обманулъ;] [3]) да деньги, говорю[б] братъ нужны. Выругалъ какъ-то по своему да съ тѣмъ и пошелъ *(всѣ см. и онъ съ ними)*[б] *(смѣются оба)*[а]. А то всѣ ему и отдать, да за что это, [нѣтъ ужъ это опосля честь будетъ][а] Они тамъ (съ васъ)[б] ломятъ цѣну какую хотятъ, (а вы)[б] *а*[а] имъ съ дуру-то и вѣрятъ [4]). И въ другой разъ тоже сдѣлаю, коли векселя не возметъ. Такъ я, мат(ушка)[а], вотъ какъ. А Ширяловъ-то, [*да это хуже жида*][а], отца родного готовъ надуть,—*право*[а], такъ *вотъ*[а] въ глаза и смотритъ; у него *ужъ*[а] и сердце не на мѣстѣ, коли онъ не обманулъ кого-нибудь. Когда въ компаніи соберемся *гдѣ-нибудь*[а], такъ онъ то[а] того отведетъ къ сторонкѣ, то другова, да на ухо шепчетъ да цалуетъ, (то другова) *(да голубчики, да любезные)*[а], такъ размазываетъ, какъ отецъ и благодѣтель: а тутъ то за карманъ и держись. Вотъ у меня за нимъ зашло 1000-чъ 5, [разъ 10 говорилъ ему][а], разочтемся, говорю[б], Пар. Пар., а онъ тутъ тебѣ и начнетъ штуки разныя подводить, да на ухо шептать что-нибудь, либо хи-хи-хи,

---

1) Исправлено изъ „взбѣленится“.

2) „Рускій“ переправлено изъ „Руска“.

3) Поставленное въ квадр. скобки зачеркнуто. Между строками чернилами написано: „Ужъ что съ этимъ нѣмцемъ смѣху было, такъ бѣда. Вотъ идетъ изъ суда нѣмецъ-то и говоритъ: ты говоритъ судей обманулъ; это говоритъ безчестно. (Ишь ты какой ловкій)... говорю знаю, я бы тебѣ и отдалъ К. И., да деньги говорю братъ нужны. Наши-то рядскіе такъ животики и надорвали со смѣху“. Кое-что здѣсь зачеркнуто.

4) Исправлено изъ „вѣрите“.

да смѣхи разные, *(да вотъ цѣлуетъ тебя)*[а]—такъ и замнетъ. Вотъ коли къ празднику не отдастъ, судиться стану.

Ст.

Эхъ, голубчикъ не судись, лучше такъ какъ-нибудь помирись.

Входитъ Шир(яловъ).

Куп.

А! Пар. Пар., здравствуйте почтеннѣйшій.

Шир.

Здрав(ствуйте) (честная компанія)[б] любезные[а], Ант. Ант., здрав(ствуй) голубчикъ[а], *(цѣлуются)*. Мат(ушка) Ст. Тр. здр(авствуйте) *(цѣлуются)* [Матр. Сав. Мар. Ант. здрав.[а] (наше почтеніе)[а]][б]. *(кланяется)*.

Куп.

Садись Пар. Пар.

Ст.

Садитесь батюшка.

Шир. *(садится)*.

Какъ поживаете Ст. Тр.

Ст.

Плохо, батюшка, старость приходитъ, Васъ какъ Богъ милуетъ.

Шир.

Что мат. Ст. Тр. на прош(лой) недѣлѣ [такъ было][б] [притча сдѣлалась — такъ][а] схватило, что боже упаси. Испугался шибко,—больно перепугался. Этакъ, сударыня ты моя, ломъ въ костяхъ сдѣлался. [Вотъ такъ тебѣ][а] каждую косточку больно, [каждый суставчикъ, *коробитъ, сударыня ты моя, да и только*][а]. А пуще-то, мать ты моя, поясницу схватило.

Ст. Тр.

Дѣло немолодое—батюшка.

Шир.

[Я туда—сюда, такъ—сякъ, нѣтъ, сударыня ты моя][а] отпуститъ этакъ немножко, (суд. ты моя)[а] да опять схватитъ, даже сердце щемить начало [1]).

[1]) Конецъ реплики исправленъ такъ: „даже подъ сердце подкатило“.

Ст.

А, батюшки!

Куп.

Да ты Пар. Пар. не хватилъ-ли гдѣ этакъ черезъ силу съ пріятелями.

Шир.

Нѣтъ, отецъ ты мой, больше мѣсяца ничего не пилъ [1]) въ ротъ не бралъ Ст. Тр., (т.-е. не то, чтобы)[a] бросилъ совсѣмъ, [а такъ погожу моль маленько. А зароку не давалъ, нельзя, мат(ушка), человѣкъ слабъ.

Ст. (инициаловъ въ ркп. нѣть).

Что говорить бат(юшка)])[2].

Шир.

А я такъ, любезные[a], думаю, простудился молъ[a] я, какъ-нибудь потный на улицу што-ли[a] раздѣвшись вышелъ, либо въ саду гуляешь въ рубашкѣ вечеромъ.

Ст. Тр.

Долго-ли (до грѣха)[a], бат. долго-ли—чайку не хотите-ли Пар. Пар.

Пар. Пар.

(Покорно благодарствуйте)[a]. Сейчасъ пилъ, мат., сейчасъ пилъ.

Ст.

Выкушайте бат(юшка).

Куп.

Съ нами-то за кампанію.

Шир.

Плошечку пропустить можно. [Только мат. сахар. не клади?] [3]).

Ст. наливаетъ, Шир. бер(етъ), пьетъ и продолжаетъ). Чтожъ сударыня ты моя, какое я средствіе избралъ. Что,

---

[1]) „Пилъ“ исправлено изъ „пью“, „бралъ“—изъ „беру“.

[2]) Поставленное въ квадр. скобки написано сбоку, такъ что раньше начало этой реплики Ширялова и его же слѣдующая реплика составляли одно цѣлое.

[3]) Написано съ боку. Послѣднія слова „не клади“ поставлены по догадкѣ: ихъ очень трудно разобрать, такъ какъ они стерлись.

думаю себѣ, михстуры эти просто дрянь (*даромъ деньги берутъ*)[а]. Дай-ка, думаю, я въ баню схожу. Вотъ и пошелъ, (*пошелъ сударь ты мой*)[а]—Да винца послалъ купить полштофчика, да мать ты моя знаешь-ли краснова перцу стрючковаго 2 стрючка. Вотъ добрымъ порядкомъ составили эту специю. Половину-то выпилъ—а то велѣлъ себя вытереть въ пару. (знаешь-ли)[б] Да пріѣхамши-то домой пунштику выпилъ. Ночью-то, сударыня ты моя, меня въ потъ и ударило. Такъ потомъ и прошло, Какъ рукой сняло (голубч.)[б].

Ст. Тр.

Вотъ у меня Ант. все пуншт. лечится.

Ант.

Это братъ отъ всякой болѣзни лекарство[б] прибѣжище, (*Шир. ст(авитъ) чашку*).

Ст.

Выкушайте еще чашечку.

Шир.

Нѣтъ увольте. Много доволенъ, Ст. Тр., много доволенъ.

Ст.

Э, батюшка, безъ церемоніи, (*наливаетъ*). Какъ (ваши домашніе)[б] [дѣла батюшка][а].

Шир. (*беретъ чашку*).

Слава Богу (всѣ здоровы)[б], (Ст. Тр.)[а].—Одно у меня горе. (Ст. Тр.)[б] Сенька совсѣмъ отъ рукъ отбился. Что ты будешь дѣлать? Ума не приложу.

Куп.

Что закутилъ.

Шир.

Нѣтъ, (что закутилъ)[б], хуже. Ант. Ант. хуже. Кабы запивалъ, такъ еще не велика бѣда, (сударь ты мой)[а]. (много-ли кабы за)[б]. Много-ли онъ пропьетъ. А то мотаетъ не въ свою голову. Вотъ мат(ушка) Ст. Тр. дѣтки-то нынче!

Ст. Тр.

Самъ ты Пар. Пар. виноватъ, избаловали вы мальчишку-то такъ ни за копѣйку. (Какъ бы)[б]. Вы бы ему съ малолѣт-

ства воли-то не давали—а ужъ теперь поздно. Пусть бы съ молодцами въ городъ бѣгалъ, приглядывался-бы къ торговлѣ-то, руку-бы набивалъ, такъ-бы лучше было.

Шир.

Ахъ, мат(ушка), Ст. Тр. вѣдь онъ одинъ у меня[б] насъ[а], (одинъ сударыня)[а], какъ перстъ. И то подумаешь: надо малова въ люди вывести. Нынче матушка не то время, [какъ мы бывало играемъ до 18 лѣтъ въ бабки, а тамъ тебя женютъ, да и торгуй. Нынче][а] неученова-то дуракомъ зовутъ. Да и то Ст. Тр. [какъ-бы состоянія не было, ну ужъ такъ и быть][б] (вѣдь у насъ состояньеце порядочное—Богъ благословилъ;)[а] что(жъ)[б]хорошаго[а] станутъ говорить, что отъ этакова моль[а] капиталу—одново сына воспитать не можетъ. Да [вѣдь мы Ст. Тр.] и не[б] хуже то[а] другихъ быть не хочется, послышишь тотъ сына въ пиньсіонъ отдалъ, другой отдалъ, тотъ въ Ком. Акад. Вотъ и свезли Сеньку въ пинсіонъ, за годъ впередъ деньги отдалъ, а онъ мѣсяца черезъ 3, сударь ты моя, убегъ оттедова. Стали дома учить—учителя нанялъ *дешевинькова*[а]. Учитель-то какой-то непутный[а] оглашенный[а] попался—непутный[б] вовсе непутный, (суд. ты моя)[а]. Сенька-то выпроситъ у матери деньжонокъ, [либо такъ гдѣ рука подойдетъ][б], да съ учителемъ-то либо въ трактиръ, либо къ цыганкамъ, либо[б] въ Марьину рощу *и*[а] закатются.—Прогналъ учителя—прогналъ.—Да вотъ теперь и маюсь съ Сенькой-то.

Куп.

Выучилъ на свою голову—(ха-ха-ха)[б].

Шир.

Да что. Поминутно плачу за него, поминутно[а]—тому 100, тому 200 [1]), портному 1000 руб. недавно заплатилъ. Лёгколи дѣло, да я въ 10 лѣтъ на 1000-ту руб. не изношу, (право не изношу)[а]. *(Почти шепотомъ).* [Да на][б] одни(хъ)[а] перчат(ки)[б]окъ[а] прошлую зиму на[а] 300 руб. истра[б] забралъ ей Богу на 300.

Ст. Тр.

А, батюшки.

---

[1]) 100 исправлено изъ 1000, 200 изъ 2, такъ что раньше читалось: „тому 1000, тому 2“...

Куп.

Ха-ха, вотъ голова-то.

Шир.

Да вѣдь вотъ что, вездѣ ему вѣрютъ, знаютъ что я заплачу. Въ тракт(ирѣ) въ какомъ-то 1000 4 долженъ [1]). Компанію водитъ Богъ знаетъ съ кѣмъ, такъ съ людьми нестоющими вниманія,—вниманія нестоющими *(ставитъ чашку на столъ)*.

Ст.

Выкушайте еще.

Шир.

Нѣтъ, мат(ушка), не могу, увольте Ст. Тр.

Ст.

Безъ церемоніи.

Шир.

Нѣтъ не могу, право не могу.

Ст.

Ну какъ хотите, а можно-бы еще.

Шир.

Право не могу—не могу *(встаетъ, кланяется)*.

Ст.

Дарья—убирай чай. *(Дарья убираетъ)*. [*Прощайте бат. П. П.*

Шир.

Пр(ощайте) мат(ушка).

Ст.

Заходите почаще, не забывайте (цѣлуются).

Шир.

Прощайте[б] *(Ваши гости)*[а], *мат(ушка) Ст. Тр. ваши гости (ваши го)*[б] *(кланяетея)*.] [2]).

---

[1]) На отдѣльномъ листочкѣ написана вставка къ данному мѣсту, начинающаяся словами Ширялова: „Что Ант. Ант. сказывалъ я тебѣ или нѣтъ“, и кончающаяся егоже словами: „А вотъ Сенька-то не таковъ, нѣтъ, сударь ты мой, не таковъ, не таковъ?!“ Текстъ вставки сходенъ съ печатнымъ.

[2]) Поставленное въ квадр. скобки написано чернилами сбоку на свободномъ мѣстѣ: конечно, позднѣйшая вставка.

Шир.

[*Такъ вотъ суд(арь) ты мой*]^{а} дома не живетъ, въ городъ не ѣздитъ^{б} бываетъ^{а}—право не бываетъ. [А какъ заѣдетъ на минут(у)^{б} (очку)—такъ)^{а} соберетъ кампанію—пойдутъ въ трак(тиръ) чай пить, да и слѣдъ простылъ, только его и видѣли] [1]). Вотъ къ стати про городъ-то вспомнилъ) хи-хи-хи (*подвигается къ Пуз.*). Какъ-то на прошлой недѣлѣ, говорю я прикащикамъ своимъ: гдѣ молъ вамъ розинямъ торговать, дако я самъ сяду въ лавку]^{б} (а ужъ)^{а} лѣтъ 15 не сидѣлъ (а вы говорю смотрите да сохните хи-хи-хи)^{б}. (Чтожъ суд(арь) ты мой (*подвигается и шепчетъ*)^{а} *такъ вотъ* заваляласъ у насъ штука.

Ант. Ант.

(*Да ты полно шептать-то*)^{б} *говори вслухъ, никого нѣтъ* [2]).

Шир.

Еще въ 3-мъ году цѣна-та ей была 2 руб. *40*—за аршинъ—а въ нынѣшнемъ-то поставили 8 гривенъ. [*Вотъ суд(арь) ты мой, сижу я въ лавкѣ*]^{а} вотъ^{б} идутъ барыни, должно быть маминька съ дочкой (хи-хи-хи)^{б}. Нѣтъ-ли у васъ, говорятъ, матеріи намъ на блузы, дома ходить, [да и показываю имъ эту штуку-то]^{б} [какъ молъ не быть, сударыня, достань]^{б}ко говорю Митя (штуку-то)^{б}... модную-то. Вотъ говорю хорошая матерія. А какъ говоритъ цѣна. Говорю 2—50 себѣ, а барыша что пожалуете. А вы говоритъ возмите 1 р. 8 грив. [*слышишь 1 р. 8 грив.*] . Помилуйте говорю, да такихъ цѣнъ нѣтъ. Стали торговаться. [2 руб. даютъ]^{а} [*слышишь А. А. 2 рубли*]^{а}. Да вамъ говорю, много-ли нужно. Да говоритъ аршинъ 25. Нѣтъ, говорю, сударыня, не сходно, извольте всю штуку брать, такъ ужъ такъ и быть по 2 съ грив. говорю возьму. А я сударь ты мой, Ант. Ант. боюсь шевелить-то ее (хи-хи-хи)^{б} (*смѣется*)^{а} (шевелить боюсь)^{а} (можетъ быть середку-то давно моль съѣла)^{б}. Чтожъ (сударь ты)^{б} мои [3]) барыни-то потолковали (между собой)^{б}, да и взяли всю штуку-

---

[1]) Послѣ этихъ идетъ такая вставка, написанная чернилами: „Что ему городъ! Онъ сударь и знать не хочетъ, каково отцу деньги-то достаются. Пора бы на старости лѣтъ покой знать; а расположиться не на кого. Вездѣ—самъ. Вотъ недавно самъ въ лавку сѣлъ“.

[2]) Вся эта фраза написана чернилами сбоку на свободномъ мѣстѣ, только первая половина ея, поставленная въ скобки, зачеркнута.

[3]) Исправл. изъ „мой“.

то[б]. Молодцы[б] разини[а]то мои такъ и ахнули (*смѣется*)[а]. (Гдѣ говорю вамъ торговать, еще молъ молоды очень, ха][б].

Куп.

Молодецъ Пар. Пар., вотъ[а] молодецъ.

Шир.

А вотъ Сенька-то не таковъ, не таковъ, сударь ты мой (*вздыхаетъ*) вовсе не таковъ. Это повадился въ театръ, [*т.-е. каждый день суд(арь) ты мой*][а]. Всѣхъ-то онъ тамъ знаетъ, со всѣми знакомъ. Да что—прихожу я какъ-то къ Остолопову. Отдай, говоритъ, деньги. Какія молъ деньги. А за шаль, говоритъ. За какую шаль. Да, говоритъ намедни, твой сынъ взялъ. Я думаю себѣ, на что это ему шаль—ума не приложу. Ужъ извѣстно отъ него не добьешься; сталъ стороной разспрашивать. Чтожъ сударь ты мой — какую-то тамъ актрису завелъ [1]).

Куп.

Что ты.

Шир.

Вотъ поди съ нимъ. Ужъ и то примѣрно сказать[б] послѣд-н(ее)[б]ій[а] дѣло[б] конецъ[а]. Ант. Ант. Ужъ[а] не зови своимъ.

Куп.

Это Пар. Пар. значитъ пора женить, (вотъ что братъ)[а] малова [2]).

Шир. (*съ отчаяніемъ*).

Нѣтъ Пар. Пар. погоди. Ты вотъ что скажи: вѣдь ужъ это братъ конецъ просто. Вѣдь это словно какъ рѣшето: вотъ теперь шаль, а тамъ скажетъ—салопъ соболій, а тамъ [лошадей пару][б], а тамъ квартиру, а тамъ мебель всякую, [*лошадей пару*][а], то—другое. Яма бездонная.

Куп.

Ужъ извѣстное дѣло.

---

[1]) Послѣдняя фраза исправлена такъ: „Чтожъ сударь ты мой—какая-то тамъ актриса у него“.

[2]) Конецъ нельзя разобрать: все стерлось, хотя ясно, что „малова“ вставлено потомъ.

Шир.

А ужъ человѣкъ-то Ант. Ант. кругомъ нихъ, какъ слѣпой сдѣлается [1]). Этотъ народъ А. А. соблазнъ просто.

Пуз. [2]).

Что (про то)[а] говорить! [Самъ не свой сдѣлается][а]. Одно братъ П. П. средство женить поскорѣй.

Шир.

Легко сказать А. А. женить, (я бы радъ радостью) [3]), да какъ ты его женишь-то, [не тотъ парень, сударь ты мой][а].

Пуз.

[Какъ женить! ужъ извѣстно, не связать-же. А вотъ][а] невѣсту подыскать съ капитальцемъ, (знаешь-ли)[а], такъ небось не откажется [—отъ чего не жениться][а] всякому лѣстно.

Шир.

Да какая за него пойдетъ? Какая сумасшедшая пойдетъ за него, за такого безпутнаго.

Пуз.

[Ну вѣдь не вѣкъ-же онъ будетъ такой: женится—перемѣнится. Кто[а] молодъ еще[б] (не бывалъ, а вотъ)[а] въ разумъ взойдетъ, такъ будетъ посолиднѣе][б]. [(А у насъ братъ этимъ не)[б]. (А что ты думалъ)[а] побрезгаютъ—нѣтъ ничего, право слово, ничего][а]. Да у насъ братъ (въ куп.)[б] холостые-то на половину[б] (сплошь да рядомъ)[а] такіе. (Такъ этимъ брезгать)[а]. Помнишь каковъ я то былъ холостой. И пьяница-то и гуляка-то, [и на всякія художества][а], батюшка покойникъ такъ и рукой махнулъ. Да вѣдь мы театровъ-то, *другъ*[а], не знали. У насъ либо[б] закатился[а] въ Марьину, либо къ цыганкамъ въ Грузины, [да пьянствуешь недѣли 2 безъ просыпу][а]. [(Какихъ штукъ не дѣлывали)[а]. Да знаешь что][а] меня въ Преображенскомъ за дѣвку [вотъ ленты ткутъ][а] фабричные было до смерти избили. [Вся Москва знала][а]. Да вотъ отдали-же

---

[1]) Дальше нѣсколько словъ не разобрано; можно только прочитать: „душинькѣ угодно“.

[2]) На этомъ мѣстѣ сверху написано: „Продолженіе 1 Акта“.

[3]) Написано сверху строчки, а потомъ зачеркнуто.

за меня Матр.-то Савишну. [Да, и (какъ видишь)[а] живемъ, какъ слѣдуетъ][б]. [Нѣтъ, это, братъ, ничего, нужды нѣтъ] [1]).

Ш и р.

Да отецъ родной [все несподручно-то есть. Пошлешь сваху куды-нибудь—гляди откажутъ, да какъ въ другомъ мѣстѣ тоже, вотъ и пошелъ на всю Москву разговоръ] [2]). Что ты говоришь: „женить—да невѣсту съ капиталомъ. Да голуб(чикъ) ты мой, онъ теперь и безъ денегъ то вертится,

---

[1]) Эта фраза, повидимому, вставлена впослѣдствіи.

[2]) Дальнѣйшее, начиная съ словъ: „что ты говоришь“, и т. д. написано на другомъ листѣ, а продолженіе первоначально было такое:

П у з.

„Хочешь посватаю.

Ш и р.

Въ правду?

П у з.

Въ правду.

Ш и р.

Нѣтъ обманешь“.

П у з.

Что тутъ толковать-то, у меня братъ[а], сестра невѣста, вотъ бы[б] хочешь[а], пара-то бы важная.

Ш и р.

А что А. А. вѣдь это дѣло—да она небось не пойдетъ.

П у з.

Какъ непойдетъ—да отчего это. [Да мат(ушка) тебя любитъ. Въ вашу семью отдать можно][б]. (Ишь выдумалъ)[а].

Ш и р.

Ахъ голубчикъ ты мой А. А. (цѣлуются). Экова свата мнѣ Богъ посылаетъ. Ну а придачи-то что.

П у з.

Что толковать[б] (объ придачѣ-то)[а] съ сынкомъ-то[а] твоимъ надо прежде потолковать[б] поговорить хорошенько.

Ш и р.

Нѣтъ, голуб(чикъ) А. А. Ужъ я люблю на чистую, голуб(чикъ) мой.

П у з.

(У нее, братъ)[а] своихъ 50 т., да мы дадимъ 10, да (ужъ и)[а] тѣ-то 5 тыс.[б] что за тобой похеримъ.

Ш и р.

(Маловато, нѣтъ,)[а] несходно А. А.... А ужъ вы давайте[б] (положите еще)[а] ... см. дальше. Въ рук. до послѣдней реплики Ширялова все зачеркнуто.

какъ угорѣлый, а попадись ему деньги-то, такъ онъ такой кранболь сдѣлаетъ,—только пшикъ, да и всѣ тутъ, какъ порохъ.

Куп.

Въ оборотъ пуститъ.

Шир.

Нѣтъ, а ужъ я думаю, суд(арь) ты мой его въ газетѣ опубликовать. Вотъ, дескать, сыну моему отъ меня никакого[6] довѣрія нѣтъ, долговъ за него не плачу и впредь не намѣренъ. [*Да и подпишу:*][a] Купецъ 1 гил. П. П. сынъ Ширяловъ.

Куп.

Чтожъ, *ничего*[a], можно.

Шир.

Да ужъ, чтобы ему безпутному и послѣ-то меня не доставалось, самъ я А. А. жениться задумалъ.

Куп.

Чтожъ! Ничего! Дѣло хорошее, отъ чего-жъ не жениться.

Шир.

Вѣдь мож(етъ) быть (за наши молитвы)[a] А. А. Богъ благословитъ[6] потомка дастъ, (*утѣшеніе на старости*)[a]. Вотъ тому все и оставлю. А ужъ этотъ мнѣ словно какъ и не родной, [*суд(арь) ты мой*][a], и сердце къ нему не лежитъ. [*А. А. Чтожъ! думаю*][a] оставь ему пожалуй, да что прокуто развезетъ денежки-то *твои* кровные по портнымъ да по ахтрисамъ. Самъ посуди.

Куп.

Чтожъ женись П. П. Что за важность, ничего. А на примѣтѣ есть?

Шир.

То-то и горе, что нѣтъ А. А.

Куп.

Хочешь посватаю.

Шир.

Да ты въ правду.

Куп.

Въ правду.

Шир.

Обманишь *(смотритъ Пуз. въ глаза).*

Куп.

Вотъ! изъ чего мнѣ обманывать-то. Вотъ[б]. У меня, братъ, недалеко ходить, сестра невѣста.

Шир.

Ой-ли[б]. (*А ты не*)[б]. *Что ты говоришь!*

Куп.

А ты не зналъ—скажи(те)[б], пожалуйста, какой ты[а] простой.

Шир. (*смѣется*[б], *смотритъ внизъ*[б] *потупляетъ глаза*). [*А голубь*(чикъ)][а]. Какъ не знать—да вѣдь она чай не пойдетъ за меня.

Куп.

Вотъ! отъ чего не пойти—пойдетъ.

Шир.

Скажетъ: старъ.

Куп.

Старъ! Что за важность—ничего. [*Нѣтъ—ничего пойдетъ*][а]. Да и матушка тебя любитъ: чтожъ, извѣстное дѣло, человѣкъ хорошій,—степенный, отъ чего не пойти, во хмѣлю смирный. Вѣдь ты смирный во хмѣлю,—не дерешься.

Шир. (*потупляетъ глаза еще больше*).

Во все смир(ный), А. А., какъ дитя малое. Меня[б] (Какъ пьянъ, такъ)[а] сейчасъ въ сонъ знаешь ты ударитъ, а не то штобы буйство какое.

Куп.

Вѣдь ты съ женой покойницей не дрался.

Шир.

Видитъ Богъ никогда.

Куп.

Такъ отъ чего за хорошаго человѣка не пойти, *ничего пойдетъ*.

Шир.

Да ты просто благодѣтель мой А. А. Эку мнѣ Б(огъ) родню посылаетъ, да мнѣ-бы и во снѣ не видать. Поцѣл(уемся) голубчикъ (*цѣлуются*).

Куп.

(Ну такъ по рукамъ)[б].

Шир.

Ну а какъ тово *А. А.*[а] на счетъ придачи-то А. А.[б]

Куп.

Да на што тебѣ, П. П., у тебя карманъ-то потолще нашего.

Шир.

Запираться не стану [я человѣкъ богатый][6] (таки *(есть А. А. есть)*[a] нажилъ *таки*[6] копѣйку)[a] отъ трудовъ праведныхъ. А все таки нужно для порядку голуб(чикъ), соб(ственно) для порядку. Ужъ такъ водится.

Куп.

Чтожъ мы *братъ*[a] сдѣлаемъ прид(аное) на славу не хуже генеральскаго. Ну, а на щетъ денегъ-то, такъ у нее есть послѣ[a] бат(юшки) (50 т.)[6] *(тысченокъ 50)*[a], будетъ съ тебя, да развѣ еще на радости ращоты съ тобой похеримъ.

Шир.

[Маловато, нѣтъ)[a]. Несходно А. А... Нѣтъ[6]. А[a] ужъ вы давайте[6] положите еще..... [1]).

Пуз.

[Полно жидомор(ничать)?

Шир.

Ну по рукамъ—*(беретъ за руку, цѣлуются)*. Вотъ теперь съ Сенькой-то только[a] коммиссія.

Пуз.

Уговоримъ какъ-нибудь] [2]).

Шир.

А[6] Да[a] вотъ ты[6] что А. А. заходи ко мнѣ вечеркомъ нынче[a], [съ Сенькой-то (да съ женой)[a] потолкуемъ, да выпьимъ на радости][6] пуншгику выпить. Потолкуемъ мы съ тобой гол(убчикъ?) хорошенько *объ этомъ предметѣ поторгуемся.*

Пуз.

Ладно.

Шир.

Ну прощайте, почтеннѣйшій *(цѣлуются)*, досвиданья прощенья просимъ.

Пуз.

Прощайте П. П. *(уходитъ)*.

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ четвертушка листа вырвана.
[2]) Все поставленное въ квадрат. скобки зачеркнуто.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Народная поэзія несомнѣнно вліяла на творчество Островскаго. Стоитъ только обратить вниманіе на тѣ пѣсни, которыя вводятся нашимъ драматургомъ въ его драмы и комедіи, не говоря уже о „Снѣгурочкѣ“, произведеніи, выросшемъ на почвѣ народной поэзіи. Но вопросъ объ этомъ вліяніи еще не подвергался изслѣдованію. Въ частности интересно знать, пользовался ли Островскій въ этихъ случаяхъ только печатными матеріалами, или и самъ записывалъ народныя пѣсни. Печатаемыя здѣсь двѣ пѣсни проливаютъ свѣтъ именно на этотъ вопросъ.

Въ спискѣ, хранящемся вмѣстѣ съ драмой „Не такъ живи, какъ хочется“, въ рукописи № 3097, указано также имя лица, у котораго записаны пѣсни, хотя списокъ на отдѣльномъ листѣ писанъ писарскимъ почеркомъ. Привожу текстъ пѣсенъ въ точности.

„Записана у Антона Сергѣева“.

I.

Исходила младенька всѣ луга и болота (2),
Всѣ луга и болота, всѣ сѣнные покосы (2)
Пристигала младеньку меня темная ночька (2):
Ахъ, ахти горевати—гдѣ мнѣ ночь коротати (2)?
Мнѣ на умъ то напало про родимаго братца (2).
Ужъ я стукъ подъ окошко, ужъ я брякъ во колечко (2).
Домаль, дома ли братецъ? Домаль бѣлой голубчикъ? (2)
Дома, дома, сестрица! Дома бѣла голубка! (2)
Ты укрой меня, братецъ, да отъ темныя ночи (2),
Что отъ темныя ночи, отъ лютаго звѣря. (2)
Ахъ, сестрица голубка, да свѣтелка маленька (2).
Да свѣтелка маленька и своя семейка (2).

Выходила невѣстка, выходила злодѣйка (2),
Выпускала собакъ, все собакъ да борзыхъ (2):
Алюлю, вы схватите, атуту, разорвите (2).
Чтобъ эта гостья не почасту ходила (2),
Не почасту ходила, не подолгу гостила (2)
Догонялъ ее братецъ, догонялъ ее родимый (2):
Воротися, сестрица, воротися, голубка! (2)
Какъ пошла же сестрица, залилася слезами (2).

II [1]).

Напала пороша
На талую землю;
По той по порошѣ
Что ѣхалъ обозецъ,
Не малъ, не великъ,
Что семеро саней.
По семеру въ саняхъ
Разбойнички сами.
Какъ первые сани—
Что Ларька на карькѣ;
Другіе то сани—
Что Гришка на рыжкѣ;
А третіе сани—
Микишка на пѣжкѣ;
Четвертые сани—
Самъ попъ благовѣрный,
Что крестъ на ременяхъ
Въ полторы сажени.
Округъ объѣзжаетъ,
Крестомъ благословляетъ;
Ахъ нутка вы, дѣтки,
По чужія клѣтки!
Что Богъ вамъ поможетъ—[2]).
Меня не забудьте;
А чортъ васъ обрушитъ—
Меня не кляните!

---

[1]) Эту пѣсню поетъ скоморохъ въ „Тунишѣ“, сц. IV. Въ текстѣ сдѣланы небольшія измѣненія.

[2]) Дальше на поляхъ карандашомъ написано: „непомнетъ“ (?)

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

„Не сошлись характерами“.

(Очеркъ).

(По рукоп. № 3097.)

I.

Въ одной изъ улицъ, ближайшихъ къ П(рѣсненскимъ) [1]) прудамъ, въ новомъ изящной отдѣлки каменномъ домѣ, сидѣла у окна молодая женщина замѣчательной красоты. Старуха, очевидно принадлежавшая къ разряду выслужившихся нянекъ, занимающихся (обыкновенно мелкой) [2]) торговлей, сватовствомъ, (въ большомъ старомодномъ чепчикѣ, въ пестрой шали, съ ридикюлемъ въ рукахъ) [3]), сидѣла поодаль и наблюдала за взорами и движеніями молодой женщины. Іюльскій полдень разкалилъ Москву и на улицахъ было знойно и пустынно [4]): лѣниво проѣзжалъ пустой извощикъ, пѣшеходы (жались поближе къ домамъ) [5]), хоронясь [6]) подъ ихъ тѣнью, только разносчики проходили посереди улицы и громко кричали: спѣла клубника. (Въ бесѣдкахъ или на галлереяхъ или просто въ сѣняхъ хозяйки, окруженныя ребятами и мухами, варили варенье, и теплое благоуханіе неслось по улицамъ. Ни подъ тѣнью деревъ, ни въ бесѣдкахъ и гротахъ, окружающихъ пруды, не было

[1]) Въ рук. одна буква П, но въ третьей главѣ это слово было написано сначала полностью, но потомъ зачеркнуто и сверху карандашомъ была поставлена также одна буква П.

[2]) Эти слова надписаны сверху карандашомъ: очевидно, позднѣйшая вставка.

[3]) Эти слова надписаны сверху строчки.

[4]) Сначала стояло „пусто“, потомъ добавлено карандашомъ.

[5]) Надписано сверху строчки.

[6]) Сначало стояло „хоронился“.

прохлады) [1]). Отъ прудовъ не вѣяло свѣжестью [2]), а только пахло водой.

— „Что это онъ нейдетъ сегодня“, сказала молодая женщина.

— „Кто онъ-то, матушка?“ спросила старуха.

— „Не знаю, только онъ каждый день (въ это время) [3]) тутъ проходитъ.

— „А не знаешь, такъ узнать можемъ. Чего я для своей графини не сдѣлаю“, сказала старуха, (подходя къ окну) [4]).

Теперь немѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о прекрасной молодой женщинѣ, которая и будетъ героиней нашего разсказа. Серафима Карп. была вдова Колежскаго Совѣт. Мазанцева, а происхожденіемъ купчиха, дочь Карпа Карпыча Толстогораздова, (живущаго въ Рогож. и) [5]) обладающаго нѣсколькими милліонами. Воспитанная въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ, она приняла всѣ пріемы образованной дѣвушки, (хорошо держала себя, умѣло прилично и со вкусомъ одѣться, немного говорила по французски и чуть-чуть бренчала на фортепьяно) [6]). Неуспѣла еще она (послѣ выпуска изъ пансіона) [7]) оглядѣться въ дому родительскомъ, какъ отецъ счелъ нужнымъ выдать ее за пожилаго чиновника Мазанцева, который былъ ему полезенъ по тяжебнымъ дѣламъ; а у Кар. Кар. было ихъ довольно. Кол. Сов. Мазанцевъ былъ маленькаго росту, немного плѣшивъ, много курносъ; но за то имѣлъ черные лоснящіеся бакенбарды и орденъ на шеѣ. Въ присутствіи съ подчиненными онъ былъ важенъ и строгъ до крайности и держалъ голову къ верху; съ купцами же особенно богатыми былъ (предупредителенъ и ласковъ) [8]) до фамиліарности. Съ перваго взгляда онъ влюбился въ Сер. Кар. и взялъ за ней въ приданое только 400 т. серебромъ. Молодая дѣвушка безъ горя и радости вышла за него, безмятежно прожила съ нимъ полтора года, безъ печали схоронила его и незамѣтно перешла въ новое положеніе молодой вдовы съ огромнымъ состояніемъ.

---

[1]) Весь отрывокъ, поставленный въ скобки, написанъ карандашомъ на поляхъ: очевидно, позднѣйшая вставка.

[2]) Надписано сверху строки карандашомъ.

[3]) Тоже.

[4]) Дописано карандашомъ.

[5]) Надписано сверху строки.

[6]) Поставленное въ скобки написано карандашомъ на поляхъ.

[7]) Надписано сверху строки карандашомъ.

[8]) Тоже.

Красота ея невольно поражала каждаго. Стройная и прямінькая, какъ только что выпущенная институтка, она имѣла такія изумительно правильныя и тонкія черты лица, такіе нѣжные голубые глаза, такое богатство темныхъ волосъ, что можно было заглядѣться на нее на нѣсколько часовъ, не замѣчая времени. Кротость характера еще болѣе возвышала ея красоту, по мнѣнію нѣкоторыхъ. И въ самомъ дѣлѣ трудно найти женщину тише, скромнѣе и покорнѣе ея. Ни радость, ни горе, ни гнѣвъ никогда не искажали ея прекраснаго лица. Даже самая любовь, которую ей наконецъ пришлось испытать, выражалась у нея на лицѣ тихою задумчивостью, близкою (къ столбняку) [1]), которая такъ шла къ ней. (Но и въ солнцѣ есть пятна, и потому немогу умолчать о нѣкоторыхъ странностяхъ въ ея характерѣ) [2]). Она ничего не дѣлала неподумавши, даже любила подумать, и вмѣстѣ съ тѣмъ чего она непонимала, разтолковать ей не было ужъ никакой возможности. По цѣлымъ часамъ она мечтала, немного открывъ свой прекрасный ротикъ, глядя въ садъ или вечеромъ на далекія звѣзды, что очень простительно молодой вдовѣ [3]); но еслибы вамъ пришлось подслушать, что невольно бормотали ея коралловыя уста, вы услыхали бы очень прозаическія рѣчи, въ родѣ слѣдующихъ: два съ полтиной, рубль съ четвертью, (три аршина съ половиной, пять фунтовъ съ осьмушкою) [4]). Положительная и очень разсчетливая хозяйка, знающая цѣну каждой вещи, отъ гусинаго потроха до драгоцѣнныхъ камней, она иногда бывала такъ наивна, что невозможно было не засмѣяться, не смотря на уваженіе къ красотѣ. Можно прибавить и еще кое-что объ ея характерѣ, напримѣръ: она очень любила чистоту и одѣвалась съ безукоризненной опрятностью и скромностью, каждая вещь на ней казалась новой и только сейчасъ надѣтой; иногда пѣла про себя потихоньку очень фальшиво и непріятнымъ горловымъ голосомъ; плохо считала на серебро. Вотъ все, что я могу сказать о прекрасной вдовѣ. Тщетно Уст. Ф., такъ звали старуху, представляла ей разныхъ жениховъ, сердце вдовы было непоколебимо; но, кажется, теперь пришла и ея очередь.

---

[1]) Тоже, но только чернилами.

[2]) Написано на поляхъ.

[3]) Вѣроятно, послѣ этихъ словъ должно помѣстить слѣдующую вставку: „Что я буду говорить далѣе объ ея характерѣ, вы, пожалуй, не повѣрите, но...“

[4]) Надписано сверху строки карандашомъ.

— „Устинья Филимоновна, идетъ“, проговорила она тихо.

— „Гдѣ, матушка?“ спросила старуха, и взглянула въ окно изъ-за плеча Серафимы Карповны.

По той сторонѣ улицы шелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. Великосвѣтская походка, изящный лѣтній костюмъ, какая-то лѣнь въ движеніяхъ, блѣдное, породистое (какъ говорятъ) лицо обличали въ немъ аристократа по рожденію.

— „Ахъ, матушка, да я его знаю“, сказала старуха. „Это Левъ Андреичь Прежневъ, Софьи Ивановны Прежневой сынъ. Вѣдь онъ мой выкормокъ, графиня моя“.

Вдова задумалась.

— „Чтожъ, матушка, они мнѣ люди знакомые; тамъ что будетъ ли нѣтъ ли, а похлопотать все таки немѣшаетъ; попытка не шутка, а спросъ не бѣда“.

Вдова все еще была взадумчивости.

— „Что-жъ, хлопотать прикажете?“

— „Хлопочи“.

— „Для когожъ мнѣ и похлопотать-то, какъ не для васъ, прынцесса вы моя“.

II.

Софья Ивановна Прежнева сидѣла въ гостинной и читала французскій романъ.—Покойный мужъ Софьи Ивановны былъ человѣкъ необыкновенно дѣятельный, своимъ богатствомъ и положеніемъ въ обществѣ онъ единственно былъ обязанъ себѣ, своему оборотливому уму и неутомимости. Немножко аферистъ, невсегда разборчивый на средства, онъ умѣлъ выбиться почти изъ ничтожества, придать себѣ лоскъ образованнаго и свѣтскаго человѣка, нажилъ большое состояніе. Все это вмѣстѣ съ представительною наружностью и обольстительнымъ обращеніемъ дало ему довольно значительное мѣсто въ обществѣ. Всякій трудъ былъ для него нипочемъ: просидѣть три дня и три ночи въ кабинетѣ за работой, съѣздить за тысячу верстъ, для него вздоръ, была бы только польза. Для поддержанія связей онъ женился на С. И., дѣвушкѣ изъ бѣднаго, но княжескаго семейства. Въ обществѣ долго его называли мужъ княжны такой-то. Женившись, онъ окружилъ жену всѣмъ блескомъ роскоши и сталъ работать вдвое, накупилъ деревень, настроилъ усадьбъ и дачъ. — Жена не входила ни во что, не имѣла никакого понятія о хозяйствѣ: все являлось у нея какъ-бы волшебствомъ. Она

даже не знала счету деньгамъ. Да и немудрено: у родителей было считать нечего, а теперь за нее считалъ и разсчитывался мужъ. Единственнымъ дѣломъ ея было въ то время, когда мужъ работалъ надъ счетами и отчетами по имѣніямъ и другимъ операціямъ до того, что у него лобъ трещитъ, занимать свѣтскихъ людей несовсѣмъ пристойной болтовней, да баловать во всякое время своего единственнаго сына, Поля [1]), баловать такъ, какъ только можетъ пустая (свѣтская) [2]) женщина, которой съ роду не приходило ни одной серьезной мысли въ голову. Вся материнская нѣжность выражалась у ней въ томъ, что она поминутно цѣловала его, одѣвала какъ куклу и десять разъ въ день причесывала. Рано перенялъ Поль у матери высокомѣрный тонъ и дурное обращеніе съ простыми людьми.

(Едва минуло Полю восемь лѣтъ, какъ) [3]) отецъ его умеръ скоропостижно. Легко себѣ представить, что произошло послѣ его смерти. Софья Борисовна (sic!) запутала всѣ дѣла мужа, да иначе и быть не могло съ ея философіей, съ ея взглядомъ на жизнь. Весь нравственный кодексъ, который составлялъ единственную основу ея жизни, заключался въ слѣдующихъ фразахъ: „женщина твореніе слабое, увлекающееся и живетъ только сердцемъ, и вслѣдствіе этого женщина не можетъ устоять противъ искательства мущины и легко можетъ быть обманута, потому что женщина для любимаго человѣка готова всѣмъ пожертвовать. Если мужчины и обманываютъ женщинъ, что случается очень часто, то ужъ въ этомъ виноваты не женщины, а мужчины, которые по большей части хитры и коварны. Она безпрестанно повторяла всѣмъ и каждому, что женщины вообще такъ добры и довѣрчивы, такъ вѣрятъ въ правду и искренность, что только послѣ горькихъ опытовъ убѣждаются въ безнравственности (и другихъ гнусныхъ порокахъ) [4]) обожаемыхъ лицъ. Но что женщины послѣ обмана и даже нѣсколькихъ вслѣдствіе своей доброты и довѣрчивости готовы опять увлечься восторженною рѣчью и повѣрить въ возможность чистой и безкорыстной любви въ мужчинѣ. Да такова наша судьба, мужчины часто во зло употребляютъ прекрасныя качества нашего нѣжнаго сердца, они не хотятъ знать, сколько стра-

---

1) Обращаетъ на себя вниманіе имя „Поль“.

2) Надписано сверху карандашомъ.

3) Вначалѣ было написано: „Полю было десять лѣтъ“, а потомъ зачеркнуто и сверху надписано, какъ въ текстѣ.

4) Написано на поляхъ.

даемъ отъ нихъ мы, бѣдныя женщины. Эту фразу она произносила меланхолически съ легкимъ вздохомъ. Да есть и между насъ такія, прибавляла она, которыхъ занимаютъ матеріальные разсчеты, хозяйственные хлопоты, есть даже и такія, которыя разсуждаютъ о разныхъ предметахъ не хуже мужчинъ; но я не признаю ихъ женщинами. Они могутъ быть умны, но вмѣсто сердца у нихъ ледъ.

(Стараго швейцарца) [1]) изъ Женевы, гувернера Поля, Соф. Ив. перемѣнила на молодого ловкаго француза, который отлично фехтовалъ и ѣздилъ верхомъ, подражалъ губами всѣмъ инструментамъ, съ утра до ночи пѣлъ куплеты и пѣсни Беранже и былъ развращенъ до ногтей.

Промотавъ половину имѣнія въ Россіи, Прежнева поѣхала за границу прожить остальное. Поль съ французомъ остались въ деревнѣ подъ надзоромъ старой, глухой тетки, который не былъ для нихъ стѣснителенъ [2]).

III.

Отъ Прежневыхъ [3]) Устинья Филимоновна зашла къ молодой вдовѣ и разсказала объ успѣхѣ порученія, разумѣется съ прикрасами, неизбѣжными въ такомъ случаѣ.

(„Ну, красавица барыня, поздравляю) [4]). Они, матушка, и не ожидали такого счастья“, говорила она. („Мы, говоритъ, съ великимъ удовольствіемъ, хоть бы сейчасъ, надо только познакомиться для прилику“) [5]). „Онъ-то, Левъ-то Павлычъ, ужъ давно влюбленъ въ васъ, да только никому не сказывалъ. Никому таки не сказывалъ“, прибавила она таинственно. „А ужъ какой баринъ—на рѣдкость! Мнѣ двадцать пять цѣлковыхъ пожаловалъ“.

Вдова ненадолго о чемъ-то задумалась, пріятно улыбнулась и велѣла закладывать лошадей. („Надо съѣздить къ родителямъ посовѣтоваться“, сказала она Уст. Фил. и) [6]) пошла въ спальню; тамъ открыла комодъ, достала изъ него кредитный билетъ въ 5 цѣлковыхъ, подумала надъ нимъ и

---

[1]) Сначала было написано: „старую француженку“.

[2]) На этомъ кончается текстъ въ рукописи. Трудно рѣшить, можно ли считать эту главу оконченной, или же авторъ оставилъ работу надъ ней, не доведя ее до конца.

[3]) Сначала было написано „Нелькиныхъ“.

[4]) Написано на поляхъ карандашомъ.

[5]) Написано внизу страницы чернилами.

[6]) Написано на поляхъ чернилами.

опять положила. Нашла въ три цѣлковыхъ и съ пріятной улыбкой принесла Устиньѣ Филимон.—Та, по обыкновенію, назвала ее графиней, благодѣтельницей, поцѣловала съ зади въ плечо и распрощалась.

Щегольская коляска, запряженная парой вороныхъ орловскихъ рысаковъ, подкатила изъ сарая къ крыльцу. (Кучеръ расправилъ усы и, подмигнувъ лѣвымъ глазомъ горничной, которая выглянула въ окно, крикнулъ ей: „доложь, поди“. Горничная, неся въ одной рукѣ великолѣпный плащъ, а въ другой картонку, доложила барынѣ, что лошади готовы. Барыня вынула изъ картонки необъятной цѣны шляпку, обдула ее со всѣхъ сторонъ и бережно передъ зеркаломъ надѣла, надѣла плащъ, долго обертывалась и оглядывала себя со всѣхъ сторонъ, объ чемъ то раза два задумалась и наконецъ сѣла въ коляску и приказала кучеру ѣхать въ Рогожскую. На дорогѣ ничего не случилось особеннаго. Только чиновникъ труженикъ, сидя за перепиской бумагъ, увидалъ ее въ окно изъ-за ерани и подумалъ, что вотъ еслибы такая богатая и красивая дама влюбилась въ него и вышла за него замужъ, онъ бы купилъ себѣ бѣговыя дрожки, ѣздилъ бы на нихъ и самъ правилъ,—или лучше сшить себѣ голубой плащъ на черной бархатной подкладкѣ. И онъ долго обдумывалъ, что прежде сдѣлать, купить дрожки или сшить плащъ. (Потомъ долго смотрѣлъ въ зеркало, щурилъ глаза, улыбался и принималъ разныя позы) [1]). Да двѣ пожилыя барышни, сидѣвшія на балконѣ сѣренькаго дома, подъ тѣнью парусины и дешевыхъ цвѣтовъ, встрѣтили и проводили ее завистливыми взглядами и потомъ утѣшались разговоромъ, что хотя купчихи одѣваются и богато, но зато безъ вкуса и не къ лицу.

Такъ какъ героинѣ нашей путь не близокъ, отъ пресненскихъ [1]) прудовъ въ Рогожскую не скоро доѣдешь, то мы можемъ поспѣть къ цѣли ея путешествія гораздо прежде. Большой каменный двухъэтажный домъ съ мезониномъ, принадлежащій родителю Сераф. Карп., купцу Толстогораздову, немногимъ отличался отъ прочихъ купеческихъ домовъ въ Рогожской. Мощеный дворъ также чистъ, желѣзныя ворота также заперты, за дворомъ большой тѣнистый садъ съ вы-

---

[1]) Написано на поляхъ карандашомъ. Невольно приходитъ на память Бальзаминовъ.

[1]) Слово „пресненскихъ“ написано полностью, но потомъ зачеркнуто и сверху поставлена карандашомъ буква „П“.

чурными бесѣдками также, какъ и у прочихъ посѣщается исключительно однимъ садовникомъ. Хозяева только что встали отъ послѣобѣденнаго сна и занимались каждый своимъ дѣломъ. Маменька Сер. Кар., толстая небольшаго росту женщина съ подбородкомъ, лежащемъ на груди, (стыжусь сказать) [1]) въ легкомъ до послѣдней возможности одѣяніи, прохаживалась по галлереѣ или галдарейкѣ, какъ она называла, и обмахивалась платкомъ. Красивая, черноглазая дѣвка Матрена, дальная родственница Толстогоразд., въ ситцевой юбкѣ съ распущенной косой, босикомъ, раздувала на той же галлереѣ толстый самоваръ, который ужъ начиналъ закипать. По приказанію хозяйки она мигомъ сбѣгала на лѣдникъ и принесла ей кружку холоднаго пива для прохлажденія. Самъ Карпъ Карпычъ въ красной рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ сидѣлъ въ угольной комнатѣ у открытаго окна; изъ этой комнаты была отворена дверь на галлерею и легкій сквозной вѣтерокъ продувалъ его (рукава трепетали) [2]). Страшно вращая красными отъ сна глазами, онъ искривлялъ ротъ то въ ту, то въ другую сторону, сдувая мухъ, садившихся ему на лице, въ правой рукѣ держалъ онъ гладкій камень фунтовъ пятнадцати. Подлѣ него на окнѣ лежалъ мѣшокъ съ орѣхами, онъ бралъ по два и по три орѣха, клалъ ихъ на окно и разбивалъ камнемъ. Вдругъ онъ закричалъ зычнымъ голосомъ: Матрёна. (Прохожій присѣлъ и долго переводилъ духъ за угломъ, обдумывая, зачѣмъ (?) хор(ошій?) купецъ и богатый (?) задаетъ такія страсти прохож. Но дѣло объясняется очень просто) [3]). Вбѣжала запыхавшаяся Матрена. — „Подь отопри, Серафима пріѣхала“. Все въ домѣ засуетилось: (проснулась собака и лѣниво залаяла) [4]), запасный дворникъ отперъ ворота, Матрена отперла паратное крыльцо и съ разными привѣтствіями высадила барыню изъ коляски, даже кучеръ Карпа Карпыча слезъ съ сѣнника и, приглаживая другой рукой взъерошенные и напудренные сѣномъ волосы, другую руку молча подалъ кучеру Серафимы Карповны.

Мать накинула на себя что-то, облобызались. (Матрена, вся перегнувшись назадъ и отворотивъ всторону лице, вта-

---

[1]) Написано на поляхъ карандашомъ.

[2]) Тоже.

[3]) Тоже. Слова со знаками ? въ рукописи или не дописаны или ихъ трудно разобрать.

[4]) Написано на поляхъ карандашомъ.

щила и поставила на столъ толстый самоваръ) [1]). Серафима Карповна осталась въ шляпкѣ, несмотря на увѣщанія матери не только снять шляпу, но и разстегнуть платье съ зади, потому что тутъ все свои.

— „Я къ вамъ посовѣтоваться пріѣхала“, сказала Сер. Кар., граціозно взявъ чашку съ чаемъ своей прелестной ручкой, на которой была натянута голубинькая перчатка.

— „Объ чемъ бы это, напримѣръ?—спросилъ отецъ, дуя на блюдечко.

— „Я хочу замужъ итти“.

— „Ну чтожъ, съ Богомъ! Это дѣло хорошее“, сказалъ Кар. Кар. „Это лучше“... и замолчалъ.

Маменька покачала головой и скрестила на груди руки въ знакъ удовольствія.

— „А за кого бы это напримѣръ“, спросилъ К. К.

Молодая вдова разсказала все дѣло и спросила ихъ совѣта.

— „Ты, помни, Серафима, что ты отрѣзанный ломоть, я тебѣ больше денегъ не дамъ; такъ ты смотри не проживи деньги-то“, (сказалъ К. К. Мать подтвердительно кивнула головой и прибавила:—Ишь-ты этотъ молодой; поди и дѣти будутъ“) [2]).

— „Кудажъ мнѣ прожить деньги?“

— „А вотъ онъ мелкимъ бѣсомъ разсыпится, да пожалуй и выманитъ у тебя деньги-то. Вѣдь онъ мужъ тебѣ будетъ, а не чужой, всякій способъ найдетъ, какъ у тебя деньги-то выманить“, замѣтилъ К. К., подвигая двумя пальцами чашку и тѣмъ обнаруживая желаніе выпить еще.

— „Неужели же мужчины могутъ любить только изъ денегъ“, сказала С. К. и задумалась.

— „А ты думала какъ?“—возразилъ отецъ. „Ужъ это порядокъ извѣстный. Я этотъ народъ знаю“.

— „Да я ему и не дамъ денегъ“,—сказала прекрасная вдова, выдя изъ задумчивости и взявъ налитую чашку.

— „Ну и ладно. Ты поступай, какъ я тебя училъ“.

— „Конечно, что я дура, чтоль?“

— „А вотъ и у насъ скоро сватьба“, сказалъ отецъ. „Матрену въ саду съ приказчикомъ застали, такъ хочу повѣнчать. Тысячу рублей ему денегъ и сватьба на мой счетъ“.

---

[1]) Тоже.

[2]) Написано все на поляхъ, до слова „головой“ чернилами, остальное карандашомъ.

— „Тебѣ бы только бражничать“, замѣтила жена.

— „Ты молчи, ты ничего не знаешь. Я хочу, чтобъ она чувствовала. Третью племянницу такъ отдаю. Я всей роднѣ благодѣтель“.

Долго бесѣдовали они за чаемъ о разныхъ семейныхъ дѣлахъ, строго приказывали дочери узнать о женихѣ; не мотъ ли онъ, не пьяница ли, не игрокъ ли, имѣетъ ли состояніе и каково служитъ. Узнавъ все это, и если онъ окажется совершенно хорошимъ человѣкомъ, съѣздить къ какой-то ворожеѣ и спросить: будетъ ли она счастлива съ рабомъ такимъ-то? Выслушавъ назидательные совѣты родителей и распростившись съ ними, С. К. поѣхала домой.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

Отрывокъ изъ „Грозы“.

(По рукописи № 3097, листы 3—7.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ Дикóва.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Борисъ и Шапкинъ.

Шапкинъ.

Ну прощай братъ!

Борисъ.

Прощай! Сестрѣ поклонись.

Шапкинъ.

Поклонюсь. А ты самъ [1]) то скоро-ли [2]) въ Москву?

Борисъ.

Я не знаю. Я теперь весь въ рукахъ у дяди, какъ ему вздумается, такъ и отпуститъ.

Шапкинъ.

Да что у васъ съ нимъ за дѣла?

---

[1]) Надписано сверху.
[2]) Зачеркнуто.

Борисъ.

Дѣла, (братъ Шапкинъ) [1]), мудреныя, мой другъ. Бабушка у насъ (Анфиса Михайловна была женщина стараго вѣку, дѣтей не отдѣляла до самой смерти, а и всего-то было у ней два сына: батюшка да дядя, Савелъ Прокофьичь. Батюшку-то она не любила, за то что онъ женился, противъ ея воли на благородной. По этому случаю батюшка съ матушкой и жили въ Москвѣ. Матушка одной недѣли не могла ужиться съ родней, ужъ очень ей здѣсь дико показалось. [Батюшка комиссіями занимался разными и жили поря] [1]) дочно и насъ съ сестрой воспитывали [насъ хорошо] [2]) по дворянски [1]), ничего не жалѣли [3]). Отдали меня въ Коммерческую Академію а сестру въ пансіонъ, да оба и умерли вдругъ въ холеру; мы сиротами и остались. Потомъ мы слышимъ, что и бабушка умерла здѣсь и оставила завѣщаніе, чтобъ дядя намъ выплатилъ часть, какую слѣдуетъ, когда мы придемъ въ совершеннолѣтіе, только съ условіемъ.

Шапкинъ.

Съ какимъ-же?

Борисъ.

Если мы будемъ къ нему почтительны.

Шапкинъ.

Это значитъ, что вамъ никогда наслѣдства не видать.

Борисъ.

Нѣтъ этого мало! Онъ прежде наломается надъ нами, наругается всячески, какъ его душѣ угодно, а кончитъ все-таки тѣмъ, что недастъ ничего или такъ какую-нибудь малость, да и то скажетъ, что изъ милости далъ, что и этаго бы не слѣдовало. Вотъ что братъ, вотъ какъ у насъ дѣлается. Опять ты то возьми, какъ бы я не былъ къ нему почтителенъ, ктожъ ему запретитъ сказать, что я непочтителенъ. Онъ ужъ теперь поговариваетъ иногда: „у меня свои дѣти, за что я чужимъ деньги отдамъ; черезъ это я своихъ обидѣть долженъ“.

---

[1]) Надписано сверху.

[2]) Зачеркнуто.

[3]) Первоначально читалось такъ: „матушка одной недѣли не могла ужиться съ родней, ужъ очень ей здѣсь дико показалось. Воспитывали насъ хорошо, ничего не жалѣли“. Но прежде чѣмъ писать дальше, авторъ поправилъ написанное, какъ указано нами.

Шапкинъ.

Да плохо твое дѣло.

Борисъ.

Кабы я одинъ, такъ бы ничего, а то сестру жаль. Онъ было ужъ ее сюда выписывалъ, да, слава Богу, дѣло обошлось; матушкины родные написали ему, что она больна и ѣхать не можетъ. Ну а надо мной-то ужъ онъ издѣвается, какъ хочетъ.

Шапкинъ.

Какъ же ты у него живешь, на какомъ положеніи?

Борисъ.

Да ни на какомъ. Живи, говоритъ, у меня, дѣлай, что прикажутъ, а жалованья, что положу. То-есть черезъ годъ онъ разочтетъ, какъ ему будетъ угодно. У него всѣ такъ живутъ; никто и пикнуть не смѣетъ о жалованьи; а то онъ изругаетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ. Онъ всѣмъ говоритъ: „почемъ ты знаешь, что я на умѣ держу? Нешто ты мою душу можешь знать? А можетъ я вдругъ приду въ такое расположеніе, что тебѣ 5000 дамъ“. Только еще онъ во всю свою жизнь ни разу въ такое расположеніе не приходилъ.

Шапкинъ.

Чтожъ, братъ, дѣлать! Старайся угождать какъ нибудь.

Борисъ.

Да въ томъ-то и дѣло, что никакъ не возможно. На него и свои-то, домашніе, никакъ угодить не могутъ, а ужъ гдѣжъ мнѣ. Никакъ нельзя къ характеру-то его примѣниться. У него вся [1]) (дѣла) [2]) жизнь [3]) на ругательствѣ основаны. А ужъ пуще всего изъ-за денегъ, ни одного разсчета безъ брани не обходится, такъ что всякій радъ отъ своего отступиться, только бы онъ унялся. А если увидитъ, что просить чего-нибудь у него хотятъ, такъ, такъ нарочно изъ своихъ на кого-нибудь накинется, кто подъ руку попался, чтобы разсердиться; ужъ онъ знаетъ, что когда онъ сердится, къ нему никто не подойдетъ. А бѣда, какъ его по утру кто нибудь разсердитъ! Цѣлый день ходитъ надувшись и ко всѣмъ придирается. Тетка каждое утро такъ и умоляетъ

---

[1]) Исправлено изъ „всѣ“.
[2]) Зачеркнуто.
[3]) Надписано сверху.

всѣхъ въ домѣ: „батюшки не разсердите! Голубчики не разсердите!“ Кому охота его сердить, да остеречься-то никакъ нельзя. Кабы онъ все [1]) дома сидѣлъ, все бы какъ нибудь ублажить его можно, а то ходитъ по базару да по лавкамъ. А ужъ какъ попалъ на базаръ, такъ кончено. Хоть мужикъ въ убытокъ себѣ проси, а у него ужъ все и душегубецъ и разбойникъ и грабитель [2]).

Шапкинъ.

Одно слово—воинъ.

Борисъ.

Да еще какой воинъ-то. Нѣтъ, а вотъ бѣда-то, когда его разсердитъ [1]) обидитъ [3]) такой человѣкъ, котораго онъ обругать не смѣетъ; тутъ ужъ домашніе держись. Какъ-то его на Волгѣ на параходѣ гусаръ обругалъ. Боже мой! что это было! Какъ левъ пріѣхалъ; двѣ недѣли всѣ прятались, кто на чердакѣ, кто по чуланамъ.

Шапкинъ.

Я бы братъ на твоемъ мѣстѣ бѣжалъ безъ оглядки отсюда.

Борисъ.

И я бы бѣжалъ, да сестру жаль. Если дядя ее и обидитъ, такъ по крайней мѣрѣ я буду знать, что не по моей винѣ это сдѣлалось. А вѣдь можетъ быть и смилуется, когда-нибудь смертный часъ вспомнитъ. Да и еще есть причина, отъ чего мнѣ не хочется уѣзжать отсюда

Шапкинъ.

Что, ужъ не влюбленъ ли ты?

Борисъ.

Да.

Шапкинъ.

Здѣсь, говорятъ, на счетъ этаго хорошо. Здѣсь дѣвушк(и)амъ, говорятъ, (живутъ очень) [1]) полная [3]) свобода [4]). Гуляютъ себѣ по ночамъ съ парнями, [обнявшись, и никому

---

[1]) Зачеркнуто.

[2]) Потомъ исправлено такъ: „а онъ ужъ всетаки и душегубцемъ и разбойникомъ и грабителемъ обругаетъ“.

[3]) Надписано сверху.

[4]) Исправлено изъ „свободно“.

до этаго дѣла нѣтъ] [1]), у каждой есть предметъ, и родители не обращаютъ [на это] [2]) вниманія. За то ужъ женщины замужнія [1]), кромѣ церкви, да развѣ къ роднымъ въ гости и не показываются никуда.

Борисъ.

[А я влюбленъ въ женщину] [2]) То-то и горе мое.

Шапкинъ.

Такъ она замужемъ?

Борисъ.

Замужемъ.

Шапкинъ.

Надо бросить.

Борисъ.

Легко сказать: бросить!

Шапкинъ.

Помилуй вѣдь ты ее погубишь; ее со свѣта сживутъ, хоть живая въ могилу ложись.

Борисъ.

Сохрани Господи! Нѣтъ я не погублю ее, сохрани Господи! Мнѣ бы только видѣть ее, мнѣ больше ничего не надо.

Шапкинъ.

За себя нельзя ручаться, ты еще молодъ очень. [Ты только подумай, что можетъ выдти изъ этаго. Здѣсь какой народъ-то самъ знаешь. Съѣдятъ,—въ гробъ вгонятъ] [3]).

Борисъ.

Нѣтъ, не говори, сдѣлай милость, не говори! Я и виду не подамъ никакого, а буду издали любоваться на нее.

Шапкинъ.

А какъ она замѣтитъ, что ты любуешься на нее, да сама тебя полюбитъ?

---

[1]) Надписано сверху.
[2]) Зачеркнуто.
[3]) Судя по почерку и расположенію строкъ, поставленное въ скобки написано потомъ, когда уже дальнѣйшая реплика или хоть только слово „Борисъ“ было написано.

Борисъ.

Можно съ ума сойти, можно помѣшаться отъ такого счастья.

Шапкинъ.

Вотъ видишь ли.

Борисъ.

Да нѣтъ этаго никогда быть не можетъ. [Объ этомъ и мечтать даже нельзя] [1]).

Шапкинъ.

Отъ чего же?

Борисъ.

Ихъ семейство у насъ считается самымъ благочестивымъ въ городѣ. Всѣ въ примѣръ ставятъ. Свекровь ея женщина самой строгой жизни и весь домъ такъ держитъ. А она, кажется, богомольнѣе всѣхъ. Боже мой, какъ она молится! (Какая у нея) [1]) на лицѣ улыбка, ангельская, [въ это время] [2]), точно она хочетъ улетѣть на небо, а слезы такъ и бѣгутъ по лицу.

Шапкинъ.

Гдѣ же ты видаешь ее?

Борисъ.

Въ церкви, на бульварѣ, у нихъ былъ разъ съ дядей. Только здѣсь въ гости другъ къ другу ходятъ разъ много два въ годъ.

Шапкинъ.

Ты говорилъ съ ней?

Борисъ.

Говорилъ.

Шапкинъ.

Объ чемъ же?

Борисъ.

Разумѣется о пустякахъ. Она меня все про сестру спрашивала, просила чтобы, когда я стану писать сестрѣ, кланялся отъ нея. Говорила, что еслибъ сестра моя была здѣсь, такъ она бъ ее очень любила. Раза три говорила это. И

---

[1]) Поставленное въ скобкахъ, судя по почерку и расположенію строкъ, прибавлено потомъ.

[2]) Надписано сверху.

вотъ недавно встрѣтились, такъ опять тоже: „кабы я знала вашу сестру, я бы ее очень любила.

Шапкинъ.

Тѣмъ, должно быть, у васъ и кончится.

Борисъ.

Должно быть.

Шапкинъ.

Ты, когда будешь писать намъ въ Москву, пиши и объ этомъ, любопытно знать, чѣмъ это у васъ кончится.

Борисъ.

Хорошо, буду писать.

Шапкинъ.

Что это за чудакъ.

Борисъ.

Это [лучшій человѣкъ въ городѣ] [1] [у насъ такой добрѣйшій, милый человѣкъ] [2], добродѣтельный человѣкъ, здѣшній мѣщанинъ, Мардарій Лукичъ Кулигинъ.

Шапкинъ.

Чѣмъ же онъ занимается?

Борисъ.

(Само) [1]. Часы дѣлаетъ, починиваетъ всѣмъ, [на весь уѣздъ, а что нажилъ, ничего. Краски составляетъ] [2], машины поправляетъ и все самоучкой. Мы съ нимъ гуляемъ по вечерамъ, онъ, какъ ребенокъ, все восхищается здѣшними видами, хотя знаетъ ихъ съ самаго рожденія. Поетъ своимъ дребезжащимъ голосомъ старинные романсы.

Шапкинъ.

Однако я заговорился съ тобой, а мнѣ пора ѣхать.

Борисъ.

Подождемъ немного, вотъ скоро отъ вечерни народъ пой-

---

[1]) Зачеркнуто.
[2]) Надписано сверху.

детъ, хочется взглянуть на нее, [когда она пойдетъ домой; такого случая нескоро дождешься!] [1]).

Шапкинъ.

Ну подождемъ. (подходятъ къ Кулигину).

Явл.

Тѣ же и старухи.

(Разговоръ старухъ о благолѣпіи) [2]).

Борисъ.

Вотъ какъ хвалятъ нашъ городъ. Значитъ, есть люди, которымъ и здѣсь хорошо, а я все не могу привыкнуть.

Кулигинъ.

И непривыкнете.

Борисъ.

Отъ чего же?

Кулигинъ.

Жестокіе, сударь [3]), нравы въ нашемъ городѣ, жестокіе! Мы бѣдные мѣщане грубѣемъ отъ бѣдности, коснѣемъ въ нищетѣ и въ порокахъ! [Родимся въ бѣдности, умираемъ въ бѣдности и дѣтей воспитываемъ въ бѣдности. Кора на насъ выростаетъ, сударь, кора!] И [никогда намъ] [4]) не выбиться намъ изъ бѣдности [4]) [этой коры] [3]), потому что никогда честнымъ трудомъ [не дадутъ намъ] [3]) не [4]) заработать (намъ)[5]) больше насущнаго хлѣба. А [3]) богатые [наши купцы, сударь], [3]) на что употребляютъ свое богатство, свое могущество? [Да, сударь, могущество: съ деньгами они все могутъ] [6]). Вы думаете на пользу обществу? Нѣтъ, [сударь, нѣтъ!] [3]) На то, чтобы еще больше сжать насъ, закабалить насъ да на наши труды кровавые еще больше денегъ наживать. [Вотъ спро] [4]) Знаете [3]), что вашъ дядюшка Савелъ Прокофьичъ Городничему отвѣчалъ? Къ Городничему мужики пришли жаловаться, что

---

[1]) Судя по почерку и расположенію строкъ, поставленное въ скобки написано потомъ.

[2]) Самаго разговора въ настоящей рукописи нѣтъ.

[3]) Надписано сверху.

[4]) Зачеркнуто.

[5]) Слово „намъ“ было надписано сверху, но потомъ зачеркнуто.

[6]) Поставленное въ квадратныя скобки написано внизу страницы.

онъ ни одного изъ нихъ путемъ неразсчитаетъ, Городничій ему и сталъ говорить: „послушай, говоритъ, Савелъ Прокофьичъ, разсчитывай ты мужиковъ хорошенько, каждый день ко мнѣ съ жалобой ходятъ! Дядюшка вашъ потрепалъ Городничаго по плечу, да и говоритъ: „стоитъ-ли Ваше Высокоблагородіе объ этихъ пустякахъ разговаривать! Я то недоплачу какіе-нибудь копѣйки, а у меня составляются изъ нихъ тысячи, онъ [1]) вотъ они гармонію и составятъ съ тѣми, что у меня въ карманѣ-то“. Конечно не всѣ такіе, а много, охъ много, сударь и такихъ. [А награбивши съ насъ денегъ-то на разные [1]) богоугодныя дѣла и жертвуютъ, да за это разныя милости получаютъ. И чѣмъ больше, сударь, милостей онъ получаетъ, тѣмъ больше сердце его черствѣетъ [2]) ожесточается [2]) и все безжалостнѣй къ бѣдному народу дѣлается и сдѣлается онъ какъ волкъ несытый въ овечьемъ стадѣ] [3]). А какъ наши [2]) богатые-то между собой-то живутъ! Торговлю другъ у друга подрываютъ, и не столько изъ корысти, сколько изъ зависти. Враждуютъ другъ на друга; [на бѣду ближняго смотрятъ [1]) топятъ да и глядятъ съ злорадствомъ, какъ онъ тонетъ, нѣтъ, чтобы помочь] [3]). Залучаютъ въ свои высокіе хоромы пьяныхъ приказныхъ, такихъ, сударь, приказныхъ, что и лица [1]) (виду-то) [2]) человѣческаго на нихъ [4]) немъ [2]) нѣтъ; обличье-то человѣческое потеряли; а тѣ имъ за малую благостыню на гербовыхъ листахъ злостныя кляузы строчатъ на ближнихъ. И начнется у нихъ, сударь [2]), судъ и дѣло, [и несть конца мученіямъ] [2]). Судятся, судятся здѣсь да въ Губернскій городъ поѣдутъ, [а тамъ приказные отъ радости руками всплещутъ] [5]). Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается, а [2]) особенно тяжебное; водятъ ихъ—водятъ, волочатъ ихъ волочатъ; а они еще и рады этому волоченью, того только имъ и надобно. „Я, говоритъ, потрачусь; да ужъ и ему станетъ въ копейку“. Хотѣлъ я, сударь, все это стихами изобразить, да боюсь—съѣдятъ, живаго проглотятъ, сударь. Извините, что наболталъ много! Что дѣлать, сударь; знаю, что вредъ мнѣ эта болтовня, а немогу, люблю разговоръ разсыпать. Прощайте! (Кланяется и отходитъ). Только бы мнѣ перпе-

---

[1]) Зачеркнуто.
[2]) Надписано сверху.
[3]) Поставленное въ квадратныя скобки написано на поляхъ.
[4]) Слово „нихъ“ подчеркнуто волнистой чертой, знакъ, что оно должно быть оставлено.
[5]) Написано на поляхъ.

тумъ-мобиль найти, я бы съ вами поговорилъ. Англичане милліонъ даютъ за это! (*Уходитъ.*)

[Борисъ (*указывая*).

Смотри! Идутъ.

Шапкинъ.

Эта, что спереди съ дѣвушкой рядомъ?

Борисъ.

Да, да.

Шапкинъ.

Ну, братъ, [нечего сказать, хороша] [1]) [въ эту можно [1]) какъ не влюбиться!][2] (Входятъ съ права Кабанова, Кабановъ, Катерина и Варвара.

Явл.

. . . . . .

Борисъ.

Вотъ теперь ты самъ видѣлъ, такъ можешь судить, виноватъ ли я, что люблю ее. (*Кланяется Кабановымъ*)] [3]).

Шапкинъ.

Ну прощай братъ, мнѣ пора.

Борисъ.

Пойдемъ я тебя провожу. (*уходятъ*).

---

1) Зачеркнуто.
2) Надписано на поляхъ.
3) Все поставленное въ квадр. скобки, начиная со словъ Бориса: „Смотри идутъ“, зачеркнуто.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе . . . . . 7—9
I. „Семейная картина“ („Исковое прошеніе“) . . . . . 11—13
II. „Свои люди—сочтемся“ . . . . . 13—48
III. „Бѣдная невѣста“ . . . . . 48—135
IV. „Не въ свои сани не садись“ . . . . . 135—165
V. „Бѣдность не порокъ“ . . . . . 165—193
VI. „Не такъ живи, какъ хочется“ . . . . . 193—235
VII. „Въ чужомъ пиру похмѣлье“ . . . . . 236—263
VIII. „Не сошлись характерами“ . . . . . 263—277
IX. „Воспитанница“ . . . . . 278—325
X. „Гроза“ . . . . . 325—361
XI. „Старый другъ лучше новыхъ двухъ“ . . . . . 362—364
Общіе выводы . . . . . 365—367

Приложенія:

I. „Исковое прошеніе“ . . . . . 371—398
II. Двѣ народныя пѣсни . . . . . 399—400
III. „Не сошлись характеромъ“ . . . . . 401—410
IV. Отрывокъ изъ „Грозы“. (Дѣйствіе I) . . . . . 411—420

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00003012420